ISSN: 2687-0193

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

IR SCIENTISTS' HERALD

№4, 2025 (32)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, начальник Центра актуальных международных проблем ИМИ МГИМО (У) МИД России, заведующий кафедрой государственного управления Дипломатической академии МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Сидорова Галина Михайловна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры дипломатии Дипломатической академии МИД России, профессор Московского государственного лингвистического университета (ИНЯЗ им. Мориса Тореза), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, эксперт Российской академии наук по политическим и международным проблемам

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры МЭО и внешнеэкономических связей Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладного анализа международных проблем Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета

Комлева Валентина Вячеславовна, доктор социологических наук, профессор, главный редактор журнала «Россия: общество, политика, история», зам.

главного редактора журнала «Россия и мир: научный диалог», директор центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Дипломатической академии МИД России

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политической теории Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры МЭО и внешнеэкономических связей Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор ИНИОН РАН

Хасанова Асия Шамильевна, доктор экономических наук, профессор кафедры политической экономии и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, заслуженный деятель науки Республики Татарстан (Москва)

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулепов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
"IR SCIENTISTS' HERALD"

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Head of the Institute of Current International Issues, Honored Worker of Science of the Russian Federation

DEPUTY CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Galina Sidorova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Moscow State Linguistic University (Maurice Thorez Institute of Foreign Languages), Leading Researcher of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, expert of the Russian Academy of Sciences on political and international problems.

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglobov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Asiya Khasanova, Doctor of Economics, Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan (Moscow)

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science)

Lidiya Grishaeva Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Theory of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of Department of Applied Analysis of International Problems of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of the IER and External Economic Ties of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Valentina Komleva, Doctor of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal «Russia: Society, Politics, History», Deputy Editor-in-Chief of the journal «Russia and the World: Scientific Dialogue»

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the IER and External Economic Ties of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал **«Вестник ученых-международников»** издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),

5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер **ISSN: 2687-0193**

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, д. полит.н., к.эк.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

А.Ж. Мартиросян – редактор, к.юр.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н., редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

С.А. Агуреев – редактор, к.ист.н.

И.В. Красневич – редактор, к.филол.н.

А.Н. Захаров – младший редактор

С.В. Гончаров – младший редактор

И.И. Галимов – младший редактор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер **ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019** (предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Doctor of Political Science

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.J. Martirosyan – Editor, Ph.D. (Law)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

S.A. Agureev – Editor, Ph.D (Historical Science)

I.V. Krasnevich – editor, Ph.D. (Philological Science)

A.N. Zakharov – Junior Editor

S.V. Goncharov – Junior Editor

I.I.Galimov – Junior Editor

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL№FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

e-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Пантелеев Е.А. Образ современного Пакистана сквозь призму внешней политики **12**

Зверева Т.В., Сафонова С.О. Особенности современных итало-ливийских отношений (на примере дела генерала Аль-Масри) **28**

Иванов О.П., Чапаева Н.А., Алиев С.Ф. Американская стратегия сдерживания КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе **53**

Забелла А.А., Каткова Е.Ю., Сидоров Д.А. «Большая игра» XXI века: соотношение сил РФ, КНР и США в Центральной Азии **69**

Ногмова А.Ш. Теоретико-методологические и правовые основы приграничного сотрудничества России **97**

Нафиков И.З. Турецкая стратегия использования прокси-сил в региональной политике: кейсы Сирии и Ливии **116**

Овсянникова О.А. Блоковые системы и их роль в развитии современных мировых политических процессов **132**

Кондрашова С.Д. Фактор Китая в отношениях Сербии и ЕС **153**

Саканин Р.А. Пересечение стратегических интересов Италии и Китая в Африке: конкуренция, вызовы и перспективы **175**

Гребенщикова Д.Е. Медиапространство как среда конструирования политических образов: специфика немецкоязычного медиаполя **184**

Моховикова М.Н., Гасилова С.А. Взаимодействие России и Узбекистана в миграционной сфере в 2020–2025 годах **212**

Герасимов Д.Ю. Новая стратегия национальной безопасности США: контекст, преемственность и новизна **221**

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Гришин Я.Я., Летяев В.А. Денацификация 1945–1949 гг.: сравнительный анализ практик в советской и западных зонах оккупации Германии (по документам архивов внешней политики России) **241**

Агуреев С.А., Болтаевский А.А. Из истории португальской колонии на острове Цейлон (Шри-Ланка): особенности культурного влияния **268**

Сафонов А.С. Американо-иранские отношения в условиях обострения ближневосточного конфликта (2023–2024 гг.) **279**

Галимов И.И. Миграционная политика Османской империи в период Балканских войн 1912–1913 гг. **292**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Шуршакова А.А. Трансформация политической стратегии партии «Грузинская мечта»: анализ суверенно-консервативного дискурса и его электоральной эффективности в 2022–2025 гг. **306**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Хориняк В.В., Ордин А.В., Вильданов Р.Р. SD-WAN как ключевой элемент формирования комплексной кибербезопасности в государствах − членах ЕАЭС **323**

Канцеров К.В. Внедрение цифровых технологий в правоохранительную деятельность как фактор углубления межгосударственного сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан по противодействию преступности **338**

Лекомцева Д.А. Защита персональных данных в цифровой среде: практика ЕСПЧ **351**

Куликов А.М. Скрытые субсидии в практике ведущих государств и их соответствие нормам Всемирной торговой организации: международно-правовой анализ **361**

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА
РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Доценко Е.Ю., Ездина Н.П. Проблемы перехода России к модели циркулярной экономики **373**

Волкова К.С. Вклад бюджетной и денежно-кредитной политики в достижение целей национального проекта «Технологическое лидерство» **385**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Доценко Е.Ю., Ездина Н.П., Шавина Е.В. Сотрудничество бизнеса и государственных структур в решении кадровых проблем России **399**

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Борисенко С.А. Греция под тенью османов: исторические обоснования постколониальной рефлексии **412**

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ **430**

CONTENT

INTERNATIONAL RELATIONS

Panteleev E.A. An image of modern Pakistan thorough the prism of foreign policy **12**

Zvereva T.V,, Safonova S. O. Specifics of contemporary Italian – Libyan relations (exemplified by the Almasri case) **28**

Ivanov O.P., Chapaeva N.A., Aliev S. F. American containment strategy toward China in the Asia-Pacific region **53**

Zabella A.A., Katkova E.Y., Sidorov D.A. "The Great Game" of the 21st Century: Russia, China, and U.S. Power Dynamics in Central Asia **69**

Nogmova A.S. Theoretical, Methodological, and Legal Foundations of Russia's Cross-Border Cooperation **97**

Nafikov I.Z. Turkish Strategy of Using Proxy Forces in Regional Policy: the Cases of Syria and Libya **116**

Ovsyannikova O. A. Block Systems and their Role in the Development of Modern Global Political Processes **132**

Kondrashova S.D. The China Factor in Serbia – EU Relations **153**

Sakanin R. A. Italy-China Competition for Influence in Africa: Strategic Analysis And Policy Implications **175**

Grebenshchikova D.E. Media Space as an Environment for the Construction of Political Images: the Specificity of the German-Language Media Field **184**

Mokhovikova M.N., Gasilova S.A. Interaction between Russia and Uzbekistan in the Field of Migration in 2020–2025 **212**

Gerasimov. D.Y. The New US National Security Strategy: Context, Continuity, and Innovation **221**

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGH POLICY

Grishin I.Ia. Letiaev V.A. Denazification, 1945–1949: A Comparative Analysis of Practices in the Soviet and Western Zones of Occupied Germany (Based on Documents from Russian Foreign Policy Archives). **241**

Agureev S.A., Boltaevsky A. A. From the History of the Portugese Colony on the Island Of Ceylon (Sri Lanka): features of cultural influence **268**

Safonov A. S. US – Iranian Relations in the Context of the Worsening Middle East Conflict (2023–2024) **279**

Galimov I.I. The Ottoman Empire's Migration Policy during the Balkan Wars of 1912–1913 **292**

POLITICAL PROCESSES, INSTITUTIONS, AND TECHNOLOGIES

Shurshakova A.A. Transformation of the Political Strategy of the Georgian **306**

Dream Party: Analysis of the Souvereign-Conservative Discourse and its Electoral Effectiveness in 2022-2025

INTERNATIONAL LAW

Vyacheslav V. Khorinyak V.V., Ordin A.V., Vildanov R.R. SD-WAN as a Key Element in Building Comprehensive Cybersecurity in the Member States of the EAEU **323**

Kantserov K.V. Introduction of Digital Technologies into Law Enforcement as a Factor in Deepening Interstate Cooperation Between Russian Federation And Republic of Kazakhstan in Countering Crime **338**

Lecomtseva D.A. Personal Data Protection in a Digital Environment: ECHR Practice **351**

Kulikov A.K. Covert Subsidies in the Practices of Leading Nations and their Compliance with World Trade Organization Norms: International Legal Analysis **361**

WORLD ECONOMY
REGIONAL AND INDUSTRIAL ECONOMY

Dotsenko E.Y, Ezdina N.P. Challenges of Russia's Transition to a Circular Economy Model **373**

Volkova K. S. Contribution of Fiscal and Monetary Policy to the Achievement of the Goals of the National Project “Technological Leadership”. **385**

PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

Dotsenko E.Y., Ezdina N.P., Shavina E.V. Cooperation between Business and Government Structures in Addressing Russia's Personnel Problems **399**

TRIBUNE FOR YOUNG SCIENTISTS

Borisenko S.A. Greece in the Shade of the Ottomans: Historical Rationales for Postcolonial Reflexivity **412**

FOR THE AUTHORS **430**

Пантелеев Евгений Александрович,
кандидат экономических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2 класса,
заместитель директора департамента,
МИД России.
E-mail: epanteleev@mid.ru

Evgeny A.Panteleev,
PhD in Economics,
Envoy Extraordinary and Plenipotentiary, 2nd class,
Deputy Director of the Department,
MFA of Russia.
E-mail: epanteleev@mid.ru

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ПАКИСТАНА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ[1][2]

AN IMAGE OF MODERN PAKISTAN THOROUGH THE PRISM OF FOREIGN POLICY

Аннотация: статья посвящена актуальным аспектам внешней политики Пакистана. Рассматриваются страновые и сущностные приоритеты, сравниваются стереотипные подходы к восприятию страны на международной арене и особенности современной внешнеполитической практики властей Исламабада.

Ключевые слова: современный Пакистан, стереотипы, реалии, парадоксы, многовекторность внешней политики.

Abstract: the article is devoted to relevant aspects of Pakistan's foreign policy within its geographical and substantive priorities. The stereotypical approaches to the international perception of the country are compared with the current foreign policy practices of the Islamabad authorities.

Keywords: modern Pakistan, stereotypes, reality, paradoxes, multi-vector foreign policy.

1Автор выражает благодарность 2ДА, 1ДСНГ и Департаменту кадров МИД России, коллективу Посольства России в Пакистане и лично Чрезвычайному и Полномочному Послу А.П. Хореву за возможность работы над данной статьей.

[2] Статья опубликована в авторской редакции.

Введение

В эпоху глобальных сдвигов и системных перемен текущая хроника международных событий всё чаще содержит многообразные сообщения и картинки о применении государствами силы для утверждения собственных позиций в региональных конфликтах и пограничных спорах. В 2025 году, несмотря на постоянное сосредоточение внимания мировой общественности преимущественно на событиях вокруг сектора Газа и украинского кризиса, в новостных лентах дважды на коротких временных дистанциях рельефно фигурировал Пакистан. И если майское столкновение с Индией традиционно выглядело как продолжение одного из последствий пострадовых травм по итогам появления самостоятельных государств на осколках британской колониальной империи, то октябрьское обострение на пакистано-афганской границе удивило немало искушенных наблюдателей.

Между тем в российской востоковедческой науке коллективными усилиями уже поставлена задача объективно оценивать проблемы и достижения Пакистана, сформулирован тезис о необходимости воздерживаться от основанных на стереотипах мнений об этой южноазиатской исламской республике (пример тому – коллективная монография «Современный Пакистан: за рамками стереотипов») [**1**].

Сложившийся образ страны на международной арене базируется на реалиях, с которыми пакистанцы жили с момента независимости и сталкиваются поныне: территориальные споры с соседями, наркотрафик, терроризм, сепаратизм, оргпреступность, примат военных, бедность. Во внешней политике линия Исламабада чаще всего ассоциируется с проамериканскими региональными альянсами, жесткой антииндийской позицией и однобоким креном в сторону Пекина.

С другой стороны, даже при первом приближении бросается в глаза следующее: отношения с Вашингтоном на протяжении их развития претерпевали многочисленные кардинальные повороты; Китай, будучи

источником технологий военного и двойного назначения, никогда формально не был военным союзником Пакистана; солидный фундамент наших двусторонних отношений, вопреки некоторым мнениям, был заложен еще при СССР. В экономике страны, несмотря на отсутствие ископаемых углеводородов, последствия нередких стихийных бедствий и хронический дефицит внешнеторгового баланса, наблюдается рост. Удовлетворяются базовые потребности населения, постепенно совершенствуется инфраструктура, а на рынке вооружений и военной техники Пакистан присутствует с некоторых пор и в качестве экспортера[3]. Отдельно следует отметить тот не всегда подсвечиваемый факт, что Исламабад активнее многих других членов мирового сообщества направляет контингенты для участия в миротворческих операциях под эгидой ООН [**2**]. В общем, представляется небезынтересным несколько пристальнее взглянуть на реалии современного Пакистана, особенно с их проекцией на внешнеполитическое измерение.

Китай

Общеобразовательный шаблон отечественного специалиста-международника применительно к пакистано-китайским отношениям предполагает, что сближение двух государств определено интересами военно-политической конкуренции с Индией. Действительно, с самого начала (а в мае 1951 года Пакистан был третьей некоммунистической и первой преимущественно мусульманской страной, установившей дипотношения с КНР) в основе «всепогодного», как говорят в обеих столицах, стратегического партнерства и сотрудничества лежало, с одной стороны, намерение Исламабада контрбалансировать влияние Индии в регионе. Пекин же, со своего угла, уже семь десятилетий назад рассматривал намечающийся альянс с более далеким прицелом – как возможный путь в Южную Азию и к исламскому миру [**3**]. Так что стереотип об «исключительной

3 В частности, заключен контракт на поставку в Азербайджан 42 истребителей JF-17 пакистанского производства на сумму 4,6 млрд долл. Источник: https://haqqin.az/news/363544 (дата обращения: 21.10.2025).

антииндийскости» пекинско-исламабадской связки не вполне применим уже давно[4].

Другое дело, что практическое наполнение стратегических задумок требует времени и ресурсов. Собственно экономическая составляющая в двухсторонних контактах до недавних пор и вправду не имела существенного значения. Исключение составляли становление и развитие при активном китайском содействии, как широко известно, военно-промышленного комплекса Пакистана и, что не столь публично подсвечивалось, ядерной энергетики. Отметим, что Китай, официально прекратив после присоединения к ДНЯО в 1992 году свое техсодействие в создании атомного оружия, развернулся в строительстве и расширении АЭС[5].

С началом реализации инициативы «Один пояс – один путь» вес Китая в пакистанских внешнеэкономических связях возрос еще более существенно. Стартовавшее в 2018 году строительство «экономического коридора» (КПЭК) оценочной стоимостью 62 млрд долл. [**4**] от Синьцзян-Уйгурского автономного района до принадлежащего КНР порта Гвадар (крупнейший в истории Пакистана инфраструктурный проект) привлекло в местную экономику поток инвестиций и технологий, а с ними – новые импульсы к развитию. Однако оно и породило в чем-то знакомые по сотрудничеству в ядерной сфере опасения из-за перспектив однобокой зависимости, неудобства привносимых деловых практик, дороговизны китайских кредитов, проблем с обеспечением безопасности приезжих специалистов и построенных объектов. Так или иначе, в первой четверти XXI века взаимный торговый оборот вырос более чем в 17 раз (с 1,3 млрд долл. в 2002 году до 23 млрд долл. в 2024 году), пусть и при почти трххкратном дисбалансе в пользу Китая в результате учреждения зоны

4 Примечательно, что и современные китайские исследователи открыто говорят о «геополитической дымовой завесе» и искусственно генерируемом внешними державами информационном шуме из-за опасений успеха незападной модели развития по линии «Юг – Юг». См., например, публикацию профессора Хуан Юньсуна: https://www.dawn.com/news/1952318 (дата обращения 31.10.2025).

5 Всего построено 7 энергоблоков, включая 3 «тысячника»; после завершения сооружения канадцами в 1971 году первого энергоблока АЭС «Карачи» мощностью 125 МВт, по сути, на монопольной основе.

свободной торговли в 2005 году (расширенная фаза II – в 2019 году). Актуальные показатели внешнеторгового сотрудничества, таким образом, подтверждают необходимость в целях объективности выйти за рамки шаблонного тезиса о «политизированности и военизированности» пакистано-китайских связей.

США

Что касается Соединенных Штатов, следование в фарватере их международного курса отнюдь не всегда, как можно было бы подумать, превалировало в пакистанской внешней политике. В силу различия веса и набора целей у сторон неизбежно возникали расхождения интересов. Так, то, что было периферийным для США, оказывалось экзистенциальным для Пакистана. Маятникообразные движения по сближению и расхождению в паре Исламабад – Вашингтон, как правило, коррелировали с глобальной и региональной конъюнктурой. Причем переходы к противоположным состояниям не всегда были плавными: например, от момента сожжения американского посольства в Исламабаде в 1979 году до щедрых предложений Вашингтона, превративших Пакистан в одного из крупнейших получателей американской помощи, прошло всего несколько лет [**5**]. Колебания в настроениях характерны для обеих сторон вплоть до сегодняшнего дня, когда можно констатировать появление взаимных реверансов, предполагающих наступление в пакистано-американских отношениях очередного «конфетно-букетного периода».

На ощутимый прогресс в Исламабаде начали рассчитывать в связи с возвращением в Белый дом президента Д. Трампа. Уже 4 марта 2025 года в его речи на совместном заседании палат Конгресса США прозвучала благодарность в адрес пакистанского правительства за арест террориста-«монстра», организовавшего взрыв во время эвакуационных мероприятий в аэропорту Кабула в августе 2021 года [**6**]. В мае 2025 года Д. Трамп заявил, что

поучаствовал в тушении разгоравшегося конфликта между Пакистаном и Индией и занес это в свой «список прекращенных войн».

Взаимные жесты благорасположения продолжились и в дальнейшем. 18 июня 2025 года впервые в истории американский президент принял на ланче в Белом доме военного лидера Пакистана А. Мунира, формально не являющегося главой государства. 20 июня 2025 года Правительство Пакистана сообщило (в современном стиле – через официальный аккаунт в соцсети «X») о решении официально выдвинуть Д. Трампа на Нобелевскую премию мира «в знак признания его решительного дипломатического вмешательства и основополагающего лидерства во время недавнего индо-пакистанского кризиса» [**7**]. Во время недели высокого уровня очередной сессии Генассамблеи ООН 25 сентября 2025 года состоялось посещение Белого дома главой пакистанской делегации, премьер-министром Ш. Шарифом [**8**]. На «саммите мира» в Шарм-эш-Шейхе 13 октября 2025 года Д. Трамп прервал свое выступление и предложил Ш. Шарифу публично озвучить сказанное ему в двухсторонней беседе накануне: пакистанец заявил, что вновь выдвигает лидера США на соискание Нобелевской премии мира за его усилия по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке.

В июле 2025 года США и Пакистан заключили торговое соглашение, предусматривающее снижение тарифов на пакистанский экспорт в обмен на совместные инвестиционные проекты в энергетике, добыче полезных ископаемых и минералов, включая редкоземы, информационных технологиях, криптовалютных расчетах и др. [**9**]. Некоторые пакистанские аналитики[6], напрямую вдохновляясь трампистской концепцией “America First”, призывают свое правительство во внешнеэкономической деятельности применить агрессивный протекционистский подход для защиты национального производства и экономического суверенитета (пока что тотальные запреты

6 В частности, Ш. Рана и К. Юсаф; цит. по https://tribune.pk.com/story/2571036/trumps-tariffs-offer-pakistan-a-roadmap (дата обращения 24.10.2025).

импорта и повышенные пошлины применяются пакистанскими властями точечно, как недавно в отношении пшеницы).

В целом, благодаря перебалансировке отношений с США, к концу 2025 года Пакистан, по отдельным оценкам местных наблюдателей, превзошел свои возможности в глобальной дипломатии. Вопрос в том, насколько Исламабаду удастся конвертировать преимущество от положения на стратегической высоте в осязаемые и устойчивые экономические выгоды в условиях, когда глобальная значимость Пакистана предопределена дипломатией обаяния и благосклонностью отдельных личностей, а не прочными институциональными связями [**10**]. Тем более что вне двусторонних мероприятий официальные лица США высказывают гораздо более выверенные оценки, как, например, госсекретарь М. Рубио на пресс-брифинге 25 октября 2025 года: возобновление взаимодействия по отстраиванию стратегического партнерства с Исламабадом не происходит за счет или вместо поддержания позитивных отношений с Индией или кем бы то ни было [**11**].

Индия

Если говорить о самом устойчивом и близком к реальности стереотипе о Пакистане, то наиболее точно под эту формулировку подходят, пожалуй, его проблемные отношения с соседней Индией. В сущности, это и не стереотип, а своего рода часть «духовной скрепы»: без противопоставления индуизму по религиозному принципу никакой собственной государственности у мусульманского населения колонизированного британцами Индостана не просматривалось. Обретение независимости частями Британской Индии в 1947 году сопровождалось, как известно, кровавыми межконфессиональными конфликтами, среди которых наиболее трагичные произошли в княжестве Джамму и Кашмир. С де-факто разделом его территорий многочисленные масштабные вооруженные столкновения и мелкие стычки на линии соприкосновения подогревали пакистано-индийское противоборство, которое приобрело, по сути, тотальный и всесторонний характер.

Любопытно, что в Пакистане отдают себе отчет в определенного рода отставании от Индии по части исторического обоснования собственных подходов к проблематике Джамму и Кашмира и стремятся это компенсировать. Так, при поддержке исламабадского Института стратегических исследований (ИИСИ) в этом году вышла в свет и широко презентована, в т.ч. в Великобритании и других странах, монография С. Султана «Джамму и Кашмир. Забытое повествование»[7]. На состоявшейся в ходе презентации книги в ИСИИ 21 октября 2025 года ощущалась сконцентрированность пакистанских представителей на связанных с вынужденной миграцией лишениях мухаджиров (беженцев с контролируемой индийцами территории бывшего княжества; их количество в результате четырех волн переселения оценивается в 1,6 млн чел.) [**12**]. Говорилось о притеснениях по религиозному признаку (вплоть до насильственной деисламизации) по ту сторону пакистанских восточных границ. Посол М. Хан оценил ситуацию спора между южноазиатскими соседями как одну из самых горячих в мире точек потенциального возгорания ядерного конфликта. В качестве идеальной модели разрешения противоречий озвучена идея подконтрольного международным структурам плебисцита по примеру уже прошедших в XXI веке подобных мероприятий в Восточном Тиморе и Южном Судане.

С учетом официальных подходов и бытующих в общественно-научной среде мнений, в силу значимости Джамму и Кашмира для обеих сторон, а также транзита Индии и Пакистана в статус де-факто ядерных государств представляется аксиоматичным и не подвергшимся эрозии вывод российских ученых-востоковедов об отсутствии практического решения в обозримом будущем кашмирской проблемы, как политического, так и тем более военного [**13**].

7 С. Султан насчитал 22 научные публикации по данной проблематике против 116 у индийцев.

Иран

Казалось бы, на контрасте с восточными рубежами западная и северо-западная части сухопутной границы не должны были бы вызывать беспокойства федерального центра, ведь там находятся государства собратьев по вере, а ислам, как и у Пакистана, прямо упоминается в их официальных названиях. В стереотипном и упрощенном видении неискушенного наблюдателя так бы оно и происходило, но не в данном конкретном случае, т.к. здесь необходимо учитывать наличие в исламе разных течений. В отличие от Ирана, в Пакистане шииты составляют меньшинство населения, пусть и с весомой долей (около 20 %). Однако относительно компактное проживание (в большинстве своем в Белуджистане) и позиции, занимаемые шиитами в федеральных силовых структурах, особенно в ВВС, привели к тому, что Пакистан, в отличие от большинства суннитских государств, не проявляет враждебности к Исламской Республике Иран (ИРИ). Причем с суннитскими противниками Ирана Исламабад выстраивает весьма тесные отношения, а Тегеран, несмотря на это, со своей стороны, в течение нескольких десятилетий поддерживает риторику культурной близости и братских связей между двумя государствами [**14**]. Из последних позитивных событий на двустороннем треке в публичное инфополе вынесены, в частности, договоренность об учреждении совместного комитета по приграничной торговле и начавшееся обсуждение вариантов открытия паромного сообщения между близлежащими иранскими и пакистанскими портами, строительства железнодорожной линии Исламабад – Тегеран – Стамбул [**15**], а также решение Минторга Пакистана частично упростить механизм проведения бартерных сделок с рядом стран, в т.ч. с Ираном [**16**]. Вместе с тем сухопутная граница (вначале – по иранской инициативе, а затем – при усилиях обеих сторон) при протяженности более 900 км оборудована бетонным стенозаграждением в целях борьбы с терроризмом и наркотрафиком.

Афганистан

Тезис о «духовном братстве» еще менее применим в отношениях Пакистана с Афганистаном. Историческая память, особенно о поддержке Исламабадом афганских моджахедов против советской «интернациональной помощи» и о роли Пакистана в формировании движения талибов, казалось бы свидетельствует в пользу такого стереотипа. Однако в более удаленной перспективе возникает проблема государственной границы (линию Дюранда от 1893 года ни одно из афганских правительств не признавало). Обстановка в приграничье стала особенно обостряться после возвращения талибов к власти в Кабуле в 2021 году. В 2024–2025 годах вооруженные столкновения приобрели более масштабный характер, а волна насилия в октябре 2025 года оценивается пакистанскими экспертами и журналистами как «самая ожесточенная» [**17**]. Нестабильность и непредсказуемость в отношениях между соседями ставили и ставят под вопрос множество важных экономических и логистических проектов – от строительства железнодорожных, автомобильных и газотранспортных коридоров из Центральной в Южную Азию до приграничной и транзитной торговли. Основная причина проблем (и тут впору говорить не о стереотипе, а о константе) – трансграничная активность многочисленных террористических группировок (запрещенных в РФ), особенно «Движения талибов Пакистана».

В самое последнее время в Исламабаде нередко усматривают в действиях нынешних афганских властей следы активности своего основного регионального противника. Там отмечают, что октябрьский всплеск напряженности произошел во время визита министра иностранных дел правительства афганских талибов А.Х. Муттаки в Индию, усматривают значительное изменение позиции Нью-Дели в отношении этого исламистского движения по принципу «враг моего врага – мой друг» [**18**]. Нарастание напряженности в течение нескольких лет и присутствие в этом индийского фактора подмечают и российские исследователи, в частности Н.А. Замараева

из Института востоковедения РАН. Она же обращает внимание на вызвавшее резкую реакцию МИД Пакистана высказывание А.Х. Муттаки относительно принадлежности Джамму и Кашмира [**19**]. В общем, пакистано-афганские противоречия глубоко укоренены, многослойны, обрастают новыми нюансами и не укладываются в какие-либо стереотипические рамки[8].

Новации в отношениях с другими странами

Новые импульсы и необыденные явления наблюдаются также во взаимоотношениях Пакистана со странами вне ближайшего окружения. Оживленные комментарии заинтересованных наблюдателей вызвало подписание 17 сентября 2025 года Стратегического соглашения о взаимной обороне между Исламабадом и Эр-Риядом. Сотрудник ИИСИ М.Т. Фахад-хан обратил внимание, что ранее неоднократное развертывание пакистанских вооруженных специалистов в интересах Саудовской Аравии происходило от случая к случаю и неформально с политической точки зрения; отныне же такое двустороннее военное сотрудничество выходит на новый уровень «формализованной стратегической оси». Причем факт неопубликования текста соглашения, по мнению исследователя, создает преднамеренную непрозрачность, позволяющую сторонам послать сильный сдерживающий сигнал, не связывая себя жесткими обязательствами [**20**]. Оборонный пакт, как полагают многие, послужит солидной основой для расширения многоплановых связей, включая экономические и торговые (об этом премьер-министр Пакистана Ш. Шариф заявил, в частности, на встречах с парламентской и бизнес-делегациями КСА 9 октября 2025 года) [**21**]. В экспертных кругах живо обсуждается идея создания пакистано-саудовского экономического коридора по образу и подобию аналогичного проекта с участием Китая (КПЭК) для выравнивания торгового дисбаланса за счет

8 Примечательно, что в цитируемой коллективной монографии Центра анализа стратегий и технологий (видимо, в силу значительной объемности материала) отсутствует специальный раздел по пакистано-афганским отношениям, а рассматриваются они сквозь призму партнерства Исламабада с США.

привлечения саудовских инвестиций в сельхозпроизводство Пакистана и более надежного обеспечения таким образом продовольственной безопасности королевства [**22**].

Оживляется сотрудничество Исламабада со странами АСЕАН, при этом преференциальные торговые соглашения и открытие прямого воздушного сообщения готовятся не только с «единоверцами» из Индонезии, но и с Вьетнамом [**23**]. Не вполне традиционным выглядит обозначившийся в последнее время интерес Пакистана к восточноевропейцам. При освещении визита вице-премьера/минидел Польши Р. Сикорского в октябре 2025 года в местных СМИ прямо говорилось об отсутствии глубоких исторических связей между двумя странами, зато событие подверстывалось под тезис о прагматичном расширении пакистанских дипломатических горизонтов [**24**]. Сюда же, надо полагать, должна была бы вписаться новость об официальном приглашении пакистанских инвесторов для участия в ожидаемом до конца 2025 года аукционе по приватизации Одесского припортового завода [**25**].

Отдельного углубленного изучения (как минимум в формате специальной научной статьи) заслуживают, разумеется, отношения Пакистана с СССР и Российской Федерацией. В рамках данного обзора остановимся на нескольких тезисах, высказанных пакистанскими дипломатами на презентации в Исламабадском институте стратегических исследований 18 ноября 2025 года коллективной монографии ученых двух стран «Пакистанско-российские отношения: комплексный стратегический анализ». Директор ИИСИ, посол С. Махмуд отметил, что отношения претерпели значительную эволюцию от расхождений времен холодной войны к растущему сближению в дипломатической, экономической и стратегических сферах. Исполнительный директор Центра международных стратегических исследований Синда, посол К.М. Халилулла упомянул, что современные отношения основаны на взаимном уважении и доброй воле, институциональные и академические связи укрепляются, хотя весь потенциал пока не раскрыт. Сенатор М.Х. Сайед,

напомнив о ранней советской доброжелательности к Пакистану и неоднократном возрождении отношений, подчеркнул, что в условиях быстрой трансформации международной системы, «падения доминирования Запада и роста глобального Юга» открываются беспрецедентные возможности для углубления сотрудничества [**26**].

Заключение

1. Палитру не вполне типичных штрихов к картине современного Пакистана дополняют еще несколько нижеследующих. В федерации говорят на 68 языках [**27**]. Население страны по переписи 2023 года достигло 241,5 млн человек, а его быстрый прирост требует, согласно публично объявленной оценке министра юстиции А.Т. Тарара, «возобновить усилия по стабилизации народонаселения и объявить чрезвычайную ситуацию в области народонаселения, здравоохранения и образования ради обеспечения будущего Пакистана» [**28**]. По итогам 2024–2025 финансового года ВВП в текущих рыночных ценах и по текущему валютному курсу достиг 411 млрд долл. (подушевой показатель возрос с 1 662 до 1 824 долл.) [**29**]. Минимальная месячная зарплата в стране на 2025–2026 гг. сохранена минфином на уровне 37 000 рупий (эквивалент 131 долл. США) [**30**]. Работающие за рубежом пакистанцы ежегодно переводят на родину около 30 млрд долл., 60 % из них – из государств ССАГПЗ **[31]**. По данным ANF (Антинаркотического бюро), из-за наркомании в Пакистане гибнет 700 чел. в день, от последствий терроризма – в среднем 39 чел. ежедневно [**32**]. Британское колониальное наследие зримо и незримо присутствует в организации политической жизни и повседневного быта страны, а сообщество выходцев из Пакистана и их потомков играет всё большую роль в британском обществе.

2. Инструментарий всестороннего подхода справедливо приводит непредвзятых исследователей к констатации, что современный Пакистан крайне далек от периодически приписываемого ему образа несостоявшегося государства [**33**]. Однако сложность и противоречивость происходящего в этой

стране таковы, что заставляют как наблюдателей со «свежим взглядом», так и опытных исследователей говорить о пакистанском парадоксе, сочетающем в себе нестабильность и отказоустойчивость [**34**], и называть Пакистан «жесткой» страной[9]. Относительно нынешнего внешнеполитического курса наиболее емкую оценку, на наш взгляд, высказал недавно директор ИИСИ, посол С. Махмуд, отметив, что за счёт стратегии «проактивного равновесия», диверсификации внешней политики и растущего поворота в сторону геоэкономики Исламабад находится на особой региональной и глобальной траектории, многочисленными способами включен в мировую политику одновременно и как «держава среднего уровня», и как влиятельный спикер Глобального Юга [**35**]. Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что, вопреки большинству сложившихся о стране стереотипов, Пакистан ориентируется на практическую внешнеполитическую многовекторность, подкрепляя де-факто ядерным статусом традиционные амбиции и тактические новации.

3. Представляется также вполне очевидным, что вести дела с Исламабадом – интеллектуальное упражнение не из примитивных. Однако потенциальные возможности выигрыша от сотрудничества таковы, что продолжают привлекать внимание к этой древней земле и населяющим ее народам со стороны партнеров из всех частей света. Нет сомнений в том, что видное место среди них продолжат занимать Российская Федерация как государство и различные российские структуры, участвующие во внешних связях.

9 Lieven Anatol. Pakistan: A Hard Country. NY, Public affairs, 2011.

Список литературы

1. «Пакистан: за рамками стереотипов» /(В память о Л.В.Шебаршине); под ред. Т.И.Борисова, К.В.Макиенко/ М.; Центр анализа стратегий и технологий, 2019.
2. the Nation, Oct. 24, 2025, p. 07.
3. The News International Rawalpindi/Islamabad, Oct.1st, 2025, Special Report, p.1
4. Пакистан: за рамками…, с.11
5. там же, с. 27
6. https://www.aljazeera.com/news/2025/06/19/trumps-pakistan-embrace-tactical-romance-or-a-new-inner-circle
7. https://www.x.com/GovtofPakistan/status/1936159807326900577, дата обращения 31.10.2025 г.
8. https://www.apnews.com/article/trump-sharif-pakistan-india-modi-tariffs-154b9970ce6ea7ea6bde0dd10345e644, дата обращения 31.10.2025 г.
9. https://www.radio.gov.pk/31-07-2025/pakistan-us-finalize-trade-agreement, дата обращения 31.10.2025 г.
10. https://www.tribune.com.pk/story/2573185/pakistan-in-the-global-spotlight, дата обращения 31.10.2025 г.
11. Цит. по https://www.thenews.com.pk/latest/1353742-us-to-deepen-strategic-ties-with-pakistan-without-undermining-india-says-rubio, дата обращения 31.10.2025 г.
12. Sultan S. Jammu and Kashmir. The Forgotten Narrative /From Distorted Origins To Denied Freedom/ Grosvenor House Publishing Ltd., 2025, p. 146
13. Пакистан: за рамками…, с. 69
14. там же, с. 52-53
15.https://www.tribune.com.pk/story/2574247/pakistan-iran-explore-avenues-to-strengthen-blue-economy, https://www.tribune.com.pk/story/2574222/pak-iran-panel-to-resolve-border-issues, дата обращения 26.10.2025 г.
16. https://www.thenews.com.pk/latest/1352225-pakistan-revises-barter-trade-mecanism-with-iran-russia-and-afghanistan, дата обращения 20.10.2025 г.
17. https://www.dawn.com/news/1949025, дата обращения 15.10.2025 г.
18. там же
19. https://globalaffairs.ru/articles/stolknoveiya-zamaraeva/, дата обращения 15.10.2025 г.
20. https://globalaffairs.ru/articles/pakistan-saudovskaya-aravia-han/, дата обращения 22.09.2025 г.
21. https://www.thenews.com.pk/latest/1349643-pak-saudi-defence-accord-to-boost-economic-trade-ties-pm, дата обращения 10.10.2025 г.

22. В 2024-2025 фин.году экспорт Пакистана 700 млн.долл. и импорт из КСА 3,6 млрд.долл. (за счёт нефти и нефтехимической продукции), https://www.tribune.com.pk/story/2570132/pak-saudi-trade-corridor-proposed, дата обращения 02.10.2025 г.
23. https://www.dawn.com/news/1948981/, дата обращения 15.10.2025 г.; https://www.dawn.com/news/1950195/finalisation-of-pakistan-indonesia-trade-agreement-sought, дата обращения 21.10.2025 г.
24. https://www.nation.com.pk/24-Oct-2025/new-friends, дата обращения 24.10.2025 г.
25. Про предысторию предприятия и печальную судьбу связанного с ним аммиакопровода из Тольятти тут то ли не знают, то ли сознательно не упоминают: https://www.thenews.com.pk/latest/1353156-ukraine-offers-stake-to-pak-investors-in-odesa-plant, дата обращения 24.10.2025 г.
26. https://www.issi.org.pk/press-release-issi-launches-book-on-pakistan-russia-relations/, дата обращения 20.11.2025 г.
27. https://www.ethnologue.com/country/PK, дата обращения 27.11.2025 г.
28. https://www.dawn.com/news/1950197/population-surge-declared-national-emergency, дата обращения 21.10.2025 г.
29. Источник: Pakistan Economic Survey 2024-2025, изд. Минфин ИРП
30. https://www.profit.pakistantoday.com.pk/2025/06/11/minimum-wage-kept-unchanged-at-rs37000-in-fy26-budget/, дата обращения 21.10.2025 г.
31. Пакистан: за рамками…, с. 50
32. там же, с. 116
33. там же, с. 10
34. См. монографию Jaffrelot C. The Pakistan paradox: Instability and Resilience. Hurst Publishers, 2014
35. https://www.issi.org.pk/welcome-remarks-by-director-general-issi-ambassador-sohail-mahmood-at-distinguished-lecture-by-h-e-radoslaw-sikorski-deputy-prime-minister-and-foreign-minister-of-the-republic-of-poland, дата обращения 24.10.2025 г.

Зверева Татьяна Вадимовна,
главный научный сотрудник ИАМП,
Дипломатическая академия МИД России,
профессор НИУ ВШЭ.
E-mail: tatyanazvereva@yandex.ru
Tatyana V. Zvereva,
Chief Researcher, IAMP,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Professor, Higher School of Economics.
E-mail: tatyanazvereva@yandex.ru

Сафонова Степанида Олеговна,
Слушатель кафедры международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: stepashka2104203@mail.ru
Stepanida O. Safonova,
Student of the Department of International relations,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: stepashka2104203@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ИТАЛО-ЛИВИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА ГЕНЕРАЛА АЛЬ-МАСРИ)

SPECIFICS OF CONTEMPORARY ITALIAN – LIBYAN RELATIONS (EXEMPLIFIED BY THE ALMASRI CASE)

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу политического поведения Италии в ситуации, сложившейся вокруг выданного Международным уголовным судом в январе 2025 года ордера на арест главы ливийской судебной полиции Усамы Наджима Аль-Масри. Дана краткая характеристика юридических аспектов дела и показаны основные элементы правительственной риторики по данному вопросу. По итогам исследования сделан вывод о том, что внешнеполитическими детерминантами позиции правительства Италии по делу Аль-Масри стали специфика модели итало-ливийского взаимодействия в области миграции, состояние двустороннего сотрудничества в энергетическом секторе, а также стратегические расчеты кабинета Дж. Мелони на средиземноморском направлении внешней политики. Стабильные отношения Италии и Ливии лежат в области национальной безопасности и прямых внешнеполитических интересов Рима, а их обеспечение в январе 2025 года оказалось приоритетнее обязательств Италии

перед Международным уголовным судом. В работе использованы метод case-study, элементы контент- и дискурс-анализа. Для исследования реальной роли Ливии в энергетическом взаимодействии двух стран и эволюции итало-ливийского миграционного сотрудничества проводится анализ статистических данных.

Ключевые слова: Италия, Ливия, итало-ливийские отношения, нелегальная миграция, энергетика, ливийские ополчения, Международный уголовный суд, генерал Аль-Масри.

Abstract: the article analyses Italy's political conduct and attitude to the arrest warrant issued by the International Criminal court January, 2025 for the head of the Libyan judicial police Osama Njeem Almasri. The article gives a brief overview of legal aspects of the Almasri case and outlines the principal elements of the governmental rhetoric regarding the case. According to the study, the foreign policy factors which had determined Italian government's stance on the Almasri case are the following: the specifics of the Italian - Libyan migration tackling scheme, the two countries' energy cooperation, and strategic calculations of Giorgia Meloni's cabinet in the Mediterranean region. Italy's stable ties with Libya concern directly its national security and Italy's foreign policy interests which in January 2025 took precedence over Italy's obligations to the International Criminal Court. The article applies the "case-study" method as well as the elements of content and discourse analyses. Statistical data is examined to track the dynamics of Italian - Libyan energy interaction and the evolution of migration tackling cooperation between the two countries.

Keywords: Italy, Libya, Italian – Libyan relations, illegal migration, energy, Libyan militias, International Criminal court, general Almasri.

Введение

Статья ставит целью выявить, как реакция итальянского правительства на выданный Международным уголовным судом (МУС) ордер на арест ливийского генерала Усамы Наджима Аль-Масри отражает содержательную сторону отношений между Италией и Ливией, особенности их современного состояния, а также то, насколько поддержание итало-ливийских отношений приоритетно для Рима на современном этапе.

Суть дела Аль-Масри заключается в следующем. 18 января 2025 года Международный уголовный суд выдал ордер на арест главы ливийской уголовной полиции Аль-Масри, который заведовал тюрьмой города Митига, печально известной совершавшимися там преступлениями против человечности, пытками и издевательствами над заключенными [**19**]. В тот день

генерал после своего двенадцатидневного пребывания на территории других европейских стран пересек итальянскую границу, что автоматически обязало именно Италию как страну-подписанта Римского статута начать сотрудничество с судом по вопросу ареста Аль-Масри и его дальнейшей экстрадиции в Гаагу.

Уже 19 января Аль-Масри был задержан сотрудниками специального оперативного отдела государственной полиции ДИГОС (DIGOS)[10] и помещен в камеру суда Валетте региона Пьемонт, однако 21 января в скором порядке Аль-Масри был выпущен и на самолете, принадлежащем государственным спецслужбам Италии, репатриирован в Триполи. Иными словами, Италия самостоятельно провела репатриацию лица, запрашиваемого Международным уголовным судом, вопреки положениям ордера на арест и своим обязательствам по Римскому статуту.

Этот случай стал беспрецедентным, поскольку до этого ни одно европейское государство, а уж тем более государство, входящее в тройку лидеров ЕС, не оказывалось в ситуации, когда отношения с Международным уголовным судом, деятельность которого с момента создания поддерживается Брюсселем, переходили из плоскости риторики, где государство балансирует между своим внешнеполитическим курсом и обязательствами участника МУС, в парадигму национальной безопасности с необходимостью выбора в духе «игры с нулевой суммой».

Оппозиция решениям МУС среди стран ЕС уже имела место. Так, например, Франция, изначально поддержав ордер на арест премьер-министра Израиля Беньямина Нетаньяху в январе 2023 года, буквально через неделю заявила, что не будет арестовывать израильского лидера в случае его приезда в страну, ссылаясь на юридическое несоответствие ордера МУС положениям о дипломатической неприкосновенности действующих глав государств.

10 Divisione investigazioni generali e operazioni speciali (рус. «Отдел общих расследований и специальных операций»).

Французские газеты сообщали, что такое изменение позиции связано с согласием Нетаньяху на участие Франции в важных для нее переговорах по прекращению огня с Ливаном [**13**]. И хотя позиция французского правительства открыто противостоит положениям ордера МУС, проверить готовность Парижа следовать обозначенной линии на практике так и не представилось возможным. С этой точки зрения Италия оказалась своего рода «первопроходцем», что делает актуальным комплексное рассмотрение политического поведения Италии в рамках дела Аль-Масри как индикатора состояния отношений между Италией и МУС, а также между Италией и Ливией на современном этапе.

Политико-юридические аспекты дела Аль-Масри

Объяснение своего выбора правительство Дж. Мелони строило вокруг «процессуальной ошибки», произошедшей в осуществлении ареста ливийского генерала [**9**]. В соответствии со статьями 2 и 4 Закона №237 от 2012 г. «Правила адаптации к положениям Статута об учреждении Международного уголовного суда», взаимодействием по сотрудничеству с судом в Италии занимается исключительно министерство юстиции, которое в случае поступления запроса МУС на арест того или иного лица должно провести необходимые расследования, а процедура ареста может быть осуществлена только после издания министерством юстиции соответствующего приказа [**33**, p.1]. В случае с Аль-Масри квестура Турина самостоятельно издала указ оперативному отделу ДИГОС (DIGOS) о проведении ареста. Как сообщал глава министерства Карло Нордио, выступая позднее в сенате, министерство юстиции было уведомлено лишь коротким электронным письмом от сотрудника Интерпола, констатирующим факт ареста, и только через день министру поступил пакет документов от МУС, включая просьбу об аресте [**48**]. Иными словами, была нарушена установленная итальянским внутренним законодательством субординационная вертикаль. Ордер на арест со всеми необходимыми документами должен был сначала поступить в министерство

юстиции, которое и отправило бы соответствующее распоряжение на арест вниз по «лестнице» инстанций с конечной целью в квестуре Турина, где в соответствии с распоряжением уже начали бы действовать специальные оперативные силы.

После того как Аль-Масри был освобожден из-за указанной процессуальной несостыковки по решению Апелляционного суда Рима, правительство Италии действовало уже не в юридическом поле, а с точки зрения интересов национальной безопасности. По словам министра внутренних дел Маттео Пьянтедози, было принято решение о скорейшей репатриации Аль-Масри не регулярным, а государственным авиарейсом, поскольку ливийский генерал, «легитимно находившийся теперь на свободе на итальянской территории, являлся субъектом повышенной общественной опасности, что естественным образом следует из самих положений ордера МУС» [**47**].

Официальные комментарии свидетельствовали о применении правительством «двойных стандартов» в отношении решений МУС. В отличие от поддержки ордера МУС на арест других деятелей, в деле Аль-Масри итальянское правительство не преминуло публично выразить критику в адрес деятельности Международного уголовного суда. Под вопрос была поставлена даже сама легитимность ордера на арест ливийского генерала. Так, премьер-министр Италии Джорджа Мелони в одном из опубликованных ею в социальных сетях видеороликов открыто обвиняет суд в предвзятости и преднамеренном решении. Она, в частности, отмечает: «Любопытно то, что суд после нескольких месяцев размышлений выдает ордер на арест главы ливийской уголовной полиции именно тогда, когда он пересек границу с Италией после спокойного нахождения на территории трех других европейских стран на протяжении 12 дней» [**18**].

Министр юстиции Карло Нордио в этой связи прибегает к толкованию текста ордера МУС и оценке его легитимности. В своем выступлении перед

сенаторами 5 февраля 2025 года К. Нордио подчеркивает, что текст ордера, который поступил в министерство юстиции изначально[11], содержал фактологические ошибки и «предельно очевидные несостыковки», в особенности связанные с датами совершенных преступлений [**48**]. Например, по словам министра, в части, где приводится список совершенных преступлений, нижней рамкой их хронологии обозначается февраль 2015 года, а в заключительной, диспозитивной части, где подводятся итоги и формулируется запрос на арест, было прописано: «…запрашиваем арест за преступления, совершенные с 2011 года», т.е. в заключении возникает совершенно иная хронологическая рамка [**48**]. Нордио также указывает на противоречия в попытках связать преступления Аль-Масри с режимом Муаммара Каддафи, назвав приведенные доказательства фиктивными [**48**].

Тем не менее объяснение выбору правительства Дж. Мелони действовать вопреки положениям ордера МУС необходимо искать не в правовой сфере и соответствующей риторике правительственной стороны, а в плоскости «реальной политики» итало-ливийских отношений, в первую очередь в двух областях – миграционном досье и взаимодействии двух стран в энергетическом секторе.

Борьба с нелегальной миграцией в отношениях Италии и Ливии

Миграционный вопрос в отношениях с африканскими странами всегда обладал повышенной актуальностью для Италии ввиду ее чрезвычайной географической близости к Африканскому континенту. Печально известный сицилийский остров Лампедуза от берегов Туниса отделяют всего 113 км [**2**, с.78]. Поэтому Италия была и остается страной т.н. первого прибытия для мигрантов из африканских стран.

11 Сам ордер МУС на арест Усама Наджима Аль-Масри был опубликован 24 января 2025 года со снятием грифа секретности, однако в его названии обозначено, что это «исправленная версия» ордера, что подтверждает слова министра о том, что действительно был и изначальный вариант текста, который, тем не менее, не рассекретили.

Италия раньше других европейских государств ощутила на себе удар миграционного кризиса, который был вызван волной прокатившихся с 2010–2011 годов по странам Ближнего Востока и Северной Африки революций «арабского пробуждения», но в полной мере обрушился на Европу лишь в 2015–2016 годах. С начала «арабской весны» Италия пережила три рекордных по своим объемам наплыва мигрантов, прибывавших к итальянским берегам по морю: в 2014 году, когда общее число высадок достигло 170 100 чел. [**50**], в 2016 году, когда к ее берегам прибыли 181 436 чел. [**51**], и в 2023 году, за который в Италии высадился 157 651 нелегальный мигрант [**21**]. Таким образом, несмотря на то что пик миграционного кризиса, связанного с увеличением потоков мигрантов из стран Африки, уже прошел, Италия и по сей день продолжает сталкиваться с периодическим ростом миграционных потоков, что даже заставляет правительство прибегать к введению режима чрезвычайной ситуации, как это сделала Джорджа Мелони в апреле 2023 года, объявив чрезвычайное положение на 6 месяцев [**41**].

Сотрудничество с Ливией по вопросам борьбы с нелегальной миграцией имеет принципиальное значение для Рима во многом и потому, что именно Ливия традиционно является страной, которую мигранты из других африканских стран выбирают в качестве пункта отправления к итальянским берегам [**7**]. И несмотря на то что в 2023 году «пальма первенства» в качестве основной страны транзита для мигрантов ненадолго перешла к Тунису (за 2023 год из Туниса в Италию прибыло почти 98 тыс. человек, в то время как для Ливии аналогичный показатель составил 52 тыс. человек) [**30**], уже в 2024 году Ливия вновь вернула свой неофициальный статус, за первые полгода обогнав Тунис по показателям отправлений на 20 % [**30**], а из всех мигрантов, достигших берегов Италии на начало февраля 2025 гОДА, 93,22 % прибыло именно из Ливии [**42**].

Таким образом, существуют две объективные тенденции, которые определяют значимость совместной работы Италии и Ливии по

миграционному вопросу – периодически имеющие место наплывы мигрантов, направляющихся в Италию как наиболее географически близкую к Африке страну и сохраняющаяся роль Ливии в качестве главной страны транзита для мигрантов, нацеленных на итальянские берега.

Вскоре после того, как Усама Наджим Аль-Масри покинул Италию 21 января 2025 года, итальянское министерство внутренних дел опубликовало статистику по прибытию нелегальных мигрантов за январь 2025 года. С 19 по 21 января 2025 года, когда Аль-Масри находился в тюрьме в Турине, было совершенно 979 высадок, при том что за первые 18 дней января к итальянским берегам прибыли 478 мигрантов, что почти в 2 раза меньше [**22**]. И несмотря на то что январский пик пришелся на период с 24 по 27 января, когда прибыли 1 702 человека [**22**], интересен именно этот первый всплеск, который совпал с датами пребывания ливийского генерала в заключении в Италии. В итальянской прессе на этот счет высказывались метафорично. Обозреватель Corriere della Sera Гоффредо Буччини отметил, что «как будто за эти 48 часов кто-то открутил человеческий кран» [**17**]. Для того чтобы понять, каким именно образом могут быть связаны дело генерала ливийской судебной полиции и миграционная повестка, необходимо рассмотреть, как устроено современное взаимодействие Италии и Ливии по борьбе с миграционными потоками.

Основная модель, по которой строится итало-ливийское сотрудничество по борьбе с нерегулярными мигрантами еще со времен режима Муаммара Каддафи, заключается в т.н. экстернализации миграционного управления. Суть этой модели состоит в попытке «отодвинуть» внешние границы стран приема, коей и является Италия, до границ стран транзита или происхождения мигрантов, таким образом переложив на эти страны ответственность за сдерживание миграционных потоков, лишая мигрантов возможности пересечь морские пространства и добраться до европейских берегов. Так, в Протоколах о сотрудничестве от 29 декабря 2007 г. и Договоре о дружбе, партнерстве и

сотрудничестве между Италией и Ливией от 30 августа 2008 г., подписанными правительствами Романо Проди и Сильвио Берлускони с Муаммаром Каддафи, стороны договорились о проведении совместного патрулирования ливийских территориальных вод с использованием итальянских патрульных катеров, об обеспечении Италией обучения и технической помощи ливийскому персоналу [**45**], организации итальянскими компаниями спутникового зондирования сухопутных и морских границ Ливии [**49**, p. 130]. Соглашения действительно возымели эффект, и с 2008 по 2009 год высадки на итальянских берегах снизились на 88 % с дальнейшим сокращением показателей на протяжении 2010 года [**24**].

Однако после падения режима М. Каддафи в 2011 году и установления в Ливии власти Переходного национального совета правительству Марио Монти так и не удалось возобновить действие Договора 2008 г. [**5**, с. 93], а соглашение о сотрудничестве по борьбе с нелегальной миграцией, заключенное с Ливией в апреле 2012 года по инициативе министра внутренних дел Италии А. Канчелльери, не уменьшило потоки мигрантов. Напротив, в 2012–2013 годах количество нелегальных высадок в Италии возросло на 69 % [**24**].

Ситуация изменилась в 2017 году, когда в итало-ливийское взаимодействие по управлению миграционными потоками был привнесен комплексный подход министра внутренних дел в правительстве Паоло Джентилони Марко Миннити. Новаторство плана М. Миннити заключалось в том, что научный сотрудник Центра Ближнего Востока и Северной Африки (MENA) Итальянского института международных политических исследований (ISPI) Альдо Лига назвал «молекулярностью» [**36**, p. 5, 11–13], т.е. в выстраивании сотрудничества на локальных уровнях со множеством акторов («молекул») сразу, учитывая чрезвычайную фрагментарность и неоднородность ливийской политической арены. Так, одним из соглашений в рамках реализации этого подхода стал заключенный в январе 2017 года между Италией и правительством Ф. Сарраджа Меморандум о взаимопонимании,

направленный на интенсификацию непосредственного сотрудничества Италии с ливийской береговой охраной и пограничной полицией [**39**].

Специфика этих институтов в Ливии заключается в том, что с падением режима М. Каддафи они, как и другие элементы национальных сил безопасности и правопорядка, перестали быть однородной структурой, подчиняющейся одному из центров, в особенности когда речь идет о правительстве Ф. Сарраджа в Триполи и его преемника Абд. Х. Дбейбы. Как пишет старший научный сотрудник египетского Центра политических и стратегических исследований «Ахрам» Зияд А. Акль, после 2011 года многочисленные вооруженные группировки и ополчения, которые, наряду с племенами, стали одними из основных акторов в общественно-политической системе Ливии, были включены в различные государственные структуры поддержания правопорядка и таким образом легитимизированы и институционализированы [**8**, p. 19–21]. Поэтому сложилась ситуация, когда де-юре различные вооруженные группировки составляют «костяк» сил безопасности и признаются государством, однако де-факто они лишь продолжают самостоятельно и независимо охранять различные участки морских и сухопутных границ в зависимости от зоны своего влияния и своих интересов [**15**, p. 27], становясь таким образом ключевым элементом сети контроля над миграционными потоками.

В этой связи кажется неудивительным, что в различных англоязычных и итальянских газетах, таких как Associated Press [**40**], Avvenire [**52**; **53**], La Stampa [**54**] и многих других, стала появляться информация о том, что для реализации Меморандума 2017 г. правительству Италии потребовались дополнительные переговоры с «королями траффика мигрантов» из ополчений «Бригада Шухада Аль-Наср», «Аль-Амму» и «Бригада–48». Наиболее известный выходец первой из них, Абдурахман Аль-Милад, больше известный как аль-Биджа, на 2017 год являлся главой ливийской береговой охраны в провинции эз-Завия [**52**], в то время как остальные группировки, будучи

связанными с министерствами обороны и внутренних дел Ливии, были «контролерами» потоков в западном городе Сабрата [**40**]. Не вызывает удивления и то, что на Италию сразу же обрушился шквал критики со стороны правозащитных организаций, которые до сих пор продолжают обвинять ее в том, что такая модель борьбы с миграционными потоками влечет за собой катастрофические последствия в области прав человека и лишь способствует контрабанде мигрантов и безнаказанности ее организаторов и исполнителей.

Тем не менее политика правительства П. Джентилони и министра внутренних дел М. Миннити действительно дала результаты. По данным Министерства внутренних дел Италии, за 2018 год количество мигрантов, прибывших в Италию из Ливии составило всего 12 977 человек, что на 87,9 % меньше, чем в 2017 году, и на 92,85 % ниже, чем в 2016 году [**20**]. В 2019 и 2023 годах действие меморандума было автоматически пролонгировано. Таким образом, модель сотрудничества между Италией и Ливией, закрепленная в Меморандуме о взаимопонимании 2017 г., остается действующим механизмом борьбы с нелегальной миграцией и по сей день.

Возвращаясь к делу Аль-Масри, нужно отметить, что сам Усама Наджим является членом ливийской вооруженной группировки «Аль-Радха» (далее – РАДА), которая контролирует город Митига и его окрестности. Там находятся одноименные международный аэропорт для гражданских перелетов и тюрьма, на территории которой, помимо политических противников Ф. Сарраджа, содержатся и некоторые мигранты (об этом, например, свидетельствуют кейсы мигрантов из Южного Судана Д. Ямбио и Л. Мэгока, которые находились в центрах задержания при тюрьмах Аль-Джадида и Митига) [**26**]. В соответствии с текстом ордера МУС на арест Аль-Масри, РАДА уже в 2016 году была официально признана Правительством национального согласия Ф. Сарраджа. В 2017 году тюрьма Митига была признана в качестве главного исправительного и реабилитационного учреждения г. Триполи. В 2018 году РАДА была официально переименована в Аппарат сдерживания для борьбы с

организованной преступностью и терроризмом при МВД Ливии [**19**]. Иными словами, оставаясь крупной влиятельной группировкой, РАДА, в соответствии с описанной выше схемой «институционализации ополчений», получила государственную легитимацию. Непосредственно контролем над морскими границами Ливии эта группировка не занимается, имея «шефство» преимущественно над пенитенциарными учреждениями. Тем не менее в некоторых исследованиях, например в работе независимого исследователя Дж. Пака[12], отмечается, что РАДА в рамках характерной для Ливии сетевой структуры взаимосвязей распространяет свое влияние и на другие районы Ливии, в т.ч. на эз-Завию и Сабарту [**44**], в которых и работают упомянутые выше «Шухада аль-Наср», «Аль-Амму», «Бригада–48» и многие другие ополчения, составляющие подразделения береговой охраны в этих регионах.

Поэтому реакция Дж. Мелони, выразившаяся в решении незамедлительно репатриировать задержанного в Италии ливийского генерала, вполне могла быть обусловлена положением Аль-Масри в государственной системе и сети ополчений, отвечающих непосредственно за участки миграционного контроля, а также имеющимися между Италией и Ливией соглашениями по борьбе с нелегальной миграцией.

Сотрудничество Италии и Ливии в сфере энергетики

Энергетическое сотрудничество Италии и Ливии, наряду с миграционным вопросом, является важнейшей составляющей отношений между двумя странами. В Ливии находятся значительные запасы природного газа и крупнейшие в Африке доказанные запасы нефти. По данным Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) на 2024 год, на ливийские месторождения приходится 38,5 % всех месторождений Африканского континента, а по общемировым показателям Ливия входит в десятку стран с

12 Исследование прошло рецензию ведущего итальянского специалиста по Ливии и итало-ливийским отношениям, научного сотрудника Итальянского института международных политических исследований ISPI Артуро Варвелли.

крупнейшими запасами черного золота, лишь на 7 млрд баррелей уступая по объемам месторождений США [**12**].

Более того, по структуре собственной экономики и нефтегазового сектора Ливия зависит от западных государств как минимум в двух аспектах: экспорте энергоносителей и разработке газовых и нефтяных месторождений. Так, по данным на 2023 год, ливийский экспорт на 96,6 % состоит из доходов от продажи энергоносителей [**35**], а энергетическая отрасль опирается на выдачу концессий иностранным компаниям, которые, имея необходимые технологии и оборудование, могут способствовать открытию новых месторождений и разработке уже имеющихся с последующей добычей нефти и газа из них [**3**].

Таким образом, специфика территорий Ливии, отличающихся особыми богатствами с точки зрения залежей нефти и газа, а также особая структура ливийской экономики, ориентированная на экспорт энергоносителей и сотрудничество с иностранными компаниями, способствуют формированию образа Ливии как одного из наиболее привлекательных африканских партнеров по взаимодействию в нефтегазовом секторе.

Энергетическое сотрудничество Италии и Ливии осуществляется с 1959 года за счет деятельности крупнейшей итальянской нефтегазовой компании «Эни» (далее – ENI)[13], которая, хотя и не является государственной (доля Министерства экономики и финансов и государственного банка Италии Cassa Depositi e Prestiti в ней составляет лишь 30,5 % [**14**]), воспринимается в Ливии как национальный игрок, во многом потому что большинство своих проектов компания реализует именно в рамках сотрудничества с Национальной нефтяной корпорацией Ливии (далее – НОК, NOC) [**6**, с.108], которая полностью находится под контролем официального ливийского правительства в Триполи. Именно поэтому основные месторождения и нефтегазовые

13 Ente Nazionale Idrocarburi (рус. «Национальное нефтегазовое учреждение»).

предприятия, на которых работает ENI, находятся преимущественно в провинции Триполитания и прилегающих к ней акваториях. Речь в первую очередь идет об офшорном нефтегазовом месторождении Бури, расположенном в 130 км к северо-западу от Триполи, нефтегазовом месторождении Вафа, открытом в 590 км к югу от триполитанского города Меллита на ливийско-алжирской границе, и офшорном газовом месторождении Бахр-Эссалам в 100 км от города Меллита [**34**].

В октябре 2004 года правительства С. Берлускони и М. Каддафи провели церемонию открытия газового трубопровода, который напрямую соединил газокомпрессорную станцию г. Меллита с газоприемным терминалом в сицилийском городе Джела и был предназначен для экспорта в Европу газа, добываемого на месторождениях Вафа и Бахр-Эссалам. По словам научного сотрудника Института востоковедения РАН В.В. Куделева, на тот момент итало-ливийский газопровод, протяженностью 540 км и пропускной способностью 10 млрд куб. м природного газа, стал крупнейшим газовым проектом в мире [**4**]. В 2007 году ENI и NOC подписали действующее и по сей день крупное соглашение, которое, помимо обширного стратегического проектного плана на ближайшие годы, предусматривало продление срока действия прав ENI на добычу ливийских нефти и газа до 2042 и 2047 годов [**11**].

До падения режима М. Каддафи Ливия неизменно играла роль лидирующего поставщика нефти в Италию. Так, в 2007–2008 годах поставки из Ливии достигли рекордных за последние восемь лет 29,8 % от общего итальянского импорта нефти. Следом за Ливией в качестве экспортера нефти в Италию шла Россия с аналогичным показателем в 14,9 % [**29**]. Однако после событий «арабской весны» 2011 года и резкого роста поставок в 2012 году (тогда объем поставок, видимо, на волне ажиотажа, вызванного рисками 2011 года, составил 14 млн тонн нефти, или 23 % от всего нефтяного импорта за год) [**29**] объемы нефтяного экспорта в Италию стали неизменно сокращаться,

приведя к тому, что в отдельные периоды, например в 2015–2017 годах, Ливия занимала лишь шестую строчку в рейтинге стран-экспортеров [**29**].

Основная угроза поставкам ливийской нефти и по сей день исходит не от сложностей во взаимоотношениях итальянского и ливийского правительств, а от специфики военно-политической борьбы между враждующими ливийскими группировками, в рамках которой блокирование месторождений и нефтеперерабатывающих заводов превратилось в оружие [**55**] для оказания давления на соперника. Так, в январе 2020 года, в преддверии инициированных европейскими странами переговоров в Берлине для достижения прекращения огня[14] между Правительством национального согласия Ф. Сарраджа и Ливийской национальной армии Х. Хафтара, группировки под командованием последнего заблокировали трубопроводы, которые связывают месторождения Шарара и Эль-Филь[15] с терминалами эз- Завия и Меллита [**56**]. Оба эти терминала находятся под контролем правительства в Триполи, а Меллита и вовсе является главным терминалом, из которого нефть и газ поступают в Италию. Как итог, продлившаяся 8 месяцев нефтяная блокада привела к тому, что поставки ливийской нефти в Италию снизились с 7,8 млн тонн в 2019 году до 3,5 млн тонн за 2020 год, достигнув уровня 2015–2016 годов. Для сравнения, даже в 2011 году, в течение которого и происходили события «арабской весны» и свержение правительства М. Каддафи, итоговый объем экспорта нефти в Италию оказался значительнее – 4,6 млн тонн [**29**].

В апреле 2021 года итальянские СМИ и вовсе сообщали о коротком эпизоде напряженности на территории самого́ нефтегазового комплекса Меллита. Как отмечалось в заявлении ENI, территория завода подверглась кратковременному штурму, осуществленному членами вооруженной группировки из соседнего города Зувара. Протесты были вызваны

14 С конца 2019 года противостояние между правительством Ф. Сарраджа и сторонниками Х. Хафтара обострилось и вошло в новую фазу вооруженного противостояния, начавшуюся с наступления Ливийской национальной армии на Триполи.

15 Месторождение Эль-Филь географически находится на территории провинции Феццан. ENI и NOC начали добычу нефти в этом месторождении еще в 2004 году.

недовольством ополченцев произведенным утром того дня арестом главы группировки Имада ад-Дин Масуда, который, по сообщениям, являлся главой структур безопасности в этом регионе и по совместительству торговцем людьми [**16**]. Интересно, что именно в этот день состоялся первый после инаугурации в качестве премьер-министра визит главы правительства Италии в то время М. Драги в Триполи [**32**], с чем и было связано, по мнению ополченцев, «похищение» их бригадира. И хотя протесты стихли уже на следующий день [**38**], не нанеся какого-либо существенного ущерба работе предприятия, этот эпизод, однако, показывает, что «полевые» риски для заводов и месторождений, на которых работает ENI, действительно существуют.

Тем не менее, несмотря на возникающие сложности и временные спады в экспорте, уже в 2024 году Ливия впервые с 2012 года снова стала основным поставщиком сырой нефти на итальянский рынок. На долю ливийского черного золота пришлось 20,1 % от всей импортируемой Италией нефти, что превысило аналогичный показатель Азербайджана, который стабильно лидировал по поставкам с 2014 года, лишь иногда уступая пальму первенства России, Ираку и Саудовской Аравии [**29**].

Таким образом, можно предположить, что в январе 2025 года Италия приняла решение в пользу репатриации Усамы Наджима Аль-Масри в ущерб своим обязательствам по сотрудничеству с МУС, учитывая сложившуюся специфику политического ландшафта в Ливии, существенную роль в котором играют военизированные группировки, и лидирующие позиции, которые Ливия вновь стала занимать среди стран – экспортеров нефти в Италию. Итальянское правительство не желало создавать дополнительные сложности в отношениях с ливийскими группировками и подрывать так долго восстанавливаемые позиции Ливии по экспорту нефти в страну.

Что касается поставок газа в Италию, то Ливия не занимает лидирующих позиций на этом направлении. Даже в 2010 году, когда газопровод Greenstream

работал практически на полную мощность и объемы поставок составляли 9,4 млрд куб. м [**46**, p. 28], Ливия лишь замыкала тройку лидеров с показателем 13,2 % от общего итальянского газового импорта, в то время как на поставки из Алжира и России приходилось по 32,7 % и 28,9 % [**10**]. А в 2023 году, следуя общей нисходящей тенденции последнего десятилетия, объемы поставленного из Ливии газа достигли своего исторического минимума, составив всего 2,5 млрд куб. м [**31**]. В результате Ливия сместилась на 8-е место среди основных поставщиков природного газа в Италию. 1-е место с 2022 года занимает Алжир, достигнув доли в 41,2 % и полностью заменив российский газ, который в 2021 году составлял 40 % от итальянского импорта и поставки которого после начала украинского кризиса в 2022 году Италия активно стремилась свести к нулю [**31**].

В январе 2023 года во время третьего визита Дж. Мелони в качестве главы кабинета министров в Триполи было подписано крупное соглашение между ENI и NOC сроком на 25 лет, направленное на увеличение поставок энергоносителей на внутренний рынок Ливии, а также обеспечение экспорта газа в Европу. Соглашение предполагает принятие инвестиционного проекта стоимостью 8 млрд долларов для разработки двух месторождений, так называемых «Structures A&E», входящих в систему офшорного газового месторождения Бахр-Эссалам. По словам генерального директора ENI Клаудио Дескальци, добыча и производство газа в этих двух месторождениях должна начаться в 2026 году и достичь показателей около 21–24 млн куб. метров в сутки [**23**]. Речь идет об одном из крупнейших за последние 20 лет проектов в рамках итало-ливийского сотрудничества в нефтегазовом секторе с учетом того, что постройка газопровода Greenstream в 2003–2004 годах обошлась в сумму, меньшую тех инвестиций, которые предполагает это инвестиционное соглашение (в 6,6 млрд долларов) [**43**]. Иными словами, политика Италии в этом аспекте направлена на возобновление работы

газопровода на максимально возможную мощность и нацелена, таким образом, на перспективу, а не сиюминутные результаты.

Более того, в данном случае речь идет о еще более широких стратегических рамках, которые поставило для себя правительство Дж. Мелони. С начала 2023 года итальянский премьер-министр на различных международных площадках активно продвигает инициативу, получившую название «План Маттеи» и предполагающую «принципиально новый» подход к отношениям с африканскими странами, который основан на отходе от колониальной парадигмы мышления и построении «равноправного партнерства и сотрудничества» [**27**]. В технической записке, опубликованной на сайте правительства Италии, обозначены 5 столпов «Плана Маттеи», т.е. основные сферы перспективных программ сотрудничества. В них вошли образование и профессиональная подготовка кадров в необходимых для Африки секторах, сельское хозяйство, здравоохранение, водная безопасность и энергетика [**25**]. Как подчеркивается в позиционном документе Министерства иностранных дел Италии, правительство Дж. Мелони планирует сделать Италию «энергетическим хабом, самым настоящим мостом между Европой и Африкой» [**25**], а также укрепить положительный образ Европейского союза как игрока в Африке за счет комплексного осуществления таких инфраструктурных проектов в африканских странах. По мнению итальянского правительства, реализацию этой задачи необходимо доверить именно Италии, поскольку она «в отличие от таких игроков, как Франция и, возможно, Германия, обладает в целом менее противоречивым имиджем на Африканском континенте» [**28**]. Другими словами, речь идет о попытке Дж. Мелони в очередной раз найти инструменты для того, чтобы закрепить за Италией лидирующие позиции на приоритетном для Рима средиземноморском направлении внешней политики Европейского союза.

Отметим, что принципиально новым, вопреки заявлениям Дж. Мелони, этот подход назвать нельзя. Та же ENI уже давно реализует инфраструктурные

и гуманитарные проекты на локальном уровне в странах, где осуществляет свою деятельность в нефтегазовом секторе. Не нова и идея о том, что инфраструктурные инициативы нужны как инструмент для борьбы со «структурными» причинами миграционных кризисов. В 2013–2016 годах ее активно продвигали демократические правительства Э. Летты и М. Ренци, в т.ч. на европейском уровне. Однако, как отмечает старший научный сотрудник Отдела Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН Е.С. Алексеенкова, Дж. Мелони стала первым итальянским политиком, которая так много инвестирует в Африку с политической точки зрения [**1**, с. 40].

Соглашение января 2023 года и Меморандум о взаимопонимании в области здравоохранения, образования и спорта мая 2024 года соответствуют общей линии правительства Дж. Мелони. Как отмечают Альдо Лига и Карим Мезран в аналитическом комментарии для влиятельного Итальянского института международных политических исследований (ISPI) [**37**], Ливия не входит в число девяти стран, в которых планируется реализовать первые пилотные проекты. Однако эти документы были подписаны под знаком и в рамках «Плана Маттеи»[16]. Успешное претворение в жизнь указанных планов – часть стратегической программы Дж. Мелони. Эти далеко идущие расчеты вполне могли сыграть определенную роль в том, что в деле Аль-Масри в январе 2025 года правительство Италии не решилось сделать выбор в пользу сотрудничества с Международным уголовным судом, а поставило в приоритет желание не обострять отношений с Ливией.

Заключение

В январе 2025 года Италия, впервые оказавшись перед выбором между обязательствами по сотрудничеству с МУС и своими национальными интересами, сделала выбор в пользу последних по законам парадигмы

16 Такими странами станут 4 государства Северной Африки (Марокко, Алжир, Тунис и Египет) и 5 стран Южнее Сахары (Кот-д'Ивуар, Республика Конго, Мозамбик, Кения и Эфиопия).

политического реализма. Для нивелирования своей неготовности отдавать приоритет обязательствам по сотрудничеству с Международным уголовным судом итальянское правительство прибегло к юридическим лазейкам, выразившимся в поиске ошибок в процессуальном праве и попытках доказать нелегитимность выданного судом ордера на арест ливийского генерала.

В деле, которое непосредственно касается гражданина Ливии с высоким социальным положением и значимой ролью в общественно-государственной системе, причины подобного выбора со стороны итальянского правительства коренятся в том, как устроена схема итало-ливийского сотрудничества на современном этапе. Значение имеют две ключевые области: миграционное досье и взаимодействие в энергетическом секторе. В обеих сферах можно выделить факторы общего и частного характера. Общим фактором, определяющим важность миграционной повестки для Рима, является то, что Италия, близко расположенная к Африке, продолжает регулярно подвергаться крупным наплывам мигрантов, большинство которых до сих пор следует именно из Ливии. Аналогичные факторы для энергетики – привлекательность Ливии благодаря крупным запасам энергоносителей и ориентированность ливийской экономики на их экспорт и сотрудничество с иностранными компаниями.

Частные факторы в обеих сферах во многом завязаны на специфику роли военизированных группировок в ливийском обществе после падения централизованного правительства М. Каддафи. Во-первых, точечное взаимодействие итальянского правительства со структурами безопасности, фактически состоящими из ополченцев, лежит в основе модели итало-ливийского сотрудничества по управлению миграционными потоками, которая действует по сей день и приносит результаты. Генерал Аль-Масри как раз и является видным членом одного из таких влиятельных ополчений. Во-вторых, именно блокировки энергетических объектов, которые осуществляют группировки для достижения своих целей, регулярно подрывают безопасность

нефтегазовых структур итальянского энергетического гиганта ENI в Ливии, а иногда и сами поставки нефти в Италию. С точки зрения более широких стратегических расчетов, итало-ливийские энергетические проекты, которые на данный момент реализует кабинет Дж. Мелони, имеют определенную важность для обеспечения планов правительства по укреплению позиций Италии во внешней политике ЕС на средиземноморском направлении.

Все эти факторы, сложившись воедино, вынудили итальянское правительство проявить осторожность и расчетливость в том, что касается взаимодействия с вооруженными ополчениями Ливии. Сделанный правительством Италии выбор в пользу репатриации Аль-Масри продемонстрировал, что поддержание стабильных и работающих отношений с Ливией лежат в плоскости непосредственных итальянских национальных интересов.

Список литературы

1. Алексеенкова Е.С. Дискурсивные стратегии Италии в «Большом Средиземноморье» и Африке: новизна и преемственность // Современная Европа. – 2024. - №6. – С.32-44.
2. Гоффе Н.В. Италия в зеркале миграционных проблем // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. - №9. - С.77-88.
3. Касаев Э.О. Состояние и тенденции развития нефтегазовой отрасли Ливии // Институт Ближнего Востока. 19.06.2009. URL: http://www.iimes.ru/?p=8853&ysclid=mab6mb6vhs399623473 (дата обращения: 05.05.2025)
4. Куделев В.В. О ситуации в Ливии /октябрь-ноябрь 2004г./ // Институт Ближнего Востока. 28.12.2004. URL: http://www.iimes.ru/?p=3414&ysclid=maaxpbmhl9525458827 (дата обращения: 05.05.2025)
5. Маслова Е.А. Италия – Ливия: сложности взаимоотношений и перспективы сотрудничества // Научный диалог. – 2012. – Вып. 4. – С.86-96.
6. Маслова Е.А. Ушакова Н.В. Средиземноморская политика Италии (окончание) // Вестник Брянского государственного университета. - 2018. - № 2 (36). - С.107-116.
7. Смешанная миграция по суше и по морю в Европу: восстановление после временного воздействия пандемии. Рабочий документ 16. Европейская экономическая комиссия. 26 октября 2022 г. // UNECE. URL:

https://unece.org/sites/default/files/2022-10/WP.16_Bartolini_IOM_SD_RUS.pdf (дата обращения: 29.04.2025)
8. Akl Z.A. Militia Institutionalisation and Security Sector Reform in Libya. – Br.: EuroMeSCo series, 2017. – 48 p.
9. Almasri accolto in trionfo a Tripoli, l'opposizione insorge alla Camera // ANSA. URL: https://www.ansa.it/sito/notizie/mondo/2025/01/22/almasri-accolto-in-trionfo-a-tripoli-lopposizione-insorge-alla-camera_6ba11a0c-4651-4d09-b802-14776df58983.html (consultato il 28.01.2025)
10. Ambrosetti S. Il mercato internazionale del gas naturale // Banca Nazionale del Lavoro. 11.03.2011. URL: https://bnl.it/rsc/SupportingFiles/Focus_n._10_-_11_marzo_2011.pdf (consultato il 04.05.2025)
11. Annual Report 2008. ENI // Responsibility Reports. URL: https://www.responsibilityreports.com/HostedData/AnnualReports/PDF/fcp2008.pdf (accessed: 03.05.2025)
12. Annual Statistical Bulletin 2024 // OPEC. URL: https://publications.opec.org/asb/chapter/show/123/2113/2116 (accessed: 04.05.2025)
13. Arefi A. Immunité devant la CPI : les dessous de l'entente entre Macron et Netanyahou // Le Point. 28.11.2024. URL: https://www.lepoint.fr/monde/exclusif-liban-contre-cpi-les-dessous-de-l-entente-entre-macron-et-netanyahou-28-11-2024-2576622_24.php#11 (consulté il 05.04.2025)
14. Azionariato // ENI. URL: https://www.eni.com/it-IT/governance/azionariato.html (consultato il 03.05.2025)
15. Badi E. Exploring Armed Groups in Libya: Perspectives on Security Sector Reform in a Hybrid Environment. – G.: DCAF, 2020. - 100 p.
16. Brera P. Libia, l'impianto Eni a Mellitah assediato dai miliziani. Gli operai: "Bloccati dentro due giorni" // La Repubblica. 07.04.2021. URL: https://www.repubblica.it/esteri/2021/04/07/news/libia_l_impianto_dell_eni_a_mellitah_bloccato_da_due_giorni_da_miliziani_armati-295472799/?ref=RHTP-VS-I270681069-P15-S3-T1 (consultato il 05.05.2025)
17. Buccini G. La sicurezza non è uno slogan // Corriere della Sera. 27.01.2025. URL: https://www.corriere.it/opinioni/25_gennaio_27/la-sicurezza-non-e-uno-slogan-18c72673-728c-4661-b38c-9a731eaaaxlk.shtml (consultato il 01.03.2025)
18. Caso Almasri, la premier Meloni indagata a Roma per favoreggiamento e peculato insieme a Nordio, Piantedosi e Mantovano // Il Fatto Quotidiano. URL: https://www.ilfattoquotidiano.it/2025/01/28/caso-almasri-la-premier-meloni-indagata-a-roma-per-favoreggiamento-e-peculato/7855107/ (consultato il 29.01.2025)
19. Corrected version of the 'Warrant of Arrest for Mr Osama Elmasry / Almasri Njeem' dated 18 January 2025 (ICC 01/11-149-US-Exp), including Dissenting Opinion of Judge Socorro Flores Liera // Devitalaw. URL: https://www.devita.law/wp-content/uploads/2025/02/ICC-Warrant-Almasri-Dissenting-opinion.pdf (accessed: 29.01.2025)

20. Cruscotto statistico al 31 dicembre 2018 // Dipartimento per le libertà civili e l'immigrazione. Ministero dell'Interno. URL: http://www.libertaciviliimmigrazione.dlci.interno.gov.it/sites/default/files/allegati/cruscotto_statistico_giornaliero_31_dicembre_2018.pdf (consultato il 30.04.2025)
21. Cruscotto statistico al 31 dicembre 2024 // Dipartimento per le libertà civili e l'immigrazione. Ministero dell'Interno. URL: http://www.libertaciviliimmigrazione.dlci.interno.gov.it/sites/default/files/allegati/cruscotto_statistico_giornaliero_31_dicembre_2024.pdf (consultato il 29.04.2025)
22. Cruscotto statistico al 31 gennaio 2025 // Dipartimento per le libertà civili e l'immigrazione. Ministero dell'Interno. URL: http://www.libertaciviliimmigrazione.dlci.interno.gov.it/sites/default/files/allegati/cruscotto_statistico_giornaliero_31-01-2025.pdf (consultato il 28.04.2025)
23. Eni avvia un importante progetto di sviluppo del gas in Libia // ENI. URL: https://www.eni.com/it-IT/media/comunicati-stampa/2023/01/eni-avvia-un-importante-progetto-di-sviluppo-del-gas-in-libia.html (consultato il 03.03.2025)
24. Gli sbarchi in Italia negli ultimi 10 anni // Openpolis. URL: https://www.openpolis.it/numeri/gli-sbarchi-italia-negli-ultimi-10-anni/ (consultato il 29.04.2025)
25. I Cinque Pilastri del Piano Mattei // Governo italiano. Presidenza del Consiglio dei Ministri. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Piano_Mattei_cinque_pilastri.pdf (consultato il 07.05.2024)
26. 'I saw him kill people:' Libya and Italy's shadowy migrant deals // Al Jazeera. URL: https://www.aljazeera.com/features/2025/2/13/i-saw-him-kill-people-libya-and-italys-shadowy-migrant-deals (accessed: 02.04.2025)
27. Il discorso integrale della Meloni all'Onu // Il Giornale. URL: https://www.ilgiornale.it/news/politica-internazionale/discorso-integrale-giorgia-meloni-allonu-2213936.html (consultato il 07.05.2024)
28. Il Piano Mattei: rilanciare l'Africa Policy dell'Italia // Ministero degli Affari Esteri. URL: https://www.esteri.it/wp-content/uploads/2024/07/ISPI_FPC-Piano-Mattei.pdf (consultato il 01.05.2025)
29. Importazioni di petrolio greggio per aree di provenienza // Unione energie per la mobilità. UNEM. URL: https://www.unem.it/download/importazioni-di-petrolio-greggio-per-aree-di-provenienza-congiunturali-3/?wpdmdl=53774&refresh=6816f48fd3ab51746334863 (consultato il 03.05.2025)
30. La Libia è di nuovo il primo paese da cui arrivano i migranti via mare // Il Post. URL: https://www.ilpost.it/2024/07/10/migranti-arrivi-libia-tunisia/ (consultato il 29.04.2025)
31. La situazione energetica nazionale nel 2023. Relazione 4 settembre 2024 // Ministero dell'ambiente e della sicurezza energetica. URL: https://www.mase.gov.it/sites/default/files/Relazione%20Situazione%20Energetica%20Nazionale_%202023.pdf (consultato il 05.05.2025)
32. La visita di Draghi in Libia // Il Post. URL: https://www.ilpost.it/2021/04/06/visita-draghi-libia/ (consultato il 05.05.2025)

33. Legge. 21 dicembre 2012. n.237. Norme per l'adeguamento alle disposizioni dello statuto istitutivo della Corte penale internazionale (13G00007) // Gazzetta Ufficiale della Repubblica italiana. – 2013. - №6. - P.1 - 13.
34. Libya. Energy, society, sustainability // ENI. URL: https://www.eni.com/assets/documents/2015-03-30-brochure-libya.pdf (accessed: 04.05.2025)
35. Libya's Top 10 Exports // World's Top Exports. URL: https://www.worldstopexports.com/libyas-top-10-exports/ (accessed: 04.05.2025)
36. Liga A. "Playing with Molecules": The Italian Approach to Libya. – P.: Études de l'IFRI, 2018. – 43 p.
37. Liga A. Mezran K. After Anti-migration Efforts Shrank Its Influence, Rome Needs a New Libya Policy // Istituto per gli Studi di Politica Internazionale. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/after-anti-migration-efforts-shrank-its-influence-rome-needs-a-new-libya-policy-181959 (accessed: 02.05.2025)
38. Martedì ci sono stati disordini attorno all'impianto di trattamento di petrolio e gas di Eni a Mellitah, in Libia // Il Post. URL: https://www.ilpost.it/2021/04/08/libia-impianto-mellitah-eni-assediato/ (consultato il 05.05.2025)
39. Memorandum d'intesa sulla cooperazione nel campo dello sviluppo, del contrasto all'immigrazione illegale, al traffico di esseri umani, al contrabbando e sul rafforzamento della sicurezza delle frontiere tra lo Stato della Libia e la Repubblica Italiana // Governo italiano. Presidenza del Consiglio dei Ministri. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Libia.pdf (consultato il 22.04.2025)
40. Michael M. Backed by Italy, Libya enlists militias to stop migrants // Associated Press. 29.08.2017. URL: https://apnews.com/article/9e808574a4d04eb38fa8c688d110a23d (accessed: 29.04.2025)
41. Migranti, il governo dichiara lo stato d'emergenza per 6 mesi // Il Tempo. URL: https://www.iltempo.it/politica/2023/04/11/news/migranti-governo-meloni-dichiara-stato-emergenza-sei-mesi-35480073/ (consultato il 27.04.2025)
42. Migranti: arrivi in Italia + 33% nel 2025, partenze da Tunisia ai minimi// AGI. URL: https://www.agi.it/maeci/it/news/2025-02-03/migranti-arrivi-in-italia-33-nel-2025-ai-minimi-partenze-da-tunisia-29849827/ (consultato il 29.04.2025)
43. New gas pipeline linking Libya to Italy opened // Alexander's Gas & Oil Connections. URL: https://web.archive.org/web/20101215214622/http://gasandoil.com/goc/news/nte44584.htm (accessed: 04.05.2025)
44. Pack J. Kingdom of Militias: Libya's Second War of Post-Qadhafi Succession // Istituto per gli Studi di Politica Internazionale. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/kingdom-militias-libyas-second-war-post-qadhafi-succession-23121 (accessed: 28.04.2025)
45. Protocollo aggiuntivo tecnico operativo al protocollo di collaborazione tra la Repubblica italiana e la Gran Giamahiria Araba Libica Popolare Socialista del 29 Dicembre 2007 // Associazione per gli studi giuridici sull'immigrazione. URL:

https://file.asgi.it/protocollo.italia.libia.tripoli.dicembre.2007.pdf (consultato il 27.04.2025)
46. Raimondi P.P. Natural Gas in Italy: Features and Perspectives in Light of Russia's War in Ukraine. – Roma: Istituto Affari Internazionali, 2024. - 42 p.
47. Resoconto stenografico. Assemblea. 266ª seduta pubblica. 23 gennaio 2025 // Senato della Repubblica. URL: https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/1443436.pdf (consultato il 07.02.2025)
48. Resoconto stenografico. Assemblea. 270ª seduta pubblica. 5 febbraio 2025 // Senato della Repubblica. URL: https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/1443942.pdf (consultato il 07.02.2025)
49. Ronzitti N. The Treaty on Friendship, Partnership and Cooperation between Italy and Libya: New Prospects for Mediterranean? // Bulletin of Italian Politics. – 2009. – Vol. 1. - №1. - P. 125-133.
50. Sbarchi anno 2014. Elaborazioni Ismu su dati del Ministero dell'Interno // Iniziative e studi sulla multietnicità. URL: https://web.archive.org/web/20150427143337/http://www.ismu.org/wp-content/uploads/2015/01/Sbarchi_2014_genarale.xls (consultato il 29.04.2025)
51. Sbarchi e immigrazione in Italia: i dati degli ultimi 5 anni // YouTrend. URL: https://www.youtrend.it/2021/02/15/sbarchi-e-immigrazione-in-italia-il-punto-della-situazione/ (consultato il 29.04.2025)
52. Scavo N. La trattativa nascosta. Dalla Libia a Mineo, il negoziato tra l'Italia e il boss // Avvenire. 04.10.2019. URL: https://www.avvenire.it/attualita/pagine/dalla-libia-al-mineo-negoziato-boss-libico (consultato il 15.03.2025);
53. Scavo N. Trattativa nascosta. Il viaggio del boss in Italia: Bija visitò altri centri migranti // Avvenire. 05.10.2019. URL: https://www.avvenire.it/attualita/pagine/il-giallo-del-negoziato-segreto-migranti-libia-trafficanti (consultato il 15.03.2025)
54. Semprini F. Così le milizie di Sabratha combattono per i soldi italiani // La Stampa. 27.10.2017. URL: http://www.lastampa.it/2017/10/27/esteri/cos-le-milizie-di-sabratha-combattono-per-i-soldi-italiani-35sbJqxbzESLSr7q7BmxVN/pagina.html (consultato il 28.04.2025)
55. The Weaponizaton of Libyan Oil // Istituto per gli Studi di Politica Internazionale. URL: https://www.ispionline.it/en/publication/weaponizaton-libyan-oil-35218 (accessed: 02.05.2025)
56. Wintour P. Libya: blockade of oil ports threatens Berlin ceasefire plan // The Guardian. 18.01.2020. URL: https://www.theguardian.com/world/2020/jan/18/erdogan-tells-europe-to-support-tripoli-government-or-face-new-threats (accessed: 03.05.2025)

Иванов Олег Петрович,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой прикладного анализа
международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: o.ivanov@dipacademy.ru
Oleg P. Ivanov,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the Department of Applied Analysis of International Problems,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: o.ivanov@dipacademy.ru
Чапаева Наталья Андреевна,
Слушатель, Дипломатическая академия МИД России,
E-mail: chapaeva.tasa@mail.ru
Natalia A. Chapaeva,
Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
E-mail: chapaeva.tasa@mail.ru
Алиев Сабухи Фаикович,
Слушатель, Дипломатическая академия МИД России,
E-mail: dxishnikc@gmail.com
Sabukhi F. Aliev,
Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
E-mail: dxishnikc@gmail.com

АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ СДЕРЖИВАНИЯ КНР В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

AMERICAN CONTAINMENT STRATEGY TOWARD CHINA IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Аннотация: статья посвящена анализу стратегии сдерживания Китайской Народной Республики, реализуемой США в Азиатско-Тихоокеанском регионе через призму Индо-Тихоокеанской стратегии. Рассматриваются эволюция концепции Индо-Тихоокеанского региона, ключевые элементы американского подхода: экономические инициативы (IPEF), военно-политические форматы (Quad, AUKUS), а также наращивание военно-морского присутствия. Проанализирована реакция Китая, отраженная в Белой книге «Национальная безопасность Китая в новую эпоху» и сформулированная в рамках «общей концепции национальной безопасности». Особое внимание уделено сопоставлению американских механизмов сдерживания и китайских контринициатив, таких как «Один пояс – один путь» – проектов, направленных на укрепление региональной кооперации. Делается вывод о нарастающей геополитической поляризации и изменении архитектуры безопасности в АТР.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, национальная безопасность, США, Китай, стратегическое сдерживание, Quad, AUKUS, Белая книга, «Один пояс – один путь».

Abstract: the article is devoted to the analysis of the containment strategy of the People's Republic of China, implemented by the United States in the Asia-Pacific region through the prism of the Indo-Pacific strategy. The evolution of the concept of the «Indo-Pacific region», key elements of the American approach – economic initiatives (IPEF), military-political formats (Quad, AUKUS), as well as the buildup of naval presence – are examined. China's reaction, reflected in the White Paper «National Security in the New Era of China», and formulated within the framework of the «overall national security concept», is analyzed. Particular attention is paid to the comparison of American containment mechanisms and Chinese counter-initiatives, such as Belt and Road Initiative – projects aimed at strengthening regional cooperation. The conclusion is drawn about the growing geopolitical polarization and the changing security architecture in the APR.

Keywords: Indo-Pacific region, national security, USA, China, strategic containment, Quad, AUKUS, White Paper, Belt and Road Initiative.

Введение

На фоне усиливающегося геополитического соперничества между ведущими мировыми державами Индо-Тихоокеанский регион приобрел статус одного из ключевых центров глобальной безопасности. Формирование Индо-Тихоокеанской стратегии США стало поворотным моментом в трансформации американской внешней политики: Вашингтон стремится ограничить растущее влияние КНР посредством укрепления союзов, продвижения новых экономических механизмов и наращивания военно-морского потенциала.

Одновременно Пекин демонстрирует собственное видение регионального порядка. В Белой книге «Национальная безопасность Китая в новую эпоху» подчеркивается необходимость комплексной системы национальной безопасности, противопоставляемой внешнему давлению и попыткам «разделения Азии». Подобная дуальность подходов усиливает стратегическую напряженность, но вместе с тем выявляет новые контуры регионального взаимодействия.

Цель исследования — выявить причины и последствия реализации Индо-Тихоокеанской стратегии США, проанализировать официальную реакцию Китая и оценить влияние этой конфигурации на систему международной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Особый акцент делается на определении баланса между конкуренцией и возможностями для диалога, что особенно актуально в условиях усиливающейся поляризации.

Появление и распространение термина «Индо-Тихоокеанский регион»

Термин «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР) представляет собой относительно недавнюю геополитическую конструкцию, которая эволюционировала из более ранней концепции Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), подчеркивая сдвиг стратегических приоритетов от преимущественно тихоокеанского фокуса к более широкому пространству, включающему Индийский океан. Концепция АТР начала набирать популярность в период холодной войны, когда экономический подъем Японии и других стран Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии стимулировал переосмысление региональной идентичности [**1**]. Соединенные Штаты сыграли ключевую роль в формировании АТР как политико-экономического и стратегического пространства, что способствовало укреплению их влияния в военно-стратегическом контексте, особенно после сближения с Китаем в 1972 году, когда регион стал включать три крупнейшие экономики мира – США, Японию и Китай. Это пространство можно рассматривать как «общественно сконструированное», поскольку оно отклоняется от традиционных географических границ, отражая динамику холодной войны и экономические интересы [**2**].

Переход к термину «Индо-Тихоокеанский регион» произошел в начале XXI века, отражая растущую озабоченность Запада экономическим и геополитическим подъемом Китая. В 2007 году премьер-министр Японии

Синдзо Абэ впервые публично ввел этот термин, подчеркивая стратегическое единство Индийского и Тихого океанов как ключевого пространства для глобальной стабильности, попутно предприняв попытку формирования альянса демократических стран [**3**]. Позже, в 2011 году, госсекретарь США Хиллари Клинтон также использовала термин в контексте смещения акцента американских интересов в сторону Индии и ее геостратегической роли в балансировании китайского влияния [**4**]. Кульминацией этого процесса стал рост Китая как мировой экономической силы в 2010 году и запуск инициативы «Один пояс – один путь» (Belt and Road Initiative, BRI) в 2013 году, которая охватила почти 150 стран и организаций таким образом, чтобы позволить своим силам действовать дальше от побережья, чем когда-либо ранее, включая Заполярье, Индийский и Атлантический океаны. Это было воспринято Западом как враждебная попытка Пекина укрепить свое влияние, как инструмент реализации долгосрочного замысла его геоэкономической экспансии с целью дальнейшего вытеснения США из региона. В ответ США, Великобритания, Индия, Япония и Австралия возродили идею создания альянса демократических стран – Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, Quad) – в ноябре 2017 года, заложив в нее попытку сорвать китайскую инициативу «Один пояс – один путь». Основной фокус был сделан на новой архитектуре безопасности ИТР [**5**], хотя границы региона оставались предметом дебатов среди участников, а сам альянс в первую очередь стал пространством для обмена высокими технологиями.

Термин получил широкое распространение в контексте глобального финансового кризиса 2009 года, когда Китай быстро восстановился и начал продвигать модель государственного капитализма, противопоставляемую западному либерализму. Это вызвало обеспокоенность в США, где Китай стали воспринимать как ревизионистскую силу, стремящуюся перестроить региональный порядок [**6**].

Эволюция Индо-Тихоокеанского региона как понятия не только отражает экономические сдвиги, но и усиливает поляризацию: для США и союзников он символизирует стратегию сдерживания Китая, в то время как для самого Пекина это инструмент разделения региона и подрыва азиатского единства [**7**] (**反**对借 «**印太**战略» **分裂地区**). В итоге ИТР стал доминирующим нарративом в американской внешней политике, особенно под администрацией Дональда Трампа, где он был интегрирован в национальную стратегию безопасности как ответ на китайские инициативы.

Суть концепции Индо-Тихоокеанской стратегии США

Индо-Тихоокеанская стратегия США (ИТС), часто обозначаемая как Indo-Pacific Strategy (IPS), представляет собой комплексный геополитический подход Вашингтона, направленный на сохранение доминирования в регионе, который простирается от западного побережья Индийского океана до восточных границ Тихого океана, с акцентом на противодействие растущему влиянию Китая. США предполагают развитие интеграции в регионе (networked region) под своим управлением, привлекают к этому проекту своих союзников и партнеров, предлагая им разделить и расходы на обеспечение безопасности [**8**].

По сути ИТС эволюционировала из более ранней политики «перебалансировки» в Азию при администрации Барака Обамы, но при администрации Дональда Трампа в 2017 году она была формализована как стратегия «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific, FOIP), подчеркивающая принципы свободы навигации, верховенства права, экономической открытости и уважения к суверенитету [**9**]. Эта концепция не только географическая, но и идеологическая. В ней США позиционируются как гарант региональной стабильности, противостоящий «ревизионистским» державам, таким как Китай, который обвиняется в милитаризации Южно-Китайского моря, где проходит более

трети глобальной морской торговли, и использовании экономических инструментов для геополитической экспансии.

ИТС интегрирует экономические, военные и дипломатические измерения. Экономически она продвигает инициативы вроде Индо-Тихоокеанской экономической структуры (Indo-Pacific Economic Framework, IPEF), запущенной в 2022 году, для создания альтернативных цепочек поставок, исключающих зависимость от Китая, и фокусируется на цифровой торговле, устойчивом развитии и борьбе с коррупцией [**10**]. В военно-стратегическом плане стратегия опирается на укрепление альянсов, таких как Четырехсторонний диалог по безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, Quad), куда входят США, Япония, Индия и Австралия. Он эволюционировал от диалога по безопасности в 2017 году к полноценному механизму координации, включая совместные учения и обмен разведданными, направленными на сдерживание китайской активности в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море. Кроме того, ИТС включает и мини-латеральные форматы, такие как АУКУС (AUKUS), название которого образовано по составу участников: Австралия, Великобритания, США. Объявленный в 2021 году, он предусматривает передачу ядерных подводных лодок Австралии для усиления военно-морского присутствия в регионе, что трактуется Пекином как «Азиатско-Тихоокеанская версия НАТО» (**反**对拼凑 «亚太版北约»).

В целом суть ИТС заключается в балансировании между конкуренцией и кооперацией: она стремится предотвратить гегемонию любой одной державы, продвигая «порядок, основанный на правилах», но при этом провоцирует эскалацию напряженности, поскольку КНР видит в ней инструмент для разделения региона и подрыва азиатского единства (здесь Китай апеллирует термином «**真正的多**边**主**义» («истинный мультилатерализм»), который противопоставляется термину «单边主义» («односторонность»). Эта стратегия отражает сдвиг в американской внешней политике от вовлечения (engagement) к соперничеству (rivalry), где Китай

обозначен как «стратегический конкурент» и «ревизионистская сила», что привело к торговой войне и полномасштабному столкновению [**11**].

Военно-морское присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Военно-морское присутствие США остается ключевым элементом Индо-Тихоокеанской стратегии.

По состоянию на 2025 год Индо-Тихоокеанское командование Вооруженных сил США (United States Indo-Pacific Command, USPACOM) координирует значительные военно-морские активы, включая авианосные ударные группы, подводные лодки и амфибийные силы, для обеспечения свободы навигации и оперативного доступа в ключевых акваториях, таких как Южно-Китайское море, Тайваньский пролив и западная часть Тихого океана [**12**]. Это присутствие усилилось в ответ на рост китайского флота, который к 2025 году насчитывает более 200 бомбардировщиков H-6 и 2100 истребителей, с производством кораблей в соотношении 6:1 по сравнению с США, что делает регион ареной интенсивной милитаризации с рынком обороны ИТР, достигшим $534 млрд в 2025 году и прогнозируемым ростом до $644 млрд [**13**].

В 2024–2025 годах США провели свыше 120 совместных учений, включая 20 крупных, для повышения интероперабельности с союзниками, а также развернули специализированные силы, такие как корабль береговой охраны США (Indo-Pacific Support Cutter) Harriet Lane, установленный в Гонолулу еще в 2023 году, для продвижения морского управления и постоянного присутствия в регионе [**14**]. Примером такого рода проявления активности является многонациональное упражнение «Фридом Эдж 2025» (Freedom Edge 2025), объединившее военно-морские силы США, Японии и Республики Корея для отработки трилатерального доверия и операций в Индо-Тихоокеанском пространстве [**15**], а также «Пасифик Вэнгард 2025» (Pacific

Vanguard 2025) с участием пяти стран региона для совершенствования навыков в морских операциях и противолодочной войне [**16**].

В рамках своих возможностей и полномочий стратегическое командование США рассматривает регион как особую зону своей ответственности и будет препятствовать росту влияния КНР в долгосрочной перспективе. Начальник стратегического командования США (USSTRATCOM) адмирал Чарльз Ричард, выступая в комитете Сената по вооруженным силам США, отметил: «Китай продвигает всеобъемлющую программу модернизации Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и создает сильную, смертоносную силу <…> Эти инициативы усиливают способность Китая проецировать силу дальше от своей территории и поддерживают его устремления навязать свою волю всему Индо-Тихоокеанскому региону. Военная модернизация Пекина поддерживает долгосрочные цели установить региональную гегемонию, лишить США возможности проводить операции по проекции силы в Индо-Тихоокеанском регионе и вытеснить США как партнера по выбору в безопасности» [**17**]. Это заявление подтверждают недавние бюджетные инициативы США: Штаты направили десятки миллиардов долларов на возрождение судостроения и ремонт промышленной базы, чтобы противостоять напряженности в оборонно-промышленном комплексе в условиях роста сил Народно-освободительной армии Китая.

Роль союзников США в регионе неотделима от военного присутствия и усиливает многосторонний характер ИТС через уже упомянутые мини-латеральные форматы – Четырехсторонний диалог по безопасности и АУКУС, которые фокусируются на совместных учениях, обмене технологиями и укреплении цепочек поставок.

Япония, например, инвестировала $274,2 млрд в прямые иностранные инвестиции в АСЕАН в 2022 году [**18**], а ее программа «Официальная помощь безопасности» (Official Security Assistance, OSA) достигла €50 млн для

поддержки морской безопасности, дополняя картину американского присутствия. АУКУС, в частности, предусматривает передачу ядерных подводных лодок Австралии, что и воспринимается как шаг к созданию «азиатской версии НАТО» для противодействия распространения китайского влияния.

Что касается самого НАТО, хотя блок не имеет прямого военного присутствия в ИТР, его роль в 2025 году эволюционировала в сторону стратегического партнерства с «Индо-Тихоокеанской четверкой» (Indo-Pacific Four, IP4) в составе Австралии, Японии, Республики Корея и Новой Зеландии, что усиливает диалог и сотрудничество для взаимосвязанной безопасности Евро-Атлантического и Индо-Тихоокеанского регионов [**19**].

На саммите НАТО 2025 года был объявлен сдвиг в оборонном планировании, включая потенциальную поддержку США при эскалации кризисов через обмен разведданными и совместные инициативы [**20**]. НАТО усилило свою вовлеченность в регион с 2022 года, в особенности после начала специальной военной операции в Украине. Организация рассматривает Индо-Тихоокеанский регион как часть ее глобальных стратегических выборов, где председатель Военного комитета НАТО участвует во встречах начальников штабов ИТР для обсуждения взаимосвязанных угроз [**21**]. Однако критики отмечают, что амбиции НАТО в ИТР могут ослабить альянс, отвлекая ресурсы от европейского театра, и заверяют в необходимости убедить региональных игроков в ценности такого сотрудничества [**22**].

В целом военно-морское присутствие США, подкрепленное вовлеченностью союзников и растущей ролью НАТО, способствует поляризации АТР, провоцируя ответные меры Китая, но также открывает возможности для баланса между конкуренцией и кооперацией в архитектуре региональной безопасности.

Реакция Китая на концепцию Индо-Тихоокеанского региона

Реакция Китая на концепцию Индо-Тихоокеанского региона в полной мере проявилась 12 мая 2025 года с публикацией Белой книги «Национальная безопасность Китая в новую эпоху». В ней ИТР рассматривается как инструмент разделения Азии и подрыва региональной стабильности в противоположность «модели общей национальной безопасности» (总体国家安全观) [**23**].

Эта реакция отражает эволюцию китайской внешней политики от оборонительной к упреждающей, где Пекин использует ИТР как повод для критики гегемонии США, стремящихся как минимум затормозить, а как максимум остановить рост влияния КНР, одновременно продвигая альтернативные инициативы, такие как «Один пояс – один путь».

Белая книга подчеркивает, что ИТР усиливает напряженность через укрепление военных альянсов и эксклюзивных «малых групп», продвижение развертывания, включая системы промежуточных ракет. Под такими альянсами и группами подразумеваются Quad и AUKUS. Их военное присутствие приводит к милитаризации региона и вмешательству внешних сил в территориальные споры, включая Тайвань, Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря.

Суть пунктов Белой книги как контраргумента к действиям США и союзников раскрывается в ее структуре.

В разделе I книги Китай описывает глобальные вызовы как «доминирование отдельных стран», намекая на США, включая возрождение гегемонии, силовой политики и холодной войны, где ИТР видится как часть «игры с нулевой суммой», которая подразумевает, что выигрыш одного влечет за собой гарантированный проигрыш другого. Это – усугубляющий фактор глобальных рисков.

Кроме того, отмечается возрождение проблем эпохи холодной войны, усложнение территориальных и морских споров из-за вмешательства внешних

сил. Это прямо указывает на роль США в ситуации вокруг Южно-Китайского моря и Тайваня, что будет рассмотрено далее. В противовес этому Пекин позиционирует себя как стабилизирующую силу через «истинный мультилатерализм». В подразделе о стабильности Китая подчеркиваются внешние угрозы от «западных антикитайских сил», включая окружение, подавление и сдерживание, с увеличением внешнего давления на безопасность границ, где Китай обеспечивает стабильность и прочность через общую концепцию безопасности.

В разделе II подчеркивается уже упомянутая «общая концепция национальной безопасности» с фокусом на системном подходе, где «общее» является душой национальной безопасности в новую эпоху, охватывающей множество областей (политику, экономику, военную сферу и т. д.), с динамической адаптацией и координацией против внешнего сдерживания и давления. Политическая безопасность здесь ставится в приоритет с целью предотвращения «цветных революций» и внешнего вмешательства, воспринимаемых как часть стратегии вестернизации и дифференциации США.

Защита национальных интересов подразумевает охрану ядерных интересов, включая национальную мощь, суверенитет, единство и территориальную целостность, благосостояние народа и устойчивое экономическое и социальное развитие, с твердым заявлением ни при каких условиях не отказываться от собственных законных прав, что прямо относится к спорам в АТР.

Предотвращение рисков фокусируется на глобальных рисках, включая события, называемые «черными лебедями» и «серыми носорогами». В данном контексте под «черными лебедями» понимаются такие события, которые кажутся невозможными, но все же происходят, а под «серыми носорогами» – очевидные и высоковероятные события, которые все игнорируют по каким-либо причинам. Все глобальные риски, которые способны задержать или прервать процесс возрождения китайской нации, должны быть

предотвращены и контролируемы. Продвижение международной общей безопасности предлагается строить на основе общей, комплексной, кооперативной, устойчивой концепции безопасности, которая противопоставляется политике гегемонии США.

Раздел III интегрирует безопасность с развитием, подчеркивая защиту территориальной целостности и морских прав, в том числе в отношении Тайваня, Южно-Китайского моря и островов Дьяоюйдао (японское название – Сэнкаку), с решительным противодействием «независимости Тайваня» и внешнему вмешательству. Интерпретация вмешательства во внутренние дела КНР сводится к разыгрыванию «тайваньской карты», на что Китай отвечает принципом «одного Китая». Обеспечение безопасности в новых областях акцентирует внимание на безопасности данных, кибер- и ИИ-безопасности с регуляциями как ответом на технологическое сдерживание.

В разделе IV баланс развития и безопасности противопоставляется обратной глобализации и обобщению безопасности, включая критику американских тарифов и санкций как части торговой и технологической войны, с акцентом на динамический баланс, где внешние угрозы не остановят развитие, но требуют высокого уровня безопасности, и решительную оппозицию злоупотреблению экспортным контролем.

Наконец, раздел V продвигает Глобальную инициативу безопасности с принципами уважения суверенитета и диалога, напрямую осуждая «лагерную и эксклюзивную» природу малых групп, включая их использование для разделения региона, создания «азиатско-тихоокеанской версии НАТО», ядерного обмена, ядерного сдерживания и ракет средней дальности. Данная инициатива тесно связана с инициативой «Один пояс – один путь». ИТР частично возник как ответ на китайскую экономическую экспансию: инициатива «Один пояс – один путь» фокусируется на экономическом сотрудничестве с АСЕАН и странами Глобального Юга, предлагая инфраструктурные проекты для укрепления связей, в то время как ИТР

усиливает военную компоненту. Пекин использует это противопоставление для продвижения «Пояса и пути» как «мирного» контраргумента [**24**].

В целом реакция Китая в 2025 году усиливает поляризацию, но также открывает диалог: Белая книга подчеркивает общую, комплексную, кооперативную и устойчивую безопасность, противопоставляя ее гегемонии США, и интегрирует инициативу «Один пояс – один путь» как экономический мост для снижения напряженности. Это противопоставляется видению Китая как «строителя стабильности» через Глобальную инициативу безопасности, что может обострить напряженность в территориальных спорах, но и открывает возможности для многостороннего сотрудничества.

Заключение

Индо-Тихоокеанский регион превратился в ключевой элемент формирующейся архитектуры международной безопасности, определяемой логикой стратегического соперничества великих держав. Для США данное пространство стало не только ареной противостояния с КНР, но и платформой для укрепления союзов (Quad, AUKUS), а также инструментом демонстрации глобального лидерства через такие инициативы, как IPEF, и расширенное военно-морское присутствие.

Китай, в свою очередь, воспринимает американскую стратегию как попытку фрагментации региона и подрыва его внутренней устойчивости. В ответ Пекин продвигает «общую концепцию национальной безопасности», Глобальную инициативу безопасности и проект «Один пояс – один путь», интерпретируя их как альтернативу конфронтационной логике и механизм защиты суверенитета и многосторонности.

Эта растущая поляризация усиливает напряженность в наиболее уязвимых акваториях – Южно-Китайском море и Тайваньском проливе, – но одновременно создает и пространство для переговоров, поскольку риски эскалации становятся очевидными для всех участников. Будущая устойчивость регионального порядка будет зависеть от способности США и

Китая выстраивать гибкий баланс между конкуренцией и сотрудничеством, сохранять открытость архитектуры безопасности и предотвращать переход соперничества в прямой конфликт.

Список источников и литературы

1. У Яньбинь. Концепция «Индо-Тихоокеанского региона» и «Индо-Тихоокеанская стратегия» США: формирование, развитие и китайские взгляды // Мировая политика. 2022. № 1. С. 59–71.
2. Singh S. From ‘Asia’ to ‘Asia-Pacific’: Indian Political Elites and Changing Conceptions of India’s Regional Space // ISAS Working Paper No. 113. Singapore, 2010. 20 с. URL: https://www.isas.nus.edu.sg/papers/113-from-asia-to-asia-pacific-indian-political-elites-and-changing-conceptions-of-indias-regional-spaces/ (дата обращения: 01.10.2025).
3. Abe S. Confluence of the Two Seas: Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan, at the Parliament of the Republic of India. 22 Aug. 2007. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html (дата обращения: 03.10.2025).
4. Clinton H. America’s Pacific Century // Foreign Policy. 2011. Nov. P. 62–63.
5. Envall H. D. P. The Quadrilateral Security Dialogue: Towards an Indo-Pacific Order? Singapore: RSIS, 2019. Sept. 20 с. URL: https://rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2019/09/PR190909_The-Quadrilateral-Security-Dialogue.pdf (дата обращения: 03.10.2025).
6. Wen Jiabao. Full text of Chinese Premier Wen Jiabao’s speech at World Economic Forum Annual Meeting 2009 // Xinhua. 28 Jan. 2009. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2009-01/29/content_10731877.htm (дата обращения: 13.10.2025).
7. 中华人民共和国国务院新闻办公室. 《新时代的国家安全》白皮书 (National Security in the New Era of China). Пекин, 2025. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202505/content_7023405.htm (дата обращения: 01.10.2025).
8. Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира : монография / под редакцией О.П. Иванова ; ДА МИД России. Москва : Квант Медиа, 2021. 624 с. URL: https://elib.dipacademy.ru/MegaPro/Download/ToView/1104?idb=books. ISBN 978-5-6046526-6-4.

9. U.S. Department of State. A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. 4 Nov. 2019. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (дата обращения: 14.10.2025).
10. US-ASEAN Business Council. IPEF: Progress, Challenges, and Prospect. URL: https://www.usasean.org/article/ipef-progress-challenges-and-prospect (дата обращения: 09.11.2025).
11. Zhao S., Guo D. A New Cold War? Causes and Future of the Emerging US – China Rivalry // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 9–21. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-9-21.
12. Paparo S. J. Statement of Admiral Samuel J. Paparo Commander, U.S. Indo-Pacific Command U.S. Indo-Pacific Command Posture April 2025. URL: https://armedservices.house.gov/uploadedfiles/indopacom_posture_statement_2025.pdf (дата обращения: 23.10.2025).
13. Edmondson J. The Indo-Pacific Region's Future of Defence // VettaFi. URL: https://www.vettafi.com/insights/indexing-article-the-indo-pacific-region-s-future-of-defence (дата обращения: 24.10.2025).
14. The United States' Enduring Commitment to the Indo-Pacific Region / U.S. Mission to ASEAN. URL: https://asean.usmission.gov/the-united-states-enduring-commitment-to-the-indo-pacific-region/ (дата обращения: 24.10.2025).
15. Freedom Edge 2025: Building Trilateral Trust Across the Indo-Pacific. URL: https://www.pacom.mil/Media/NEWS/News-Article-View/Article/4308520/freedom-edge-2025-building-trilateral-trust-across-the-indo-pacific/ (дата обращения: 29.10.2025).
16. US Allied Forces Join for Exercise Pacific Vanguard 2025. URL: https://www.cpf.navy.mil/Newsroom/News/Article/4286800/us-allied-forces-join-for-exercise-pacific-vanguard-2025/ (дата обращения: 03.11.2025).
17. Richard C. A. Statement of Charles A. Richard Commander United States Strategic Command before the Senate Committee on Armed Services, February 13, 2020. URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Richard_02-13-20.pdf (дата обращения: 03.11.2025).
18. Sakaki A. Japan in Southeast Asia: Countering China's Growing Influence / SWP. 2025. RP 01. 39 p. doi:10.18449/2025RP01. URL: https://www.swp-berlin.org/publikation/japan-in-southeast-asia-countering-chinas-growing-influence (дата обращения: 09.11.2025).
19. Relations with Partners in the Indo-Pacific Region. NATO. 23 Jun. 2025. URL: https://www.nato.int/en/what-we-do/partnerships-and-cooperation/relations-with-partners-in-the-indo-pacific-region (дата обращения: 16.11.2025).

20. Morrow A. The 2025 NATO Summit and Its Implications for Indo-Pacific Security / NATO Association of Canada. URL: https://natoassociation.ca/the-2025-nato-summit-and-its-implications-for-indo-pacific-security/ (дата обращения: 16.11.2025).
21. Chair of the NATO Military Committee attends Indo-Pacific Chiefs of Defence Conference. NATO News, 29 Aug. 2025. URL: https://www.nato.int/en/news-and-events/articles/news/2025/08/29/chair-of-the-nato-military-committee-attends-indo-pacific-chiefs-of-defence-conference (дата обращения: 17.11.2025).
22. Panda J., Ghiasy R. NATO Engagement in the Indo-Pacific? A Three-Country Case Study: India, Indonesia & the Philippines / ISDP. 2025. URL: https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2025/10/NATO-Engagement-Indo-PacificPanda-Ghiasy-003.pdf (дата обращения: 05.11.2025).
23. Интервью с профессором Чжаном из China Foreign Affairs University, проведенное 12 ноября 2025 года в рамках выступления экспертов перед студентами Дипломатической академии МИД РФ на тему «Инициатива глобального управления». Комментарий профессора относительно точности перевода термина «总体».
24. Cheng Guo, Chen Lu, Degterev Denis Andreevich, Zhao Jielin Implications of «One Belt, One Road» strategy for China and Eurasia // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 77–88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88.

Анастасия Александровна Забелла,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории международных отношений,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.
E-mail: zabella_aa@pfur.ru
Евгения Юрьевна Каткова,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры востоковедения и африканистики,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.
E-mail: katkova_eyu@pfur.ru
Дмитрий Алексеевич Сидоров,
кандидат политических наук,
и.о. заведующего кафедрой
зарубежного регионоведения,
Московский государственный лингвистический университет.
E-mail: d.a.sidorov@linguanet.ru
Anastasia A. Zabella,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory and History
of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba.
E-mail: zabella_aa@pfur.ru
Evgeniya Yu. Katkova,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Oriental Studies and African Studies,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba.
E-mail: katkova_eyu@pfur.ru
Dmitry A. Sidorov,
Candidate of Political Sciences,
Acting Head of the Department of Foreign Area Studies,
Moscow State Linguistic University.
E-mail: d.a.sidorov@linguanet.ru

«БОЛЬШАЯ ИГРА» XXI ВЕКА: СООТНОШЕНИЕ СИЛ РФ, КНР И США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

"THE GREAT GAME" OF THE 21ST CENTURY: RUSSIA, CHINA, AND U.S. POWER DYNAMICS IN CENTRAL ASIA

Аннотация: актуальность представленного исследования предопределена возрастающей геополитической ролью Центральной Азии в политике РФ, КНР и США. В данной статье приводится анализ динамики политики и соперничества России, Китая и США в Центрально-Азиатском регионе. Рассматриваются стратегические приоритеты каждой из держав в регионе ЦА, а также их сильные и слабые стороны. Отдельно приводится сравнительный анализ степени интенсивности сотрудничества этих трех государств со странами региона в политической и экономической сферах. Также делается акцент на сфере безопасности. В статье оценивается перспектива развития гибридных войн на пространстве Центральной Азии в контексте изменения подхода США к региону и интенсификации противостояния с РФ и КНР.

Ключевые слова: Центральная Азия, геополитика, стратегические интересы, Россия, Китай, США, интенсивность сотрудничества, соперничество, региональная безопасность, экономическое взаимодействие, гибридные войны.

Abstract: the relevance of the presented research is predetermined by the growing geopolitical role of Central Asia in the policies of the Russian Federation, China and the United States. This article provides an analysis of the dynamics of the policy and rivalry of Russia, China and the United States in Central Asia. The authors consider the strategic priorities of each of the powers in the region, as well as their strengths and weaknesses. A comparative analysis is given of the degree of intensity of cooperation between these three states and the countries of the region in the political and economic spheres, the authors also focus on the security sphere. The article touches upon the prospects for the development of “hybrid wars” in the Central Asian region in the context of the changing US approach to the region and the intensification of confrontation with the Russian Federation and China.

Key words: Central Asia, geopolitics, strategic interests, Russia, China, USA, intensity of cooperation, rivalry, regional security, economic interaction, hybrid wars.

В последние годы наблюдается усиление геополитического соперничества великих держав во всех регионах мира, в том числе в Центральной Азии (ЦА), где пересекаются интересы России, Китая и США. Согласно внешнеполитическим концепциям Российской Федерации, страны СНГ традиционно с 1993 года являются важнейшим направлением среди региональных приоритетов, что связано не только с исторической общностью, многовековыми традициями совместной государственности, но и сильной взаимозависимостью в различных сферах. В современных условиях Россия

нацелена на равноправное сотрудничество со странами региона с целью формирования интегрированного экономического и политического пространства в Евразии, недопущение дезинтеграционных процессов, подогреваемых недружественными государствами.

Во внешней политике Китайской Народной Республики центральноазиатское направление уступает по приоритетности региону Юго-Восточной Азии (ЮВА). Однако Китай, реализуя инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), все активнее развивает сотрудничество с государствами Центрально-Азиатского региона в рамках Экономического пояса Шелкового пути. Весной 2023 года председатель КНР Си Цзиньпин возглавил первый саммит «Китай – Центральная Азия», который стал новой вехой в отношениях между сторонами. Руководство КНР также обращает особое внимание на вопросы безопасности в регионе ЦА, т.к. он граничит с нестабильным Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР) Китая.

Страны Центральной Азии никогда не входили и в круг ключевых внешнеполитических направлений США. Хотя за последние 25 лет интерес к региону менялся в зависимости от внутриполитических причин, геополитической обстановки и под воздействием ряда конъюнктурных факторов. На современном этапе определяющими факторами можно назвать следующие: 1) ресурсный потенциал региона (энергоносители, редкоземельные металлы и др.); 2) географическое положение (близость к Каспию, к странам Среднего и Ближнего Востока, общая граница региона с РФ и КНР); 3) транспортно-логистический потенциал региона, позволяющий в обход России переформатировать глобальные и региональные экономические цепочки, а также ослабить позиции Китая в деле реализации инфраструктурных проектов в рамках ОПОП. Намерение расширить присутствие в странах ЦА подтверждается запуском в 2023 году «саммитовой дипломатии» в формате «Центральная Азия + США» (С5+1). Ранее стороны встречались на высоком уровне для сверки часов, но повышение уровня

встречи демонстрирует намерение американского руководства перезапустить центральноазиатский вектор своей внешней политики.

С учетом переплетения в Центральной Азии интересов не только России, Китая и США, но и других глобальных и региональных игроков, в Центрально-Азиатском регионе формируется сложный геополитический ландшафт, где каждая держава преследует свои стратегические цели.

Политика РФ в Центральной Азии

Согласно всем редакциям Концепции внешней политики России, утвержденным в XXI веке, Центральная Азия является ключевым направлением внешнеполитического курса РФ наряду с другими странами СНГ. Среди основных направлений сотрудничества, согласно действующей на сегодняшний день Концепции, были обозначены следующие: урегулирование вооруженных конфликтов и обеспечение стабильности, укрепление системы региональной безопасности, противодействие усилению влияния недружественных государств на политику стран ЦА, углубление интеграционных процессов, расширение экономического сотрудничества и т.д. [7].

В целом отношения между Россией и странами Центральной Азии оставались стабильными на протяжении последних десятилетий, несмотря на экономический подъем Китая, войну и нестабильность в Афганистане, революции в Киргизии, смену власти в Узбекистане, Туркменистане и Казахстане, западные антироссийские санкции и т.д. Основными столпами политики России в регионе являются сотрудничество в сфере безопасности и экономическая интеграция.

Россия продолжает играть роль важнейшего партера центральноазиатских стран в области безопасности. Ключевой структурой в военной сфере является Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которая позволяет РФ имплементировать меры по обеспечиванию стабильности в регионе, а именно обеспечивать защиту от внешних угроз,

координировать действия в области обороны и безопасности, развивать военное и военно-техническое сотрудничество. Стороны на регулярной основе проводят военные учения «Боевое братство», «Кобальт», «Взаимодействие», «Поиск», «Нерушимое братство», «Эшелон», «Рубеж», «Гром». Военные мероприятия не прерывались даже в период пандемии COVID-19, а с 2022 года, несмотря на переориентацию внимания и большей части ресурсов на СВО, Россия провела более 10 совместных учений в рамках ОДКБ с центральноазиатскими партнерами.

Россия продолжает углублять военное сотрудничество со странами ЦА, не входящими в ОДКБ, на двусторонней основе. Так, в 2019 году Россия и Туркменистан подписали Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, а в 2022 году приняли Декларацию об углублении стратегического партнерства, которая включает вопросы сотрудничества в области обеспечения безопасности [**4**]. В январе 2025 года министерства обороны России и Узбекистана подписали план сотрудничества на год, предусматривающий проведение 50 совместных мероприятий, а в мае этого же года был подписан план стратегического партнерства в военной сфере на период 2026–2030 годов [**9**].

Одними из самых значимых событий и вызовов для ОДКБ на пространстве Центральной Азии за последние годы стали события 2022 года – протесты в Казахстане и эскалация конфликта на киргизско-таджикской границе. С 6 по 19 января по запросу президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева ОДКБ под руководством России направила миротворческий контингент для стабилизации ситуации в стране из-за январских протестов. Успех операции ОДКБ подтвердил эффективность организации и продемонстрировал возможность оперативного реагирования на возникающие в ближнем зарубежье кризисы [**16**, с. 250]. Пограничный вопрос между Киргизией и Таджикистаном оставался неурегулированным на протяжении многих лет, несмотря на членство обеих стран в ОДКБ и ШОС. В

начале 2020-х годов произошла эскалация напряженности, приведшая к прямому вооруженному противостоянию двух сторон с использованием тяжелой техники. Так, за 2022 год произошло 14 столкновений, от которых пострадало несколько сотен человек [**22**, с. 61–62]. Однако в октябре 2022 года при посредничестве России начались переговоры между лидерами двух конфликтующих стран, что позволило Киргизии и Таджикистану в марте 2025 года подписать Договор о государственной границе [**12**]. Успешное проведение операции ОДКБ в Казахстане, содействие в урегулировании пограничных споров между Таджикистаном и Киргизией позволили России на деле проявить себя в роли гаранта безопасности в регионе. Важной вехой в развитии политики РФ в ЦА стал запуск «саммитовой дипломатии» России в регионе. Первый саммит «России – Центральная Азия» прошел 14 октября 2022 года и был приурочен к 30-летию установления дипломатических отношений между Россией и странами региона. В ходе саммита стороны подтвердили намерение расширять сотрудничество, включая консультации на высоком уровне по текущем проблемам международной политики, координацию в сфере безопасности, усиление торгово-экономических связей и отношений в других областях [**14**]. Многие озвученные в ходе саммита предложения на сегодняшний день еще не были наполнены реальным содержанием. Но само проведение саммита в формате «Россия – Центральная Азия» говорит об изменениях российского подхода к региону.

В последние годы всё более тесно вопросы обеспечения региональной безопасности увязываются с вопросами экономического характера. Поэтому экономика является как сферой взаимных интересов, так и источником новых вызовов и угроз. Для России крайне важно продолжение интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и расширение его международных связей. Однако далеко не все страны ЦА представлены в ЕАЭС. Из центральноазиатских государств только Казахстан и Киргизия участвуют в данном объединении, в то время как другие страны региона

используют имеющиеся возможности Содружества Независимых Государств (СНГ), дополняя их двусторонними соглашениями со странами ЕАЭС. В декабре 2020 года Узбекистан получил статус наблюдателя в ЕАЭС [**1**], что стало важным политическим событием, которое обозначило перспективу дальнейшего углубления экономических связей Узбекистана с Россией и странами союза. Санкции, введенные странами Запада во главе с США, стали катализатором расширения сотрудничества между РФ и ЦА, так как российская сторона акцентировала внимание на поиске новых экономических возможностей из-за ограничения доступа страны к западным рынкам, финансированию и технологиям. В 2022 году страны Центральной Азии столкнулись с давлением со стороны Запада по вопросу соблюдения санкций против России. Этот фактор продолжает оказывать значительное влияние на динамику торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества России со странами региона, хотя товарооборот между РФ и странами ЦА увеличился, а также выросли объемы российских инвестиций в регион.

Несмотря на расширение сотрудничества в целом ряде областей, в отношениях остаются и сложности, которые включают конкуренцию РФ с другими иностранными государствами, политическую нестабильность в странах ЦА, угрожающую национальным интересам РФ, усиление националистических тенденций (включая постепенный отказ от русского языка) и т.д. Помимо этого, Россия может предложить более скромные инвестиционные вложения, чем, например, Китай, что ослабляет позиции страны в регионе. Также к факторам, оказывающим отрицательное влияние на отношения между РФ и ЦА, можно отнести издержки, связанные с проведением специальной военной операции, и ужесточение миграционной политики.

Несмотря на то что в сфере экономики сотрудничество развивается поступательно, ни одна из стран, в том числе являющихся партнерами по ОДКБ и ЕАЭС, не выразила официальной поддержки СВО. Санкционное

давление и усиление соперничества России с Западом привели к активизации создания Транскаспийского международного транспортного маршрута в обход России. При поддержке ЕС и Турции объемы грузоперевозок по этому коридору выросли в 7,5 раз – с 0,6 млн в 2021 году до 4,5 млн тонн в 2024 году [**10**]. Триггером для ужесточения миграционной политики РФ стал теракт в подмосковном концертном зале «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 года, совершенный выходцами из стран ЦА. Миграционные ограничения в РФ стали ответом на неудачи в миграционной политике. Однако эти ограничения могут привести к росту недовольства со стороны граждан ЦА новой системой законного пребывания в РФ, иметь экономические последствия, привести к обострению внутренней напряженности в странах региона. России предстоит найти оптимальную формулу привлечения мигрантов для решения проблем убыли населения и нехватки трудовых ресурсов.

Немаловажную роль в реализации политики РФ в отношении ЦА играет язык и культура. Русский язык занимает видное место в политике и образовании стран ЦА, где проживает значительное русскоязычное население. В Казахстане русский язык является вторым государственным языком наравне с казахским, в Киргизии он имеет статус официального, а в Таджикистане обладает статусом языка межнационального общения. Тем не менее нельзя не учитывать, что советское наследие в странах ЦА постепенно утрачивает роль ключевого связующего культурного элемента, на смену которому приходит новая национальная идентичность, стирающая духовную и культурную близость единого постсоветского пространства. В странах региона новое поколение сформировалось на основе национальных и популярных западных ценностей, что требует от России поиска новых форм и методов продвижения русского языка и культуры в условиях высокой конкуренции в регионе.

Таким образом, на сегодняшний день Россия сохраняет традиционное влияние в Центральной Азии, тем не менее из-за усиления геополитической конкуренции появляются всё новые, а также усиливаются старые вызовы,

требующие корректировки политики. Несмотря на геополитические потрясения, усиление позиций новых игроков, внутренние трансформации в центральноазиатских республиках и вызовы, связанные с санкциями и миграцией, политика России в Центральной Азии в последние годы демонстрировала устойчивость, сохраняя фокус на безопасности и экономической интеграции как ключевых столпах влияния, но одновременно сталкиваясь с возрастающей многовекторностью региона и стремлением стран к диверсификации своих внешних связей.

Политика КНР в Центральной Азии

Прежде всего стоит отметить, что Центральная Азия никогда не входила в перечень приоритетных внешнеполитических направлений КНР, однако нельзя недооценивать важность региона во внешней политике Китая. Китайское руководство уделяет особое внимание в развитии отношений со странами ЦА следующим направлениям: 1) безопасность, стабильность близ границ КНР и недопущение сепаратизма в Китае, а также сотрудничество в рамках ШОС; 2) торгово-экономическое сотрудничество с целью развития северо-западных территорий КНР; 3) сотрудничество в рамках инициативы ОПОП, а также концепции «Сообщество единой судьбы человечества»; 4) экспорт ресурсов с целью обеспечения энергетической безопасности; 5) формирование новых региональных экономических цепочек, в том числе в обход РФ; 6) построение дружественных отношений со странами ЦА посредством усиления гуманитарного сотрудничества.

К сильным сторонам Китая можно отнести значительные финансовые ресурсы и способность к масштабным инвестициям, в частности в рамках ОПОП, постоянный и увеличивающийся спрос на ресурсы и новые рынки сбыта китайских товаров, прагматичность без привязки к вмешательству во внутренние дела, стабильность посредством единого и долгосрочного внешнеполитического курса, активное развитие собственных новых технологий, которые интересны ЦА. Китай является ключевым торговым

партнером стран Центральной Азии. По данным таможенного управления КНР, товарооборот между Китаем и странами ЦА в 2023 году достиг 89,4 млрд долл. США, что на 27 % выше [**27**], чем в 2022 году. В 2024 году объем торговли достиг рекордного уровня в 94,8 млрд долл. США [**40**]. Основным торговым партнером КНР в ЦА является Казахстан. По данным на конец 2024 года объем торговли составил 43,8 млрд долл. США, что на 9 % выше, чем в 2023 году [**31**]. Страны ЦА активно участвуют в инициативе ОПОП, что сулит значительные финансовые вливания в инфраструктуру, которая крайне необходима для развития региона.

Согласно Инвестиционному отчету за 2024 год, финансирование и инвестиции Китая в рамках ОПОП распределялись между 87 странами в 2024 году (по сравнению с 79 в 2023 году). Крупнейшим получателем инвестиций в объеме около 9,3 млрд долл. США стала Индонезия, за ней следуют Саудовская Аравия (5,8 млрд долл. США) и Казахстан (4,6 млрд долл. США) [**30**, p. 4]. Что касается инвестиций в рамках ОПОП, то почти во всех регионах наблюдался рост, кроме ЮВА и Латинской Америки. Рост инвестиций в рамках ОПОП в Центральной Азии составил +257 % с общим объемом 24,3 млрд долл. США. ЦА в первой половине 2025 года стала регионом с наибольшим объемом китайских инвестиций [**30**, p. 4]. Совокупный объем инвестиций превышает 30 млрд долл. США [**40**]. Инвестиции китайской стороны традиционно направляются в добывающие отрасли и обрабатывающую промышленность. Большое внимание уделяется железной дороге Китай – Кыргызстан – Узбекистан, которая сулит значительные выгоды.

Можно выделить следующие слабые стороны политики Китая в ЦА: опасения стран ЦА из-за возможного попадания в «долговую ловушку» и зависимости от КНР, критика в отношении непрозрачности инвестиционных сделок, обеспокоенность состоянием окружающей среды. К перспективным направлениям можно отнести сотрудничество в целях устойчивого развития,

в том числе развитие сельского хозяйства; новые энергетические проекты; новые технологии.

В 2022 году в рамках видеовстречи, посвященной 30-летию дипломатических отношений, было предложено повысить механизм сотрудничества КНР – ЦА до уровня глав государств, была подписана Сианьская декларация саммита «Китай – Центральная Азия», а также было заявлено о необходимости построения китайско-центральноазиатского сообщества с единым будущим и об открытии новой эры взаимоотношений. Председатель Си Цзиньпин выдвинул «четыре требования» о создании сообщества: оказание помощи друг другу, поддержка совместного развития, совместная безопасность и дружба между всеми поколениями [**41**]. Важной вехой в развитии отношений стало проведение первого саммита «Китай – Центральная Азия» в 2023 году. На приветственном банкете Си Цзиньпин заявил о том, что «углубление сотрудничества с ЦА является стратегическим решением, принятым лидерами нашего поколения с прицелом на будущее. Оно соответствует общей мировой тенденции и отвечает ожиданиям людей» [**42**]. Выбор города Сиань в качестве первой площадки для встречи с лидерами стран ЦА был не случаен. Более 2100 лет назад, во времена династии Хань, именно из этого города с миссией в ЦА отправился Чжан Цзянь, тем самым способствуя налаживанию контактов между Европой и Азией посредством Шелкового пути. Таким образом китайская сторона продемонстрировала желание развивать прошлые достижения, двигаться вперед, укрепляя сотрудничество [**6**, с. 155]. Второй саммит состоялся в Астане 17 июня 2025 года. Важным тезисом саммита стала необходимость построения «китайско-центральноазиатского духа», который базируется на «взаимном уважении, взаимном доверии, взаимной выгоде, взаимопомощи и содействии общей модернизации с высококачественным развитием» [**39**]. Кроме того, был подписан Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве [**5**]. В Астанинской декларации отмечаются важные направления сотрудничества, в

том числе в рамках ОПОП: гуманитарное сотрудничество, взаимодействие в области изменения климата, энергетическое партнерство (включая зеленую энергетику), использование минеральных ресурсов, реализация инициативы по сотрудничеству в области безопасности данных и т.д. Стороны приняли решение, что начиная со второго саммита каждые два года будет определяться тематический год, а период с 2025 по 2026 год станет «Годом качественного развития сотрудничества КНР – ЦА».

Си Цзиньпин отметил необходимость следующего: 1) преданность моральным ценностям сотрудничества, в основе которых лежит взаимодоверие и взаимовыручка; 2) совершенствование архитектуры сотрудничества, которое характеризуется прагматичностью, эффективностью и глубокой интеграцией (в течение трех лет предоставить 3000 квот для участия в курсах профессиональной подготовки); 3) важность создания неделимой архитектуры безопасности, обеспечивающей долгосрочное спокойствие и мир; 4) укрепление культурно-гуманитарных связей, основанных на духовной близости и общем стремлении (в том числе посредством «мастерских Лу Бань»; 5) защита справедливого, рационального, равноправного и упорядоченного международного порядка [**15**]. В ходе саммита стороны также приняли участие в открытии центров по борьбе с бедностью, обменам и сотрудничеству в области образования, борьбе с опустыниванием, а также площадки по созданию благоприятных условий для торговли формата «Китай –Центральная Азия». Третий саммит «Китай – Центральная Азия» запланирован на 2027 год в Китае.

Китай стремится укрепить свои позиции через многостороннее сотрудничество, экономические инициативы и культурные обмены. Это создает возможности и для дальнейшего развития взаимодействия между партнерами.

Политика США в Центральной Азии

Политика Соединенных Штатов в Центральной Азии в основном направлена на создание противовеса России и Китаю, демократизацию, защиту прав человека, а также на борьбу с региональными угрозами безопасности, особенно после вывода войск из Афганистана. Ключевой платформой взаимодействия является формат «С5+1», который был запущен еще при Б. Обаме в 2015 году. Цель инициативы – расширение сотрудничества США с республиками Центральной Азии, заявленные задачи – укрепление региональной стабильности и безопасности, усиление экономической интеграции и обеспечение устойчивого развития [**26**]. В рамках формата «С5+1» Вашингтон продвигает видение Центральной Азии не как пространства геополитического соперничества, а как региона, состоящего из суверенных государств, способных самостоятельно определять свою судьбу и вносить вклад в мировую политику [**28**, p. 72], что служит намеком на стратегии России и Китая в данном регионе.

Во время первого президентского срока Д. Трампа политика США в ЦА активизировалась. В феврале 2020 года была выпущена Стратегия США в Центральной Азии на 2019–2025 годы, в которой приоритетными областями сотрудничества были выбраны следующие: обеспечение суверенитета и независимости республик ЦА, борьба с терроризмом, поддержание стабильности в Афганистане и укрепление его связей со странами региона, содействие реформам в области верховенства права и прав человека, а также увеличение американских инвестиций в регион [**36**].

В рамках имплементации данной стратегии в начале февраля 2020 года госсекретарь США в то время М. Помпео совершил визиты в Казахстан и Узбекистан. Эти две страны были выбраны не случайно. Во-первых, это страны, с которыми у США сложились наиболее тесные отношения. Казахстан является крупнейшим экономическим партнером США в регионе, а Узбекистан имеет значительные перспективы военно-политического

взаимодействия. Так, в 2018 году Вашингтон и Ташкент подписали пятилетний план военного сотрудничества [**32**, p. 66], а в 2003–2019 годах в рамках военного сотрудничества США и Казахстана регулярно проводились совместные учения «Степной орел» с участием контингентов других стран. Во-вторых, Казахстан имеет важное стратегическое значение – он граничит и с Россией, и с Китаем, а Узбекистан, в свою очередь, наименее интегрирован в российские региональные проекты (не является членом ОДКБ и ЕАЭС). Главной темой визита была экономика, но, так как в этой сфере США сильно проигрывают Китаю, важной задачей стало усиление антикитайских тенденций. Так, в Казахстане М. Помпео встретился с этническими казахами, члены семей которых пропали без вести или были помещены в «лагеря перевоспитания» в СУАР. Он также высказался по поводу состояния прав человека в Китае и призвал «все страны, которые разделяют обеспокоенность по поводу нападок КПК на права человека и основные свободы, присоединиться к осуждению такого поведения» [**35**]. Посол Китая в Казахстане Чжан Сяо назвал претензии США необоснованными и «постановочным спектаклем» против Китая [**11**]. Тем не менее вопросы, которые поднимают США, являются важными для части населения, и такая антикитайская риторика может принести свои плоды. В Узбекистане, помимо двусторонних встреч, М. Помпео посетил саммит в формате «С5+1» с министрами иностранных дел Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Как и в Казахстане, главной темой двусторонних переговоров была экономика. Стороны обсудили перспективы присоединение Узбекистана к ВТО, что является важным вопросом для США, которые стараются не допустить присоединения Ташкента к ЕАЭС. В 2019 году министр торговли США У.Л. Росс, выступая на ежегодном бизнес-форуме Американо-узбекской торговой палаты, предупредил, что «стремление к членству в ЕАЭС может усложнить и затянуть процесс вступления в ВТО» [**33**]. Тем самым США стараются ограничить влияние РФ

в регионе. В рамках многостороннего форума обсуждались вопросы безопасности, совместные экономические проекты, а также сотрудничество с Афганистаном.

Важным событием для стран региона стал вывод американского контингента из Афганистана в августе 2021 года. Еще в мае в СМИ появилась информация о том, что Вашингтон рассматривает возможность размещения в Узбекистане и Таджикистане войск, которые США собирались вывести из Афганистана. Это бы позволило Вашингтону оперативно реагировать на происходящие в Афганистане события [**29**, p. 584]. Однако эти сообщения вызвали противодействие со стороны Москвы, и в конце концов США не удалось закрепить свое военное присутствие в ЦА. На встрече в формате стран – соседей Афганистана в Китае в 2022 году министр иностранных дел РФ С.В. Лавров заявил, что Россия считает «неприемлемым размещение любой военной инфраструктуры США и НАТО или обслуживавших их афганцев на территории соседних государств, в первую очередь в Центральной Азии» [**3**].

В 2022 году политика США в отношении Центральной Азии переориентировалась на вовлечение региональных государств в поддержку антироссийских санкций и осуждение СВО. В 2023 году Э. Блинкен совершил визиты в Казахстан и Узбекистан, а Дж. Байден в сентябре того же года встретился с лидерами центральноазиатских республик в ходе ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Однако привлечь страны на свою сторону у Белого дома не получилось, в итоговом заявлении глав государств тема Украины не была затронута. Зато большой блок был посвящен экономическому сотрудничеству. США обещали инвестиции в Транскаспийский торговый маршрут и энергетические проекты [**23**].

Центральноазиатский трек внешней политики во время второго президентского срока Д. Трампа, очевидно, не будет доминировать, но внимание ему будет уделено в связи с возвращением фокуса внимания американской стратегии на противодействие КНР. Кроме этого, важным

треком сотрудничества является обеспечение США доступа к редкоземельным металлам и критически важным минеральным ресурсам в регионе. Центральная Азия обладает большими запасами критически важных минералов и редкоземельных металлов: марганец (8,6 % мировых запасов), хром (30,07 %), свинец (20 %), цинк (12,6 %), титан (8,7 %), алюминий (5,8 %), медь и кобальт (5,3 %), молибден (5,2 %), крупнейшие запасы которых находятся в Казахстане и Узбекистане [**37**, p. 1680–1681]. В марте 2025 года Узбекистан запустил инициативу стоимостью 2,6 млрд долл. США по разработке национальных месторождений важнейших полезных ископаемых, таких как вольфрам, литий, титан и ванадий, что может помочь стране привлечь американские инвестиции, в то время как Казахстан владеет 19 из 34 важнейших видов полезных ископаемых, которые определены в Законе ЕС о критическом сырье 2023 года, а также является вторым по величине в мире производителем хрома [**24**].

Таким образом, политика США в Центральной Азии в последнее время была направлена на создание противовеса влиянию России и Китая, на продвижение экономических связей и диверсификацию логистических маршрутов, а также на обеспечение доступа к стратегически важным ресурсам.

Сравнительный анализ позиций РФ, КНР и США в Центральной Азии

Рассмотрев политику РФ, КНР и США в Центральной Азии, можно заметить, что в последние годы они активизировали политику в регионе, используя свои конкретные преимущества и подчеркивая недостатки соперников. Сопоставление позиций стран в регионе можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 1

Сравнение стратегий РФ, КНР и США в Центральной Азии

	Российская Федерация	Китайская Народная Республика	Соединенные Штаты Америки
Основные цели и интересы	– сохранение традиционного влияния; – вопросы обороны и безопасность границ; – экономическая интеграция (ЕАЭС); – военно-политическое сотрудничество (ОДКБ); – защита русскоязычного населения.	– экономическое и инвестиционное сотрудничество (ОПОП, доступ к рынкам и ресурсам); – энергетическая безопасность (диверсификация); – безопасность в СУАР; – развитие транспортных коридоров; – укрепление региональной стабильности	– уменьшение влияния РФ и КНР в регионе; – борьба с терроризмом и экстремизмом; – продвижение демократии и прав человека; – доступ к ресурсам
Основные сферы сотрудничества	– безопасность; – военно-техническое сотрудничество; – экономическая интеграция; – энергетика; – культура и образование	– экономика; – инфраструктура; – энергетика; – сельское хозяйство; – цифровая экономика	– безопасность; – развитие демократии и управления; – экономика и энергетика
Региональные форматы	ОДКБ, ЕАЭС, СНГ, ШОС, двусторонние стратегические партнерства	ШОС, ОПОП, форум сотрудничества «Китай – Центральная Азия», двусторонние стратегические партнерства	формат «С5+1»; программа НАТО «Партнерство ради мира»
Сильные стороны	– историческое и культурное влияние: русский язык как язык межнационального общения в регионе, общее советское наследие; – географическая близость: общие границы, удобство логистики; – безопасность: сотрудничество в рамках ОДКБ, присутствие военных баз в регионе; – экономическая интеграция: развитие ЕАЭС, трудовая миграция в РФ (источник доходов для стран ЦА)	– огромные финансовые ресурсы; – инвестиции в крупные инфраструктурные проекты; – постоянный спрос на ресурсы; – политическая стабильность: единый и долгосрочный внешнеполитический курс; – технологический потенциал; – прагматичность: фокус на экономическом сотрудничестве без вмешательства во внутренние дела.	– «мягкая сила»: привлекательность либеральных ценностей: демократия, вопросы прав человека (для части населения и элит); – трансфер технологий; – опыт борьбы с транснациональными угрозами; – обширные финансовые возможности (помощь в целях развития, инвестиции)
Привлекательность для стран ЦА	– роль гаранта безопасности; – привлекательное направление для	– главный источник инвестиций и технологий; – реэкспорт китайских товаров в РФ и Европу	– диверсификация партнеров; – интерес к технологиям и инвестициям

	трудовой миграции		
Вызовы	– снижение экономического влияния (по сравнению с КНР); – отвлечение ресурсов на СВО; – опасения по поводу имперских амбиций со стороны стран ЦА; – усиление позиций ЕС, США и Турции.	– обвинения в создании «долговых ловушек»; – антикитайские настроения в регионе; – необходимость учитывать интересы РФ.	– ограниченные ресурсы (фокус на других регионах); – недоверие к продвижению демократии; – конкуренция с РФ и КНР.

Источник: составлено авторами

Для России и США важнейшими интересами на пространстве ЦА являются вопросы политики и безопасности, в то время как КНР связывает свое присутствие в регионе в основном с экономикой. Что касается политической сферы, то все три страны активно развивают различные политические площадки для углубления связей с центральноазиатскими республиками. В этом плане Россия имеет наиболее сильные позиции, т.к. активнее остальных формирует региональную интеграцию под своим лидерством (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС). Китай, в свою очередь, в политическом плане развивает диалог на двустороннем уровне, а также в рамках ОПОП, форума сотрудничества «Китай – Центральная Азия» и совместно с РФ в ШОС. США поддерживают сотрудничество со странами ЦА в рамках формата «С5+1», а также программы НАТО «Партнерство ради мира».

Тем не менее в политической сфере Россия является важнейшим партнером всех стран региона. Лидеры республик регулярно посещают Россию с визитами различных уровней и участвуют в переговорах с президентом РФ (рис. 1).

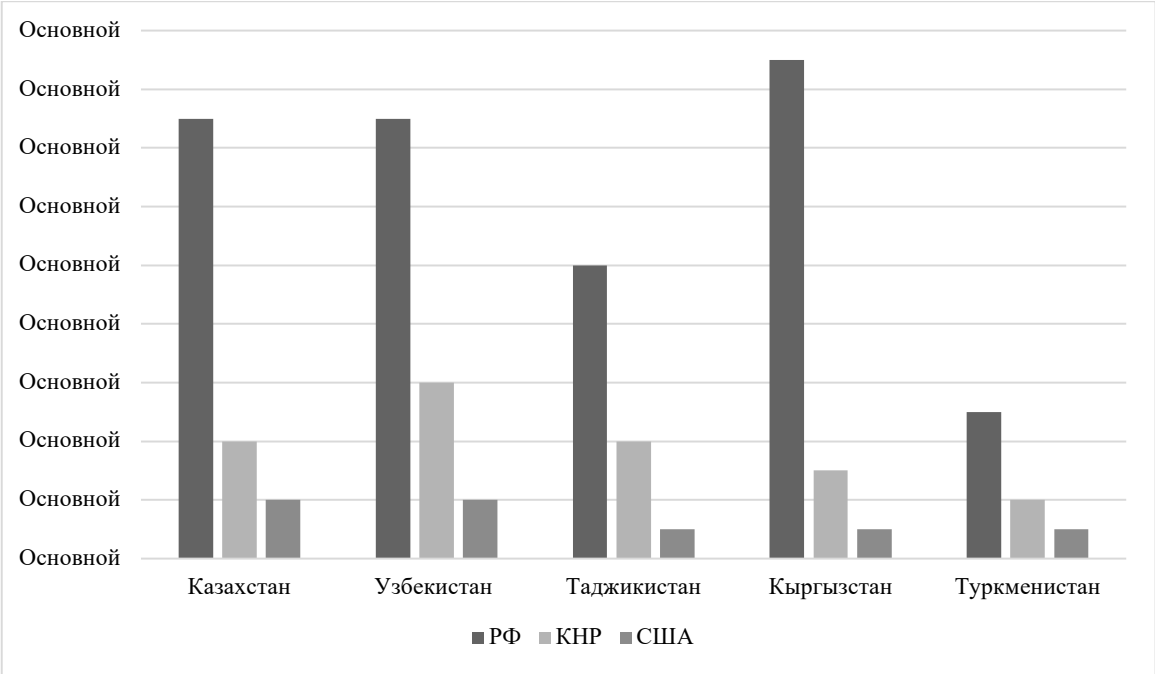

Рис. 1. **Визиты глав государств Центральной Азии в РФ, КНР и США в 2018–2024 гг.**

Источник: составлено авторами на основе информации с сайтов Президента России[17], МИД КНР[18] [**9**], Государственного департамента США [**38**] и МИД Туркменистана[19].

Россия сохраняет свое лидерство и в военном плане. На территории Таджикистана действует крупнейшая военная база РФ за рубежом; в Кыргызстане российский контингент находится на аэродроме Кант, испытательной базе «Каракол» и узле связи «Чалдовар», а также на автономном сейсмическом пункте «Майлуу-Суу» [**13**]. Кроме этого, Россия арендует космодром «Байконур» и различные испытательные полигоны в Казахстане. У Китая официально нет военных объектов на территории ЦА, однако в 2018 году в СМИ появилась информация о том, что у КНР есть «тайная» военная база в Таджикистане на границе с Афганистаном. Китай и

17 Справочник и дополнительная информация // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/catalog/persons (дата обращения: 24.07.2025).
18 МИД КНР. URL: https://www.mfa.gov.cn/irs-c-web/search_eng.shtml?code=18fe7c6489d&dataTypeId=771&searchBy=title&searchWord=Jeenbekov (дата обращения: 23.07.2025).
19 Articles & Statements // Official website of the Ministry of Foreign Affairs of Turkmenistan. URL: https://www.mfa.gov.tm/en/articles?type=article&page=1 (accessed: 24.07.2025).

Таджикистан публично опровергли эти сообщения, заявив, что КНР не развивает военную инфраструктуру в Таджикистане и не размещает там на постоянной основе подразделения НОАК [**34**]. Тем не менее слухи вокруг данного объекта не утихают. У США были опорные пункты в ЦА: авиабаза «Манас» в Кыргызстане и авиабаза «Карши-Ханабад» в Узбекистане. Сейчас никаких американских военных объектов в регионе нет. Американские военные покинули авиабазу «Карши-Ханабад» в 2005 году. Авиабаза «Манас», которая использовалась для переброски войск и грузов в Афганистан во время военной кампании НАТО, была закрыта в 2014 году, когда Бишкек отказался продлевать договор [**2**]. Все новые попытки США получить в аренду военные объекты в ЦА сталкиваются с жестким отпором со стороны Москвы и Пекина.

Таблица 2

Экспорт вооружений РФ, КНР и США в Центральную Азию в 2018–2024 гг.[20]

	РФ	**КНР**	**США**
Казахстан	1662	—	—
Кыргызстан	31	—	—
Таджикистан	7	4	—
Туркменистан	2	—	18
Узбекистан	153	107	1

Источник: составлено авторами на основе данных SIPRI[21]

Помимо прочего, Россия также удерживает лидерство в сфере проведения совместных военных учений и экспорте вооружений в страны ЦА (см. Табл. 2). Китай и США наращивают сотрудничество с центральноазиатскими республиками в сфере безопасности. КНР на регулярной основе проводит совместные учения и тренинги, а также осуществляет обучение военных из стран ЦА в своих учебных заведениях [**19**,

20 Значения приведены в миллионах значений индикатора тенденций SIPRI (TIV).

21 Arms transfers database // SIPRI. URL: https://armstransfers.sipri.org/ArmsTransfer/CSVResult (accessed: 23.07.2025).

с. 292]. США, в свою очередь, проводят совместные учения с центральноазиатский республиками «Региональное сотрудничество», «Степной орел» (с Казахстаном), «Ак Шумкар» (с Кыргызстаном), «Непобедимый страж» (с Узбекистаном). Таким образом, Россия, несмотря на довольно сильные позиции в сфере политики и безопасности, в последние годы сталкивается с усилением влияния КНР и США в странах Центральной Азии. Кроме этого, Китай с большим отрывом лидирует в экономической сфере.

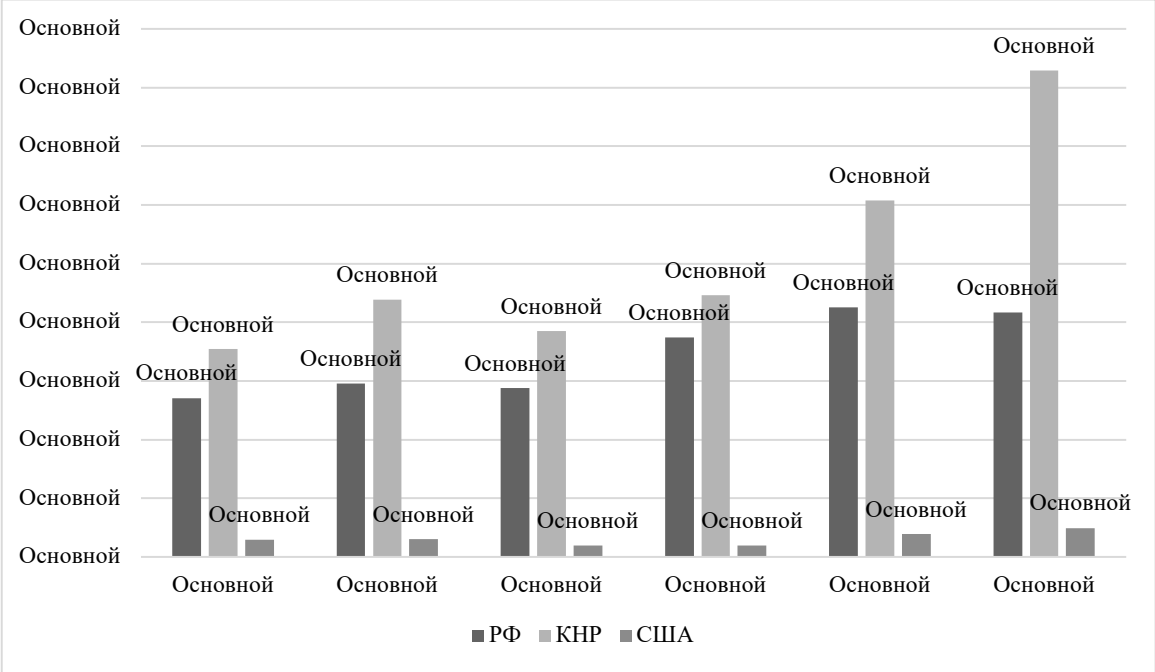

Рис. 2. **Торговый оборот РФ, КНР и США со странами Центральной Азии в 2018–2023 гг. (млрд долл. США)**

Источник: составлено авторами на основе данных OEC[22], ИА «Интерфакс» [**18**], Исполнительного комитета СНГ [**17**], сайта «Внешняя торговля России» [**20**] и интернет-портала СНГ [**21**].

Китай является крупнейшим торговым партнером для всех пяти государств ЦА, и его совокупный товарооборот со странами региона в 2018–2023 годах намного превосходил товарооборот РФ и США (рис. 2). Ситуация

22 The Observatory of Economic Complexity. URL: https://oec.world/en (accessed: 22.07.2025).

в сфере инвестиций схожая. В 2024 году лидером в странах Центральной Азии по объемам ПИИ был Китай (17 млрд долл. США) [**43**], затем Россия (около 10 млрд долл. США) [**8**] и с большим отставанием США (2,6 млрд долл. США)[23].

Очевидно, что Соединенные Штаты, принимая во внимание не такие сильные позиции в регионе, а также нарастающие противоречия в отношениях с РФ и КНР в Центральной Азии, будут стремиться расширить свое влияние на внутриполитические процессы. Скорее всего, Вашингтон будет делать ставку на гибридные войны, что подтверждается материалом НАТО «Противодействие гибридным угрозам» [**25**], где отражены методы, инструменты и географический охват. В документе также уточняется, что страны Альянса будут реагировать на сложные гибридные стратегии РФ и КНР, что с большей степенью вероятности будет проецироваться и на ЦА. Практические действия НАТО в области гибридных войн проявляются вблизи границ РФ. Так, еще в 2016 году после саммита НАТО в Варшаве была создана платформа НАТО – Украина, целью которой было противодействие гибридной войне. В реальности это была сверка часов по противодействию потенциальному противнику – РФ. Вблизи территории России в 2017 году был создан Европейский центр передового опыта по противодействию угрозам, расположенный в Хельсинки (Финляндия). Другие центры НАТО расположены в Риге (Латвия) – Центр передового опыта стратегических коммуникаций, в Таллине (Эстония) – Центр передового опыта совместной киберзащиты, Вильнюсе (Литва) – Центр передового опыта в области

23 Рассчитано авторами на основе данных: Kazakhstan Sees Drop in 2024 Foreign Investment, Key Projects' Completion Named As Factor // ORDA. 14.05.2025. URL: https://en.orda.kz/kazakhstan-sees-drop-in-2024-foreign-investment-key-projects-completion-named-as-factor-6376/ (accessed: 22.07.2025); Uzbekistan, U.S. Business Forum 2025: Driving Investment & Trade in Tashkent // Diplomatic Watch. 16.06.2025. URL: https://diplomaticwatch.com/uzbekistan-u-s-business-forum-2025-driving-investment-trade-in-tashkent/ (accessed: 22.07.2025); В Таджикистане подсчитали объем иностранных инвестиций в 2024 году // Прайм. 17.02.2025. URL: https://1prime.ru/20250217/tadzhikistan-855010562.html (дата обращения: 22.07.2025); Kyrgyzstan Foreign Direct Investment: Non CIS States: United States // CEIC Data. URL: https://www.ceicdata.com/en/kyrgyzstan/foreign-direct-investment-by-country/foreign-direct-investment-non-cis-states-united-states (accessed: 22.07.2025).

энергетической безопасности. Их объединяет общая цель – подготовка по противодействию политическим, экономическим, культурным, информационным и прочим гибридным приемам и защита от них.

Представляется, что администрация Д. Трампа будет отходить от политики агрессивного (наступательного) реализма (по Дж. Миршаймеру), характерной для администрации Д. Байдена, в сторону сбалансированного (оборонительного) реализма (по К. Уолцу). Такая точка зрения предопределена тем, что в первый президентский срок Д. Трамп фокусировал внимание на внутриполитических и экономических вопросах с целью возвращения былого величия США, но именно при нем зашли в тупик переговоры по Украине, а также расширение антироссийских санкций получило новый виток. Санкционная политика США в период второго президентского строка Д. Трампа развивается в русле начатой торговой войны, коррелируется с идеологией «Америка превыше всего».

Заключение

Страны Центральной Азии последние годы придерживаются многовекторного внешнеполитического курса, что обусловлено рядом факторов: 1) Россия – традиционный партнер региона с общим историческим прошлым; 2) КНР – мощнейшая экономическая сила в регионе благодаря крупным капиталовложениям; 3) США – интересный партнер для стран региона по ряду направлений. Интерес к странам Центральной Азии со стороны РФ, КНР и США предопределен географическим положением и как следствие увеличивающимся значением альтернативных транспортно-логистических коридоров, а также ресурсами, которыми обладают центральноазиатские республики, что приводит к нарастанию конкуренции между великими державами в регионе. Принимая во внимание все вышеизложенное, можно предположить, что страны ЦА будут делать ставку на балансирование между Россией, Китаем и Соединенными Штатами с целью

получения максимальной выгоды. Российско-китайское взаимодействие в Центральной Азии в большей степени способствует формированию в регионе атмосферы стабильности и предсказуемости. Подходы России и Китая к региону отличаются, а интересы стран не всегда совпадают. РФ фокусирует внимание на проблемах обеспечения безопасности, а КНР стремится укрепить свои экономические позиции в регионе. Тем не менее конструктивному сотрудничеству способствует несколько факторов:

1. В основе внешней политики РФ и КНР лежит представление о многополярном мироустройстве, а также приверженность принципам уважения суверенитета государств и невмешательства в их внутренние дела, к тому же с начала XXI века между странами сформировалось доверие.
2. Национальные интересы обеих стран заключаются в поддержании стабильности вблизи своих границ, что во многом связано с процессами в ЦА.
3. В регионе была сформирована сеть многосторонних объединений, которая является институциональной основой для развития многостороннего сотрудничества.

Список источников и литературы

1. ВЕЭС одобрил предоставление Узбекистану и Кубе статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии, 11.12.2020. URL: https://eec.eaeunion.org/news/11-12-2020/ (дата обращения: 07.07.2025).
2. Власти Киргизии отказались продлевать соглашение по авиабазе США // Мультипортал «KM.RU», 21.06.2013. URL: https://www.km.ru/world/2013/06/21/pravitelstva-zarubezhnykh-stran/714172-vlasti-kyrgyzstana-otkazalis-prodlevat-sogla (accessed: 23.07.2025).
3. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пленарной сессии на встрече в формате стран-соседей Афганистана // Официальный сайт МИД России, 31.03.2022. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1807302/ (дата обращения: 13.07.2025).
4. Декларация об углублении стратегического партнерства между Российской Федерацией и Туркменистаном // официальный сайт Президента России, 10.06.2022. URL: http://special.kremlin.ru/supplement/5814 (дата обращения: 05.07.2025).

5. Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном, Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой // Жэньминь Жибао онлайн. 18.06.2025. URL: http://russian.peopledaily.com.cn/n3/2025/0618/c31519-20329708.html (дата обращения: 23.07.2025).
6. Забелла А.А., Мелкина А.Н., Иметинова Н.Н. Саммитовая дипломатия Китая в Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 2. С. 151–160.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 05.07.2025).
8. Мантуров оценил объем инвестиций России в экономику стран Центральной Азии // Сайт финансово-экономической информации «ПРАЙМ», 28.04.2025. URL: https://1prime.ru/20250428/manturov-857090308.html (дата обращения: 22.07.2025).
9. Минобороны России и Узбекистана подписали план стратегического партнерства // Интернет-портал СНГ, 11.05.2025. URL: https://e-cis.info/news/568/127280/ (дата обращения: 05.07.2025).
10. Объем грузоперевозок по ТМТМ за 2024 год вырос на 62% — до 4,5 млн тонн // ИАА «ПортНьюс», 06.02.2025. URL: https://portnews.ru/news/373174/ (дата обращения: 07.07.2025).
11. Ордабаев А. Евразийский тур Помпео: ожидания и реальность // Eurasian Research Institute. URL: https://www.eurasian-research.org/publication/pompeos-eurasian-tour-expectations-and-reality/?lang=ru (дата обращения: 11.07.2025).
12. По итогам переговоров Президента Кыргызстана Садыра Жапарова и Президента Таджикистана Эмомали Рахмона подписан ряд двусторонних документов // Официальный сайт Президента Кыргызской Республики, 13.03.2025. URL: https://president.kg/ru/news/21/38919 (дата обращения: 05.07.2025).
13. Почему военное присутствие России важно для сохранения мира в Центральной Азии // Интернет-портал СНГ, 05.12.2024. URL: https://e-cis.info/news/566/123291/ (дата обращения: 23.07.2025).
14. Совместное заявление глав государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана и Республики Узбекистан по итогам встречи Центральная Азия – Россия // Официальный сайт Президента России, 14.10.2022. URL: http://kremlin.ru/supplement/5857 (дата обращения: 07.07.2025).
15. Си Цзиньпин принял участие во 2-м Саммите «Китай – Центральная Азия» и выступил с программной речью // Официальный сайт МИД КНР, 17.06.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202506/t20250617_11651965.html (дата обращения: 24.07.2025).

16. Сысоева Р. В. Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 241–252.
17. Товарооборот между Россией и Таджикистаном в 2023 году достиг рекордных значений // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ, 31.01.2024. URL: https://goo.su/Ucn1zFA (дата обращения: 22.07.2025).
18. Товарооборот РФ и Таджикистана в 2022 году вырос на 18,3%, до $1,4 млрд // Интерфакс, 13.04.2023. URL: https://www.interfax.ru/russia/895740 (дата обращения: 22.07.2025).
19. Томберг И.Г. Военное и военно-техническое сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в XXI веке // Проблемы постсоветского пространства. 2022. № 9(3). С. 289–300. https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-289-300
20. Торговля между Россией и Туркменистаном в 2021 г. // Информационно-аналитический портал «Внешняя торговля России», 12.02.2022. URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-turkmenistanom-v-2021-g/ (дата обращения: 22.07.2025).
21. Туркменистан и Россия наращивают товарооборот: рост на 58% за полгода // Интернет-портал СНГ, 18.06.2025. URL: https://e-cis.info/news/568/128252/ (дата обращения: 22.07.2025).
22. Хамидов М.Б., Курныкин О.Ю. Формирование кыргызско-таджикской границы в Ферганской долине: пограничные переговоры и конфликтный потенциал // Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 3 (137). С. 58–65.
23. C5+1 Leaders' Joint Statement // Official website of the U.S. White House, 21.09.2023. URL: https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2023/09/21/c51-leaders-joint-statement/ (accessed: 13.07.2025).
24. Central Asia under the lens of the second Trump Administration // Official website of North Atlantic Treaty Organization, 27.05.2025. URL: https://www.natofoundation.org/central-asia/central-asia-under-the-lens-of-the-second-trump-administration/ (accessed: 24.07.2025).
25. Countering hybrid threats // Official website of North Atlantic Treaty Organization, 07.05.2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm (accessed: 11.12.2024).
26. Joint Declaration of Partnership and Cooperation by the Five Countries of Central Asia and The United States of America, Samarkand, Uzbekistan // Official website of U.S. Department of State, 01.11.2015. URL: https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2015/11/249050.htm (accessed: 10.07.2025).
27. Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2023 // Official website of General Administration of Customs People's Republic of China. URL: http://english.customs.gov.cn/Statics/57de06a8-279a-4ee7-952c-d4ce287404e1.html (accessed: 27.02.2024).

28. Kakenova Z. U.S. Cooperation with Central Asian Countries within the C5+1 Initiative: Trends and Prospects // Central Asia`s Affairs. 2024. No. 1 (93). P. 69–78.
29. Kokoshin A.A., Kokoshina Z.A. The Main Vectors of the US Foreign Policy Strategy in Central Asia // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92, № 7. P. 581–588.
30. Nedopil C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2024 // Griffith Asia Institute and Green Finance & Development Center, FISF. 2025. 19 p. URL: https://www.griffith.edu.au/__data/assets/pdf_file/0017/2093102/China-Belt-and-Road-Initiative-BRI-Investment-Report-2024.pdf (accessed: 27.06.2025).
31. Olzhas Bektenov discusses trade and economic cooperation with PRC Ambassador to Kazakhstan Han Chunlin // Official Information Source of the Prime minister of the Republic of Kazakhstan. URL: https://primeminister.kz/en/news/olzhas-bektenov-discusses-trade-and-economic-cooperation-with-prc-ambassador-to-kazakhstan-han-chunlin-29614 (accessed: 27.02.2025).
32. Rakhmatulin O., Kushkumbayev A.K. U.S. strategy in Central Asia: semantic analysis // International Relations & International Law Journal. 2022. Vol. 98, No. 2. P. 62–69.
33. Remarks by Commerce Secretary Wilbur L. Ross at the American-Uzbekistan Chamber of Commerce Annual Business Forum // The Tashkent Times, 23.10.2019. URL: https://tashkenttimes.uz/economy/4504-remarks-by-commerce-secretary-wilbur-l-ross-at-the-american-uzbekistan-chamber-of-commerce-annual-business-forum (accessed: 10.07.2025).
34. Sidhu A. The Geopolitics of China’s Military Base in Tajikistan // Geopolitical Monitor, 06.09.2024. URL: https://www.geopoliticalmonitor.com/chinas-military-base-in-tajikistan/ (accessed: 23.07.2025).
35. Statement by Secretary Michael R. Pompeo: The United States Imposes Sanctions and Visa Restrictions in Response to the Ongoing Human Rights Violations and Abuses in Xinjiang // Official website of U.S. Department of State, 09.07.2020. URL: https://kz.usembassy.gov/statement-by-secretary-pompeo-the-u-s-imposes-sanctions-and-visa-restrictions-in-response-to-the-ongoing-human-rights-violations-in-xinjiang/ (accessed: 10.07.2025).
36. United States Strategy for Central Asia 2019-2025 Advancing Sovereignty and Economic Prosperity // Official website of U.S. Department of State. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf (accessed: 10.07.2025).
37. Vakulchuk R., Overland I. Central Asia is a missing link in analyses of critical materials for the global clean energy transition // One Earth. 2021. Vol. 4, No. 12. P. 1678–1692.
38. Visits by Foreign Leaders // Official website of U.S. Department of State. URL: https://history.state.gov/departmenthistory/visits (accessed: 20.07.2025).

39. 第二届中国－中亚峰会阿斯塔纳宣言（全文）[Астанинская декларация второго саммита Китай – Центральная Азия (полный текст)] // 中国一带一路网 [Сайт китайской инициативы «Один пояс, один путь»], 17.06.2025. URL: https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/0CDLS5JT.html (дата обращения: 23.07.2025).

40. 共逐现代化之梦，中国中亚偕行致远 [Китай и Центральная Азия работают вместе, чтобы осуществить мечту о модернизации] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР], 17.06.2025. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202506/content_7028300.htm (дата обращения: 23.07.2025).

41. 习近平就如何建设中国—中亚命运共同体提出"四个坚持" [Си Цзиньпин выдвинул «четыре принципа» построения китайско-центральноазиатского сообщества единой судьбы] // 中华人民共和国中央人民政府 [Центральное народное правительство КНР], 19.05.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202305/content_6874880.htm (дата обращения: 04.07.2025).

42. 中国－中亚峰会大幕开启，习近平同五国元首谈了什么？[Стартовал саммит Китай-Центральная Азия. Что обсудил Си Цзиньпин с главами государств пяти стран?] // 央视新闻 [Новости Центрального телевидения Китая], 19.05.2023. URL: https://mp.weixin.qq.com/s/P-z5D5EWkQsnR8RUYaMrFg (дата обращения: 04.01.2025).

43. 中国与中亚经贸合作的现状与未来展望 [Текущее состояние и перспективы торгово-экономического сотрудничества Китая и Центральной Азии] // Renminwang, 16.10.2024. URL: https://paper.people.com.cn/rmlt/pc/content/202410/16/content_30030022.html (дата обращения: 22.07.2025).

Ногмова Аделина Шафиковна,
кандидат политических наук,
декан факультета подготовки кадров высшей квалификации,
доцент кафедры политической теории,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: adelinamid@mail.ru

Adelina Sh. Nogmova,
Candidate of Political Sciences,
Dean of the Faculty of Advanced Training,
Associate Professor of the Department of Political Theory,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation.
E-mail: adelinamid@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ
THEORETICAL, METHODOLOGICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF RUSSIA'S CROSS-BORDER COOPERATION

Аннотация: в статье рассматриваются теоретико-методологические основания и правовая основа приграничного сотрудничества Российской Федерации. Раскрывается понятие приграничного сотрудничества, его значение для социально-экономического развития приграничных регионов и укрепления добрососедских отношений России с сопредельными государствами. Отмечается, что российское определение приграничного сотрудничества во многом согласуется с подходами, принятыми в международной практике, и закреплено в отечественном законодательстве. Последовательно анализируется эволюция научных представлений о приграничном сотрудничестве, различных подходах к его концептуализации и роли этого феномена в региональном развитии.

Особый акцент делается на обзоре правовой базы приграничного сотрудничества России: от общих положений федерального законодательства и стратегий до межправительственных соглашений и программ взаимодействия с соседними странами. В заключении подводятся итоги, делаются выводы о достаточности сформированной нормативной базы и выявляются существующие проблемы, препятствующие полному раскрытию потенциала приграничного сотрудничества России, такие как различия в уровне развития регионов, административные барьеры. Даются рекомендации по дальнейшему совершенствованию методологической базы исследований и правовых механизмов стимулирования приграничного взаимодействия.

Ключевые слова: Российская Федерация, приграничное сотрудничество, приграничные регионы, национальное законодательство.

Abstract: the article examines the theoretical, methodological, and legal foundations of the Russian Federation's cross-border cooperation. It defines the concept of cross-border cooperation, highlights its significance for the socio-economic development of border regions, and emphasizes its role in strengthening good-neighborly relations between Russia and adjacent states. It is noted that the Russian definition of cross-border cooperation largely aligns with approaches adopted in international practice and is consolidated within domestic legislation.

The article provides a consistent analysis of the evolution of scholarly ideas about cross-border cooperation, different perspectives on its conceptualization, and the role of this phenomenon in regional development. A separate focus is given to the review of Russia's legal framework for cross-border cooperation from general provisions of federal legislation and strategic documents to intergovernmental agreements and cooperation programs with neighboring countries.

In conclusion, the author summarizes the results and assesses the adequacy of the existing regulatory framework, identifying problems that hinder the full realization of Russia's cross-border cooperation potential, including regional disparities and administrative barriers. Recommendations are proposed for the further improvement of methodological approaches and legal mechanisms to stimulate cross-border interaction.

Keywords: Russian Federation, cross-border cooperation, border regions, national legislation.

Введение

Приграничное сотрудничество сегодня рассматривается в международной практике как важный инструмент устойчивого развития сопредельных территорий и укрепления добрососедских связей. Так, согласно Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве 1980 г., под приграничным сотрудничеством «понимаются любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между соседними территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более Договаривающихся Сторон, а также заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения вышеуказанных целей» [**19**]. Наша страна, будучи членом Совета Европы, подписала и ратифицировала данную Конвенцию [**25**]. В российском законодательстве данное понятие получило развитие: Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества» определяет приграничное сотрудничество как «часть международных отношений Российской

Федерации, международных и внешнеэкономических связей приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств» [**24**]. Иными словами, приграничное сотрудничество подразумевает разнообразные контакты и взаимодействие между органами власти, хозяйствующими субъектами и населением регионов, разделенных государственной границей, в экономической, социальной, культурной и иных сферах.

Актуальность исследования теоретико-методологических и правовых основ приграничного сотрудничества России обусловлена несколькими факторами. Во-первых, значительная часть субъектов Российской Федерации является приграничными регионами. Из 89 российских регионов 57 имеют выход к государственной границе, на их долю приходится более половины внешнеторгового оборота страны и значительная часть международных контактов на субнациональном уровне. Уровень и характер развития этих регионов во многом зависят от интенсивности взаимодействия с соседними государствами. Во-вторых, для России, как федеративного государства с большой протяженностью границ, приграничное сотрудничество служит важным инструментом обеспечения комплексной безопасности и стабильности на периферии, а также способствует выравниванию диспропорций между центральными и приграничными территориями. В-третьих, приграничное сотрудничество российских регионов рассматривается как один из ресурсов продвижения интеграционных процессов на постсоветском пространстве и укрепления связей не только в рамках евразийской интеграции, но и проекта Большого евразийского пространства [**1**]. В связи с этим органы государственной власти последовательно формируют нормативные механизмы и институты, призванные стимулировать внешнеэкономические и межрегиональные связи приграничных субъектов России с сопредельными странами.

Теоретико-методологические основы приграничного сотрудничества

Приграничное сотрудничество является сложным междисциплинарным феноменом, изучаемым в рамках нескольких научных направлений: региональной экономики и экономической географии, политической географии и геополитики, международных отношений, муниципального управления и др. Теоретические подходы к анализу приграничного сотрудничества сложились под влиянием как общей теории региональной интеграции, так и практического опыта взаимодействия приграничных территорий в Европе и Северной Америке во второй половине XX века [**31**]. В научной литературе отсутствует единое толкование этого термина, что связано с многоаспектностью явления. Некоторые исследователи трактуют приграничное сотрудничество узко – как взаимодействие администраций и местных сообществ соседних территорий в ограниченном радиусе (до нескольких десятков километров от границы) по вопросам местного значения [**30**]. Другие ученые, напротив, рассматривают его широко – как всю совокупность трансграничных отношений негосударственных субъектов, а именно экономических, социальных, культурных, осуществляемых при поддержке властей разных уровней [**16**]. При таком широком подходе приграничное сотрудничество сближается по смыслу с понятием трансграничного или межгосударственного регионального взаимодействия и отчасти отождествляется с ним. В отечественной научной школе принято различать приграничное сотрудничество, то есть взаимодействие, охватывающее прежде всего регионы, непосредственно прилегающие к границе, и трансграничное сотрудничество, имеющее более широкий охват, включающий любые связи между территориями разных государств [**20**]. Подобное различение позволяет акцентировать именно локально-региональный характер сотрудничества, отличающий его от межправительственных отношений.

Методологической основой современных исследований приграничного сотрудничества служит парадигма регионализма и приграничных региональных сообществ. Согласно этой парадигме, государственная граница рассматривается не только как барьер, но и как ресурс развития приграничных территорий. Если раньше главными игроками в международных отношениях считались только национальные государства, то с конца XX века в анализ вошла идея, что регионы, города и местные сообщества тоже становятся важными субъектами глобальных процессов. Приграничные региональные сообщества представляют собой формы сотрудничества между соседними территориями двух или более государств, основанные на общих интересах жителей, экономических связях, географической близости и историко-культурной общности.

Классическая центр-периферийная концепция гласит, что периферийные (в том числе в данном контексте могут пониматься приграничные) регионы обычно отстают по уровню социально-экономического развития от центральных, испытывая действием границы барьерные эффекты, в числе которых удаленность от центров, дополнительные транзакционные издержки во внешних связях [**29**]. Приграничное же сотрудничество призвано смягчать эти негативные эффекты за счет активизации внешнеэкономической деятельности, привлечения инвестиций и трудовых ресурсов из соседнего государства, совместного использования инфраструктуры и природных ресурсов, развития трансграничного туризма и иных форм кооперации. Тем самым граница из линии разграничения превращается в «линию контакта», а пограничные регионы – в точки экономического роста и интеграции. Данный тезис подтверждается опытом образования трансграничных регионов (еврорегионов) в Западной Европе, где приграничные территории разных государств институционально объединяются для совместного планирования и решения общих задач развития [**4**]. В рамках европейской модели разработаны

методические подходы к оценке эффективности проектов приграничного сотрудничества, выявлению показателей интенсивности трансграничных взаимодействий, степеней интегрированности приграничных сообществ и т.п. Примеры показателей эффективности и интенсивности трансграничных взаимодействий приведены в таблице 1.

Таблица 1

Примеры показателей эффективности и интенсивности трансграничных взаимодействий

Категория показателей	Примеры конкретных индикаторов
экономические	− объем трансграничной торговли и частных инвестиций, привлеченных в совместные проекты; − количество новых предприятий, созданных при поддержке программ; − объем софинансирования проектов в рамках европейского территориального сотрудничества; − увеличение занятости в приграничных предприятия
социальные	− количество участников программ трансграничной мобильности, стажировок и обучения; − уровень трудовой занятости и профессиональной мобильности в приграничных регионах; − доля молодежи и женщин −участников совместных инициатив; − количество совместных программ профессионального образования
инфраструктурные	− протяженность построенных или реконструированных транспортных коридоров; − количество новых или модернизированных пограничных пунктов; − длина новых линий коммуникационных сетей и количество домохозяйств, подключенных к сети; − количество общественных или производственных объектов, созданных для совместного пользования
институциональные	− число действующих соглашений между приграничными регионами; − количество совместных управленческих структур − еврорегионов или EGTC; − количество межрегиональных / интеррегиональных исследовательских проектов; − доля программ регионального уровня, в которых используются практики, заимствованные по INTERREG Europe
культурно-идентификационные	− количество жителей, участвующих в культурных и образовательных проектах по обе стороны границы; − доля населения, положительно оценивающего качество трансграничных услуг; − количество мероприятий, направленных на укрепление социально-культурной интеграции и взаимного доверия

Эти подходы могут быть применимы и для исследования российского приграничья с учетом его специфики, что представляет не только научный, но

и практический интерес. Возможным видится использование аналогичных категорий: экономических, социальных, инфраструктурных, институциональных и культурных показателей при планировании программ взаимодействия регионов Российской Федерации с Казахстаном, Китаем, Монголией, Финляндией (при условии реализации перспективы возобновления сотрудничества). Ключевой принцип политики ЕС включает участие разных уровней власти и заинтересованных сторон в планировании, мониторинге и оценке. В Российской Федерации этот подход можно реализовать через три уровня: федеральный (МИД, Минэкономразвития), региональный (правительства приграничных субъектов) и муниципальный.

Отечественные исследователи уделяют значительное внимание классификации и типологии приграничных регионов и связей. В частности, в современной литературе выделяются типы регионов в зависимости от преобладающей функции границы, к примеру «барьерная» или «контактная», и интенсивности трансграничных потоков – изолированные периферии, локально взаимодействующие регионы, активно взаимодействующие (сформировавшие приграничные рынки), взаимозависимые регионы с тесной кооперацией и даже транзитно-открытые зоны с фактически прозрачной границей [**12**]. Примером последних могут служить пары трансграничных городских агломераций или уже рассматривавшиеся еврорегионы. Наибольшей плотностью и разнообразием связей характеризуется западное приграничье России, а также отдельные узлы на юге и востоке, например зона приграничного рынка между Приморским краем РФ и провинцией Хэйлунцзян КНР [**5**]. Вместе с тем существенная часть российско-китайской, российско-монгольской, российско-казахстанской границы проходит по слабозаселенным и слаборазвитым территориям, где сотрудничество носит эпизодический или локальный характер. Методологической задачей является выявление факторов, усиливающих и ограничивающих приграничное взаимодействие. К таким факторам относят: степень политических отношений

между странами, различия в уровнях социально-экономического развития соседних регионов, таможенно-пограничный режим, инфраструктурную обеспеченность, сходство или различия культурно-языковой среды, а также активность местных сообществ и элит.

Важно подчеркнуть, что приграничное сотрудничество – явление многоуровневое. Его участниками выступают органы исполнительной власти регионов, местного самоуправления, пограничные представительства федеральных органов, а также негосударственные структуры – коммерческие организации, образовательные и научные учреждения, общественные объединения, отдельные граждане. Для анализа такого сложного объекта требуется сочетание различных методов: институционального анализа, включая изучение формальных договоренностей, соглашений между регионами, созданных совместных структур; социологического и статистического методов, в том числе оценка объемов трансграничных потоков товаров, услуг, рабочей силы, количества и результатов совместных проектов; кейс-стади и сравнительного метода в контексте сопоставления опыта разных приграничных регионов. Методологической основой служит системный подход, рассматривающий приграничный регион как открытую систему, на которую влияют как внутренние, так и внешние факторы. В числе внутренних – региональная экономическая политика, состояние хозяйственного комплекса, в числе внешних – таможенно-тарифное регулирование, международная конъюнктура, политика соседнего государства. Для успешного развития трансграничных кластеров и агломераций одновременно требуется поддержка «сверху», прежде всего на межправительственном уровне, и активность «снизу», включающая инициативы бизнеса и населения. Отсутствие баланса между этими уровнями может привести к стагнации сотрудничества, что фиксируется, например, в ряде российских дальневосточных регионов, где даже при наличии государственных программ интерес предпринимательского сообщества к

взаимодействию с соседями остается невысоким. Данные методологические выводы учитываются при формировании стратегий и программ развития приграничных территорий России.

Правовые основы приграничного сотрудничества России

Государственное регулирование приграничного сотрудничества в Российской Федерации осуществляется на основе разветвленной системы нормативно-правовых актов. Ее формирование началось в 1990-е годы в связи с расширением международных и внешнеэкономических связей субъектов Федерации. Конституция России в 1993 году заложила возможность участия региональных и местных властей в международной деятельности, закрепив право субъектов России и муниципальных образований на устанавливаемый федеральным законом порядок международных связей [**14**]. Ключевым документом, определившим общий курс, стала Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации, утвержденная Правительством РФ в 2001 году [**6**]. В ней были обозначены цели государственной политики в данной сфере: содействие социально-экономическому развитию приграничных регионов, повышение благосостояния населения, укрепление дружбы и добрососедства с сопредельными государствами. Концепция 2001 г. [**25**] заложила основы институционального оформления приграничного сотрудничества, хотя и носила рамочный характер и не содержала конкретных механизмов реализации поставленных задач.

Нормативное определение и разграничение полномочий появилось значительно позже – с принятием Федерального закона № 179-ФЗ в 2017 году. Этот закон не только закрепил понятие приграничного сотрудничества, определил его как часть международных и внешнеэкономических связей, но и установил основные принципы: законность, учет национальных интересов и принципов добрососедства, взаимная выгода сторон, координация действий федеральной власти и субъектов нашей страны. Закон обозначил, что приграничное сотрудничество осуществляется в рамках компетенции

субъектов Федерации и муниципальных образований, но координируется федеральным центром[i]. В частности, соглашения приграничных регионов с административно-территориальными единицами иностранного государства подлежат одобрению Министерством иностранных дел Российской Федерации и профильными федеральными органами [**27**]. Таким образом достигается баланс между расширением прав регионов на международное сотрудничество и необходимостью соблюдения внешнеполитических интересов страны. Закон 2017 г. также определил полномочия Правительства России – оно осуществляет общее руководство и заключает с правительствами сопредельных государств соглашения о приграничном сотрудничестве. В 1990–2000-е годы такие рамочные межправительственные соглашения были подписаны, например, с Казахстаном [**15**], Китаем [**14**], Монголией [**16**], Финляндией [**17**] и др., созданы двусторонние комиссии по межрегиональному сотрудничеству. Они стали важной частью правовой архитектуры, поскольку позволили согласовать приоритетные направления взаимодействия и установить прямые контакты между административно-территориальными единицами сопредельных стран.

Существенным шагом в развитии правовой базы стало утверждение в 2020 году новой Концепции приграничного сотрудничества России вместо редакции 2001 года [**7**]. В Концепции 2020 г. учтены изменения геополитической и экономической ситуации, акцентированы задачи пространственного развития и обеспечения национальной безопасности. Документ провозглашает, что приграничное сотрудничество должно способствовать ускоренному росту приграничных субъектов России, повышению их инвестиционной привлекательности, а также решению социальных проблем, в числе которых создание рабочих мест, развитие инфраструктуры.

Приграничные регионы, согласно отечественному законодательству, отнесены к геостратегическим территориям [**18**]. Это означает приоритетное

выделение ресурсов на их развитие и специальный режим хозяйствования. Концепция 2020 г. определила приоритетные направления сотрудничества для каждой приграничной зоны с учетом ее специфики: например, с Казахстаном и странами Центральной Азии – совместное использование водных ресурсов, противодействие нелегальной миграции; с Китаем, Монголией, странами Азиатско-Тихоокеанского региона – торгово-экономическое и научно-техническое взаимодействие, создание трансграничных агропромышленных кластеров и т.д. Концепция носит программный характер и реализуется через системы мероприятий федеральных органов и субъектов России.

Кроме специального законодательства о приграничном сотрудничестве, существенную роль играет включение вопросов взаимодействия приграничных регионов в стратегические документы более общего характера. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации подчеркивается намерение развивать добрососедские отношения со странами СНГ и другими сопредельными государствами, в том числе через активизацию межрегиональных и приграничных связей [**8**]. В Основах государственной пограничной политики России отмечается, что «в целях создания условий, способствующих социально-экономическому развитию приграничной территории, предполагается <…> развитие взаимовыгодных форм приграничного сотрудничества» [**9**]. В данном документе отражается интеграция экономических и силовых аспектов политики на границе: улучшение условий жизни населения и экономики приграничья рассматривается как одна из мер предупреждения конфликтов и нелегальной деятельности.

Этот стратегический подход находит дальнейшую конкретизацию и развитие в документах, непосредственно определяющих экономическое и пространственное развитие страны. Так, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, утвержденной в декабре 2024 года, особое внимание уделяется формированию и укреплению опорных каркасов развития

в приграничных зонах [**28**]. Документ предусматривает создание точек роста и улучшение транспортной связности в этих регионах, что напрямую способствует реализации целей приграничного сотрудничества, заявленных в Концепции внешней политики и Основах пограничной политики.

Более того, вопросы приграничного взаимодействия являются сквозными для национальных проектов и государственных программ, особенно в сферах транспорта, логистики, туризма и экспорта. Например, развитие международных транспортных коридоров и пограничной инфраструктуры в рамках национального проекта «Международная кооперация и экспорт» создает материальную основу для углубления экономических связей приграничных регионов.

Важно отметить, что стратегические установки федерального центра транслируются на уровень субъектов Федерации. Многие приграничные регионы, например Ленинградская, Мурманская, Калининградская области, Хабаровский край, Республика Карелия, закрепляют цели развития приграничного и межрегионального сотрудничества в своих стратегиях социально-экономического развития. Это позволяет адаптировать общие принципы к местной специфике и налаживать прямые связи с регионами-соседями, часто в рамках двусторонних соглашений.

Региональные стратегии, как правило, включают положения о развитии трансграничной транспортно-логистической инфраструктуры, поддержке совместных инвестиционных и предпринимательских проектов, формировании условий для роста человеческого капитала и взаимного технологического обмена. Это особенно заметно в северо-западных субъектах (Ленинградской области, Санкт-Петербурге и в Республике Карелия), где приграничное экономическое сотрудничество с Финляндией стало органической частью региональной экономической политики.

Эксперты полагают, что закрепление целевых ориентиров приграничного экономического сотрудничества в стратегиях субъектов

Федерации способствует институционализации внешних связей на уровне местных администраций, торгово-промышленных палат, вузов и предприятий. Это позволяет не ждать решений «сверху», а налаживать прямые взаимовыгодные контакты с регионами-соседями в рамках двусторонних соглашений, межправительственных комиссий [**28**]. Именно подобные горизонтальные формы взаимодействия формируют реальную «ткань» добрососедства, обеспечивая устойчивость межгосударственных отношений даже в периоды политической турбулентности.

Кроме того, представляется, что включение задач приграничного сотрудничества в региональные стратегии способствует согласованию формальных и неформальных институтов развития, в долгосрочной перспективе укрепляет доверие между партнерами и повышает эффективность программ социально-экономического и культурного обмена.

Таким образом, интеграция целей приграничного сотрудничества в региональные стратегические документы превращает его из дополнительного направления внешнеэкономической деятельности в системный элемент пространственного развития. Это обеспечивает субъектам Российской Федерации возможность развивать долгосрочные партнерские связи с зарубежными регионами, формировать на границе зоны устойчивого роста и повышать конкурентоспособность собственных территорий. Примером служит активно развивающееся сотрудничество регионов России и Китая. Так, по состоянию на июль 2025 года регионы двух стран подписали 120 соглашений о сотрудничестве [**13**], что не только дало импульс развитию экономических связей, но и является олицетворением разворота на Восток. Еще один системный пример – взаимодействие с Республикой Казахстан: в ноябре 2024 года в рамках государственного визита Президента России В.В. Путина подписана Программа межрегионального и приграничного сотрудничества до 2028 года [**3**]. Программа предусматривает стимулирование экономики приграничных регионов через поддержку совместных проектов в

торговле, логистике, агропромышленном комплексе, туризме и переработке ресурсов, а также развитие инфраструктуры по модернизации пограничных пунктов пропуска, транспортных подходов к ним, логистических центров. Всё это способствует снижению издержек бизнеса и повышает товарооборот. В перспективе возможно заключение аналогичных программ с другими соседями.

Таким образом, вопросы приграничного сотрудничества интегрированы в многоуровневую систему стратегического планирования России – от концептуальных основ внешней и пограничной политики через пространственную стратегию и национальные проекты к региональным программам. Это создает комплексную правовую и политическую рамку, в которой экономическое развитие приграничья, укрепление добрососедства и обеспечение безопасности рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодополняющие элементы единой государственной политики.

К этому можно добавить, что данный комплекс документов действительно формирует важную правовую и институциональную основу для участия России в многосторонних соглашениях о приграничном и межрегиональном сотрудничестве. Современная система международных объединений, особенно экономико-финансовой направленности, строится на разноуровневой типологии – от формализованных международных организаций до объединений саммитового, или клубного, типа [**10**].

В данном контексте Россия, обладая развитыми нормативно-правовыми механизмами управления приграничными связями, получает возможность проецировать эти внутренние инструменты во внешнем измерении – в рамках международных и региональных объединений. Участие в Шанхайской организации сотрудничества и Евразийском экономическом союзе иллюстрирует именно такую многоуровневую институционализацию: в ЕАЭС она реализуется через наднациональные структуры, обладающие элементами

«жесткой» организационной модели, а в ШОС – через гибкие саммитовые механизмы и систему экспертно-предпринимательских советов.

Таким образом, правовая база приграничного сотрудничества и система национальных стратегий служат неотъемлемым инструментом интеграции России в многосторонние экономические форматы.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что в нашей стране сформированы важнейшие механизмы приграничного сотрудничества. Научное сообщество предлагает разнообразные концепции, объясняющие роль и факторы развития приграничных связей, что позволяет лучше понимать природу и потенциал этого явления. Государственная политика, опираясь на научные выводы, создала необходимую нормативную базу: определены понятие и принципы приграничного сотрудничества, разграничены полномочия федерации и регионов, действуют международные соглашения и национальные программы, призванные стимулировать взаимодействие на границах. Правовые основы приграничного сотрудничества нашей страны отвечают современным реалиям. Вместе с тем реализация заложенных норм на практике сталкивается с рядом проблем. Среди основных препятствий – сохраняющаяся асимметрия экономического развития по разные стороны границы, инфраструктурная отсталость многих пограничных районов, административные барьеры и недостаточная инициатива на местном уровне.

Несмотря на наличие определенного количества исследований, посвященных приграничному сотрудничеству нашей страны, представляется важным дальше изучать эффективность уже реализованных программ и проектов, вырабатывать систему индикаторов для мониторинга состояния приграничного взаимодействия. Эта работа формирует важную методологическую основу для внесения корректировок в стратегии и нормативные акты. В целом приграничное сотрудничество остается одним из приоритетных направлений международных связей России, и

совершенствование теоретических подходов и правовых условий его развития будет способствовать укреплению добрососедства, интеграции и устойчивому развитию приграничных регионов Российской Федерации.

Список источников и литературы

1. Воробьев С.В., Крутько А.А., Нарышкин А.А. Исторические предпосылки и перспективы формирования Большого евразийского партнерства // Человеческий капитал. 2023. № 7 (175). С. 11-20.
2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Г. Москва, 16.07.2001 г. // Доступ через систему КонсультантПлюс
3. Документы, подписанные в ходе государственного визита в Казахстан // // Президент России [Офиц. сайт] URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6231/print (дата обращения:13.12.2025)
4. Западнюк Е.А. Еврорегионы - новые интеграционные платформы Евросоюза со странами восточной Европы: Еврорегион «Днепр» // Проблемы безопасности российского общества. 2014. № 1. С. 100-108; Ооржак В.О. Опыт создания приграничных еврорегионов в странах Европейского союза // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 12-3. С. 502-508.
5. Кашин В. Б., Янькова А. Д. Приграничное сотрудничество между Россией и Китаем: глубинные препятствия развития // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 41–55.
6. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 09.02.2001 г. № 196-р)
7. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Утв. Распоряжением Правительства России от 07.10.2020 г. № 2577-р // Доступ через систему КонсультантПлюс
8. П. 74. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации 31.03.2023 г. № 229 // Президент России [Офиц. сайт] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090 (дата обращения:13.12.2025)
9. П. 21. Основы государственной пограничной политики Российской Федерации. Утв. Указом Президента №174 от 25.04.2018 // Президент России [Офиц. сайт] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/43004/page/1 (дата обращения:13.12.2025)

10. Прохорова А.А. К вопросу о классификации многосторонних международных объединений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2016. № 1. С. 21-37.
11. Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья: монография / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожеиной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 18.
12. Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Часть 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья: монография / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожеиной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 5, 24-25.
13. Регионы России и Китая подписали 120 соглашений о сотрудничестве. 07.07.2025 // Министерство экономического развития Российской Федерации [Офиц. сайт] URL: https://economy.gov.ru/material/news/regiony_rossii_i_kitaya_podpisali_120_soglasheniy_o_sotrudnichestve.html (дата обращения:13.12.2025)
14. Ст. 72, ст.132 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Доступ через систему КонсультантПлюс
15. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о межрегиональном и приграничном сотрудничестве. Г.Усть-Каменогорск. 07.09.2010 г. // Доступ через систему КонсультантПлюс
16. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Монголии о содействии межрегиональному и приграничному сотрудничеству. Г. Улан-Батор. 03.09.2019 г. // Доступ через систему КонсультантПлюс
17. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Финляндской Республики о содействии приграничному сотрудничеству между Российской Федерацией и Финляндской Республикой. Г. Хельсинки. 13.04.2012 г. // Доступ через систему КонсультантПлюс
18. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Распоряжением Правительства России от 13.02.2019 г. № 207-р // Доступ через систему КонсультантПлюс
19. Ст. 2, Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Мадрид, 21 мая 1980 года // Совет

Европы [Офиц. сайт] URL: https://rm.coe.int/1680078b2a (дата обращения: 12.12.2025)
20. Себенцов А.Б., Зотова М.В. Потенциал экономико-географического положения калининградской области: ограничения и перспективы реализации // Балтийский регион. 2013. № 4 (18). С. 113-131.
21. Составлено по материалам: INTERREG Europe 2014–2020. Cooperation Programme Document CCI 2014 TC 16 RFIR 001. Brussels: European Commission, 7 May 2014. — 100 p.; Guidance Document on Monitoring and Evaluation. European Regional Development Fund and Cohesion Fund — Concepts and Recommendations. Brussels: DG Regional and Urban Policy, 2018. —39 p.
22. Стратегия пространственного развития страны до 2030 года. Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р // Правительство Российской Федерации [Офиц. сайт] URL: http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQA8SYR91B.pdf (дата обращения:13.12.2025)
23. Утратила силу на основании распоряжения Правительства Российской Федерации от 07.10.2020 г. № 2577-р
24. Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества», 26.07.2017 №179-ФЗ // Доступ через систему КонсультантПлюс
25. Федеральным законом Российской Федерации «О ратификации Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» от 22 июля 2002 года № 91-ФЗ // Доступ через систему КонсультантПлюс
26. Федеральный закон «Об основах приграничного сотрудничества», 26.07.2017 №179-ФЗ // Доступ через систему КонсультантПлюс
27. Федеральный закон Российской Федерации «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов РФ» от 04.01.1999 г. №4-ФЗ
28. Шлямин В.А., Гладких Е.Г. Приграничное экономическое сотрудничество России и Финляндии: преодоление новых вызовов // Современная Европа. 2022. № 1 (108). С. 139-153.
29. Friedmann, J., Alonso, W. Regional Development and Planning: A Reader. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1964. — 721 p.
30. Kuanshaliev B.K. Development of cross-border trade between Kazakhstan and Kyrgyzstan based on the creation of cross-border hubs // Вестник Dulaty University. 2025. № 1 (17). P. 297-310; Янь М. Амурская область как территория гуманитарного взаимодействия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26. № 192. С. 245-256; Цветкова О.В.

Трансграничное сотрудничество приграничных субъектов Российской Федерации // PolitBook. 2016. № 4. С. 96-107.
31. Perkmann M. Cross-Border Regions in Europe: significance and drivers of regional cross-border co-operation // European Urban and Regional Studies. 2003. Vol. 10, № 2. P. 153–171.

Нафиков Ильсур Закирзянович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры алтаистики, тюркских и центральноазиатских исследований,
Казанский (Приволжский) федеральный университет.
E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

Ilsur Z. Nafıkov,
PhD (historical sciences),
Associate Professor of the Department of Altay, Turkic and Central Asian Researches,
Kazan (Volga region) Federal University.
E-mail: ilsur.nafikov@gmail.com

ТУРЕЦКАЯ СТРАТЕГИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОКСИ-СИЛ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: КЕЙСЫ СИРИИ И ЛИВИИ

TURKISH STRATEGY OF USING PROXY FORCES IN REGIONAL POLICY: THE CASES OF SYRIA AND LIBYA

Аннотация: в данной статье предпринята попытка комплексного анализа эволюции, институциональной архитектуры и практического применения турецкой стратегии использования нерегулярных вооруженных формирований (прокси-сил) как ключевого инструмента внешней политики Анкары в условиях многополярности Ближнего Востока и Северной Африки. На основе кейсов Сирии и Ливии исследуются генезис данной стратегии, уходящий корнями в феномен «глубинного государства», и ее современная структура, включающая частную военную компанию SADAT, Сирийскую национальную армию (СНА) и ультранационалистические группы. Автор доказывает, что подход Турции характеризуется высокой степенью адаптивности, прагматизма и интеграцией «жесткой» и «мягкой» силы (smart power), что позволяет минимизировать риски при достижении стратегических целей. Особое внимание уделяется сравнительному анализу сирийского и ливийского театров, выявлению универсальных черт и контекстуальных различий стратегии. В заключении оцениваются долгосрочные риски и устойчивость данной модели, а также ее влияние на архитектуру региональной безопасности. В работе использованы материалы архивов периодических изданий, аналитических отчетов, а также привлечены труды российских и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Турция, прокси-силы, гибридные войны, внешняя политика, Сирия, Ливия, «глубинное государство», Сирийская национальная армия (СНА), SADAT, региональная безопасность, неоосманизм.

Abstract: this article attempts a comprehensive analysis of the evolution, institutional architecture, and practical application of Turkey's strategy of using

irregular armed formations (proxy forces) as a key instrument of Ankara's foreign policy in the multipolar environment of the Middle East and North Africa. Based on the cases of Syria and Libya, the genesis of this strategy, rooted in the phenomenon of the “deep state”, and its modern structure, including the private military company SADAT, the Syrian National Army (SNA), and ultranationalist groups, are examined. The author argues that Turkey's approach is characterized by a high degree of adaptability, pragmatism, and the integration of “hard” and “soft” power (smart power), which allows for minimizing risks while achieving strategic goals. Particular attention is paid to a comparative analysis of the Syrian and Libyan theaters, identifying universal features and contextual differences of the strategy. The conclusion assesses the long-term risks and sustainability of this model, as well as its impact on the regional security architecture. The article uses materials from periodical archives, analytical reports, and draws on the works of Russian and foreign researchers.

Keywords: Turkey, proxy forces, hybrid warfare, foreign policy, Syria, Libya, “deep state”, Syrian National Army (SNA), SADAT, regional security, neo-Ottomanism.

Политическая карта Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) претерпела кардинальные изменения после событий «арабской весны», приведших к ослаблению государственности и возникновению вакуума силы в ряде стран, включая Сирию и Ливию. Этот вакуум и обострение регионального соперничества создали условия, в которых государства, способные мобилизовывать, поддерживать и направлять нерегулярные вооруженные формирования (прокси-силы), получили значительные тактические и стратегические преимущества [**23**, p. 161]. Турецкая Республика под руководством Партии справедливости и развития (ПСР) и президента Реджепа Тайипа Эрдогана активно развила и применила этот инструментарий для продвижения своих национальных интересов, обеспечения безопасности границ и усиления влияния в регионе. Как отмечают исследователи, подход Анкары к прокси-войнам является «многомерным, адаптивным и стратегически калиброванным», интегрирующим военные, дипломатические, экономические и мягкосиловые инструменты [**23**, p. 167; **10**; **11**]. Данная статья ставит целью провести комплексный анализ генезиса, институциональной структуры и практического применения турецкой стратегии использования

прокси-сил на примере двух ключевых театров – Сирии и Ливии, выявив ее характерные черты, эффективность и сопутствующие риски. Для этого будет использован сравнительный метод, а также историко-генетический и институциональный анализ, что позволит проследить трансформацию стратегии от реакции на непосредственные угрозы к активной проекции силы.

Способность Турции вести войны с привлечением нерегулярных сил уходит корнями в глубокие исторические и институциональные структуры, прежде всего в феномен так называемого «глубинного государства» (Derin Devlet) – сети тайных отношений внутри государственного аппарата, действующей в обход официальных институтов [**10**; **11**]. Исторически турецкие вооруженные силы, считавшие себя хранителями светских кемалистских принципов, неоднократно вмешивались в политику через военные перевороты (1960, 1971, 1980 годы), оправдывая это защитой национальных интересов. В этот период сформировались и окрепли такие структуры, как Департамент специальной войны (Özel Harp Dairesi, ÖHD), занимавшиеся тайными операциями, включая политические убийства и борьбу с курдским сепаратизмом. Парадоксальным образом ПСР, первоначально боровшаяся с влиянием «глубинного государства» в политике, после прихода к власти не только унаследовала его методы, но и усовершенствовала их, создав более централизованную, управляемую и эффективную систему для нейтрализации как внутренних, так и внешних противников [**10**; **11**]. Современный аппарат привлечения, подготовки и управления нерегулярными силами Турции включает несколько ключевых, взаимодополняющих компонентов. Во-первых, это Силы специальных операций (ССО) турецких вооруженных сил, являющиеся официальным элитным элементом армии, но чья деятельность часто носит закрытый, непубличный характер. Они обеспечивают непосредственную координацию, обучение, оснащение и тактическое управление прокси-силами на местах [**10**; **11**]. Во-вторых, ультранационалистическая группировка «Серые волки»

(Bozkurtlar), выступающая молодежным крылом Партии националистического движения (ПНД) – союзника ПСР. Исторически «Серые волки» использовались для проведения спецопераций, включая борьбу с армянскими террористическими группами в Европе и Рабочей партией Курдистана (РПК) в Турции. В сирийском конфликте члены «Серых волков» активно воевали в рядах протурецких туркоманских бригад, а их открытая идеологическая и политическая поддержка со стороны Эрдогана символизирует стратегический союз неоосманизма и пантюркизма во внешней политике Анкары [**10**; **11**; **7**]. В-третьих, и, пожалуй, наиболее спорным элементом этой стратегии является деятельность частной военной компании (ЧВК) «Садат» (SADAT). Эта компания, основанная в 2012 году отставным бригадным генералом Аднаном Танриверди – бывшим старшим советником президента Эрдогана, существует в серой зоне между государственными интересами и частной инициативой. Ее роль вызывает вопросы о приватной внешней политике Анкары и создании параллельных, неподотчетных парламенту инструментов силового влияния за рубежом. SADAT официально позиционируется как консалтинговая и тренинговая компания в области обороны и безопасности. Однако, по оценкам многих аналитиков и экспертов, она де-факто является «квазигосударственным агентством» по подготовке, переброске и оперативному управлению прокси-силами [**10**; **11**; **7**; **12**]. Компания обеспечивает комплексную военную подготовку, включая тактику специальных операций, снайперскую подготовку, саботаж и минирование. SADAT, как считается, сыграла ключевую роль в обучении и консолидации сирийских вооруженных групп, лояльных Анкаре, а также, по некоторым данным, связана с каналами поставок оружия для палестинского движения ХАМАС, что расширяет турецкое влияние в секторе Газа [**10**; **11**; **3**]. Эта триада – официальные ССО, идеологически мотивированные «Серые волки» и прагматичная, отрицающая прямое участие ЧВК SADAT – образует гибкий, многоуровневый и диверсифицированный инструментарий, позволяющий Анкаре эффективно реализовывать свои

внешнеполитические амбиции с минимальными политическими и репутационными издержками. Деятельность SADAT выходит далеко за рамки формального консалтинга. Как сообщалось, еще в 2013 году компания подписала соглашение с ливийским Правительством национального согласия (ПНС) о строительстве военно-спортивных объектов, а с 2019 года активно участвовала в логистике по переброске сирийских боевиков в Ливию, включая оформление документов и координацию с турецкими спецслужбами [**7**; UNSG Letter, 2020, цит. по **12**]. В 2024 году Армянская коллегия адвокатов США подала запрос на применение против SADAT и ее генерального директора Али Камиля Мелиха Танриверди санкций по «Глобальному акту Магнитского», обвиняя компанию в причастности к серьезным нарушениям прав человека, вербовке (в том числе несовершеннолетних) и переброске наемников в зоны конфликтов, таких как Ливия, Сирия и Нагорный Карабах, в тесной координации с турецкими военными и разведывательными органами [**12**]. В своем публичном ответе Мелих Танриверди не опроверг эти связи напрямую, а заявил, что такие обвинения исходят от «криптоармян», что лишь подтверждает правильность работы его компании в глазах националистически настроенной турецкой публики. Этот инцидент высвечивает еще одну грань стратегии: использование внешней критики (особенно со стороны исторических оппонентов, таких как Армения) для внутренней консолидации и легитимации собственных действий в глазах целевой аудитории. Более того, глобальные амбиции SADAT простираются за пределы ближневосточного театра. На организованных ее дочерней структурой ASSAM конференциях открыто обсуждалась идея отправки иностранных добровольцев для борьбы в Кашмире и Палестине, что свидетельствует о панисламистском и экспансионистском характере идеологии, стоящей за оперативной деятельностью компании [**5**].

Сирия стала первым, наиболее масштабным и продолжительным театром военных действий, где турецкая стратегия использования прокси-сил

была апробирована и доведена до высокой степени эффективности. Изначально, в контексте общей логики «арабской весны» и надежд на приход к власти суннитского исламистского блока, Анкара поддерживала широкий спектр сирийской вооруженной оппозиции с целью свержения режима Башара аль-Асада [**18**, p. 70; **17**]. Поддержка осуществлялась как через официальные каналы, например совместную с США программу по обучению и снаряжению «умеренных» повстанцев на базе Хирфанлы в Турции [**8**], так и через неофициальные сети. Турецкая территория, особенно приграничные районы и такие города, как Антакья, на ранних этапах конфликта служила важнейшим транзитным хабом и местом отдыха для иностранных боевиков, включая джихадистов, что указывает на изначальную избирательность и прагматизм Анкары в выборе союзников [**17**]. Однако по мере развития конфликта и, что особенно важно, после значительного усиления курдских Отрядов народной самообороны (YPG) в северной Сирии, которые Анкара рассматривает как сирийское крыло запрещенной РПК, стратегический фокус турецкой политики кардинально сместился. На первый план вышли задачи противодействия курдскому автономизму, недопущения создания курдского государственного образования у своих границ и создания буферных зон безопасности вдоль турецко-сирийской границы [**23**, p. 164**; 10**; **11**]. Практическая реализация этой стратегии была осуществлена через серию крупномасштабных военных операций, ключевой ударной силой в которых выступила так называемая Сирийская национальная армия (СНА) – коалиция многочисленных вооруженных групп, сформированная при активной поддержке Турции. Операции «Щит Евфрата» (2016), «Оливковая ветвь» (2018) и «Источник мира» (2019) проводились преимущественно силами СНА при прямой и решающей огневой, логистической, разведывательной и командной поддержке регулярной турецкой армии [**23,** p. 164]. СНА, номинально подчиняющаяся сирийскому Временному правительству в изгнании, на практике является полностью зависимой от Анкары военно-политической структурой, которая

осуществляет набор, обучение, снабжение и прямое финансирование ее боевиков [**10**; **11**; **23**]. Теоретически турецкий подход эволюционировал от «донорской помощи» (donated assistance) разрозненным группам оппозиции к полномасштабной прокси-войне (proxy war), характеризующейся централизованным контролем через единую военную структуру [**9**; **23**]. Помимо сугубо военных задач, Турция активно и целенаправленно использовала инструменты «мягкой силы» на подконтрольных СНА территориях. Это включало масштабное предоставление гуманитарной помощи, восстановление критической инфраструктуры (больницы, школы, системы водоснабжения), поддержку местных административных органов и образовательных проектов. Такая политика способствовала легитимации турецкого присутствия в глазах местного населения, формированию лояльности и созданию устойчивых социально-политических структур, зависимых от Анкары [**23**, p. 166]. Отношения Турции с более радикальными джихадистскими группировками, такими как «Хайат Тахрир аш-Шам» (ХТШ), носят сложный, неоднозначный и контекстуально зависимый характер. Несмотря на официальное признание ХТШ террористической организацией, Анкара избегает прямой военной конфронтации с ней в провинции Идлиб, где та является доминирующей силой. Имеются многочисленные свидетельства и аналитические оценки того, что турецкие структуры, включая Национальную разведывательную организацию (MİT) и SADAT, в различные периоды поддерживали контакты и оказывали ограниченную поддержку предшественникам ХТШ, таким как «Джебхат ан-Нусра» [**10**; **11**; **7**; **17**]. Это указывает на выборочное и тактическое сотрудничество с радикальными элементами для достижения конкретных краткосрочных целей, таких как борьба с режимом Асада и сдерживание курдских формирований, даже несмотря на долгосрочные идеологические противоречия [**10**; **11**]. Этот гибкий, прагматичный и лишенный идеологической ригидности подход позволил Турции создать, поддерживать и расширять зоны своего влияния в

северной Сирии, решая одновременно комплекс задач: обеспечение безопасности южных границ, сдерживание и оттеснение РПК/YPG, управление миграционными потоками и сохранение ключевых рычагов влияния на политическое будущее Сирии. Однако долгосрочная эффективность и устойчивость этой модели в Сирии поставлена под сомнение событиями 2024–2025 годов, описанными в репортаже Полин Вашер [**22**]. Формальное объединение СНА с новой Сирийской национальной армией под руководством Ахмада аш-Шараа и роспуск старых фракций оказались во многом поверхностными. Командиры бывших группировок, такие как печально известный Абу Амша (Мухаммед аль-Джассем), получили высокие посты в новой структуре, а их боевики, будучи перераспределенными, часто сохраняли внутреннюю сплоченность и старые связи [**22**]. На местах, особенно в регионах вроде Африна, сохраняется фактический контроль бывших прокси-сил, сопровождающийся поборами, вымогательством и отсутствием реальной власти центрального правительства, что подрывает легитимность турецкой модели управления и создает почву для долгосрочной нестабильности [**22**; **20**]. Это демонстрирует ключевой парадокс стратегии: созданные для отрицаемой принадлежности (plausible deniability) децентрализованные прокси-силы крайне сложно полностью интегрировать в какие-либо формальные структуры без потери их оперативной эффективности и лояльности, что создает хронические проблемы управления и безопасности на подконтрольных территориях.

Ливийский конфликт стал следующим этапом в эволюции и демонстрации возможностей турецкой стратегии использования прокси-сил, однако в качественно новых, более сложных логистических и геополитических условиях. Вмешательство Анкары было прямым и решительным ответом на наступление Ливийской национальной армии (ЛНА) фельдмаршала Халифы Хафтара на столицу страны Триполи, где находилось признанное международным сообществом Правительство национального согласия (ПНС)

во главе с Файезом аль-Сараджем. Хафтар пользовался активной военной, финансовой и дипломатической поддержкой таких региональных конкурентов Турции, как ОАЭ, Египет и Франция, а также России, которая предоставляла средства РЭБ и другую военную технику [**6**]. Ключевыми, взаимосвязанными элементами турецкой стратегии в Ливии стали, во-первых, развертывание современных ударных беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) Bayraktar TB2, которые оказали решающее тактическое и оперативное влияние на ход боевых действий, эффективно уничтожая системы ПВО, артиллерию и тыловую инфраструктуру сил Хафтара. Во-вторых, что показательно, Анкара организовала масштабную переброску тысяч опытных бойцов Сирийской национальной армии (СНА) из северной Сирии в Ливию [**23**, p. 165; **10**; **11**; **2**]. Уже в декабре 2019 года Сирийский наблюдательный центр по правам человека сообщал о прибытии в Триполи первых 300 сирийских бойцов и подготовке еще 900–1 000 на турецких базах, при этом месячное жалованье составляло от 2 000 до 2 500 долларов [**2**]. Этот шаг позволил Турции эффективно проецировать военную силу на большое расстояние, избегая масштабной и политически рискованной отправки собственного регулярного контингента и тем самым минимизируя потенциальные потери и внутриполитические риски. Правовой основой для этого военного вмешательства послужили подписанные в ноябре 2019 года между Турцией и ПНС Меморандумы о взаимопонимании по военному сотрудничеству и, что особенно важно, о разграничении морских зон в Восточном Средиземноморье, что имело ключевое значение для турецких энергетических и геополитических интересов [**6**; **15**; **23**; **13**]. Комплексная турецкая военная поддержка, включавшая советников, передовые БПЛА, средства ПВО и переброшенных сирийских боевиков, кардинально изменила расстановку сил в Ливии в начале 2020 года. Весной армия ПНС перешла в успешное контрнаступление под кодовым названием «Буря мира» (Barış Fırtınası), в результате которого силы Хафтара были отброшены от Триполи и понесли значительные потери,

включая стратегически важную авиабазу Аль-Ватия на западе страны [**6**]. Это военное поражение вынудило региональных и международных спонсоров Хафтара пересмотреть свои расчеты и способствовало запуску политического процесса под эгидой ООН, кульминацией которого стало объявление о прекращении огня в августе 2020 года и формирование Временного правительства национального единства. Таким образом, умелое сочетание высокотехнологичных средств поражения, переброски проверенных в боях прокси-сил и активной дипломатии позволило Анкаре не только спасти союзное правительство в Триполи от военного разгрома, но и вернуть себе роль одного из ключевых внешних игроков, способных определять ход ливийского урегулирования. В контексте Ливии особенно важно подчеркнуть статус сирийских бойцов. Если в Сирии они рассматривались как прокси (политически мотивированные местные силы), то в Ливии, будучи иностранцами, воюющими за плату для достижения целей третьей стороны (Турции), они в большей степени подпадают под определение наемников (mercenaries) согласно критериям, предложенным К. О'Брайеном, и ряду международных конвенций [**14**; **21**; **23**]. Их мотивация была в значительной степени меркантильной (зарплата до $2 000–3 000 в месяц, обещание турецкого гражданства), что, однако, не отменяет их эффективности как инструмента в руках Анкары [**1**; **19**; **2**].

Одной из наиболее характерных и показательных черт турецкой внешнеполитической стратегии в целом и подхода к использованию прокси-сил в частности является ее глубокий прагматизм, гибкость и способность к быстрой адаптации в меняющихся обстоятельствах. Наглядной иллюстрацией этого тезиса служит эволюция позиции Анкары в отношении ливийского генерала Халифы Хафтара. Если на начальном этапе активного вмешательства (2019–2020 гг.) Турция рассматривала Хафтара как непримиримого противника, марионетку враждебных Анкаре сил (ОАЭ, Египта, России) и главное препятствие для стабилизации Ливии, то по мере стабилизации линии

фронта и затягивания политического тупика в стране турецкое руководство начало осторожно зондировать почву для возможного диалога с ним. Кульминацией этого процесса стала состоявшаяся в августе 2025 года встреча главы Национальной разведывательной организации (MİT) Турции Хакана Фидана с Хафтаром [**15**]. Этот шаг наглядно демонстрировал, что Анкара, руководствуясь соображениями национального интереса, готова иметь дело с любым де-факто контролирующим значительные территории ливийским актором, даже с тем, кого она ранее публично клеймила как военного преступника. Подобный прагматизм наблюдался и в Сирии, где тактическое сотрудничество с ХТШ осуществлялось вопреки официальному террористическому статусу группировки. Ключевым стратегическим интересом Турции в Ливии, ради защиты которого, по сути, и было предпринято военное вмешательство с использованием прокси-сил, является международное признание и легитимация Меморандума о разграничении морских зон в Восточном Средиземноморье, подписанного с ПНС в 2019 году. Этот меморандум стал краеугольным камнем турецкой стратегии в регионе, направленной на противодействие попыткам Греции, Кипра, Египта и Израиля исключить Турцию из регионального энергетического уравнения и создать механизмы совместной разработки углеводородных ресурсов без участия Анкары [**15**; **13**]. Получение какого-либо, даже неформального, одобрения или признания этого документа со стороны контролируемого Хафтаром Тобрукского парламента или его самого позволило бы Анкаре значительно укрепить легитимность меморандума на международной арене и, как следствие, усилить свои переговорные позиции в споре о морских границах и правах на разведку и добычу энергоресурсов. Таким образом, использование прокси-сил в Ливии изначально не было самоцелью или следствием идеологической ригидности, а являлось одним из гибких и эффективных инструментов в более широкой, комплексной и долгосрочной геостратегической игре, нацеленной на обеспечение энергетической

безопасности, укрепление регионального статуса и защиту национальных интересов Турции в конкурентной среде Восточного Средиземноморья.

Сравнительный анализ применения Турцией прокси-сил в Сирии и Ливии позволяет выявить как универсальные, сквозные черты ее стратегии, так и существенные контекстуальные различия, обусловленные спецификой каждого театра военных действий. К общим, системным чертам турецкого подхода можно отнести, во-первых, интеграцию «жесткой» и «мягкой» силы. Во-вторых, это минимизация собственных потерь и рисков. Стратегия активного использования местных союзников в сочетании с высокотехнологичными средствами ведения войны (такими как ударные БПЛА Bayraktar TB2) позволяет Анкаре достигать значительных тактических и стратегических целей при минимальных, а часто и нулевых потерях среди личного состава регулярной турецкой армии. Это критически важно для поддержания внутриполитической стабильности и общественной поддержки внешнеполитических операций. В-третьих, это «отрицаемая принадлежность» (plausible deniability) и оперативная гибкость. Формальное дистанцирование официальной Анкары от конкретных действий прокси-формирований, а также тактическое, ситуативное и часто закулисное сотрудничество с радикальными группами (как в случае с ХТШ в Идлибе) предоставляет Турции значительную свободу маневра, позволяя отрицать прямую ответственность и гибко менять союзников в зависимости от конъюнктуры. Наконец, отличительными чертами являются прагматизм и высокая адаптивность. Способность быстро пересматривать тактические установки, вступать в диалог с бывшими противниками (как это произошло с Хафтаром в Ливии) и жертвовать идеологическими принципами ради защиты ключевых национальных интересов является отличительной чертой современной турецкой внешней политики. Ключевые различия обусловлены спецификой театров военных действий и характером угроз. В Сирии угрозы для Турции были прямыми, ощутимыми и касались фундаментальных вопросов национальной

безопасности: курдский сепаратизм (РПК/YPG), террористическая угроза и неконтролируемый поток беженцев. Это обусловило масштабное, прямое и продолжительное военное вмешательство с созданием постоянных буферных зон на сирийской территории и долгосрочными обязательствами по управлению этими территориями. Здесь стратегия была направлена на «контроль через централизацию» местных сил (СНА) для решения проблем на границах. В Ливии же интересы Турции носили в большей степени геостратегический и экономический характер: защита прав на разведку углеводородов в Восточном Средиземноморье, обеспечение морских границ в соответствии с Меморандумом с ПНС и усиление общего влияния в регионе в конкурентной борьбе с другими державами. Это потребовало проекции силы на значительное расстояние с акцентом на высокие технологии (БПЛА) и ограниченный, но эффективный контингент переброшенных сирийских боевиков без цели долгосрочной оккупации территории. В ливийском контексте сирийские бойцы выступали скорее как платные наемники в рамках конкретной военной кампании.

В заключение можно констатировать, что турецкие прокси-силы превратились в неотъемлемый, высокоэффективный, хотя и не лишенный значительных рисков инструмент внешней политики Анкары в эпоху последствий «арабской весны», характеризующейся хронической региональной турбулентностью, ослаблением государственности и обострением межгосударственного соперничества. Стратегия их применения демонстрирует высокую степень адаптивности, прагматизма и оперативной гибкости, интегрируя военные, политические, дипломатические и мягкосиловые инструменты в зависимости от конкретного контекста и поставленных целей. Турция успешно эволюционировала от роли спонсора разрозненной оппозиции к роли архитектора централизованных прокси-армий (СНА) и оператора комплексных кампаний с использованием наемников на удаленных театрах.

Несмотря на очевидную тактическую эффективность, продемонстрированную в Сирии и Ливии, долгосрочная устойчивость и дальнейшая успешность этой стратегии сопряжены с рядом вызовов и рисков. К ним относятся, во-первых, отсутствие полного и абсолютного контроля над действиями многочисленных и разнородных прокси-формирований, что ведет к совершению ими военных преступлений, коррупции и сохранению параллельных структур власти, как это видно в Африне. Это подрывает легитимность и стабильность создаваемых Анкарой управляемых анклавов. Во-вторых, это потенциальные репутационные издержки от сотрудничества с радикальными группировками вроде ХТШ и использования наемников, что противоречит статусу Турции как члена НАТО и ведет к международно-правовым последствиям, таким как инициированные в США санкционные процедуры против SADAT [**12**]. В-третьих, это риск эскалации конфликта с другими региональными (ОАЭ, Египет, Саудовская Аравия) и глобальными (Россия, США) державами, активно использующими аналогичные инструменты. И, наконец, это финансово-экономическое бремя долгосрочного содержания и поддержки лояльных Анкаре структур на чужих территориях. Тем не менее на сегодняшний день прагматичный, гибкий и технологически подкрепленный подход к использованию прокси-сил позволил Турецкой Республике не только решить ряд острых проблем безопасности на своих границах, но и значительно укрепить свои позиции в качестве одного из ключевых и самостоятельных региональных игроков на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье, доказав свою способность активно формировать новую, более сложную и многополярную архитектуру региональной безопасности. Будущее этой стратегии будет зависеть от способности Анкары трансформировать тактические военные успехи в устойчивые политические урегулирования и управлять внутренними противоречиями созданных ею прокси-структур, а также от того, смогут ли международные игроки эффективно противодействовать турецкой модели

непрямых действий, которая, как показала практика, является мощным и адаптивным инструментом в современной гибридной войне.

Список источников и литературы

1. Al-Khateb, K. (2020). Syrian mercenaries fight Turkey’s battles in Libya. *Al-Monitor*.
2. Asharq Al Awsat. (2019, December 29). Group: Turkey Sent 300 Fighters from Syria to Libya.
3. Aydınlık. (2012). *[Report on SADAT training camps]*. (Конкретная ссылка требуется, в исходных данных указана газета Aydınlık 2012 года как источник о тренировочных лагерях SADAT).
4. Bekdil, B. (2021, March 31). Jihadis Are Becoming Turkey’s Permanent Proxy Force. *BESA Center Perspectives Paper* No. 1,982.
5. Bozkurt, A. (2022, November 24). Turkey’s paramilitary SADAT meeting discussed deploying foreign fighters to Kashmir, Palestine. *Nordic Monitor*.
6. Canlı, E. (2020, 30 декабря). Türkiye'nin desteği 2020 yılında Libya'nın kaderini değiştirdi. Anadolu Ajansı.
7. Cohen Yanarocak, H. E., & Spyer, J. (2021, January 27). Turkish Militias and Proxies. *Jerusalem Institute for Strategy and Security*.
8. Ergan, U. (2014, November 16). 2,000 Syrian rebels to be trained in Turkey. *Hürriyet Daily News*.
9. Groh, T. L. (2019). *Proxy War: The Least Bad Option*. Stanford University Press.
10. Капошин, О.А. (2021, 24 февраля). Турецкие прокси как инструмент реализации политических целей Анкары. Часть 1. Институт Ближнего Востока. Retrieved from https://www.iimes.ru/?p=75735.
11. Капошин, О.А. (2021, 25 февраля). Турецкие прокси как инструмент реализации политических целей Анкары. Часть 2. Институт Ближнего Востока. Retrieved from https://www.iimes.ru/?p=75737.
12. Kenez, L. (2024, October 2). Turkish paramilitary contractor SADAT and its CEO at risk of US sanctions. *Nordic Monitor*.
13. Momtaz, R., & Hokayem, E. (Eds.). (2024). *Turbulence in the Eastern Mediterranean: Geopolitical, Security and Energy Dynamics (Strategic Dossiers, Vol. 2, Issue 1)*. IISS. https://doi.org/10.1080/28377710.2024.2419728
14. O’Brien, K. A. (2012). Surrogate Agents: Private Military and Security Operators in an Unstable World. In M. A. Innes (Ed.), *Making Sense of Proxy Wars: States, Surrogates & the Use of Force* (pp. 109–137). Potomac Books.

15. Özdemir, N. (2025, 1 Eylül). Türkiye'nin Libya Hamlesi: Hafter'le Yeni Dönem. Alternatif Araştırmalar Merкези (ALARM).
16. Sert, O. (2025). Turkey is Now a Permanent Proxy Sponsor. *Ankara Institute*.
17. Starr, S. (2014, August). A Deeper Look at Syria-Related Jihadist Activity in Turkey. *CTC Sentinel, 7*(8).
18. Taşkıran, C. (2012). Suriye'deki Olaylar ve Türkiye'nin Suriye Politikası. *Siyaset ve Kültür Dergisi*, 69–82.
19. Tsurkov, E. (2020, October 18). The Syrian Mercenaries Fighting Foreign Wars for Russia and Turkey. *The New York Review of Books Daily*.
20. Tsurkov, E. (2022, December 7). The Gangs of Northern Syria: Life Under Turkey’s Proxies. *New Lines Institute Intelligence Briefing*.
21. United Nations. (2001). *International Convention against the Recruitment, Use, Financing and Training of Mercenaries*. A/RES/56/83.
22. Vacher, P. (2026, February 2). Turkey’s Lingering Influence in Syria’s New Army. *New Lines Magazine*.
23. Yılmaz, C. (2025). Proxy Wars in the Middle East and Türkiye’s Strategic Position. *Social Science Development Journal*, 10(52), 161–173.

Овсянникова Ольга Александровна,
кандидат педагогических наук,
доцент, исполнительный директор
Научно-исследовательского центра
проблем национальной безопасности.
E-mail: olga.owsyannickowa@yandex.ru
Olga A. Ovsyannikova,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor, Executive Director
of the Research Center for National Security Problems.
E-mail: olga.owsyannickowa@yandex.ru

БЛОКОВЫЕ СИСТЕМЫ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
BLOCK SYSTEMS AND THEIR ROLE IN THE DEVELOPMENT OF MODERN GLOBAL POLITICAL PROCESSES

Аннотация: в статье рассматриваются процессы формирования и эволюции современных блоковых систем, их влияние на мировую политическую архитектуру и баланс сил. Особое внимание уделено расширению НАТО после окончания биполярной системы, попыткам США создать новые военно-политические альянсы (QUAD, AUKUS, MESA) и концепции «азиатского НАТО». Анализируется роль Турции в формировании тюркского военно-политического блока и влияние ее неоосманской и пантюркистской идеологии. Отдельно исследуются российские инициативы по обеспечению безопасности через ОДКБ и ШОС, а также итоги юбилейного саммита ШОС 2025 года в Тяньцзине. Автор приходит к выводу о трансформации мировой системы безопасности и формировании многополярного миропорядка, в котором блоковые структуры становятся инструментом борьбы за геополитическое влияние.

Ключевые слова: НАТО, ШОС, ОДКБ, AUKUS, QUAD, MESA, Турция, Армия Турана, пантюркизм, Индо-Тихоокеанский регион, США, Китай, Россия, многополярность, блоковая система.

Abstract: the article examines the processes of formation and evolution of modern bloc systems, as well as their impact on the global political architecture and balance of power. Particular attention is paid to NATO's expansion after the end of the bipolar system, the United States' attempts to create new military-political alliances (QUAD, AUKUS, MESA), and the concept of an «Asian NATO». The role of Turkey in shaping the Turkic military-political bloc is analyzed, along with the influence of its neo-Ottoman and Pan-Turkic ideology. Russian initiatives aimed at ensuring security through the CSTO and the SCO are also explored, as well as the results of the SCO's 2025 anniversary summit in Tianjin. The author concludes that the global security system is undergoing a profound transformation, leading to the

formation of a multipolar world order in which bloc structures serve as instruments of geopolitical competition and influence.

Keywords: NATO, SCO, CSTO, AUKUS, QUAD, MESA, Turkey, Turan Army, Pan-Turkism, Indo-Pacific region, USA, China, Russia, multipolarity, bloc system.

Актуальность

Процессы формирования современных блоковых систем своими истоками уходят в период становления американоцентричного мирового порядка на рубеже 80–90-х годов XX столетия. Тогда после крушения биполярной мировой системы и самороспуска Организации Варшавского договора крупнейшим военно-политическим альянсом в мире остался блок НАТО. Надежды советского, а затем и российского руководства о роспуске НАТО в связи с прекращением глобального противостояния не оправдались.

Перед руководством США и НАТО встали новые задачи – утверждение глобального лидерства, что потребовало не трансформации и роспуска альянса, а, напротив, его усиления. Вследствие этого, несмотря на заявления американских и натовских представителей о нерасширении альянса на Восток как условии объединения Германии, с 1999 года начался процесс вовлечения в его состав бывших сателлитов Советского Союза – стран Восточной и Центральной Европы, а также ряда постсоветских республик – стран Балтии.

12 марта 1999 года, за 12 дней до того, как начались бомбардировки Югославии, Венгрия, Польша и Чехия вступили в НАТО – с этого момента началось расширение альянса на восток.

В 2004 году в альянс вступили Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения и Эстония. Данное расширение явилось самым большим в истории альянса. Кроме того, произошло приближение НАТО вплотную к границам России.

Очередная волна расширения НАТО планировалась на Бухарестском саммите 2008 года. На нем Грузия и Украина рассчитывали присоединиться к Плану действий по членству в НАТО, однако Великобритания, Франция и

Германия выступили против этого решения. Они полагали, что, несмотря на полную поддержку Украины и Грузии, вопрос о сроках их присоединения должен оставаться нерешенным.

Между тем уже в следующем году, 1 апреля 2009 года, к Североатлантическому альянсу присоединились Албания и Хорватия.

В 2017 году к НАТО присоединилась Черногория, а 6 февраля 2019 года произошло подписание протокола о вступлении в НАТО Северной Македонии. В 2023 году членом НАТО стала Финляндия, в 2024 году – Швеция. Помимо указанных стран реальные перспективы к вступлению в НАТО имеет Босния и Герцеговина, для которой в 2018 году разработали План действий по членству. После его реализации последует приглашение в НАТО. Партнерами по ускоренному диалогу с НАТО являются также Грузия и Украина. Киевским режимом, в частности, были предприняты попытки разработать План действий по вступлению в НАТО (ПДЧ). Однако после начала специальной военной операции 24 февраля 2022 года лидеры альянса и украинское руководство признали, что вступление Украины в НАТО невозможно, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

Несмотря на первоначальные цели, деятельность НАТО на современном этапе находится за пределами Трансатлантического региона. Об этом свидетельствуют положения новой Стратегической концепции, в которой сформулированы долгосрочные цели и характер, а также основополагающие задачи НАТО.

Так, в частности, в качестве целей НАТО заявлены обеспечение контроля над Арктикой и Антарктидой, защита судоходства в данных регионах в интересах государств – членов НАТО и противодействие иным государствам в их стремлении использовать регионы в своих экономических интересах [**7**].

Помимо волн расширения НАТО на восток, США пытаются контролировать Индо-Тихоокеанский регион для сдерживания Китая. С этой

целью был создан Quadrilateral Security Dialogue (QUAD) – неформальная ассоциация в составе США, Японии, Индии и Австралии, которая, по мнению США, формирует основу сетецентричной архитектуры региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Методология и методы

Методологическую основу статьи составляют системный, комплексный и междисциплинарный подходы, позволяющие рассматривать современные блоковые системы как элементы глобальной политической архитектуры, находящиеся в постоянном развитии и взаимодействии. Исследование опирается на теоретические положения концепции международной безопасности, в рамках которых военно-политические альянсы интерпретируются как инструмент обеспечения национальных интересов, влияния и поддержания баланса сил в мировой политике.

В процессе исследования использовался историко-хронологический метод, позволивший проследить процесс формирования блоковых систем от периода распада биполярного мира до современного этапа их трансформации. Сравнительно-политический анализ применялся для сопоставления целей, структуры, принципов и механизмов функционирования различных международных альянсов, таких как НАТО, ОДКБ, ШОС, QUAD, AUKUS и MESA. Использование системного подхода дало возможность рассмотреть данные объединения как взаимосвязанные элементы единой международной системы, определяющие ее устойчивость и динамику.

Контент-анализ официальных документов, стратегических деклараций и заявлений международных организаций позволил выявить эволюцию их стратегических приоритетов и подходов к вопросам безопасности.

Таким образом, сочетание перечисленных методов обеспечило комплексное исследование роли и значения блоковых систем в современном мировом политическом процессе, выявив тенденцию к усилению

многополярности и росту конкуренции между глобальными и региональными центрами силы.

Обсуждение результатов

Особенность процессов, происходящих в этой области, заключается в том, что, в отличие от Трансъевропейского региона, в Азии отсутствует единая стратегия создания новой организации безопасности. Более того, инициатива не исходит от держав региона, как это было в свое время в Европе. США же пытаются сформировать в регионе военно-политический союз антикитайской направленности.

Одним из направлений достижений этих целей является создание аналога Североатлантического альянса – «азиатского НАТО». Несмотря на то, что этот термин достаточно широко распространен в политическом лексиконе, на официальном уровне он не закреплен, что определяет его дискуссионный характер.

Следует отметить, что под термином «формирование аналога НАТО в Азии» подразумевается продвигаемая США консолидация группы государств Южной и Восточной Азии и АТР для противостояния Китаю, создание в Азии не только военного союза, а также определенной группировки, участники которой объединяются на основе возникших противоречий, связанных с активизировавшейся геополитикой КНР.

В ряде источников встречается и более опосредованное понимание понятия «азиатское НАТО». Оно подразумевает замысел формирования в Азии нового формального военно-политического альянса, в который, помимо стран региона, также входят «заокеанские» партнеры – США, Великобритании и др. [**5**, с. 6]. При этом, как полагают американские эксперты, следует закрепить и в дальнейшем развивать формат так называемого Четырехстороннего сотрудничества в сфере безопасности (QUAD), в котором участвуют США, Япония, Индия, Австралия, а в перспективе – и другие

государства АТР[24]. На самом деле развитие QUAD, которое прерывалось на десятилетие и было возрождено в 2017 году, находится на начальной стадии. Соответственно, это не дает оснований считать данную структуру в качестве платформы для военно-политической интеграции по аналогии с НАТО.

Суммарный численный потенциал четырех членов QUAD – 1,85 млрд человек, а совокупный ВВП – 30,8 трлн долларов по сравнению с 1,4 млрд человек и 14,3 трлн долларов в Китае. Это дает уверенность США в том, что данный формат наиболее перспективен для противодействия Китаю. Стратегическая задача QUAD, по мнению руководства США, заключается в том, чтобы не допускать подъем Китая в Индо-Тихоокеанском регионе, обеспечить региональное присутствие США и сдерживать Индию и Японию.

Прообразом межрегионального военного альянса выступает также соглашение AUKUS (Австралия – Великобритания – США). Данная структура возникла в качестве соглашения в военно-промышленной сфере с целью реализации программы производства и закупки атомных подводных лодок.

Партнерство Австралии, Великобритании и США в области безопасности (АУКУС), о котором было объявлено в сентябре 2021 года, вызвало большое количество разногласий и дискуссий. Реализовать некоторые его положения, например о создании нового флота атомных подводных лодок, возможно в течение многих лет. Тем не менее сообщение о партнерстве оказало большое влияние и вызвало обеспокоенность по поводу распространения ядерного оружия, двойных стандартов и ухудшения ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Произошел раскол между союзниками по НАТО, прежде всего США и Францией, вызванный разногласиями относительно условий договоренностей, не считая резкой критики со стороны Китая. При этом пока неясно, как будет формироваться

24 Наблюдателями в QUAD являются Новая Зеландия, Южная Корея, Вьетнам (прим. автора).

партнерство и исполняться обязательства США и Великобритании по обеспечению Австралии атомным подводным флотом [**2**].

Несмотря на повышенное внимание к подводным лодкам, партнерство АУКУС предполагает сотрудничество и в других областях, включая квантовые технологии, кибербезопасность, искусственный интеллект, действия под водой, закупку крылатых ракет «Tomahawk» и совместную работу над будущим высокоточным ударным оружием большой дальности, в том числе над гиперзвуковыми ракетами. Очевидно, что значительное внимание будет уделено оказанию помощи Австралии в создании атомных подводных лодок. По мнению аналитиков, «сделка» напоминает Соглашение о взаимной обороне от 1958 года, которое было подписано Соединенными Штатами и Соединенным Королевством, чтобы поделиться технологиями ядерных двигателей, на которых базируются современные британские ПЛАРБ (подводная лодка атомная с ракетами баллистическими) и ПЛАТ (подводная лодка атомная торпедная).

Помощь США и Британии с атомными подводными лодками предполагает передачу Австралии ядерного топлива, в том числе урана, с целью использования его в реакторе подлодки. При этом особенность современных атомных подводных лодок США и Великобритании заключается в том, что в качестве топлива используется высокообогащенный уран, применяемый также для создания ядерного оружия.

Таким образом, данный высокообогащенный уран может оказаться вне границ международного регулирования и контроля со стороны таких органов, как Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). Данный факт связан с положением в Соглашении о всеобъемлющих гарантиях МАГАТЭ, которое дает возможность выводить ядерный материал из режима инспектирования, если он применяется в военно-морской силовой установке (поскольку возникают трудности контроля материала при осуществлении подлодками патрулирования).

С тех пор как в марте 2022 года было провозглашено, что AUKUS станет форматом для разработки гиперзвуковых вооружений на базе технологического вклада трех стран, а также будет применять разработки в сфере военного использования искусственного интеллекта, стало ясно, что альянс становится долгосрочным и в первую очередь военно-техническим, а не военно-политическим [**10**].

С учетом того что США, Британия, Австралия, Канада и Новая Зеландия входят в сообщество спецслужб «Пять глаз», геополитическая и военная координация между ними и так ведется, однако сейчас она выходит на более высокий уровень, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Помимо данных альянсов в регионе отмечена высокая активность и основного военно-политического альянса под эгидой США – НАТО. В настоящее время очевидны устремления руководства альянса по расширению за счет включения в его состав (даже в особом статусе) таких стран, как Республика Корея, Вьетнам, Таиланд и др. Практическим направлением реализации такого рода планов является привлечение азиатских государств к взаимодействию с НАТО посредством участия в программе «Партнер с расширенными возможностями». Участие в этой программе предполагает совместные учения, повышение квалификации командных кадров, совещательные форматы, обеспечение «интероперабельности» военных и командных структур Североатлантического договора и азиатских партнеров и пр. [**5**, с. 6].

Тем не менее, несмотря на возможные преференции со стороны США и их союзников, далеко не все страны региона готовы участвовать в программах НАТО. Наиболее очевидный недостаток идеи «азиатского НАТО» («тихоокеанского НАТО») заключается в том, что она не является инициативой самих стран макрорегиона. Данный процесс курируется США, которые стремятся направить потенциальную новую структуру против Китая. Именно вследствие этого, по мнению аналитиков, попытки США

переформатировать регион не увенчались успехом, поскольку АТР – это не Европа, находящаяся под полным диктатом США. Соответственно, здесь традиционные европейские форматы военной кооперации не применимы.

К тому же в регионе уже сформированы крупные структуры такого сотрудничества, в которые США либо не включены, либо присутствуют в слабом статусе наблюдателя. К ним, прежде всего, относятся:

1) АСЕАН (10 стран с форматами АСЕАН+3 и АСЕАН+6) [25];

2) Шанхайская организация сотрудничества (ШОС): десять государств-членов с территорией около 36 млн кв. км, населением свыше 3,4 млрд чел.[26]

3) инициированное Китаем Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП)[27];

4) Евразийский экономический союз (ЕАЭС)[28];

5) Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС)[29].

Кроме того, все эти невоенные организации имеют компоненты и проекты в сфере безопасности и представляют альтернативу американским предложениям.

В связи с этим США в последние годы активизировали свои попытки

---

25 Страны – участницы АСЕАН: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины; странами-наблюдателями в организации являются Папуа–Новая Гвинея и Восточный Тимор. При этом АСЕАН создала две расширенные «орбиты»: формат АСЕАН+3 (плюс Китай, Япония, Южная Корея) и формат АСЕАН+6 (плюс Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия).

26 Две страны имеют статус государства-наблюдателя при ШОС (Исламская Республика Афганистан и Монголия) и 15 стран (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Королевство Бахрейн, Арабская Республика Египет, Королевство Камбоджа, Государство Катар, Государство Кувейт, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Мальдивская Республика, Республика Союз Мьянма, Федеративная Демократическая Республика Непал, Объединенные Арабские Эмираты, Королевство Саудовская Аравия, Турецкая Республика, Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка.) являются партнерами по диалогу ШОС. При этом США не удалось получить запрошенный ими статус наблюдателя.

27 ВРЭП охватывает 16 стран с населением 3,4 млрд человек, производящим 39 % мирового ВНП, это самая крупная на планете зона свободной торговли.

28 ЕАЭС, созданный по инициативе России, включает РФ, Казахстан, Белоруссию, Армению, Киргизию. Рассматриваются перспективы подключения Таджикистана.

29 АТЭС – одно из самых масштабных региональных объединений, включающее сегодня такие страны, как Австралия, Бруней, Канада, Индонезия, Япония, Республика Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, США, Тайвань, Гонконг, Китай, Мексика, Папуа–Новая Гвинея, Чили, Перу, Россия, Вьетнам (прим. автора).

переформатирования Азиатско-Тихоокеанского региона и преобразование его в Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). По мнению ряда аналитиков, концепция ИТР строится на провозглашении объединенного геополитического водного пространства двух океанов, в котором доминируют США с их лозунгом «свободы судоходства и пролета». Данная стратегия способствует оттеснению континентальных и береговых стран региона, в том числе Китая, и укреплению американского доминирования далеко за пределами собственного континента.

Всё это не соответствует интересам не только России и Китая, но и большинства стран региона. Внедрение концепции ИТР ставит страны – члены АСЕАН в противоречивое положение: они оказываются перед необходимостью поддерживать взаимоисключающие интересы США и КНР. По мнению Т. Уилкинса, у стран АСЕАН возникают опасения относительно распространения концепции Индо-Тихоокеанского региона на геополитику и сферу безопасности. Это связано с тем, что они должны занять чью-то сторону в американоцентричной стратегии, которая нацелена против Китая [**13**].

Данный факт четко понимает руководство стран АСЕАН. На заседании Азиатского регионального форума была высказана мысль о том, что АСЕАН из «актора» превращается всего лишь в «арену» состязания для США и Китая [**5**, с.13]. Тогда же было констатировано, что страны – члены организации отказываются рассматривать «Индийский и Тихоокеанский океанические регионы как "ничейное" новое территориальное образование, в то время как это глубоко интегрированные регионы с внутренними связями» [**5,** с. 13].

Всё это вынуждает США, в интересах утверждения своих позиций в регионе, делать ставку на развитие двусторонних или многосторонних военно-политических связей с ведущими странами региона – Индией, Японией, Австралией и другими.

Двусторонние и многосторонние соглашения о сотрудничестве в сфере обороны представляют собой типовую форму военного и военно-промышленного взаимодействия. Сейчас в мире действует более тысячи таких

соглашений между государствами. В последнее время активно заключаются прямые военные соглашения между азиатскими государствами. При этом далеко не все появившиеся военно-политические кооперации американоцентричны. Спецификой политических процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе стало формирование альянсов без участия США, например Индия – Япония, Япония – Индонезия – Австралия и др.

Наиболее активны в этом смысле Индия и Япония, которые еще в 2008 году подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности [**3**, с. 93]. В течение следующих 10 лет Индия и Япония проводили двусторонние консультации по разоружению, нераспространению и экспортному контролю, а в 2019 году было подписано соглашение о сотрудничестве в военной сфере. Также впервые была проведена встреча министров иностранных дел и обороны двух стран в формате «2+2» [**12**].

Следовательно, как считают аналитики Японского института международных отношений, «треугольные уравнения Индия – Япония – США и Япония – Австралия – Индия будут основными структурами, определяющими баланс сил и будущую дорожную карту для безопасности и стабильности Индо-Тихоокеанского сообщества» [**5**, с. 14].

До недавнего времени в фокусе внимания военно-политического руководства США также находились планы создания «арабского НАТО» на Ближнем Востоке. «Арабское НАТО» – это условное обозначение так называемых Объединенных арабских сил быстрого реагирования (ОАСБР), учрежденных в 2014 году по инициативе Египта для совместного противодействия угрозам безопасности на пространстве Лиги арабских государств. По итогу в формируемый блок вошли шесть арабских стран (Египет, Саудовская Аравия, Иордания, Марокко, Судан, Катар), а также Израиль, который был включен в ограниченном формате на правах “Intelligence state” и чьи специалисты поставляли организации разведданные при посредничестве США. В таком формате организация просуществовала в

течение трех лет, однако не было предпринято каких-либо серьезных шагов для институционализации ОАСБР, а также для включения новых членов из числа стран Лиги арабских государств. Блок продолжал позиционировать себя как внутренний проект Лиги, не претендуя на трансформацию, что серьезно расходилось с американским видением перспектив ОАСБР. Дополнительно усложняло ситуацию и то, что сильные региональные акторы (например, ОАЭ) воздерживались от участия в проекте, предпочитая выстраивать политику безопасности самостоятельно.

В 2017 году было решено создать в регионе альтернативную оборонительную площадку – Middle East Strategic Alliance (MESA). В отличие от ОАСБР, новый проект, помимо военных, предполагал также экономические инструменты сдерживания вероятных противников, ввиду чего основной упор при его реализации был сделан на страны Персидского залива (как на наиболее развитые с точки зрения военной и экономической мощи государства региона).

Помимо создания различных блоков и альянсов на долговременной и постоянной основе, США зачастую формируют и временные коалиции для решения конкретных задач.

Начало этой практики положило участие США в Первой мировой войне, в которую они вступили на заключительном этапе на стороне коалиции победителей – стран Антанты. Присоединившись к коалиции, они не только возглавили ее, но и фактически диктовали условия побежденной Германии. В итоге из всех стран – участниц Первой мировой войны только США завершили ее без финансово-экономических потерь. Напротив, в плане экономических выгод с учетом репараций от Германии завершение войны для них было чрезвычайно выгодным. Аналогичным образом США вступили и во Вторую мировую войну – по крайней мере в том, что касается ведения боевых действий на европейском ТВД. Соединенные Штаты стали единственным государством, которое обогатилось за счет участия в войне. Но главное – они

осознали значимость формирования и использования коалиций для продвижения своих интересов. Именно с этой целью и создавалось НАТО, а также другие блоки и альянсы.

Начиная с 90-х годов XX столетия в практику вошло создание временных альянсов. Первым таким альянсом стала коалиция, сформированная для участия США в войне в Персидском заливе в 1990–1991 годах. Общее количество членов коалиции на момент начала операции «Буря в пустыне» составило 27 государств, а к ее окончанию – 37, включая некоторых участников Варшавского договора, а также государств Латинской Америки, арабского мира и Африки. Помимо этого, в состав коалиции вошли также Пакистан, Индонезия, Австралия и Новая Зеландия.

В ходе войны в Югославии основной упор США и их союзниками был сделан на структуры НАТО, но уже в ходе планирования и подготовки вторжения в Афганистан в 2001 году и в Ирак в 2003 году американское руководство вновь вернулось к идее формирования многонациональных коалиций под эгидой США.

Так, в ходе операции в Афганистане «Несокрушимая свобода» (2001–2021 гг.) количество членов коалиции ISAF (Международные силы содействия безопасности) составило 48 стран. Помимо этого, ряд стран, в том числе Россия, выражая солидарность с США в борьбе с терроризмом, оказывали коалиции различного рода помощь.

Вторжение в Ирак в марте 2003 года в рамках операции «Иракская свобода» было осуществлено коалицией из четырех стран (США, Великобритания, Польша, Австралия), еще 36 стран в последующем приняли участие в реализации американских целей и задач после окончания боевых действий.

В процессе переформатирования ближневосточного политического пространства в рамках осуществления цикла революций «арабская весна» США в лице администрации Б. Обама приняли к руководству стратегию

«лидерства сзади» [**11**] и не вмешивались непосредственно в процесс государственных переворотов в Тунисе, Египте и Ливии. В Сирии же, когда государственный переворот не состоялся и развернулась гражданская война, США вновь стали формировать коалицию (антиасадовскую), общее количество членов которой составило порядка 130 государств. Впоследствии была создана антиигиловская коалиция (2014–2017 гг.), объединившая 23 государства. В настоящее время действует антироссийская коалиция, которая насчитывает около 50 государств: США, страны «коллективного Запада», а также примкнувшие к ним Австралия и некоторые их азиатские сателлиты.

Создание различного рода блоков и альянсов США стало традицией их внешней политики. Подобного рода деятельность позволяет, с одной стороны, минимизировать издержки посредством возложения их на своих союзников, а с другой – разделить с ними ответственность за реализацию тех или иных внешнеполитических акций. Более того, посредством формирования различного рода блоков и альянсов США создают мини «мировое сообщество», от имени которого они и решают свои проблемы.

На фоне активизации деятельности НАТО и других проамериканских альянсов практически остается без должного внимания расширение в перспективе еще одного военно-политического мегаальянса в рамках так называемого «Тюркского мира».

Происходит это в процессе синтеза пантюркизма и неоосманизма – двух идеологических направлений, взятых на вооружение турецким руководством в лице Р. Эрдогана. «Тюркский мир» предполагает создание на обширных пространствах Евразии и Северной Африки Османской империи нового типа, бросающей вызов влиянию России (в первую очередь), а также Ирана и Китая. Так, на первый план выходит националистическая идея «единой тюркской нации», или так называемого «великого Турана», согласно которой все тюркские народы должны быть объединены под руководством Турции. Суть неоосманизма сводится к сплочению всех мусульман Ближнего Востока под

властью турецкого халифа. Как следствие – поддержка Турцией радикальных исламистов в Сирии, Ливии, на Кавказе. Предполагается превращение современной Турции в одно из могущественных государств континента, возрожденную Османскую империю.

Культурная и политическая экспансия со стороны Турции приобрела широкий размах сразу после распада Советского Союза и затронула не только ставшие независимыми постсоветские государства Закавказья и Центральной Азии, но и такие регионы России, как Татарстан, Башкирия, Крым, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Хакасия, Алтай, Якутия. На турецкие деньги реализовывались гуманитарные проекты, строились школы, мечети, культурные центры, проводились обмены студентами. Таким образом, Турция использовала фактор «мягкой силы», формируя свои лоббистские группы и лояльные к ней местные элиты.

Одновременно с этим осуществлялись процессы политической интеграции. Первым шагом в этом направлении стало создание 3 октября 2009 года в Нахичевани (Азербайджан) Совета сотрудничества тюркоязычных государств[30], в который вошли Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Турция и Узбекистан. 22 августа 2012 года четыре крупнейших тюркоязычных государства, объединившихся в рассматриваемый альянс (Турция, Казахстан, Киргизия и Азербайджан), приняли единый флаг.

Развитие отношений с государствами Центральной Азии на данный момент, по мнению руководства Турции, является способом достижения стратегических целей, который заключается в активизации своей политики на региональном и международном уровнях.

---

30 Данному объединению предшествовали другие тюркские организации, деятельность которых находилась по большей части вне политики и геополитики, а скорее в культуре и филологии. Так, с 1992 года проводился саммит государств тюркских языков, в том же году в Алма-Ате была образована Объединенная администрация тюркских искусств и языков, а в 1998 году в Баку начала действовать Парламентская ассамблея тюркоязычных стран. Последние две организации и вошли в состав Тюркского совета (прим. автора).

На данный момент достижение интересов Турции в Центральной Азии, по мнению экспертов, определяется возможностями использования ряда внешнеполитических инструментов.

Прежде всего, речь идет о создании общего энергетического рынка и альтернативного коридора для поставок энергоносителей на мировые рынки в обход России. Помимо этого, предполагается создание:

1) единой система деловых коммуникаций в регионе, что способствует развитию торговли и системы личных контактов;

2) единого пространства в области культуры и образования, которое посредством сотрудничества в области языка и культуры сформирует общую идеологию нового тюркско-исламского мира;

3) политических консультативных инструментов и институтов для согласования интересов и позиций в сфере политики по основным вопросам [**1**].

Всё большую значимость приобретает и военно-техническое сотрудничество Турции со странами Центральной Азии в вопросах обеспечения безопасности, обороны и борьбы с терроризмом. Имеются в виду, прежде всего, поставки вооружения и подготовка военнослужащих в Турции, где в военных учебных заведениях уже прошли обучение сотни офицеров из стран Центральной Азии.

Следует полагать, что политический альянс, сформировавшийся под эгидой Турции – Организация тюркских государств – в перспективе может трансформироваться в военно-политический. Речь идет, в частности, о перспективах создания «Армии Турана». Данный проект представляет собой создание единой армии тюркских государств, с целью их военно-политической консолидации. Потенциальными кандидатами в членство выступают постсоветские страны: Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Туркмения [**1**, с. 148].

Всё это свидетельствует о начале формирования полноценного военно-политического альянса под эгидой Турции. При этом членство Турции в НАТО, с учетом ее особой роли в альянсе, едва ли отразится на перспективах развития данного образования. Важнейшей спецификой формирующегося тюркского военно-политического альянса и его военной компоненты – Армии Турана – является то, что его участниками станут союзники России по ОДКБ и одновременно члены таких организаций, как ШОС и ЕврАзЭС. Очевидно, что формированию и дальнейшему развитию ОТГ и его военной составляющей в значительной мере способствовал именно украинский кризис, повысивший значимость Турции в развитии региональных политических процессов.

Меняющийся геополитический статус Турции напрямую влияет на привлекательность турецких проектов. С учетом антироссийских санкций, поиска альтернативных транспортных маршрутов и рынков сбыта Турция в среднесрочной перспективе может укрепить свои позиции в странах Центральной Азии.

В настоящее время Турция проводит чрезвычайно гибкую политику баланса интересов между Россией и «коллективным Западом». С одной стороны, Турция не присоединилась к политике антироссийских санкций, с другой – наряду со странами «коллективного Запада» поставляет вооружение, в основном БПЛА «Байрактар», которым на Украине сложили гимн вследствие их эффективности. Это свидетельствует о двойственной позиции турецкого руководства. Очевидно, что во многом неучастие Турции в откровенной антироссийской политике «коллективного Запада» объясняется экономической выгодой в виде получения энергоресурсов, а также зерна и других видов продовольствия по льготным ценам. С другой стороны, Россия для Турции – это важнейший рынок плодоовощной продукции, а также значительный источник поступления средств от туриндустрии. В то же время данные преференции не являются сдерживающими факторами, и при

необходимости Турция может пренебречь ими для достижения более масштабных целей. Эти цели предполагают расширение сферы влияния и непосредственно территории Турции, в том числе за счет России.

Блоковая политика Российской Федерации в значительной мере обусловлена интересами обеспечения безопасности, а также стремлением к развитию интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Так, например, в 1992 году была создана Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Это своеобразный военно-политический блок России, так как она играет в нем доминирующую роль. Задачей ОДКБ является обеспечение безопасности ее членов и стабильности на постсоветском пространстве. Кроме Российской Федерации в блок входят Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения, Таджикистан. Ранее в него также входили Узбекистан, Грузия и Азербайджан.

Если говорить о бюджете Организации Договора о коллективной безопасности, то он составляет около 556,7 млн рублей. 50 % от этой суммы – деньги России, а остальные 50 % в равных пропорциях делятся между другими странами-участницами [**6**].

Как показали события в Казахстане в январе 2022 года, когда при содействии ОДКБ был подавлен путч, Организация может обеспечить стабильность и безопасность без явного внешнего вторжения. В соответствии со статьей 3 Устава, целями Организации являются укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов. Цель ОДКБ – готовность в сложной ситуации поддержать страны, оказавшиеся в сложной военно-политической ситуации, однако такая готовность в настоящее время больше декларируется, чем выполняется.

Примечательно, что в условиях текущего украинского кризиса ни одна из стран – членов ОДКБ, за исключением Белоруссии, не поддержала

Российскую Федерацию ни политическими заявлениями, ни какими-либо иными действиями. И это при том, что России в данном конфликте противостоит «коллективный Запад», основу которого составляет военно-политический блок НАТО. Не как союзники повели себя страны ОДКБ и в процессе так называемой пятидневной войны – принуждения Грузии к миру в августе 2008 года. Ни одна из стран тогда не поддержала Россию и не признала Южную Осетию и Абхазию. Показательны также и события 2022 года, связанные с азербайджано-армянским конфликтом, по итогам которого ряд стран – членов ОДКБ поздравил Азербайджан с победой над Арменией, являющейся членом Организации.

Помимо ОДКБ, существует Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая включает в себя Республику Беларусь, Республику Индия, Исламскую Республику Иран, Республику Казахстан, Китайскую Народную Республику, Кыргызскую Республику, Исламскую Республику Пакистан, Российскую Федерацию, Республику Таджикистан, Республику Узбекистан. Современная ШОС сильно отличается от того, чем она была изначально. Сегодня ШОС охватывает 80 % площади Евразии, в странах Организации проживает 43 % населения Земли, на ее долю приходится 25 % мирового ВВП.

С 31 августа по 1 сентября 2025 года в г. Тяньцзинь прошел 25-й юбилейный саммит Шанхайской организации сотрудничества. Мероприятие стало самым масштабным за 24-летнюю историю Организации: в нем приняли участие лидеры всех десяти государств-членов, а также главы государств и правительств стран-наблюдателей и партнеров по диалогу – всего более двадцати высокопоставленных гостей, включая Генерального секретаря ООН А. Гутерриша и двух глав стран НАТО – президента Турции Р. Эрдогана и премьер-министра Словакии Р. Фицо. Главными результатами саммита стали принятие Тяньцзиньской декларации и Стратегии развития ШОС до 2035 года, а также учреждение новых институтов.

Заключение

Значимость Тяньцзиньской декларации определяется тем, что она зафиксировала общую позицию стран-членов по ключевым вопросам мировой повестки. Прежде всего, это касалось противодействия односторонним мерам, в том числе экономического характера, что является прямой отсылкой к санкционной и тарифной политике США. Помимо этого, была подтверждена приверженность принципам невмешательства во внутренние дела и неприменения силы как основе устойчивого развития международных отношений. Страны ШОС заявили, что придерживаются линии, «исключающей блоковые и конфронтационные подходы». Также участники саммита выступили против милитаризации космоса и сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), призывая к международному сотрудничеству в этих областях. Особое внимание в Декларации уделено сохранению исторической памяти, особенно в части пресечения попыток фальсификации истории Второй мировой войны, реабилитации идей нацизма и искажения роли народов стран-участниц в разгроме фашизма.

Вторым по значимости документом стала утвержденная Стратегия развития ШОС до 2035 года. Документ определяет «приоритетные задачи и основные направления углубления сотрудничества» в политике, экономике, безопасности и гуманитарной сфере. Стратегией был курс на создание независимой финансовой инфраструктуры, включая учреждение Банка развития ШОС, и углубление сотрудничества в сферах транспорта, энергетики и цифровой экономики.

Таким образом, прошедший в 2025 году саммит ШОС продемонстрировал неприятие попыток диктата со стороны США и их сателлитов из числа стран «коллективного Запада».

Это свидетельствует о том, что в условиях беспрецедентного роста геополитических рисков в мире растет осознание того, что на смену старой

архитектуре миропорядка приходит новая конфигурация международных отношений и региональных блоков.

Список источников и литературы

1. Данков А. Досье: стратегия Турции в Центральной Азии. https://eurasia.expert/dose-strategiya-turtsii-v-tsentralnoy-azii.
2. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Политический анализ стратегических коммуникаций. Москва, 2023.
3. Киреева А.А. Япония и индия: стратегическое партнерство на Индо-Тихоокеанском пространстве. Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. Материалы 7-й международной конференции молодых востоковедов. М.: Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2020. С. 91-102.
4. Косов Г.В., Шангараев Р.Н. Пересечение стратегических интересов России и Турции на постсоветском пространстве // Современная наука и инновации. 2020. № 3. С. 148-155.
5. Никитин А.И. Перспективы военно-политической интеграции в Азии. Быть ли «азиатской НАТО»? // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Том 66. № 8. С. 6.
6. О финансовых аспектах сотрудничества в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) https://minfin.gov.by/upload/ministerstvo/cooperation/odkb.pdf?ysclid=mhk5eya2nn687687299 (дата обращения: 4.11.2025).
7. Стратегическая концепция НАТО 2022 года. Принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде 29 июня 2022 г. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf.
8. Фаттер Э. Трёхстороннее партнёрство AUKUS: политика, ядерное распространение и подводные лодки. https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tryekhstoronnee-partnyerstvo-aukus.
9. Щелоков А. Итоги саммита ШОС-2025: контуры нового мирового порядка. https://www.mn.ru/smart/itogi-sammita-shos-2025-kontury-novogo-mirovogo-poryadka (дата обращения: 4.11.2025).
10. Cheng M. AUKUS: The Changing Dynamic and Its Regional Implications. European Journal of Development Studies, 2022, no. 2 (1), pp. 1-7. Available at: https://doi.org/10.24018/ejdevelop.2022.2.1.63 (дата обращения: 4.11.2025).
11. James F. Jeffrey, Michael Eisenstadt, US Military Engagement in the Broader Middle East // The Washington Institute for Near East Policy, Policy Focus 143, March 2016.
12. Joint Statement First Japan-India 2+2 Foreign and Defense Ministerial Meeting. 30.11.2019. Available at: https://www.mofa. go.jp/files/000544338.pdf.
13. Wilkins Th. Searching for a Middle Path: ASEAN and the “Indo Pacific”. The Japan Institute of International Affairs. Policy Brief. February 11, 2020.

Кондрашова Светлана Дмитриевна,
ассистент заместителя главного редактора журнала
«Вестник ученых-международников».
E-mail: k0ndrashovasv@yandex.ru

Svetlana D. Kondrashova,
Assistant of the Deputy Editor in Chief,
IR Scientists' Herald
E-mail: k0ndrashovasv@yandex.ru

ФАКТОР КИТАЯ В ОТНОШЕНИЯХ СЕРБИИ И ЕС
THE CHINA FACTOR IN SERBIA-EU RELATIONS

Аннотация: в статье исследуются отношения внутри геополитического треугольника Китай – Сербия – ЕС. Автор анализирует расширение экономического и политического присутствия Китая в Юго-Восточной Европе, уделяя особое внимание Сербии как ключевой стране региона. Рассматриваются вызовы, которые создает активность КНР для внешнеполитической деятельности Евросоюза, а также меры ЕС по ограничению влияния Китая на европейском пространстве. Делается вывод об их неэффективности и о возможном росте напряженности в отношениях Белграда и Брюсселя.

Ключевые слова: Китай, Сербия, ЕС, Юго-Восточная Европа, «Один пояс, один путь», «16+1», инвестиции, евроинтеграция, влияние.

Abstract: the article examines the relations within the China-Serbia-EU geopolitical triangle. The author analyzes how Beijing is increasing its economic and political presence in South-Eastern Europe and in Serbia as the key country in the region. The article considers the challenges that the PRC's activity poses to the EU's foreign policy, as well as the EU measures to limit China's influence in Europe. In conclusion, the article states that they are ineffective and that tensions between Belgrade and Brussels may grow.

Keywords: China, Serbia, EU, South-Eastern Europe, the Belt and Road Initiative, «16+1», investments, European integration, influence.

В условиях геополитической конкуренции центров силы Сербия, как и многие малые государства, выбирает многовекторную внешнюю политику для реализации своих национальных интересов. В 2007 году республика провозгласила развитие сотрудничества с Китаем одним из четырех приоритетов внешней политики. Заинтересованность Белграда в углублении всесторонних связей с Пекином соотносится с намерением последнего расширить свое присутствие и влияние на европейском пространстве. Для

этого Китай предлагает европейским государствам участие в инициативе «Один пояс, один путь», что также упростило бы для КНР доступ на рынок Европейского союза. Сербия же, ввиду своего географического положения и политического статуса, играет в стратегии Китая ключевую роль. Евросоюз, в свою очередь, рассматривает активность Пекина на европейском направлении как попытку вызвать разногласия внутри объединения, а также вывести страны-кандидаты на вступление в ЕС из традиционной орбиты влияния Евросоюза. Углубление экономических контактов и политического взаимодействия с КНР, таким образом, оказывает негативное влияние на их отношения с ЕС. С целью проследить роль Китая в отношениях между Сербией и ЕС в статье рассматриваются состояние сербско-китайских отношений, причины, по которым Евросоюз видит в них угрозу для взаимодействия с Белградом, а также меры, предпринимаемые Брюсселем для укрепления своих позиций в регионе.

Сербско-китайские отношения

Современное состояние отношений между Сербией и Китаем обусловлено историческим, политическим и экономическим факторами. С исторической точки зрения важной вехой в китайско-югославских отношениях стала политическая поддержка, оказываемая Пекином Белграду в 1990-х годах – в период распада СФРЮ и бомбардировок Югославии НАТО. Так, в 1992 году Китай не проголосовал за резолюцию 757 СБ ООН о введении всеобъемлющих санкций против Союзной Республики Югославия, а в 1999 году выступил против бомбардировок страны [**28**, с. 1]. Авианалет на посольство КНР, в результате которого было убито несколько китайских граждан, был расценен обеими сторонами как поворотный момент в истории сербско-китайских отношений, когда два государства понесли жертвы от действий НАТО.

Республика Сербия, будучи государством – правопреемником Югославии, продолжила активно развивать всесторонние связи с Китаем.

Согласно сербской внешнеполитической концепции от 2007 г., КНР является одним из четырех столпов внешней политики Сербии и ключевых акторов в мировой политике, с которым страна нацелена выстраивать и развивать стратегическое сотрудничество и партнерство [**33**]. Документально всеобъемлющее стратегическое партнерство между Сербией и Китаем было установлено в 2016 году с заключением соответствующего соглашения, а в 2024 году страны подписали совместное заявление об углублении партнерства и построении китайско-сербского сообщества единой судьбы в новую эпоху, при этом Сербия стала первым европейским государством, которое присоединилось к данной концепции Китая. Примечательно также, что для описания двусторонних отношений Белград и Пекин используют формулировку «стальная дружба» [**50**].

Растущая заинтересованность Китая в сотрудничестве с Сербией в последние два десятилетия объясняется несколькими причинами. Во-первых, регион Юго-Восточной Европы, где Сербия занимает центральное место, важен для Китая с точки зрения инфраструктурных проектов, инвестиций и новых рынков для расширения экспорта. Во-вторых, данный регион, благодаря своему геостратегическому расположению, является значимым транзитным коридором для китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). В-третьих, КНР стремится к реализации новых энергетических проектов в регионе. Богатые запасы таких полезных ископаемых, как медь, хромит, свинец, цинк, уголь и др. [**30**], делают Юго-Восточную Европу привлекательным рынком для китайских инвестиций. Наконец, Пекин нацелен на расширение своего экономического и политического присутствия и влияния на европейском пространстве, рассматривая Юго-Восточную Европу в качестве стратегического плацдарма для выполнения данной задачи.

В связи с этим партнерство с Белградом представляет для Пекина особую важность ввиду выгодного географического расположения государства на перекрестке сухопутных и речных маршрутов, а также в силу

его политического статуса. Будучи страной-кандидатом на вступление в Евросоюз, Сербия имеет доступ на рынок ЕС, при этом ее экономическая и торговая политика не контролируется наднациональными регулированиями Европейского союза, обязательными для членов ЕС. Кроме того, большую роль для Китая играет статус Белграда в отношении военно-политических блоков. Военный нейтралитет Сербии отличает ее от остальных государств Юго-Восточной Европы, которые, за исключением Боснии и Герцеговины, являются членами НАТО. Сербская сторона не имеет обязательств по отношению к какому-либо военно-политическому союзу. Принимая это во внимание и поддерживая принципы Движения неприсоединения [**49**], Пекин видит в Белграде надежного партнера.

Немалое значение в построении и развитии отношений «стальной дружбы» имеет и политический аспект. КНР занимает последовательную позицию по косовскому вопросу – непризнание односторонне провозглашенной независимости сербского автономного края и поддержка территориальной целостности Сербии. Китай намерен блокировать любое обсуждение или резолюцию, касающиеся статуса непризнанного Косово, о чем неоднократно заявляли китайские официальные лица [**3**]. По этой причине Белград считает Пекин значимым политическим союзником, готовым поддерживать Сербию в защите ее национального суверенитета и территориальной целостности.

Сербия же, в свою очередь, поддерживает политику «одного Китая» и считает Тайвань неотъемлемой частью КНР. Более того, сербские власти разделяют позиции китайского партнера и по другим вопросам. В 2010 году министр иностранных дел Сербии В. Еремич заявил, что Белград поддержит страны, которые проигнорируют церемонию вручения Нобелевской премии китайскому диссиденту Лю Сяобо [**9**, с. 316]. С 2020 года Белград не поддержал ни одну из деклараций ЕС, осуждающих Китай по вопросу Гонконга. В июле 2021 года Сербия не присоединилась к декларации ЕС,

обвиняющей Китай в кибератаках и киберугрозах, не поддержав и заявление ЕС о причастности Китая к кибератакам в июне 2022 года. В марте 2021 года сербское руководство воздержалось от присоединения к заявлению ЕС о нарушении прав человека в Китае [**45**]. Так, Сербия является единственной страной в Европе, которая не поддерживает декларации, критикующие или осуждающие Китай по какому-либо вопросу. При этом Белград не соблюдает требования ЕС по консолидации своей внешней политики с Общей внешней политикой и политикой безопасности Евросоюза.

Рассматривая сербско-китайские экономические отношения, нужно отметить, что Пекин является крупнейшим внерегиональным торговым партнером Белграда, поскольку с 2020 по 2024 год он находится на 3-м месте в списке ключевых торговых партнеров Сербии, уступая лишь европейским странам – ЕС и CEFTA – и опережая Россию, Турцию и США [**34**]. В 2023 году товарооборот между двумя странами составил 5,64 млрд евро [**34**], в 2024 году – почти 7 млрд евро. В том же году Китай занял 1-е место по объему импорта в Сербию, достигнув отметки в 5,13 млрд евро [**15**]. В 2012 году Сербия начала участвовать в формате «16+1», китайско-сербский товарооборот за тот год составил почти 1,3 млрд долл. [**27**]. Так, с 2012 по 2024 год товарооборот между двумя государствами увеличился более чем в пять раз. На рост взаимной торговли повлияло и вступление в силу в июле 2024 года Соглашения о свободной торговле, которое освободило 60 % товаров от таможенных пошлин. Среди основных статей экспорта Сербии в КНР: медная руда, рафинированная медь, руда драгоценных металлов, древесина и изделия из нее, древесный уголь, резина, алюминий [**37**]. В импорте Сербии из Китая преобладают электрическое и электронное оборудование, ядерные реакторы, котлы, железо, сталь, пластик, автомобили, органические химикаты [**36**].

Инвестиции Китая в Сербию за 2010–2022 годы составили 17,3 млрд долл. [**6**]. За тот же период Пекин инвестировал в экономику Черногории около 85 млн евро [**29**]. Данные показатели позволяют оценить степень

значимости Сербии для Китая в сравнении с другими государствами региона. При этом бóльшую часть китайских инвестиций в регион составляют кредиты в таких секторах экономики, как инфраструктура, энергетика, ИКТ, добыча и переработка полезных ископаемых. Инвестиционная деятельность КНР в Сербии и регионе тесно связана с инициативой «Один пояс, один путь», что предполагает создание отдельной многосторонней площадки политического диалога. Институциональной основой для интеграции Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) стал инициированный Китаем в 2012 году формат «16+1». В рамках данного формата Китай на настоящий момент развивает сотрудничество с девятью государствами – членами ЕС (Болгария, Венгрия, Греция, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия) и пятью балканскими странами (Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория). До 2021 года в формате также принимала участие Литва, до 2022 года – Латвия и Эстония. Повестка дня форумов «16+1» включает в себя увеличение торгового оборота между Китаем и странами ЦВЕ, создание специальной кредитной линии, по которой Китай выделяет льготные кредиты на развитие инфраструктуры стран-участников, реализация крупных логистических проектов, развитие атомной, тепловой и гидроэнергетики и др.

Институционально рамки китайско-сербского сотрудничества оформлены через Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве от 2009 года, Меморандум о взаимопонимании по реализации ОПОП от 2015 года и членство Сербии в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с 2019 года, который финансирует бóльшую часть инфраструктурных проектов ОПОП. С момента выдвижения инициативы «Один пояс, один путь» Китай и Сербия завершили более 60 проектов, около 16 находятся на стадии реализации [**8**]. К числу наиболее значимых из них относятся введение в эксплуатацию высокоскоростной железнодорожной линии, соединяющей Белград и Будапешт, строительство коридора 11-й

автодороги «Милош Велики», автомагистрали Прельина – Пожега и моста им. Михайло Пупина.

Кроме того, благодаря китайским инвестициям в сталелитейный завод «Железара Смедерево» и в горно-металлургический комбинат «RTB Bor» в Сербии на данных предприятиях было сохранено по 5 тыс. рабочих мест [**12**], что сербские власти и государственные СМИ охарактеризовали как свидетельство надежности и социальной ответственности Китая. По словам бывшего министра горнодобывающей промышленности и энергетики Сербии А. Антича, за последние 30 лет китайские инвестиции стали наиболее крупной поддержкой энергетики Сербии [**11**]. Среди сербско-китайских энергетических проектов выделяются инвестиции Пекина в ТЭЦ «Костолац», где была осуществлена реконструкция первого энергоблока.

Таким образом, Пекин является для Белграда важным политическим союзником и экономическим партнером. Последнее позволяет сербским властям реализовывать инфраструктурные проекты, сохранять рабочие места, а также развивать важные отрасли сербской экономики.

Влияние Китая в регионе как вызов для ЕС

В то же время активность Китая в Сербии вызывает беспокойство ЕС, перед которым Белград имеет определенные обязательства. Согласно актуальной Стратегии национальной безопасности Сербии от 2019 г., «европейская интеграция и членство в Европейском союзе» является национальным интересом республики [**13**]. На пути интеграции в ЕС страна находится уже около 20 лет, а в практическом плане данный процесс был запущен в 2014 году, когда между Белградом и Брюсселем начались переговоры о вступлении. Несмотря на отсутствие фактического прогресса в переговорах (за более чем 10 лет было закрыто только 2 из 35 глав переговорного досье Сербии), лидеры Евросоюза продолжают настаивать на необходимости вступления стран Западных Балкан в ЕС для создания «объединенной Европы» и внесения вклада в безопасность континента [**1**].

Политика же Китая в Сербии и регионе воспринимается ЕС как вызов планам Брюсселя по расширению Евросоюза и распространению собственного влияния на страны Западных Балкан.

Подтверждения опасений ЕС насчет усиления влияния Китая в регионе и в Сербии как самом крупном и экономически развитом государстве Юго-Восточной Европы, не являющемся членом Евросоюза, можно найти в официальных документах и заявлениях ЕС. Так, показательно заявление бывшего комиссара ЕС по вопросам расширения и политике добрососедства Й. Хана в марте 2019 года, отметившего, что ЕС «переоценил российское влияние на Балканах и недооценил китайское присутствие в регионе». По его словам, Китай может представлять более серьезную проблему для ЕС, выступая в роли «троянского коня» и используя свои финансовые возможности для влияния на политику стран, стремящихся к членству в ЕС, и, таким образом, стать дополнительным источником дестабилизации в регионе [**24**]. В этом контексте примечателен документ Еврокомиссии «ЕС – Китай: стратегическая перспектива», опубликованный в том же месяце, где Китай назван не только экономическим конкурентом ЕС, но и системным соперником, продвигающим альтернативные модели управления [**22**]. В январе 2021 года 26 членов Европейского парламента обратились к О. Вархейли, комиссару по расширению ЕС, выражая свою обеспокоенность растущим влиянием Китая в Сербии, которое «чревато нанесением ущерба окружающей среде из-за китайско-сербских проектов в области тяжелой промышленности», и добавляя, что китайские инвестиционные проекты «непрозрачны и неустойчивы» [**40**]. Кроме того, в декабре 2021 года Евросоюз принял резолюцию, в которой возрастающее влияние Китая в Сербии снова определяется как угроза из-за увеличения числа контрактов, заключаемых между двумя странами. Отмечается, что китайские компании «Zijin Mining» и «Linglong Tire», оперирующие в Сербии, нарушают права человека и не соблюдают правовые стандарты [**23**]. Белград призывают следить за тем,

чтобы действие сербского трудового и экологического законодательства распространялось на китайские компании, работающие на территории государства [**23**]. Тем не менее в контексте отношений между Брюсселем и Белградом ЕС видит в Китае угрозу и конкурента и по другим причинам.

Во-первых, для государств Юго-Восточной Европы стратегия экономического сотрудничества с Китаем представляется привлекательной, поскольку она не предполагает ценностного измерения. Это выступает значимым отличием от политики ЕС, которая основывается на принципе обусловленности: углубление торгово-экономических связей ставится в зависимость от выполнения странами-партнерами требований и показателей по верховенству права, развитию демократии, борьбе с коррупцией и пр. Между тем страны – участницы формата «16+1», являющиеся членами ЕС, также заинтересованы в привлечении китайского капитала и инвестиций. Так, укрепляя свои позиции в данной части Европы, Китай решает стратегическую задачу по наращиванию экономического присутствия в государствах Евросоюза.

Во-вторых, со странами ЦВЕ Пекин выстраивает отношения, не координируя свои действия с Брюсселем. Применяя модель субрегионального формата сотрудничества («16+1»), практикуемую в Латинской Америке и Африке (Китай – CELAC, Китай – Африка), КНР использует данные форумы для взаимодействия с государствами региона на многостороннем уровне, называя такой формат неотъемлемой частью стратегического партнерства с ЕС [**7**, с. 109]. В то же время Китай активно развивает двусторонние отношения с каждым из участников инициативы. Такая стратегия китайской стороны воспринимается в Брюсселе с обеспокоенностью, поскольку, согласно мнению чиновников ЕС, она подрывает усилия по выработке единой политики по отношению к Китаю внутри Евросоюза и содействует фрагментации в ЕС [**18**]. В Евросоюзе опасаются, что Сербия, как и другие европейские страны, сотрудничающие с Китаем, может использовать фактор

своего взаимодействия с КНР как рычаг давления на Евросоюз при возникновении спорных ситуаций или разногласий. Так, например, поскольку китайские компании ведут деятельность в тех сферах сербской экономики, которые являются наиболее привлекательными для европейского капитала, Белград может начать отдавать предпочтение китайским проектам, следствием чего станут финансовые потери ЕС. Однако не стоит полагать, что возможные преференции для китайских проектов приведут к серьезным конфликтам с Брюсселем. Вполне возможно, что Сербия будет играть на противоречиях между Китаем и ЕС в переговорном процессе с каждым из них для того, чтобы показать собственную востребованность и добиться лучших условий. Тем не менее это не свидетельствует о качественном ухудшении сотрудничества с Евросоюзом или КНР.

В связи с этим Брюссель настаивает на том, что взаимодействие всех членов ЕС и пяти балканских государств – кандидатов на членство в Евросоюзе с Китаем должно осуществляться при координирующей роли Евросоюза. Так, в контексте инициативы «Один пояс, один путь» Европейский союз предлагает сотрудничество через объединяющую платформу ЕС – Китай (The EU – China Connectivity Platform). Для Брюсселя данный механизм должен обеспечивать соответствие проектов ОПОП стратегиям и планам ЕС, а также контроль над их финансированием и реализацией [**5**, с. 84]. Однако, несмотря на запуск работы платформы в 2015 году, ЕС всё еще не удается сформировать единый внешнеполитический курс в отношении Пекина ввиду отсутствия консенсуса по данному вопросу среди членов Евросоюза. Вопреки позиции Брюсселя, меморандумы о взаимопонимании с Китаем по реализации ОПОП подписали все девять членов ЕС, участвующих в формате «16+1», пять балканских стран, включая Сербию, а также Италия (денонсировала меморандум в 2023 году), Португалия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта и Эстония [**21**].

В-третьих, КНР расширяет свое влияние в регионе посредством политики займов. Они выдаются китайскими банками на льготных условиях с привлечением китайских поставщиков товаров и услуг с целью увеличения доли китайского капитала в проектах. Такая модель инвестирования в рамках инициативы ОПОП вызывает критику Евросоюза, поскольку она «несет долгосрочные риски в виде роста долговой зависимости» [**48**] стран-реципиентов от государства-кредитора. В качестве примера страны, которая «попала в китайскую долговую ловушку» [**51**], часто приводят Черногорию. По состоянию на 2018 год ее задолженность перед Китаем составляла 40 % государственного долга государства [**51**] из-за строительства участка автомагистрали Белград – Бар, осуществленного за счет китайских кредитов. Долг Сербии перед Эксимбанком Китая, составлявший на февраль 2024 года 2,76 мдрд долл. и 10,58 % общего внешнего долга страны [**44**], хотя и является самым низким среди четырех балканских стран – участниц ОПОП (не включая Албанию), всё же может увеличиться ввиду интенсивности инфраструктурного сотрудничества Белграда и Пекина и поставить Сербию в экономическую зависимость от китайского партнера в долгосрочной перспективе, будучи еще одним фактором для беспокойства Брюсселя. Тем временем долг Сербии перед Европейским инвестиционным банком на конец 2023 года составлял 1,85 млрд евро [**38**]. Как ЕС, так и Китай стремятся в конкурентной борьбе увеличить занимаемую ими долю сербского рынка. Добиться этого можно не только финансовыми, но и информационными средствами. Для того чтобы потенциально снизить влияние Пекина, Брюссель пытается создать имидж «долговый ловушки» для китайских инвестиций. В действительности целеполагание и Европейского союза, и Китая сводится к материальной выгоде, в связи с чем вопрос о китайской политике займов следует рассматривать через призму политической конъюнктуры.

В-четвертых, угрозу ЕС видит и в военно-техническом сотрудничестве Сербии и Китая. В докладе Центра Евроатлантических исследований (CEAS)

от 2019 года особое беспокойство авторов вызывает применение китайского телекоммуникационного оборудования и программного обеспечения в системах обороны и безопасности Сербии, а также в государственном управлении, что в CEAS оценивают как потенциально опасную тенденцию. По мнению исследователей, китайские технологии могут встать на пути интеграции Белграда в Евросоюз, ориентированный на технологическую унификацию с НАТО и США. Ввиду этого лучшим вариантом развития сербско-китайских отношений для Сербии названо продолжение пути европейской интеграции и укрепления партнерства с НАТО и государствами-членами [**16**]. При этом нужно отметить, что США проводят политику вытеснения китайских ИКТ с рынка. Так, например, в 2020 году под давлением США и ЕС сербские власти отказались от сотрудничества с китайской компанией Huawei по внедрению мобильной сети 5G в Сербии [**39**]. Кроме того, в 2022 году Сербия приобрела у Китая зенитно-ракетные комплексы FK-3, предназначенные для противовоздушной обороны. Данный факт вызвал острую реакцию Брюсселя, где заявили, что если Белград действительно стремится к членству в Евросоюзе, он должен закупать только то военное оборудование и технику, которые соответствуют западным стандартам [**32**].

В-пятых, свидетельством расширения политического и экономического влияния Китая на Сербию для Брюсселя служит и то, что Белград не в полном объеме консолидирует экономическую и внешнюю политику с линией ЕС по Китаю. Будучи страной – кандидатом на вступление в ЕС, Сербия обязана приводить свою экономическую, в том числе внешнеторговую, политику в соответствие с курсом Евросоюза. Заключение соглашения о свободной торговле с Китаем расходится с официальной политикой ЕС [**26**] с учетом того, что между ЕС и КНР такого соглашения нет. Более того, ряд уже рассмотренных выше политических заявлений и шагов сербского руководства по вопросам, связанным с Китаем, не соответствует позиции Евросоюза. По этой причине можно говорить о том, что Сербия не координирует с ЕС свою

внешнюю политику в отношении Китая. Так, беспокойство ЕС вызывает тот факт, что Сербия постепенно выходит из сферы политического и экономического влияния Евросоюза. Ради углубления всестороннего сотрудничества с КНР Сербия отказывается от выполнения части требований ЕС, учитывая важную роль Пекина для Белграда в политическом и экономическом плане [**4**, с. 130–131].

Наконец, несмотря на то что обещания о возможности вступления в Европейский союз остаются главным инструментом влияния Брюсселя в регионе, отсутствие определенности, предсказуемости и открытости по вопросу расширения Евросоюза и получения членства странами-кандидатами подрывает мотивацию и стремление балканских республик продолжать евроинтеграцию в том же темпе и рассматривать присоединение к ЕС как единственный вариант своего стратегического самоопределения. Так, согласно докладу Regional Cooperation Council от 2019 года, на вступление в ЕС до 2030 года рассчитывает 56 % населения пяти балканских государств и самопровозглашенного Косово, тогда как 27 % не верят в такую возможность. При этом 50 % полагает, что вхождение в ЕС положительно скажется на развитии их страны, тогда как 30 % ожидает лишь негативных изменений. Наиболее положительно к ЕС настроены в Албании, непризнанном Косово и Черногории, а в Сербии и Боснии и Герцеговине преобладают евроскептики [**17**].

По данным социального опроса International Republican Institute от 2024 года, 14 % сербских граждан назвали Китай самым важным союзником Сербии, а 88 % из них оценили свое отношение к Пекину как положительное [**46**]. В то же время участие Сербии и стран региона в предлагаемых Китаем крупномасштабных инвестиционных проектах, открытии новых транспортных маршрутов и развитии инфраструктуры в целом при отсутствии политических условий и требований становится альтернативой взаимодействию с ЕС. Это также отражает тенденцию, распространенную

среди малых государств, по диверсификации международных связей для извлечения максимальной выгоды, что особенно характерно для Сербии.

Ответные меры Брюсселя

Вследствие перечисленных факторов деятельность Китая в Сербии и регионе Евросоюз рассматривает не только как вызов процессу европейской интеграции, но и в качестве прямой угрозы потери рычагов давления на территориях, которые несколько десятилетий находились в сфере влияния Брюсселя. Ввиду этого ЕС предпринимает шаги для сдерживания активности КНР на Европейском континенте и снижения интенсивности сербско-китайских отношений. Так, в 2018 году Евросоюз принял документ “Connecting Europe & Asia: The EU Strategy”, который среди прочих целей предусматривает необходимость транспарентного регулирования мировой экономики, усиления взаимосвязанности вопросов безопасности и политики в торговых отношениях, ужесточения контроля за инвестициями китайских компаний, а также поиска возможностей предоставить альтернативу политическим и экономическим инициативам Пекина [**20**]. При этом данная стратегия сопровождается антикитайской пропагандистской кампанией, продвигаемой западными или прозападными СМИ и включающей информационную дискредитацию китайских компаний, обвинения их в эксплуатации рабочих, загрязнении окружающей среды, коррупции, экономической экспансии, а также в «экспорте авторитаризма» [**31**, с. 162–163]. Кроме того, в 2020 году в целях защиты экономических интересов ЕС и усиления его роли в регионе Европейская комиссия приняла Экономический и инвестиционный план для Западных Балкан, в соответствии с которым было выделено 9 млрд евро в виде грантов для инфраструктурных инициатив и проектов в сфере зеленой энергетики [**47**]. Тем не менее на настоящий момент попытки Брюсселя повлиять на сложившуюся ситуацию и изменить ее в свою пользу не принесли существенных результатов. Главным инструментом влияния ЕС на Белград по-прежнему остаются предупреждения об остановке

процесса евроинтеграции, если Сербия не выполнит все требования Евросоюза.

Практического воздействия на Сербию ЕС не оказывает по нескольким причинам. Прежде всего, как уже было указано выше, в Евросоюзе отсутствует общий внешнеполитический курс по отношению к Китаю, который бы поддерживали все государства – члены объединения. Многие члены Евросоюза, особенно страны «Вишеградской четверки» [**35**, с. 11–12], открыты к сотрудничеству с Пекином и активно реализуют совместные проекты с КНР. В то же время для реализации внешнеполитических инициатив ЕС, включая введение санкций или применение других инструментов политического или экономического давления, необходим консенсус среди всех членов Евросоюза [**42**]. Совокупность данных факторов лишает Брюссель возможности оказать на Сербию давление путем введения против нее ограничений или санкций.

Кроме того, в ЕС опасаются принимать практические меры против Сербии с целью ограничить взаимодействие Пекина и Белграда. Это связано с тем, что с февраля 2022 года Сербия и так подвержена серьезному давлению со стороны Евросоюза ввиду ее отказа поддержать антироссийские санкции. Более того, Брюссель отслеживает евроскептические настроения в Сербии и не предпринимает тех действий, которые впоследствии могут вывести Белград из орбиты влияния ЕС. Подтверждение этому можно найти в словах министра иностранных дел Австрии А. Шалленберга. Он заявил, что «Европейский союз теряет Сербию», поскольку Белград не присоединился к санкционному режиму Запада против Москвы, относительное большинство населения Сербии больше не поддерживает идею членства в Евросоюзе, а в переговорах о вступлении, которые Белград и Брюссель начали в 2014 году, отсутствует прогресс [**10**]. Он также добавил, что ЕС не должен позволять России и Китаю укреплять свое влияние в регионе. Брюсселю следует «послать сигнал третьим лицам: эти страны наши, они часть нашей семьи» [**10**].

В отношениях с КНР особую важность для Брюсселя представляет торгово-экономическое взаимодействие. За последние 10 лет, в 2014–2024 годах, импорт Китая в Евросоюз увеличился на 101,9 %, экспорт из ЕС в КНР вырос на 47 % [**19**]. В 2023 [**25**] и 2024 [**43**] годах Пекин был вторым по величине торговым партнером ЕС. В 2024 году Китай стал главным партнером Европейского союза по импорту (21,3 %) и третьим по величине по экспорту (8,3 %) [**19**]. В импорте ЕС из Китая преобладали телекоммуникационное оборудование, устройства автоматической обработки данных, электрооборудование, электроприборы, электродетали и др. Среди основных статей экспорта ЕС в КНР: машинное оборудование, автомобили и транспортные средства, запчасти для автомобилей, лекарственные препараты и др. [**19**]. Так, отношения Брюсселя и Пекина характеризуются высоким уровнем экономической взаимозависимости. Для ЕС Китай одновременно является одним из важнейших рынков сбыта и поставщиком технологической продукции.

В отношении Пекина Брюссель ужесточает свою протекционистскую политику, предпринимая попытки сократить возможности КНР по получению доступа к высоким технологиям ЕС и повышая пошлины на импорт китайских электромобилей [**2**]. Корректировка внешнеэкономической политики ЕС обусловлена необходимостью сокращения отставания от США и КНР в инновационной сфере, особенно в передовых технологиях, а также стремлением снизить внешнюю зависимость Евросоюза от импорта цифровых технологий [**41**, с. 8–9]. В оборонной стратегии ЕС «Стратегический компас» от 2022 года отражены опасения Евросоюза относительно «асимметрии в открытости» китайского и европейского рынков, поскольку Китай стремится «ограничить доступ к своему рынку и продвигать свои собственные стандарты на глобальном уровне» [**14**]. Тем не менее введение ограничительных мер со стороны ЕС на данном основании объясняется лишь стремлением Брюсселя получить экономическую выгоду для европейских компаний через

ограждение своего внутреннего рынка для новых участников. Таким образом, в отношениях с Китаем Брюссель пытается создать условия для обретения технологической независимости ЕС, одновременно сохраняя элементы сотрудничества в торгово-экономической области.

Заключение

Таким образом, динамика отношений внутри геополитического треугольника Китай – Сербия – ЕС оказывает значительное влияние на политические процессы в регионе. Сербско-китайские отношения основываются на прочном историческом фундаменте. Государства поддерживают друг друга в ключевых внешне- и внутриполитических вопросах и на современном этапе, а в последние два десятилетия Пекин и Белград развивают взаимовыгодное экономическое сотрудничество при отсутствии политических условий и требований со стороны КНР, что особенно важно для сербского руководства. В то же время ЕС видит в Китае экономического конкурента и системного соперника, деятельность которого представляет собой прямой вызов внешнеполитическим амбициям и задачам Брюсселя, тогда как меры ЕС по ограничению регионального влияния Пекина неэффективны. Совокупность данных факторов не может не влиять на качество отношений между Сербией и Евросоюзом в связи с тем, что Сербия, будучи страной – кандидатом на вступление в ЕС, не координирует с ЕС свою внешнюю и экономическую политику в отношении Китая. Так, несмотря на то что ЕС остается главным торговым партнером Белграда, можно предположить, что при сохранении положительной динамики в сербско-китайских отношениях в политической, экономической, военно-технической и других областях напряженность между Сербией и ЕС будет возрастать. Однако наиболее вероятно, что Белград будет продолжать политику балансирования между ЕС и Пекином, занимая прагматичную и равноудаленную позицию.

Список источников и литературы

1. ЕС подтвердил важность региона Западных Балкан для союза [Электронный ресурс] // ТАСС. 07.05.2020. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8412537 (дата обращения: 18.03.2025).
2. Китайские авто Европе не катят [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 12.06.2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6762453 (дата обращения: 12.04.2025).
3. «Никогда»: Китай заверил Сербию о жёсткой позиции по Косово [Электронный ресурс] // Балканист. 06.11.2023. URL: https://balkanist.ru/nikogda-kitaj-zaveril-serbiyu-o-zhyostkoj-pozitsii-po-kosovo/ (дата обращения: 11.03.2025).
4. Пономарева Е.Г., Крыканов Д.Д. Балканское дыхание Пекина. Стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан // Полития. – 2020. - №1(96). – С. 117-137.
5. Потапов Д.А. Сотрудничество Европейского союза и Китая в сфере прямых иностранных инвестиций в контексте инициативы КНР «Пояс и путь» // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. - №4. – С. 76-93.
6. Участие Сербии в китайской инициативе «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс] // Евразия сегодня. 04.11.2024. URL: https://eurasia.today/actual/uchastie-serbii-v-kitayskoy-initsiative-odin-poyas-odin-put/ (дата обращения: 15.03.2025).
7. Цвык А.В. «Один пояс, один путь»: взгляд из Европы // Современная Европа. – 2019. - №1. – С. 104-112.
8. Эксклюзив: Экономическое сотрудничество Китая и Сербии может значительно расшириться [Электронный ресурс] // Портал «Пояс и путь». 08.05.2024. URL: https://rus.yidaiyilu.gov.cn/p/346175.html (дата обращения: 16.03.2025).
9. Энтина Е.Г. Взаимодействие ЕС и Китая в Юго-Восточной Европе // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10. - №1(53). – С. 313-319.
10. Александар Шаленберг: Први пут имамо истраживања у Србији где релативна већина више није за ЕУ. То би требало да укључи све наше аларме за узбуну. Губимо их [Электронный ресурс] // Нова српска политичка мисао. 23.11.2023. URL: http://www.nspm.rs/hronika/aleksandar-salenberg-prvi-put-imamo-istrazivanja-u-srbiji-gde-relativna-vecina-vise-nije-za-eu.-to-bi-trebalo-da-ukljuci-sve-nase-alarme-za-uzbunu.-gubimo-ih.html (дата обращения: 26.03.2025).
11. Антић разговарао са новим руководством компаније CMEC [Электронный ресурс] // Влада Републике Србије. 26.06.2019. URL: https://www.srbija.gov.rs/vest/393995/antic-razgovarao-sa-novim-rukovodstvom-kompanije-cmec.php (дата обращения: 16.03.2025).
12. Кинески «Зиђин» преузео РТБ «Бор» [Электронный ресурс] // Политика. 18.12.2018. URL: https://www.politika.rs/scc/clanak/418404/kineski-zidin-preuzeo-rtb-bor (дата обращения: 14.03.2025).

13. Стратегија националне безбедности Републике Србије 2019. [Электронный ресурс] // Правно-информациони систем Републике Србије. 27.12.2019. URL: https://pravno-informacioni-sistem.rs/eli/rep/sgrs/skupstina/strategija/2019/94/2 (дата обращения: 18.03.2025).
14. A Strategic Compass for Security and Defence [Электронный ресурс] // Council of the European Union. 21.03.2022. URL: https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7371-2022-INIT/en/pdf (дата обращения: 12.04.2025).
15. Aleksandar Vučić: Trgovinska razmena sa Kinom skoro sedam milijardi evra, zahvalan sam na podršci [Электронный ресурс] // Политика. 11.01.2025. URL: https://www.politika.rs/sr/clanak/654305/aleksandar-vucic-trgovinska-razmena-sa-kinom-skoro-sedam-milijardi-evra-zahvalan-sam-na-podrsci (дата обращения: 15.03.2025).
16. Analysis of the bilateral relations between Serbia and China and their impact on the continuation of Serbia's democratization, EU integration and cooperation with NATO and the member-states [Электронный ресурс] // CEAS. 2019. URL: https://www.ceas-serbia.org/en/ceas-publications/8272-rashomon-new-ceas-report-analysis-of-the-bilateral-relations-between-serbia-and-china-and-their-impact-on-the-continuation-of-serbia-s-democratization-eu-integration-and-cooperation-with-nato-and-the-member-states (дата обращения: 10.03.2025).
17. Balkan Barometer 2019. Public Opinion: Analytical Report [Электронный ресурс] // Regional Cooperation Council. 2019. URL: https://www.rcc.int/seeds/files/RCC_BalkanBarometer_PublicOpinion_2019.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
18. Brussels rattled as China reaches out to eastern Europe [Электронный ресурс] // Financial Times. 27.11.2017. URL: https://www.ft.com/content/16abbf2a-cf9b-11e7-9dbb-291a884dd8c6 (дата обращения: 20.03.2025).
19. China-EU – international trade in goods statistics [Электронный ресурс] // Eurostat. 2025. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics (дата обращения: 26.03.2025).
20. Connecting Europe & Asia: The EU Strategy [Электронный ресурс] // The Diplomatic Service of the European Union. 26.09.2019. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/connecting-europe-asia-eu-strategy_en (дата обращения: 20.03.2025).
21. Countries of the Belt and Road Initiative (BRI) [Электронный ресурс] // Green Finance & Development Center. 2024. URL: https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-road-initiative-bri/ (дата обращения: 22.03.2025).
22. EU–China – A strategic outlook [Электронный ресурс] // European Commission. 12.03.2019. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2019-03/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf (дата обращения: 17.03.2025).

23. European Parliament resolution of 16 December 2021 on forced labour in the Linglong factory and environmental protests in Serbia [Электронный ресурс] // European Parliament. 16.12.2021. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0511_EN.html (дата обращения: 20.03.2025).
24. Hahn: Brussels has underestimated the influence of China in Balkans [Электронный ресурс] // European Western Balkans. 06.03.2019. URL: https://europeanwesternbalkans.com/2019/03/06/hann-brussels-underestimated-influence-china-balkans/ (дата обращения: 18.03.2025).
25. International trade in goods by partner [Электронный ресурс] // Eurostat. 2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=International_trade_in_goods_by_partner (дата обращения: 26.03.2025).
26. Jevtic J. New Serbia-China trade deal violates EU accession rules, but is celebrated anyway [Электронный ресурс] // EURACTIV. 03.11.2023. URL: https://www.euractiv.com/section/politics/news/new-serbia-china-trade-deal-violates-eu-accession-rules-but-is-celebrated-anyway/ (дата обращения: 18.04.2025).
27. Kina radi Srbija se gradi [Электронный ресурс] // Vreme. 28.08.2013. URL: https://vreme.com/vreme/kina-radi-srbija-se-gradi/ (дата обращения: 15.03.2025).
28. Ladjevac I. Current bilateral relations between Serbia and China // China-CEE Institute. – 2024. – Vol. 69. – №4. – P. 1-8.
29. Međunarodna investiciona pozicija Crne Gore [Электронный ресурс] // Centralna Banka Crne Gore. URL: https://www.cbcg.me/me/statistika/statisticki-podaci/ekonomski-odnosi-sa-inostranstvom/medjunarodna-investiciona-pozicija-crne-gore (дата обращения: 16.03.2025).
30. Mining and environment in the Western Balkans [Электронный ресурс] // UNEP. 15.07.2009. URL: https://www.unep.org/resources/report/mining-and-environment-western-balkans (дата обращения: 10.03.2025).
31. Mitrović D. The dynamics of the Republic of Serbia's cooperation with China via the Belt and Road Initiative and the «Sixteen plus One» platform // Journal of Contemporary East Asia Studies. – 2023. – Vol. 12. - №1. – P. 148-178.
32. Na vježbi u Srbiji pokazan kineski protuzračni raketni sistem FK-3 [Электронный ресурс] // Aljazeera. 30.04.2022. URL: https://balkans.aljazeera.net/news/balkan/2022/4/30/na-vjezbi-u-srbiji-pokazan-kineski-protuzracni-raketni-sistem-fk-3 (дата обращения: 23.03.2025).
33. Nacionalna koncepcija srpske spoljne politike // Ministarstvo spoljnih poslova Republike Srbije. 17. novembar 2007. – 26 s.
34. Najveći trgovinski partneri Srbije u 2023. [Электронный ресурс] // EU u Srbiji. 2024. URL: https://europa.rs/trgovina/ (дата обращения: 15.03.2025).
35. Pleschová G. China in Central Europe: seeking allies, creating tensions. – M.: Edward Elgar Publishing, 2022. – 168 pp.

36. Serbia Imports from China [Электронный ресурс] // Trading Economics. 2024. URL: https://tradingeconomics.com/serbia/imports/china (дата обращения: 15.03.2025).
37. Serbia/China [Электронный ресурс] // OEC. 2024. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/srb/partner/chn (дата обращения: 15.03.2025); Serbia Exports to China [Электронный ресурс] // Trading Economics. 2024. URL: https://tradingeconomics.com/serbia/exports/china (дата обращения: 15.03.2025).
38. Serbian public debt at 27 billion Euro [Электронный ресурс] // N1. 29.11.2023. URL: https://n1info.rs/english/news/serbian-public-debt-at-27-billion-euro/ (дата обращения: 18.04.2025).
39. Srbija odustala od 5G mreže, Brnabić: Narod to ne zanima [Электронный ресурс] // Nova.rs. 21.12.2020. URL: https://nova.rs/vesti/drustvo/srbija-odustala-od-5g-mreze-brnabic-narod-to-ne-zanima/ (дата обращения: 18.04.2025).
40. Stojkovski B., Jeremic I., Kajosevic S., Nikolic I., Angelovski I., Mejdini F., Pekmez I. China in the Balkans: Controversy and Cost [Электронный ресурс] // Balkan Insight. 15.12.2021. URL: https://balkaninsight.com/2021/12/15/china-in-the-balkans-controversy-and-cost/ (дата обращения: 20.03.2025).
41. The Draghi report on EU competitiveness [Электронный ресурс] // European Commission. 09.09.2024. URL: https://commission.europa.eu/topics/eu-competitiveness/draghi-report_en (дата обращения: 12.04.2025).
42. Treaty on European Union [Электронный ресурс] // EUR-Lex. 29.07.1992. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A11992M%2FTXT (дата обращения: 26.03.2025).
43. US most important trading partners of the EU [Электронный ресурс] // Destatis. 2025. URL: https://www.destatis.de/Europa/EN/Topic/Foreign-trade/EU_tradingPartner.html (дата обращения: 12.04.2025).
44. Vladisavljev S. Serbia's dance with the dragon on the EU's doorstep [Электронный ресурс] // CHOICE. 13.02.2024. URL: https://chinaobservers.eu/serbias-dance-with-the-dragon-on-the-eus-doorstep/ (дата обращения: 23.03.2025).
45. Vladisavljev S. Why Serbia refuses to stick to the EU's line on China [Электронный ресурс] // CHOICE. 19.10.2023. URL: https://chinaobservers.eu/why-serbia-refuses-to-stick-to-the-eus-line-on-china/ (дата обращения: 13.03.2025).
46. Western Balkans Regional Poll [Электронный ресурс] // International Republican Institute. 2024. URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2024/04/WB-Poll-mini-deck-final_4.24.pdf (дата обращения: 15.04.2025).
47. Western Balkans: An economic and Investment Plan to Support the Economic Recovery and Convergence [Электронный ресурс] // EU in Serbia. 06.10.2020. URL: https://europa.rs/western-balkans-an-economic-and-investment-plan-to-support-the-economic-recovery-and-convergence/?lang=en (дата обращения: 23.03.2025).

48. Will the Western Balkan countries fall for China's "debt-trap diplomacy"? [Электронный ресурс] // United Europe. 12.10.2020. URL: https://www.united-europe.eu/2020/10/will-the-western-balkan-countries-fall-for-chinas-debt-trap-diplomacy/ (дата обращения: 18.04.2025).
49. Working Together to Write a New Chapter of Developing Countries Seeking Strength Through Unity [Электронный ресурс] // Ambasada Narodne Republike Kine u Republici Srbiji. 12.10.2021. URL: http://rs.china-embassy.gov.cn/eng/xwdt/202110/t20211012_9546963.htm (дата обращения: 10.03.2025).
50. Zajednička izjava predsednika Republike Srbije i predsednika Narodne Republike Kine [Электронный ресурс] // Интернет-сайт Президента Республики Сербии. 08.05.2024. URL: https://www.predsednik.rs/lat/pres-centar/saopstenja/zajednicka-izjava-predsednika-republike-srbije-i-predsednika-narodne-republike-kine (дата обращения: 10.04.2025).
51. Zeneli V. China in the Balkans [Электронный ресурс] // The Globalist. 09.04.2019. URL: https://www.theglobalist.com/balkans-china-fdi-belt-and-road-eu/ (дата обращения: 21.03.2025).

Саканин Роман Александрович,
аспирант, Дипломатическая академия МИД России.
Roman A. Sakanin,
Postgraduate Degree Student, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ИТАЛИИ И КИТАЯ В АФРИКЕ: КОНКУРЕНЦИЯ, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ITALY – CHINA COMPETITION FOR INFLUENCE IN AFRICA: STRATEGIC ANALYSIS AND POLICY IMPLICATIONS

Аннотация: в статье рассматривается взаимодействие Италии и Китая в контексте конкуренции за влияние в Африке. Анализируется стратегическая конкуренция двух государств в экономической, энергетической, военной и дипломатической сферах. Исследуется влияние китайской инициативы «Пояс и путь» на реализацию итальянских интересов на Африканском континенте, в частности на осуществление «Плана Маттеи». Выявляются точки пересечения и конфликта интересов, а также возможности для прагматичного сотрудничества. Особое внимание уделяется анализу эволюции итальянской политики в отношении Китая, включая выход Италии из соглашения в рамках инициативы BRI в декабре 2023 года.

Ключевые слова: Италия, Китай, Африка, геополитика, внешняя политика, «План Маттеи», инициатива «Пояс и путь», стратегическая конкуренция, инфраструктура, энергетическая безопасность.

Abstract: the article examines the interaction between Italy and China in the context of competition for influence in Africa. It analyzes the strategic competition between the two states across economic, energy, military, and diplomatic spheres. The research investigates the impact of the Chinese "Belt and Road" initiative on the realization of Italian interests on the African continent, particularly on the implementation of the "Mattei Plan." The study identifies points of intersection and conflict of interests, as well as opportunities for pragmatic cooperation. Special attention is devoted to analyzing the evolution of Italian policy toward China, including Italy's withdrawal from the Belt and Road Initiative agreement in December 2023. The author concludes that Italy is compelled to balance between the protection of its own economic interests and obligations within the transatlantic partnership.

Keywords: Italy, China, Africa, geopolitics, foreign policy, Mattei Plan, Belt and Road Initiative, strategic competition, infrastructure, energy security.

Введение

Стратегическое взаимодействие Италии и Китая в Африке представляет собой сложную мозаику конкурирующих интересов и

ограниченных возможностей для кооперации. Китайская Народная Республика, реализующая масштабную экономическую экспансию в рамках инициативы «Пояс и путь», создает для Италии как серьезные вызовы, так и потенциальные возможности для прагматичного сотрудничества. Расширение присутствия Китая в Африке формирует значимый внешний вызов для реализации стратегических интересов Италии на континенте, требуя постоянной адаптации подходов Рима к меняющимся условиям конкуренции.

В то время как Италия стремится закрепить влияние на континенте через «План Маттеи» с уклоном в инфраструктуру, энергетику и социальные проекты, Китай действует с существенно большей глобальной амбициозностью, рассматривая Африку как важный компонент своей стратегии «Один пояс, один путь» и инструмент формирования многополярного мирового порядка [**2**]. Его экономические ресурсы, масштаб инвестиций и институциональные связи позволяют ему оказывать сильное давление на традиционных европейских игроков, таких как Италия.

Целью данной статьи является комплексный анализ пересечения стратегических интересов Италии и Китая в Африке с выявлением точек конфликта и потенциальных возможностей сотрудничества. Исследование опирается на анализ официальных документов, академических источников и аналитических материалов ведущих аналитических центров.

Пересечение экономических интересов Италии и Китая на Африканском континенте

Экономическое присутствие Китая на Африканском континенте характеризуется беспрецедентными масштабами. По данным Министерства коммерции КНР, объем товарооборота между Китаем и странами Африки достиг в 2023 году 282 млрд долларов США, что делает Китай крупнейшим торговым партнером континента на протяжении последних 14 лет [**7**]. Китайские инвестиции в африканскую инфраструктуру, согласно исследованию American Enterprise Institute, превысили 120 млрд долларов за

период 2005–2023 годов, при этом основная часть финансирования направляется в транспортные и энергетические проекты [**9**].

Одной из наиболее очевидных точек соприкосновения интересов является инфраструктурная конкуренция. Китай активно инвестирует в африканские транспортные коридоры, порты, железные дороги и энергетическую инфраструктуру: через механизм Юг – Юг Пекин внедряет модель взаимовыгодного партнерства, но с созданием зависимости от китайского капитала и технологий [**3**]. Эти инициативы угрожают реализации итальянских проектов «мягкой модернизации» континента, особенно в энергетическом секторе, где Италия продвигает зеленые и возобновляемые источники, но сталкивается с более дешевыми и быстро реализуемыми китайскими строительными предложениями [**14**].

Итальянские компании сталкиваются с растущей конкуренцией со стороны китайских корпораций в ключевых секторах. В энергетической отрасли китайская CNPC успешно конкурирует с итальянской Eni за доступ к месторождениям в Нигерии и Анголе [**16**]. В инфраструктурном секторе китайские строительные компании, такие как China Civil Engineering Construction Corporation, выигрывают тендеры на реализацию масштабных проектов в странах, традиционно входивших в зону итальянского влияния, включая Эфиопию и Мозамбик.

Особую озабоченность итальянских экспертов вызывает практика предоставления китайских займов африканским странам. Согласно данным Boston University Global Development Policy Center, общий объем непогашенных кредитов, предоставленных Китаем странам Африки, превышает 160 млрд долларов [**11**]. Эта долговая зависимость создает риски для итальянских экономических интересов, поскольку страны-должники могут предоставлять китайским компаниям преференциальный доступ к ресурсам и контрактам.

Механизм долговой дипломатии, практикуемый Пекином, позволяет Китаю завоевывать долгосрочное влияние на африканские государства не столько через прямое политическое давление, сколько через экономическую зависимость. Это создает для Италии дополнительный ряд вызовов, поскольку вынуждает италийское правительство и компании конкурировать не только на основе эффективности и качества предложений, но и на основе доступа к финансовым ресурсам, которыми Пекин располагает в значительно большем объеме.

Военно-стратегические аспекты конкуренции Италии и Китая

Военно-стратегическое присутствие Китая в Африке также создает риски для итальянской внешней политики. Китай разместил в Джибути свою первую официальную военную базу в Африке, что усиливает его военную проекцию и обеспечивает плацдарм для делового и стратегического влияния, в том числе на морские маршруты, важные для Италии [**1**]. Это может ограничивать свободу действий европейских стран в регионе и усиливать зависимость от китайских логистических и военных механизмов.

Стратегическое присутствие Китая в Джибути, где также расположены итальянские и европейские военные структуры, создает ситуацию прямого противостояния интересов. Такая близость требует от Италии постоянной калибровки своих действий и дипломатических инициатив, чтобы избежать эскалации напряженности и одновременно защитить свои интересы в этом критически важном районе.

Китай, располагая долгосрочным видением, использует Африку для лоббирования своих глобальных интересов. Во многом через механизм многосторонних форумов, таких как Форум сотрудничества Китай −Африка (FOCAC), Пекин получает политическую поддержку от африканских государств в международных организациях и усиливает легитимность своих стратегических инициатив [**19**]. Для Италии это означает, что ее усилия в Африке конкурируют не только с экономическими предложениями Китая, но и

с влиятельной дипломатической стратегией Пекина, нацеленной на создание устойчивой сети союзников на глобальной арене.

Политическое присутствие Китая в Африке и вызовы для итальянской политики на континенте

Политическое измерение китайского присутствия в Африке представляет дополнительный вызов для итальянской дипломатии. Китай успешно использует экономические рычаги для получения политической поддержки африканских стран по международным вопросам. Согласно данным Министерства иностранных дел Италии, 45 африканских государств поддерживают китайскую позицию по вопросу прав человека в Совете ООН по правам человека [**17**]. Это свидетельствует о глубокой интеграции китайских интересов в африканское политическое пространство и о необходимости для Италии выстраивать свою дипломатическую стратегию с учетом этого фактора.

В сфере энергетической безопасности интересы Италии и Китая демонстрируют значительное пересечение. Обе страны зависят от импорта энергоносителей и заинтересованы в диверсификации источников поставок. Китайские национальные нефтяные компании активно инвестируют в разработку месторождений природного газа в Мозамбике и Танзании, создавая конкуренцию итальянской Eni [**12**].

Вместе с тем существует потенциал для трехстороннего сотрудничества в области развития возобновляемой энергетики. Общие интересы в области энергетической безопасности и климатической устойчивости могут служить основой для прагматичного сотрудничества между Италией и Китаем в этом секторе [**13**]. Однако реализация такого сотрудничества сталкивается с трудностями, связанными с различиями в подходах к вопросам устойчивости и прозрачности финансирования проектов.

Миграционная политика, вопреки первоначальным ожиданиям, стала одной из областей, где интересы Италии и Китая демонстрируют непрямое, но

значимое пересечение. Китайские инвестиции в создание промышленных зон особого экономического развития и модернизацию аграрного сектора в странах Африки южнее Сахары объективно способствуют созданию новых рабочих мест и экономическому развитию стран происхождения мигрантов. Как следствие, это создает долгосрочный потенциал для снижения миграционного давления на Европу, что соответствует ключевым интересам Италии, наиболее уязвимой для миграционных потоков через Центральное Средиземноморье [**5**]. Итало-китайские отношения осложняются также институциональными связями между Римом и Пекином: между странами установлено всеобъемлющее стратегическое партнерство, которое включает культурное, экономическое и технологическое сотрудничество [**6**]. Хотя этот формат создает потенциальные возможности для совместных проектов в Африке (например, через совместные консорциумы или участие Италии в BRI-проектах), одновременно он порождает конкуренцию за влияние, особенно в тех странах, где Китай стремится доминировать через финансирование инфраструктуры и долговое участие.

Со стороны Италии существует попытка сбалансировать отношения с Китаем: Рим сочетает экономические интересы с осторожностью, стремясь минимизировать риски чрезмерной зависимости от китайского капитала. Как отмечает Атлантический совет, Италия «отходит от восторгов BRI-эпохи» и переориентирует свою политику на трансатлантическую солидарность, усиливая контроль над инфраструктурными инвестициями и снижая стратегическую уязвимость [**10**].

Решение Италии о выходе из соглашения в рамках инициативы «Пояс и путь» в декабре 2023 года стало ярким индикатором смены парадигмы в подходе к отношениям с Китаем. Согласно официальному заявлению Министерства иностранных дел Италии, данное решение было продиктовано комплексом причин, ключевыми среди которых стали отсутствие ожидаемых

экономических выгод для итальянского бизнеса, а также растущие геополитические риски на фоне обострения конкуренции между США и КНР.

Однако этот шаг не означает полного разрыва экономических связей [**8**]. Италия сохраняет возможности для точечного и избирательного взаимодействия с Китаем по конкретным коммерческим проектам, особенно в тех секторах и регионах, где интересы сторон не вступают в прямое противоречие или где китайские ресурсы и технологии могут быть использованы для реализации взаимовыгодных инициатив. Таким образом, римский подход можно охарактеризовать как прагматичный селективизм, направленный на минимизацию стратегических рисков при сохранении доступа к конкретным экономическим возможностям.

Конкуренция сохраняется и в технологической и цифровой сферах: китайские компании активно продвигают цифровую инфраструктуру в Африке, вкладываясь в проекты телекоммуникаций, дата-центров и умных городов. Это подрывает амбиции европейских акторов, включая Италию, по формированию более автономных и «суверенных» цифровых цепочек на континенте. Кроме того, стратегическое управление задолженностью делает Китай важным кредитором для африканских стран и, соответственно, стратегическим игроком, влияющим на внутреннюю и внешнюю политику этих стран [**15**].

Цифровое измерение конкуренции приобретает особую важность в контексте трансформации африканской экономики и общества. Контроль над цифровой инфраструктурой позволяет Китаю не только получать прямые экономические выгоды, но и влиять на информационные потоки, доступ к данным и в конечном счете на принятие решений африканскими правительствами.

Заключение

Перспективы итало-китайского взаимодействия в Африке характеризуются значительной неопределенностью. С одной стороны,

стратегическая конкуренция между США и Китаем ограничивает возможности Италии для углубления сотрудничества с Пекином. С другой стороны, экономические интересы итальянских компаний в отдельных секторах могут способствовать поиску прагматичных форматов взаимодействия.

В анализе современной африканской политики Италии успешное маневрирование между американскими и китайскими интересами становится ключевой задачей для Рима [**4**]. В этой связи пересечение стратегических интересов Италии и Китая в Африке создает сложную палитру вызовов и ограниченных возможностей. Италия вынуждена балансировать между необходимостью защиты своих экономических интересов, обязательствами в рамках трансатлантического партнерства и поиском прагматичных решений в условиях растущего китайского влияния на континенте.

Список источников и литературы

1. Гэвин, М. Военно-стратегическое присутствие Китая в Африке и интересы западных стран // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 5. С. 30–38.
2. Дейч, Т.Л. Глобальные амбиции Китая: стратегия «Один пояс, один путь». М.: Международные отношения, 2010. 256 с.
3. Елинсон, М.И. Китайские инфраструктурные проекты в Африке: механизмы реализации и последствия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. Т. 16, № 4. С. 118–130.
4. Звягельская, Н.Д. Африканская политика Италии: от колониализма к «Плану Маттеи» // Современная Европа. 2024. № 1. С. 132–148.
5. Лагутина, М.Л. «План Маттеи» и стратегические интересы Италии в Африке // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 4. С. 145–160.
6. Мен, Х., Цзян, В. Всеобъемлющее стратегическое партнерство Китая и Италии: потенциал и вызовы // Современная Европа. 2020. № 2. С. 148–158.
7. Министерство коммерции КНР. Статистический бюллетень по торговле Китая со странами Африки за 2023 год. Пекин, 2024. 45 с.

8. Телегин, А.Ю. Большая игра в Африке: интересы внерегиональных акторов и вызовы для России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17, № 2. С. 167–182.
9. American Enterprise Institute. China Global Investment Tracker. Update July 2024. Washington, DC: AEI, 2024. P. 45.
10. Atlantic Council. Italy's Recalibration of China Policy: Between Atlantic Solidarity and Economic Pragmatism. Washington D.C., 2025. 25 p.
11. Boston University Global Development Policy Center. Chinese Loans to Africa Database: Annual Report 2024. Boston, 2024. 120 p.
12. BP Statistical Review of World Energy. 2024 Edition. London, 2024. 67 p.
13. Carbone, G. Italy's return to Africa: between external and domestic drivers // Italian Political Science Review. 2023. Vol. 53, Issue 3. P. 293–311.
14. Cristiani, D. The Mattei Plan and Italy's Energy Security Strategy in Africa // IAI Papers. 2025. No. 25|10. P. 40–52.
15. Erthal, A. Debt Diplomacy: Chinese Lending and Strategic Influence in Africa // Journal of Global South Studies. 2022. Vol. 39, No. 1. P. 25–40.
16. International Energy Agency. Africa Energy Outlook 2023. Paris: IEA Publications, 2023. 234 p.
17. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Relazione sulla politica estera italiana 2024. Roma, 2024. 150 p.
18. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Dichiarazione sull'uscita dall'accordo BRI. Roma, 2023. 30 p.
19. Neema, G. Forum on China-Africa Cooperation (FOCAC): Institutionalizing a Strategic Partnership // African Affairs. 2024. Vol. 123, No. 500. P. 1–15.

Гребенщикова Дарья Евгеньевна,
соискатель ученой степени кандидата политических наук,
редактор МИА «Россия сегодня»,
E-mail: dasha.tde2000@gmail.com

Daria E. Grebenshchikova,
Applicant for the degree of Candidate of Political Sciences,
Editor at International Information Agency "Rossiya Segodnya",
E-mail: dasha.tde2000@gmail.com

МЕДИАПРОСТРАНСТВО КАК СРЕДА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ: СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО МЕДИАПОЛЯ

MEDIA SPACE AS AN ENVIRONMENT FOR THE CONSTRUCTION OF POLITICAL IMAGES: THE SPECIFICITY OF THE GERMAN-LANGUAGE MEDIA FIELD

Аннотация: в статье рассматривается медиапространство как ключевая среда конструирования политических образов в условиях цифровизации и медиатизации политики. Анализируется соотношение понятий «медиапространство» и «информационное пространство», а также их роль в формировании общественного сознания. Особое внимание уделяется механизмам формирования политического имиджа государства и их связи с концепцией «мягкой силы». Раскрывается специфика немецкоязычного медиаполя, его институциональная структура и нормативно-ценностные рамки. Делается вывод о значимости медиадискурса как инструмента формирования устойчивых международных образов государств.

Ключевые слова: медиапространство, политический имидж, медиадискурс, политическая коммуникация, «мягкая сила», публичная дипломатия, немецкоязычное медиаполе.

Abstract: the article examines media space as a key environment for construct- ing political images in the context of digitalization and the mediatization of politics. It analyzes the relationship between the concepts of "media space" and "information space" and their role in shaping public consciousness. Special attention is paid to the mechanisms of state image construction and their connection to the concept of soft power. The specificity of the German-language media field, including its institutional structure and normative value frameworks, is explored. The article concludes that media discourse plays a crucial role in forming stable international perceptions of states.

Keywords: media space, political image, media discourse, political communication, "soft power", public diplomacy, German-language media field.

Введение

Медийное пространство рассматривается как система «взаимодействия субъектов и объектов окружающей среды, связанных посредством взаимодействия процессов производства и потребления сведений» [**1**]. С одной стороны, медиапространство материально и состоит из объектов (приемников, дисплеев, кабелей, серверов, передатчиков), «встроенных» в географически конкретные структуры власти и сегменты экономики. С другой стороны, зачастую подчеркивают «виртуальность», «призрачность» и эфемерность медиапространства (особенно киберпространства) в противовес «реальности», а также его удаленность от материального плана существования [**2**]. Одно из определений указывает, что медиасреда – это повседневная среда обитания человека, включающая совокупность условий, в которых функционирует медиакультура. Она связывает индивида с внешним миром посредством массовых коммуникаций (печать, радио, телевидение, кино, видеопродукция, компьютерные сети и Интернет), информирует, развлекает, транслирует ценности и оказывает идеологическое, экономическое и организационное воздействие на оценочные суждения и поведение людей. Иначе говоря, медиасреда формирует общественное сознание [**3**].

Медиапространство и информационное пространство

Понятие «медийное пространство» рассматривается во взаимосвязи с термином «информационное пространство» как «некая виртуальная территория, принадлежащая государству и представляющая собой специфический государственных ресурс, который необходимо защищать от возможных агрессоров как определенные информационные взаимодействия, где в качестве предмета отношения выступают знаки и знаковые системы [**5**]; как сфера отношений между общностями и людьми относительно информации, структурные элементы которой: информация, информационные отношения и субъекты информационных отношений [**1**]. С одной стороны,

является некой описательной информационной моделью, с другой – оно служит инструментом воздействия на окружающий мир, в частности инструментом локального или глобального управления» [**6**]. В основе формирования информационного пространства «лежит информация в форме знаний, теорий, моделей, систем», а его «содержание – информация – становится локацией, наполненной информацией – тем самым информационным пространством, информационной средой» [**7**].

Медийное пространство можно рассматривать как совокупность информационных источников, которые, с одной стороны, предоставляют аудиториям необходимые сведения, а с другой – формируются самими субъектами информационной деятельности. По этой логике медиапространство представляет собой масштабную коммуникационную систему, охватывающую значительные группы населения и включающую телевидение, радио, печать, интернет-ресурсы и другие медиаформаты.

Медиапространство также понимают как сферу информационных отношений, в которой объектом взаимодействий являются знаки и знаковые системы, или как систему социальных отношений вокруг информации, включающую ее содержание, информационные связи и субъектов этих отношений [**1**]. Оно одновременно является описательной моделью реальности и инструментом воздействия на окружающий мир, включая механизмы локального и глобального управления.

В политическом измерении средства массовой информации рассматриваются как институт политического участия с точки зрения их конституционности, как средство воздействия на процессы формирования общественного мнения, а также как область политики, а именно политика в области средств массовой информации или коммуникации. Некоторые авторы рассматривают идентичность политики и коммуникации или коммуникацию как средство политики [**8**]. Медийная политика реализуется в медийном пространстве, совокупности взаимодействующих в его рамках субъектов,

оказывающих прямое или опосредованное воздействие на происходящие в нем процессы за счет производства и распространения информации, оказывающей существенное влияние на его субъекты через различные информационно-коммуникационные каналы.

С методологической точки зрения анализ медийного пространства обычно опирается на несколько исследовательских подходов:

— структурный (рассматривает медиапространство как институциональную сферу, систему СМИ и социальное поле);

— территориальный (трактует его как географически определенное информационное пространство);

— технологический (понимает как виртуальную медиальную реальность, основанную на материальных технологиях);

— экологический (определяет медиапространство как глобальную среду обитания, проникающую во все сферы человеческой деятельности);

— текстоцентричный (описывает его как совокупность медийных текстов и дискурсивное поле).

Понятие «имидж» (от англ. image – «образ») традиционно трактуется как целенаправленно формируемое, эмоционально окрашенное представление, сложившееся в массовом сознании и обладающее устойчивыми стереотипными характеристиками [**9**]. Это понятие, первоначально используемое в психологии и социологии, стало неотъемлемой частью категориального аппарата политической науки, коммуникации и медиалогии. В условиях цифровизации и глобальной медиатизации именно медийное пространство становится ключевой средой, где формируется и воспроизводится политический имидж государства.

В сфере международных отношений политический имидж государства играет роль инструмента «мягкой силы» (“soft power”) и стратегического позиционирования на международной арене. По определению Д.В. Ольшанского, политический имидж государства – это мысленный образ

страны, формирующийся в сознании как внутренней, так и зарубежной аудитории в процессе коммуникативного взаимодействия политических, социальных и экономических акторов [**10**]. Этот образ является не только отражением фактических характеристик государства, но и результатом целенаправленной символической репрезентации в медиа.

Исследователи выделяют внутренний и внешний аспекты образа государства. Внутренний аспект связан с самовосприятием граждан – уровнем доверия к институтам власти, состоянием демократии, экономическим развитием, патриотическими настроениями и идентичностью. Внешний аспект отражает то, как государство воспринимается мировым сообществом – через призму международных СМИ, дипломатии и глобальных коммуникаций [**11**].

Медиапространство выступает ключевой средой, в которой конструируются и перманентно репродуцируются политические образы государств и политических акторов. В современных условиях цифровизации этот процесс приобретает многослойный характер: наряду с традиционными редакционными практиками возрастающую роль играют платформенные алгоритмы, пользовательское производство контента и межмедийные циклы распространения нарративов. Медиапространство не просто транслирует «факты», но и структурирует смысл через выбор тем, кадров, повествовательных схем и эстетико-эмоциональных средств, формируя устойчивые когнитивные и эмоциональные репертуары восприятия.

В контексте немецкоязычного медиаполя процесс конструирования политических образов приобретает особую специфику. СМИ Германии, Австрии и Швейцарии активно участвуют в формировании восприятия России как политического актора, используя эмоциональные фреймы, исторические параллели и моральные акценты. Специфика немецкоязычного медиаполя определяется сочетанием сильной публично-правовой медиатрадиции (ARD, ZDF, региональные вещатели вроде BR), влиятельной качественной прессой

(FAZ, Süddeutsche Zeitung, Der Spiegel) и активного таблоидного/онлайн-сегмента (Bild, Focus, T-Online). Такое сочетание создает структуру, в которой информационная повестка задается как институциональными редакциями, так и множественными цифровыми посредниками. Важной чертой является высокая нормативность дискурса: журналистика в Германии и Австрии часто опирается на правозащитные, демократические и историко-моральные рамки, которые выступают в качестве фильтра интерпретации международных событий и формируют эмоционально-оценочные коды в текстах о внешней политике других стран. Это приводит к тому, что сообщения о внешней политике России нередко маркируются через призму угрозы, правонарушений или исторических параллелей, что усиливает их эмоциональную восприимчивость у аудитории. Это приводит к закреплению устойчивого образа России как источника угрозы и формированию эмоционально поляризованного восприятия.

Современное медиапространство выступает не просто каналом передачи информации, но и активным конструктором политической реальности. С его помощью не только распространяются новости и комментарии, но и создаются символические смыслы, эмоциональные коды и интерпретационные рамки, которые определяют восприятие государства и его политики. Этот процесс, как отмечает В. Феклюнина, является элементом стратегического нарратива, в котором образы государств используются для легитимации внешнеполитических позиций и формирования коллективной идентичности [**12**].

В условиях медиатизированной политики политический имидж государства превращается в результат интеракции медиа, аудитории и политических акторов. Цифровой слой медиапространства усложняет конструирование образа: алгоритмы X/Twitter, YouTube, TikTok и Telegram усиливают эмоционально-виральный контент, ускоряя распространение фрагментарных и поляризующих сообщений. В немецкоязычном сегменте это

проявляется через быстрые ретрансляции материалов массовых изданий, комментарии инфлюенсеров и тематические сообщества, где доминируют краткие эмоциональные форматы.

Немецкоязычное медиаполе, отличающееся высоким уровнем профессионализма, плюралистичностью, а также устойчивыми нарративами западноевропейского политического мышления, становится важнейшим пространством формирования восприятия России и других государств на международной арене. Политико-культурный контекст аудитории в немецкоязычном медиаполе (историческая память, высокий уровень политической вовлеченности, значимый статус правозащитных дискурсов) делает ее особенно чувствительной к сюжетам о безопасности, правах человека и международном праве. Соответственно, коммуникационные стратегии, направленные на корректировку внешнего образа государства в регионе, должны учитывать не только фактологию, но и ценностные коды – предлагать сообщения, которые резонируют с местными нормами (право, гуманизм, международная ответственность). Это требует от отправителей коммуникации гибридного подхода: сочетания фактической достоверности, прозрачности источников и культурной «переводимости» нарративов.

Таким образом, медиаобраз государства на международной арене формируется под воздействием информации, циркулирующей в официальных и неофициальных каналах: через государственные коммуникации, средства массовой информации и цифровые платформы. В условиях медиатизированной политики именно информационная политика и деятельность СМИ становятся ключевыми механизмами конструирования внешнеполитического имиджа государства. Современные исследования отмечают, что в этой сфере формируются устойчивые нарративы и символические конструкции, которые не только отражают политическую действительность, но и задают рамки ее восприятия.

Механизмы конструирования политического образа в немецкоязычных

изданиях включают:

— селекцию и иерархизацию фактов (agenda-setting);

— фрейминг – отбор рамок интерпретации (например, «агрессия», «угроза», «милитаризация»);

— персонализацию через акцент на лидерах (метонимизация: «Кремль», «путинизм»);

— визуальную драматизацию (фото разрушений, картографирование угрозы);

— использование экспертных источников, создающих «легитимную» интерпретацию событий.

В совокупности эти техники формируют стабильные смысловые шлейфы, которые затем реплицируются через социальные сети и вторичные медиаресурсы.

Особое значение приобретает публичная дипломатия, направленная на укрепление доверия и продвижение стратегических интересов государства за рубежом. Она сочетает инструменты традиционной дипломатии с методами коммуникационного влияния: культурными проектами, медиапартнерствами и информационными кампаниями. Как отмечает В. Феклюнина, современная публичная дипломатия России и Запада строится вокруг конкурирующих стратегических нарративов, где ключевую роль играет способность государства формировать привлекательный и убедительный образ для внешней аудитории.

Немецкоязычное медиаполе имеет здесь особое значение, так как именно через такие немецкие СМИ, как Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ), Der Spiegel, Die Zeit, ZDF и BR, в европейском дискурсе формируются устойчивые представления о внешней политике России и ее месте в международной системе. Например, FAZ в публикации “Russlands unprovozierter Angriffskrieg” подчеркивает тезис о «неспровоцированной агрессии России», в то время как ZDF в материале “Schmutzige Geschäfte – Deutschlands Gasabhängigkeit von

Russland” акцентирует внимание на экономической зависимости Германии от российского газа. Подобные тексты формируют не только когнитивное, но и эмоциональное восприятие государства, закрепляя морально-нормативный контекст его оценки.

Ключевыми субъектами формирования внешнеполитического образа остаются дипломатические институты, национальные медиа, а также международные новостные агентства, участвующие в создании и трансляции политических смыслов. Их взаимодействие образует коммуникационную экосистему, где формируются как позитивные, так и негативные стереотипы. Важную роль в этом процессе играют непосредственные встречи лидеров, участие в международных форумах и организациях, а также активность в гуманитарной и миротворческой сферах. Всё это усиливает видимость государства в медийном пространстве и влияет на его символический капитал на мировой арене.

Информационная политика и медиапространство выступают центральными элементами системы формирования политического имиджа государства, определяя, каким образом оно воспринимается внешней аудиторией. Чем более согласованно и стратегически государство позиционирует себя через дипломатические и медийные каналы, тем устойчивее и позитивнее формируется его образ в сознании международного сообщества.

Следует отметить, что значительное влияние на формирование имиджа государства оказывают социальные стереотипы. Само понятие стереотипа впервые введено в научный оборот американским исследователем средств массовой информации У. Липманом для обозначения устойчивых и предвзятых представлений, существующих в общественном сознании относительно членов различных этнических, социальных и профессиональных групп [**13**]. Таким образом, стереотип можно определить как относительно устойчивый и упрощенный образ, возникающий в условиях

дефицита информации и формирующийся на основе обобщенного личного опыта и усвоенных в обществе представлений. Стереотипы играют важную роль в восприятии и оценке человеком окружающего мира: они позволяют упрощать реагирование на изменяющуюся реальность, ускоряют процесс интерпретации и осмысления событий [**14**]. Вместе с тем стереотипы оказывают заметное воздействие на общественные настроения и модели поведения, что делает их значимым фактором формирования массового восприятия государства.

Международный образ государства и его привлекательность формируются под воздействием целого комплекса факторов. К ним относятся особенности географического положения, национальные традиции, историческая память народа и идеологические установки, которые создают целостное представление о стране и позволяют идентифицировать ее среди других акторов мирового сообщества.

Факторы, влияющие на процесс формирования международного имиджа государства, условно делятся на первичные и вторичные. К первичным (в основном материальным) относятся территория, природные ресурсы, климатические и геополитические условия, а также историческое прошлое, включающее значимые события и культурные достижения. Эти факторы объективны по своей природе и существуют независимо от текущей политической конъюнктуры, однако могут интерпретироваться различным образом в зависимости от контекста. Вторичные (нематериальные) факторы представляют собой производное действие первичных и носят преимущественно субъективный характер. В их число входят архетипы, национальная ментальность, мифологемы, культурная память, духовные традиции и ценностные установки общества. Взаимодействие обеих групп факторов формирует устойчивую взаимосвязь между естественно-материальными и социокультурными элементами имиджа государства, определяя специфику его восприятия в международном медиапространстве.

Среди внешних факторов формирования международного имиджа государств на современном этапе большое значение имеют глобальные стандарты и нормы, закрепленные в документах международных организаций и отраженные в ежегодных рейтингах и индексах. Эти показатели – уровень демократии, свобода прессы, восприятие коррупции, конкурентоспособность и цифровое развитие. Они формируют представление о государстве на мировой арене и задают его политико-информационную репутацию. Например, рейтинги Transparency International и Всемирного экономического форума позволяют странам позиционировать себя в международном пространстве как успешные или, напротив, проблемные участники мировой системы [**15**].

К числу наиболее значимых индексов, оказывающих непосредственное влияние на восприятие и международный имидж государства, относятся:

— Индекс глобальной конкурентоспособности, ежегодно публикуемый Всемирным экономическим форумом в Давосе (Швейцария);

— Индекс восприятия коррупции (ИВК), рассчитываемый международной организацией Transparency International;

— Индекс электронного участия граждан, оценивающий качество цифровых государственных услуг и их доступность;

— Индекс готовности к электронному управлению, ежегодно публикуемый Организацией Объединенных Наций;

— Индекс экономической свободы, характеризующий степень открытости и либерализации национальной экономики.

Кроме того, в условиях информационной революции особое значение приобретает уровень развития цифровых и коммуникационных технологий.

Современные государства воспринимаются через призму их успешности в создании информационного общества и внедрении инноваций. Для измерения этого аспекта разработано более двух десятков специализированных индексов, отражающих уровень цифрового развития страны. Наиболее известными среди них являются:

— Индекс цифровой перспективы (Digital Opportunity Index, DOI), разработанный Международным союзом электросвязи (ITU) в рамках инициативы WPIIS;

— Индекс цифрового доступа (Digital Access Index, DAI), оценивающий доступность информационно-коммуникационных технологий;

— Индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index, NRI) Всемирного экономического форума;

— Индекс информационного общества (Information Society Index, ISI), характеризующий уровень интеграции информационных технологий в социально-экономическую жизнь страны.

Эти индексы позволяют оценить степень вовлеченности государства в процесс формирования информационного общества. Из этого следует, что цифровизация становится одним из ключевых параметров конкурентоспособности страны и элементом формирования ее международного имиджа [**16**].

Не менее значимую роль играют средства массовой информации, выступающие посредниками между политическими субъектами и аудиторией. Факты, интерпретации и визуальные образы, транслируемые медиа, оказывают решающее влияние на восприятие страны в мире. СМИ сегодня выступают не только инструментом информирования, но и полноправным актором мировой политики. Через медиапространство формируются устойчивые стереотипы, эмоциональные нарративы и моральные оценки, влияющие на политическое восприятие и легитимность государств в международных отношениях.

Как подчеркивает Е.В. Колокольцева, современные медиа становятся каналом стратегической презентации, где образы государств и лидеров конструируются посредством управляемого дискурса, визуальных символов и повторяемых смысловых фреймов [**17**]. Это особенно заметно в немецкоязычном медиаполе, где ведущие издания активно используют

эмоционально окрашенные формулировки при описании внешнеполитических процессов, создавая устойчивое восприятие государств как союзников или угроз.

Таким образом, медиапространство сегодня выступает не только ареной обмена информацией, но и важнейшим механизмом формирования политических образов. От того, как СМИ интерпретируют политические события и какие фреймы они используют, напрямую зависит международный имидж государства и его позиционирование в глобальном информационном контексте.

Государства, не обладающие развитым медиапространством и устойчивой системой информационной безопасности, оказываются в уязвимом положении в условиях конкуренции внутри глобального информационного рынка. В немецкоязычном медиаполе такая уязвимость проявляется особенно остро: информационные потоки, формируемые ведущими СМИ Германии, Австрии и Швейцарии, активно участвуют в конструировании политических образов внешних акторов, что может приводить к закреплению стереотипных или односторонних интерпретаций. Страны, не способные обеспечить масштабное присутствие собственных нарративов в международном медиапространстве, рискуют быть представленными преимущественно через призму внешних политических и идеологических установок, что формирует образ «слабых» или «невлиятельных» государств.

Напротив, системное использование современных информационных технологий, развитие национальных медийных ресурсов и продуманная стратегия внешней коммуникации позволяют государству выстраивать собственный политический образ и конкурировать за внимание зарубежной аудитории. В контексте немецкоязычного медиаполя это особенно важно, поскольку именно через медиадискурс происходит первичное знакомство широких масс с внешнеполитическими событиями, акторами и их позициями.

Посредством медийного представления формируется «бренд страны», определяющий, какие ассоциации и оценки возникают у аудитории при упоминании государства.

Современное медиапространство играет ключевую роль в формировании и трансляции политических и национальных образов. Средства массовой информации имеют большое значение для формирования международного имиджа. Их влияние неоднозначно: с одной стороны, СМИ через отбор фактов, их интерпретацию и визуальные образы могут затруднять самостоятельное, взвешенное формирование мнения у аудитории; с другой – те же инструменты позволяют создать положительное представление о стране, вызвать симпатию к ее политике и культуре или, напротив, вызвать негатив и осуждение.

В условиях глобализации именно СМИ становятся основной платформой для «брендинга» государств, формируя их узнаваемость и репутацию в международном политическом и информационном поле. В этом контексте понятие бренда страны можно рассматривать как совокупность устойчивых ассоциаций, эмоций и представлений, возникающих у аудитории при упоминании определенного государства. В немецкоязычном медиаполе (Германия, Австрия, Швейцария) этот процесс имеет свои особенности, связанные с высокой степенью политической рефлексии, журналистскими стандартами и влиянием общественно-правовых вещателей, определяющих повестку и политические акценты.

Именно поэтому информационный компонент выступает ключевым фактором в процессе конструирования имиджа государства на международной арене. В эпоху глобализации и цифровой коммуникации информация превращается в важный ресурс и инструмент влияния: внешние оценки, публикации и аналитика определяют восприятие страны другими государствами и международными акторами. Информационная составляющая имиджа объединяет притоки политической, экономической, культурной и

социальной информации о стране, способы ее распространения через современные СМИ и интернет, а также интерпретации, транслируемые внешними субъектами международных отношений [**18**].

Бренд государства в медиаконтексте – это не просто рекламный образ или ограниченная во времени кампания, а системно выстроенная коммуникационная стратегия, отражающая национальную идею, ценности и политическую идентичность страны. Немецкоязычные СМИ, опираясь на демократические традиции и развитую культуру общественной дискуссии, активно участвуют в конструировании этих образов, создавая специфическое медиаполе, где государственные и общественные нарративы переплетаются.

Характеристики государства – политическая система, культурный код, экономическое развитие – в медиапространстве интерпретируются как элементы «политического бренда». В немецких медиа особенно заметна тенденция оценивать государства через призму их внешнеполитического поведения, приверженности правам человека и роли в международных организациях. Таким образом, политический имидж формируется через постоянное сравнение, интерпретацию и оценку, что превращает информационное пространство в арену символического соперничества.

Информационная политика государства становится ключевым фактором в формировании позитивного или негативного образа страны. От того, насколько эффективно страна взаимодействует с международными СМИ, зависит ее восприятие в немецкоязычном медиаполе. Германия, обладая мощным медийным сектором (ARD, ZDF, Deutsche Welle, Der Spiegel и др.), формирует собственную «матрицу восприятия» других государств, где тональность сообщений, подбор источников и визуальные образы определяют эмоциональный фон восприятия.

В условиях цифровизации особое значение приобретает способность государства формировать и продвигать собственное информационное поле, создавать экспортный информационный продукт и управлять своей репутацией

в Сети. В немецкоязычных странах это проявляется через активное использование платформ типа DW или ORF для конструирования международного образа Германии и Австрии как стабильных, демократических и технологически развитых государств.

Государства, которые не обладают достаточным информационным потенциалом и не способны противостоять искаженным медийным интерпретациям, оказываются в уязвимом положении. Они становятся объектом политического фрейминга, где их образ определяется не внутренней, а внешней информационной логикой. В немецкоязычном медиапространстве подобные механизмы часто проявляются в контексте освещения внешней политики стран Восточной Европы и постсоветского пространства, где внимание СМИ сосредоточено на вопросах демократии, прав человека и геополитической ориентации.

Формирование политического образа государства в значительной степени зависит не только от его собственных коммуникационных усилий, но и от активности внешних акторов в медиапространстве. Информационные войны, интервенции и медийные кампании – значимые элементы современного информационного противоборства, ярко проявляющиеся и в немецкоязычных медиа. Информационные войны представляют собой целенаправленное воздействие, направленное на изменение общественных настроений и интерпретаций событий посредством специально сконструированных сообщений. СМИ, включая цифровые платформы, выполняют роль ключевого инструмента в этом процессе: через выбор тем, акценты, эмоциональное фреймирование и подбор экспертов они определяют, какие политические образы будут доминировать.

Информационная интервенция – распространение тенденциозных или контекстуально искаженных сведений – способна влиять на общественное мнение в другом государстве, создавая благоприятные условия для формирования нужного политического образа. В немецкоязычном

медиапространстве это проявляется через устойчивое воспроизведение определенных негативных или критических нарративов, которые оказываются более заметными благодаря высокой степени медиатизации политики.

Информационный терроризм, направленный на подрыв информационной инфраструктуры или создание панических настроений, – крайняя форма воздействия, однако и он косвенно влияет на восприятие государства, поскольку подрывает доверие к его устойчивости и способности контролировать медиапространство.

Таким образом, образ государства – комплексное и многоуровневое явление, в структуру информационного наполнения которого входят следующие компоненты:

1. Политический. Ключевой компонент, отражающий внутреннюю и внешнюю политику государства, ценностные ориентиры и способность политической элиты принимать эффективные решения. Политическая составляющая определяет, воспринимается ли страна как демократическая или авторитарная, стабильная или конфликтная.

2. Экономический. Описывает уровень экономического развития, темпы роста, благосостояние и инвестиционный климат. Экономические показатели формируют представление о степени конкурентоспособности и устойчивости государства в мировой экономике.

3. Дипломатический. Оценка внешнеполитической активности: переговоров, международных соглашений, участия в международных институтах и миротворческих инициативах. Дипломатическая составляющая влияет на восприятие страны как ответственного и конструктивного партнера или, напротив, как изолированного и конфликтного актора.

4. Социальный. Охватывает качество жизни населения: доступность жилья, здравоохранение, уровень занятости и систему социальных гарантий. Социальные достижения или проблемы существенно влияют на привлекательность и легитимность государства в глазах зарубежной

аудитории.

5. Туристический. Туризм дает возможность демонстрации культурных и природных ресурсов страны, создания положительных визуальных и эмоциональных ассоциаций. Развитая туристическая отрасль способствует укреплению «визитной карточки» государства и улучшению его репутации.

6. Инвестиционный. Отражает степень заинтересованности внешних инвесторов: безопасность вложений, правовую и экономическую предсказуемость, доступность рынков. Сильный инвестиционный имидж повышает экономическое влияние и статус страны.

7. Масс-медийный. Включает производство и распространение контента через телевидение, радио, печатные СМИ и интернет, а также формирование бренда страны. Этот компонент перекрестно влияет на все остальные: через медиа транслируются политические посылы, экономические успехи, социальные реалии и туристические образы.

В сумме перечисленные элементы формируют многослойный, динамичный образ государства, чья устойчивость и привлекательность во многом зависят от координированной информационной политики и качества представляемого контента.

Политический образ государства в немецкоязычном медиапространстве формируется под влиянием множества факторов: медиастратегий, коммуникационной активности государства, международного контекста, исторической памяти, цифровых платформ и целенаправленных информационных воздействий. В условиях интенсивной конкуренции за внимание аудитории государствам необходимо укреплять свои информационные ресурсы, развивать публичную дипломатию и выстраивать механизмы противодействия манипулятивным практикам.

Только комплексное присутствие в медиа, подкрепленное современными технологиями и продуманной стратегией, позволяет

формировать сбалансированный и устойчивый политический образ на международной арене.

В контексте немецкоязычного медиапространства роль социальных сетей становится ключевой для понимания механизмов конструирования политических образов. По мере того как традиционные медиа теряют монополию на интерпретацию событий, социальные платформы формируют параллельный информационный контур, в котором пользователи получают альтернативные точки зрения, оперативно обмениваются мнениями и сами становятся производителями смыслов. Для политических акторов в Германии, Австрии и Швейцарии такие площадки уже давно превратились в инструменты мониторинга общественных настроений, тестирования политических решений и формирования публичного имиджа.

Однако стремительный рост влияния социальных сетей приводит к тому, что процессы формирования политического образа государства становятся всё менее контролируемыми. Алгоритмы, зависящие от динамики пользовательской активности, усиливают эмоциональные и конфликтные нарративы, тем самым усложняя задачу государственным институтам по управлению собственным медиапредставлением. В этих условиях ни одно государство не может полностью контролировать то, как оно воспринимается в сетевой среде, поскольку формирование образа перемещается в сферу децентрализованных и часто анонимных коммуникаций.

Тем не менее отсутствие жесткого контроля над цифровыми коммуникациями обладает и положительными сторонами. Именно открытость и гибкость социальных сетей дают возможность государствам активно использовать digital-среду для формирования выгодного им имиджа, минуя традиционные медиаструктуры. Для России это создает потенциал для прямой коммуникации с немецкоязычной аудиторией, позволяя продвигать самостоятельные интерпретации событий, восполнять информационные пробелы и корректировать сложившиеся стереотипы. В условиях, когда

официальная повестка немецкоязычных медиа нередко задает односторонние рамки, социальные сети открывают дополнительные каналы влияния – от тематических групп и блогов до мультимедийных платформ, где востребован контент, предлагающий альтернативный взгляд на международные события.

Таким образом, растущая роль социальных сетей одновременно усложняет управление политическими образами и расширяет инструментарий государств, стремящихся к более активному участию в конструировании собственного медиапространства за рубежом. Если правильно использовать логику цифровой коммуникации, социальные платформы могут стать эффективным инструментом продвижения сбалансированного и объективного образа России среди немецкоязычных пользователей.

В условиях усиливающегося влияния социальных сетей на политическую коммуникацию закономерно возрастает значение политического имиджа как ключевого инструмента конкурентной борьбы в информационном пространстве. Ключевым каналом распространения политического имиджа становится интернет, где отсутствует централизованный контроль, а аудитория обладает потенциально безграничным доступом к информации. В современной медиасреде, где цифровые платформы формируют устойчивые визуальные и символические коды восприятия, политические акторы вынуждены учитывать требования сетевой аудитории, стремясь не только получить власть, но и удерживать ее посредством постоянного обновления своего публичного образа. Имидж становится своего рода «социальной навигацией», позволяющей массовому сознанию проще ориентироваться в усложняющейся политической реальности. На электоральном уровне избиратели всё чаще реагируют не на программы или конкретные политические действия, а на целостный, эмоционально привлекательный образ, транслируемый через цифровые каналы.

Именно это делает социальные сети мощным инструментом политической мобилизации и формирования общественного мнения.

Постоянная обратная связь между гражданами, политиками и социальными группами создает условия для усиления демократического дискурса, а мультимедийная природа цифрового общения ускоряет процессы репрезентации и оценки политических событий. Глобальная онлайн-среда стремительно расширяется, вовлекая всё больше пользователей, и тем самым усиливает свою роль в конструировании политических образов, как позитивных, так и негативных.

В этом контексте социальные сети превращаются в пространство, где политические лидеры могут напрямую взаимодействовать с наиболее активной частью общества, формируя вокруг себя сетевые сообщества, укрепляя лояльность сторонников и создавая ощущение открытости и прозрачности власти. Политический имидж, будучи профессионально сконструированным или самостоятельно выработанным образом, становится инструментом эмоционального и психологического воздействия, обеспечивая более тесную связь между политиком и аудиторией. Символическое представление личности лидера в медиапространстве зачастую оказывается гораздо значимее реальных политических шагов, поскольку восприятие формируется прежде всего через фильтры общественной коммуникации и цифровой среды.

Современная политическая коммуникация опирается на стереотипизацию – естественный механизм упрощенного восприятия сложных социальных явлений. Медийные стереотипы ускоряют процессы формирования политического образа, выполняя роль структурных «ярлыков», которые позволяют аудитории быстро и без дополнительных усилий оценивать политических акторов. Имиджмейкеры и медиатехнологи используют эти структуры для конструирования привлекательных или, наоборот, дискредитирующих образов, создавая благоприятные эмоциональные рамки для восприятия информации. Успешный политический имидж всегда основывается на существующих в обществе ценностях и

ожиданиях. Несоответствие этим ожиданиям приводит к его отторжению и разрушению доверия.

Особое значение имеет и тот факт, что политический имидж нередко строится не на реальных фактах, а на искусственно сконструированных мифах – позитивных или негативных. В условиях высокой медиатизации политики такой миф может стать гораздо влиятельнее объективной информации, поскольку массовое сознание склонно принимать за истину не то, что соответствует действительности, а то, что эмоционально близко и отвечает уже сформированным ожиданиям. Аналогичным образом распространяются и негативные мифы, направленные на подрыв доверия к политическим лидерам, институтам или целым государствам.

Они обеспечивают постоянный общественный дискурс и тем самым становятся значимым фактором развития демократических процессов. Развитие скоростных форм мультимедийного взаимодействия стало возможным благодаря широкому распространению таких платформ, как Facebook, «ВКонтакте», Instagram, X (Twitter), TikTok и других. Эти сети предоставляют пользователю возможность создать личный аккаунт и через него не только поддерживать связи с другими людьми, но и получать доступ к значительному объему разнообразной информации. Многовекторность коммуникации в Facebook позволяет взаимодействовать как с персональными и организационными страницами, так и с широким информационным потоком о мировых событиях, участвовать в тематических сообществах и оперативно обмениваться мнениями благодаря механизмам обратной связи. В результате глобальная онлайн-среда непрерывно расширяется за счет постоянного притока новых пользователей.

Таким образом, немецкоязычное медиапространство выступает мощной и многослойной средой конструирования политических образов, обладающей спецификой, которая делает восприятие внешних акторов особенно чувствительным к фреймам безопасности, прав человека и историко-

моральным интерпретациям. В условиях высокой нормативности немецкоязычной журналистики (сочетание общественно-правовых вещателей, качественной прессы и динамичного онлайн/таблоида) связь между фактологией и оценочной риторикой часто медиируется ценностными кодами аудитории, вследствие чего селекция повестки, фрейминг, персонализация и визуальная драматизация формируют устойчивые смысловые ярлыки («угроза», «агрессия», «милитаризация»), которые алгоритмически усиливаются цифровыми платформами и ретранслируются через инфлюенсерские и тематические сообщества.

Одновременно цифровизация медиапространства существенно трансформирует ландшафт коммуникации: распространение социальных сетей и платформ ослабляет монополию традиционных редакций на интерпретацию событий и делает процесс конструирования образа более децентрализованным и менее управляемым, однако именно эта децентрализация создает и новые точки входа для прямой коммуникации с зарубежной аудиторией. Практические последствия наблюдаемого феномена двояки: с одной стороны, дефицит адаптированного и координированного присутствия в немецкоязычном медиапространстве повышает уязвимость государства к негативным внешним нарративам и политическому фреймингу; с другой стороны, доступность digital-инструментов позволяет формировать альтернативные, культурно релевантные сообщения, восполнять информационные пробелы и тестировать форматы взаимодействия с целевыми группами. Эффективная стратегия продвижения сбалансированного политического образа в данной среде должна опираться на долгосрочную институциональную координацию, сочетать переводческую адаптацию нарративов с уважением к локальным ценностям (право, гуманизм, международная ответственность), использовать мультимедийный сторителлинг и партнерство с местными экспертами и медиа, а также внедрять оперативный мониторинг тональности и аналитические метрики

эффективности (доля позитивных/нейтральных/негативных упоминаний, охват и вовлеченность локализованного контента, доверие в репрезентативных опросах). При этом необходимо учитывать этические ограничения: попытки жесткой регламентации или агрессивной информационной экспансии могут вызвать обратный эффект и подорвать доверие, поэтому приоритетом должна оставаться прозрачность, достоверность источников и соблюдение профессиональных стандартов журналистики. Научные и практические перспективы включают развитие междисциплинарных исследований эффективности разных форматов коммуникации, моделирование воздействия платформенных алгоритмов с помощью computational social science, а также углубленный анализ субаудиторий в немецкоязычных странах для точного таргетинга.

Заключение

В заключение отметим, что медиапространство немецкоязычного региона – это одновременно вызов и возможность: долгосрочное и последовательное выстраивание локализованных, культурно релевантных и этически выверенных коммуникаций в сочетании с развитием институциональной координации и цифровой грамотности аудитории представляется единственным реалистичным путем к постепенному формированию более сбалансированного, многогранного и объективного восприятия государства в данном медиаполе.

Таким образом, медиапространство немецкоязычного региона следует рассматривать как сложную, многоуровневую и институционально насыщенную среду, в которой формирование политических образов осуществляется не только посредством трансляции фактов, но прежде всего через их интерпретацию, символизацию и эмоционально-нормативное кодирование. В условиях глубокой медиатизации политики и ускоренной цифровизации коммуникации средства массовой информации утрачивают роль нейтральных посредников и превращаются в активных акторов

конструирования политической реальности, задающих устойчивые рамки восприятия государств и их внешнеполитических действий. Специфика немецкоязычного медиаполя, сочетающего сильную традицию общественно-правового вещания, влиятельную качественную прессу и высокоалгоритмизированный онлайн-сегмент, определяет высокий уровень нормативности и моральной рефлексии медийного дискурса, в котором вопросы безопасности, прав человека и международного права становятся доминирующими интерпретационными фильтрами. В результате отбор тем, фрейминг, персонализация политических акторов и визуальная драматизация событий формируют устойчивые смысловые конструкции и эмоциональные ассоциации, которые закрепляются в массовом сознании и воспроизводятся в межмедийных и цифровых циклах распространения информации.

Одновременно цифровая трансформация медиапространства существенно усложняет процессы управления политическим образом государства, поскольку платформенные алгоритмы и пользовательское производство контента усиливают поляризующие и эмоционально насыщенные нарративы, снижая степень контроля со стороны традиционных редакционных институтов. Вместе с тем именно эта децентрализация открывает дополнительные возможности для прямой коммуникации с зарубежной аудиторией, позволяя государствам выходить за рамки доминирующих редакционных интерпретаций и предлагать альтернативные, культурно адаптированные версии политических событий. В немецкоязычном медиаполе такая коммуникация приобретает особую значимость, поскольку восприятие внешних акторов здесь формируется в тесной связи с исторической памятью, высоким уровнем политической вовлеченности общества и укорененными ценностными ориентирами, что требует от субъектов внешней коммуникации не только фактологической точности, но и способности к «переводу» собственных нарративов на язык локальных норм и ожиданий.

В этом контексте политический имидж государства предстает как

динамическая и многокомпонентная конструкция, формируемая во взаимодействии медиастратегий, публичной дипломатии, цифровых платформ и общественных стереотипов. Он не является простым отражением объективных характеристик страны, а складывается в результате постоянной конкуренции интерпретаций, где символические, эмоциональные и оценочные элементы зачастую оказываются более значимыми, чем эмпирические данные. Немецкоязычное медиапространство, обладая высокой степенью институционального доверия, одновременно способствует закреплению устойчивых нарративов, которые могут как усиливать, так и искажать восприятие государств на международной арене. В условиях информационного соперничества отсутствие системной и согласованной коммуникационной стратегии повышает уязвимость государства к негативному фреймингу и стереотипизации, тогда как продуманное, долгосрочное и этически выверенное присутствие в медиаполе создает предпосылки для формирования более сбалансированного и многогранного образа.

В целом медиапространство немецкоязычных стран выступает одновременно вызовом и возможностью для внешнеполитического позиционирования государств. Его структурные и ценностные особенности требуют отказа от краткосрочных и реактивных информационных кампаний в пользу устойчивых коммуникационных практик, основанных на прозрачности, достоверности источников и уважении к профессиональным нормам журналистики. В условиях продолжающейся цифровой трансформации именно способность к институциональной координации, аналитическому мониторингу медиадискурса и гибкой адаптации сообщений к локальному культурному контексту становится ключевым фактором успешного конструирования политического образа. Тем самым медиапространство предстает не просто фоном политических процессов, а стратегически значимой средой символического соперничества, в которой

формируется и переосмысливается международное восприятие государства, его роль и место в современной системе международных отношений.

Список литературы

1. Добровольская И. А. Понятие «информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2014. № 4. С. 140–147.
2. Couldry N., McCarthy A. Mediaspace: Place, Scale and Culture in a Media Age. New York: Routledge, 2004.
3. Кириллова Н. Б. Медиасреда российской модернизации. М.: Академический проект, 2005. 384 с.
4. Вишневская Е. В., Климова Т. Б. Перспективы развития виртуального информационного пространства в туристской индустрии // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2017. № 3–1. С. 22–33.
5. Черкунова Н. Г. Понятие и сущность информационного пространства с позиций социологической науки // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18.
6. Цветков В. Я. Информационное пространство как ресурс познания // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 3–2. С. 207–212.
7. Белова Т. И. Информационное или информатизированное образовательное пространство: игра словами или подмена понятий? // Образование и право. 2020. № 11. С. 155–162.
8. Meadow R. G. Political Communication Research in the 1980s // Journal of Communication. 1985.
URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1460-2466.1985.tb01892.x (дата обращения: 28.11.2025).
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
10. Ольшанский Д. В. Психология масс и власть. М.: АСТ, 2001. 384 с.
11. Szostek J. The Power and Limits of Russia’s Strategic Narrative in Ukraine // European Journal of Communication. 2017. Vol. 32, No. 5. P. 471–489.
12. Feklyunina V. Soft Power and Identity: Russia, Ukraine and the “Russian World”
// European Journal of International Relations. 2016. Vol. 22, No. 4. P. 773–796.
13. Lippmann W. Public Opinion. New York: Harcourt, Brace and Company, 1922.
14. Матвеева С. Политическая психология: учебное пособие / под ред. С. Матвеевой. М., 2017. 216 с.
15. Фокина В. В. СМИ как акторы мировой политики // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3 (30). С. 156–164. URL:

https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/download/1512/1189 (дата обращения: 06.11.2025).
16. Шоботенко А. В. Объективные факторы влияния на имидж России за рубежом // Международные коммуникации. 2020. № 3 (15). URL: https://intcom-mgimo.ru/2020/2020-15/objective-factors-of-influence-on-russia- image-abroad (дата обращения: 06.11.2025).
17. Колокольцева Е. В. Концептуализация стратегий презентации: СМИ как инструмент формирования имиджа страны // Социология в современном мире: наука, образование. 2020. № 2. URL: https://concept.mgimo.ru/jour/article/download/436/363 (дата обращения: 06.11.2025).
18. Койбаев Б. Г., Пекониди А. В. Внутриполитический имидж России в медийном пространстве США (2008–2011 гг.): монография. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2013. 216 с.

Моховикова Мария Николаевна,
кандидат политических наук,
доцент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ.
E-mail: vneshpol@gmail.com
Гасилова Софья Александровна,
ассистент кафедры зарубежного регионоведения МГЛУ.
E-mail: sophiikoo@yandex.ru

Maria N. Mokhovikova,
Candidate of Political Science,
Asssociate Professor of the Department of Foreign Regional Studies MSLU.
E-mail: vneshpol@gmail.com
Sofia A. Gasilova,
Assistant of the Department of Foreign Regional Studies MSLU.
E-mail: sophiikoo@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА В МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЕ В 2020–2025 ГОДАХ

INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND UZBEKISTAN IN THE FIELD OF MIGRATION IN 2020–2025

Аннотация: в статье рассматривается взаимодействие России и Узбекистана в сфере трудовой миграции в 2020–2025 годах в условиях стратегического партнерства двух стран. Описаны ключевые двусторонние соглашения, временные меры поддержки в период кризиса, упрощение процедур организованного набора, а также ужесточение миграционного регулирования. Авторы подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы, защиты прав мигрантов и поддержания межгосударственного диалога.

Ключевые слова: Россия, Узбекистан, трудовая миграция, миграционное регулирование, меры поддержки.

Abstract: The article examines the interaction between Russia and Uzbekistan in the field of labor migration in 2020-2025 in the context of the two countries' strategic partnership. It describes key bilateral agreements, temporary support measures during the crisis, the simplification of organized recruitment procedures, and the tightening of migration regulations. The authors emphasize the need for further improvement of the regulatory framework, protection of migrants' rights, and maintaining dialogue between the countries.

Keywords: Russia, Uzbekistan, labor migration, migration regulation, support measures.

Введение

Российско-узбекские отношения имеют характер всеобъемлющего стратегического партнерства и охватывают практически все сферы. Связи в сфере трудовой миграции между Россией и Узбекистаном остаются одним из ключевых элементов двусторонних отношений. Узбекистан является основным источником рабочей силы для российского рынка труда, где граждане Узбекистана занимают ниши в строительстве, ЖКХ и других отраслях.

Существенными факторами, вызывающими миграцию из Узбекистана, служат демографическая ситуация, ограниченность рынка труда в ряде регионов, различия между уровнями оплаты труда в разных странах.

Российская Федерация является основной страной-реципиентом трудовых мигрантов из Узбекистана. Благоприятствующими условиями можно назвать безвизовый режим; наличие крепких диаспоральных структур, сформировавшихся в регионах и оказывающих комплексную поддержку новым мигрантам; развитую транспортно-коммуникационную систему, остающуюся еще относительно крепкой социально-культурную общность. Согласно результатам обследования L2CU (2019) (Обследование «Слушая граждан Узбекистана» (L2CU) проводится ежемесячно Всемирным банком), более 53 % респондентов-мигрантов являются русскоговорящими [**21**].

Важный фактор для Узбекистана – растущий общий объем денежных переводов из-за рубежа от трудовых мигрантов. В 2024 году объем переводов из России превысил 11,5 млрд долл., что составляет около 9 % ВВП Узбекистана [**20**]. Только за первые 5 месяцев 2025 года число домохозяйств, среди членов которых есть трудовые мигранты, увеличилось с 8 до 15 % [**9**]. Всего в 2025 году в Узбекистан из-за рубежа перевели почти 19 млрд долл. – на 27,2 % больше, чем в прошлом году. Этот объем равен 12,8 % ВВП страны. По итогам первого квартала 78 % трансграничных денежных переводов в Узбекистан идут из России [**6**].

Влияние внешних по отношению к процессу воздействий, таких как геополитические вызовы, и изменения во внутриполитической жизни обеих стран – всё отражается на такой сложной, но обоюдовыгодной сфере как трудовая миграция.

Влияние пандемии COVID-19 (2020–2021 гг.)

Пандемия COVID-19 радикально изменила миграционные потоки между Россией и Узбекистаном, вызвав резкое сокращение числа въездов и выездов. В 2020 году в Россию въехало всего 740 тыс. узбекистанцев [**4**].

Стоит отметить совершенствование нормативной базы партнерства в указанный период. В числе документов подписана Программа сотрудничества между министерствами иностранных дел на 2020–2021 годы (16 января 2020 г.) [**15**]. При этом продолжали действовать ранее подписанные соглашения об организованном наборе и привлечении граждан Узбекистана для временной трудовой деятельности в РФ (подписано 7 апреля 2017 г.) [**12**] и о взаимном учреждении представительств компетентных органов в сфере миграции (вступило в силу 23 июня 2017 г., но активно применялось в 2020–2021 годах для упорядочивания потоков) [**13**].

Для смягчения последствий пандемии Россия продлила сроки пребывания мигрантов до 15 июня 2021 года, что позволило избежать массовых депортаций и сохранить рабочую силу в условиях локдаунов [**3**]. В Узбекистане пандемия усугубила социальные проблемы: карантин лишил многих семей доходов от переводов, что привело к запуску государственных программ поддержки, включая пособия для мигрантов, вернувшихся на родину. С ослаблением ограничений к концу 2021 года началось постепенное восстановление: въезд из Узбекистана начал расти. Этот период подчеркнул необходимость двусторонних мер по защите прав мигрантов в кризисах, заложив основу для будущих соглашений.

Восстановление и ключевые соглашения (2022–2023 гг.)

С 2022 года миграция, стимулируемая экономическим ростом в России и спросом на трудовые ресурсы, начала восстанавливаться. В этом году Узбекистан стал лидером по числу приезжающих на заработки – около 2 млн граждан. Важным шагом стало подписание в 2022 году декларации о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между двумя странами, которая включила положения о регулировании миграции, в том числе совместный мониторинг прав мигрантов [**5**]. В том же году Россия отменила ограничение на количество трудовых мигрантов из Узбекистана, привлекаемых организованным набором в сферы строительства, аграрной и легкой промышленности, а также требование об обязательной вакцинации [**11**].

В мае 2021 года было подписано Соглашение между правительствами России и Узбекистана о порядке пребывания граждан на территориях двух стран, в июне 2022 года оно вступило в силу [**14**]. Согласно документу, граждане Узбекистана получили право находиться в России без регистрации в течение 15 дней с даты въезда. Это упростило краткосрочные поездки и способствовало развитию миграционных связей. В 2023 году число узбекистанцев, выехавших на постоянное место жительства (ПМЖ) в Россию, выросло почти в два раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составило 2 670 человек [**10**].

Также в 2023 году обсуждалось создание центров домиграционной подготовки в Узбекистане, которые должны были предоставлять услуги по дактилоскопии, фотографированию, проверке на запрет въезда и оформлению страховки, что позволило бы упорядочить миграционные потоки.

Таким образом, взаимодействие в миграционной сфере в 2022–2023 годах на фоне значительного притока рабочей силы демонстрировало не только дальнейшее развитие нормативной базы, но и конкретные усилия по решению социальных и правовых проблем мигрантов.

Новые инициативы и вызовы (2024–2025 гг.)

В 2024–2025 годах взаимодействие развивалось на фоне внедрения в России новых форм и правил регулирования процесса миграции, в том числе и с использованием новых цифровых технологий. К ускорению данного процесса подтолкнули серьезные вызовы в сфере общественной безопасности.

С 1 января 2025 года в России вступил в силу Федеральный закон № 260-ФЗ, сокративший разрешенный срок временного пребывания иностранных граждан, въезжающих в Россию в безвизовом режиме, до 90 суток в течение календарного года (ранее – 90 дней в течение 180 дней) [**7**]. Исключение составляют граждане, заключившие трудовой или гражданско-правовой договор, получившие патент или разрешение на работу, а также студенты и их семьи. Продолжилась работа по использованию системы квотирования и лимитирования в отдельных отраслях доли иностранных работников в штате организации.

В феврале 2025 года начал действовать реестр контролируемых лиц, в который включаются иностранцы, нарушившие миграционное законодательство или совершившие преступления [**8**]. Попавшим в реестр запрещено без разрешения менять место жительства, выезжать за пределы региона пребывания, покупать недвижимость и автомобили, заключать брак, открывать банковские счета и управлять транспортом. С 1 июля 2025 года иностранцам в России необходимо подтверждать личность через биометрию для использования сим-карт [**17**].

Несмотря на принимаемые меры в сфере регулирования, работа в России оставалась привлекательной для миллионов иностранных граждан, но портрет въезжающего в страну начал серьезно меняться. По данным на июнь 2025 года, в 2024 году в Россию прибыло около 6,3 млн иностранцев, из которых почти 23,3 % (около 1,5 млн человек) – граждане Узбекистана. Это делает Узбекистан лидером по числу мигрантов в России. При этом около 50 % прибывших приехали с целью трудоустройства [**2**].

По информации Агентства миграции Узбекистана, к январю 2025 года за границей работали около 1,35 млн узбекистанцев, что на 34 % меньше, чем годом ранее (более 2 млн человек). Больше всего мигрантов по-прежнему находится в России, но их число сократилось с 1,2 млн до 698 тыс. человек [**19**].

Узбекистан, ощущая озабоченность сокращением числа выезжающих на работу в Россию, работает как над регулированием потоков, диверсификацией страновых направлений, так и над мерами поддержки трудовых мигрантов. Так, например, Агентство миграции Узбекистана заключило соглашения с 15 хостелами и гостиницами в Москве и Московской области для поддержки трудовых мигрантов, оказавшихся без жилья. Граждане Узбекистана, столкнувшиеся с финансовыми трудностями, могут обратиться в представительство агентства в Москве и получить бесплатное проживание сроком до 30 дней [**1**].

Идет работа по созданию центров домиграционной подготовки в Ташкенте, где можно будет пройти необходимые организационные процедуры до отъезда.

В октябре 2025 года в Ташкенте прошла встреча представителей Узбекистана и России, где обсуждались вопросы улучшения миграционной политики в контексте построения единого рынка труда СНГ. Среди тем – усиление антимигрантской риторики в СМИ и соцсетях, нарушения прав мигрантов, а также необходимость создания центров тестирования по русскому языку в вузах Узбекистана [**16**]. Узбекистан предлагает упростить экзамен по русскому языку, исключив из него вопросы, не связанные с трудовой деятельностью.

Остаются вопросы, требующие совместной работы ведомств двух стран, среди которых необходимость строгого контроля за соблюдением законодательства со стороны мигрантов с учетом недопущения нарушений прав граждан. Актуален вопрос совершенствования системы региональных

ограничений в трудоустройстве. Со стороны общественных организаций, диаспор и СМИ должна быть налажена работа по программам адаптации и интеграции пребывающих в Россию для снижения мигрантофобии в обществе.

Рассмотрение миграционного взаимодействия даже за такой короткий срок, как пять лет, отражает серьезные изменения, происходящие в данной сфере. Ряд глобальных и региональных вызовов, необходимость изменения миграционных правил в России – всё только подчеркивает необходимость сотрудничества, направленного на создание прозрачных механизмов, защищающих права мигрантов и обеспечивающих взаимную выгоду. Представляется, что, несмотря на перечисленные сложности, двустороннее сотрудничество в сфере трудовой миграции демонстрирует устойчивость и, безусловно, необходимость в развитии новых форм и поддержании конструктивного диалога.

Список источников и литературы

1. Агентство миграции обеспечит нуждающихся мигрантов в Москве временным жильем // Kun.uz. URL:https://m.kun.uz/ru/news/2025/12/16/agenstvo-migratsii-obespechit-nujdayushchixsya-migrantov-v-moskve-vremennym-jilem (дата обращения: 16.11.2025).
2. В МВД раскрыли число прибывших в 2024 году мигрантов // РБК. URL:https://www.rbc.ru/rbcfreenews/685462a59a7947b576ab8f87 (дата обращения: 16.11.2025).
3. Временные миграционные правила вновь продлены до 15 июня 2021 года // ГАРАНТ.РУ: сайт. URL:https://www.garant.ru/news/1429086/ (дата обращения: 16.11.2025).
4. Въезд иностранных граждан в РФ // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL:https://www.fedstat.ru/indicator/38479 (дата обращения: 12.12.2025).
5. Декларация о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан // Президент России: офиц.сайт. URL:http://www.kremlin.ru/supplement/5839 (дата обращения: 16.11.2025).
6. Денежные переводы в Узбекистан в 2025 году выросли до $18,9 млрд. URL:https://www.spot.uz/ru/2026/01/28/remittances/?ysclid=mkzg6qjqat939311351 (дата обращения 28.01.26).

7. Изменения в миграционном законодательстве РФ с января 2025 года // Портал государственных услуг. URL:https://rebrixinskij-r22.gosweb.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/informatsiya-01/novosti_3519.html (дата обращения: 16.11.2025).
8. Информация МВД России от 4 февраля 2025 г. “МВД России разъясняет порядок формирования и функционирования реестра контролируемых лиц” // ГАРАНТ.РУ. – 2025. – 4 февраля. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411318085/ (дата обращения: 16.11.2025).
9. Объявлены очередные результаты исследования «Слушая граждан Узбекистана» // Центр «Стратегия развития»: офиц.сайт URL:https://strategy.uz/index.php?news=2130&lang=uz&lang=ru (дата обращения 28.01.2026).
10. Рабочий документ по миграции в Узбекистане // Комиссия ООН по народонаселению и развитию: офиц.сайт – 2024. – URL:https://unece.org/sites/default/files/2024-05/6_GoE_Migration_WPno_UZB_Yuldoshev_RUS.pdf (дата обращения: 16.11.2025).
11. Россия отменила потолок числа трудовых мигрантов из Узбекистана при организованном наборе // Gazeta.uz. – 2022. – 15 ноября. – URL:https://www.gazeta.uz/ru/2022/11/15/migrants/ (дата обращения: 16.11.2025).
12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации (от 5 апреля 2017 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712270024 (дата обращения: 16.11.2025).
13. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о взаимном учреждении представительств компетентных органов в сфере миграции (Москва, 5 апреля 2017 г.) // База данных «ГАРАНТ». URL:https://base.garant.ru/71652612/ (дата обращения: 16.11.2025).
14. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан о порядке пребывания граждан Российской Федерации на территории Республики Узбекистан и граждан Республики Узбекистан на территории Российской Федерации (от 17 июня 2021 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206140017 (дата обращения: 16.11.2025).
15. Программа сотрудничества между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Республики Узбекистан (Ташкент, 16 января 2020 года) // КонсультантПлюс: сайт. URL:

https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=65384&ysclid=ml9dvrkizx615843910#h8NrLAVKkD20xrXD1 (дата обращения: 16.11.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
16. Узбекистан и Россия ищут новые правила для миграции // Gazeta.uz. URL:https://www.gazeta.uz/ru/2025/10/02/migration/ (дата обращения: 16.11.2025).
17. Хуррамов Ш. Гид по миграции в Россию в 2025: законы, запреты и советы // Kursiv Media Узбекистан. – 2025. – 20 июня. – URL:https://uz.kursiv.media/2025-06-20/gid-po-migraczii-v-rossiyu-v-2025-zakony-zaprety-i-sovety/ (дата обращения: 16.11.2025).
18. Хусанов Н. Узбекистан предложил упростить организованный набор на работу в Россию // Gazeta.uz. – 2021. – 27 октября. – URL:https://www.gazeta.uz/ru/2021/10/27/migrants/ (дата обращения: 16.11.2025).
19. Число трудовых мигрантов из Узбекистана за рубежом снизилось более чем на треть // Gazeta.uz. – 2025. – 21 января. – URL:https://www.gazeta.uz/ru/2025/01/21/migrant/ (дата обращения: 16.11.2025).
20. Жисмоний шахсларнинг валюта операциялари бўйича қисқача шарҳ. Обзор ЦБ РУз 2024 // O‘zbekiston Respublikasi Markaziy banki. (ЦБ РУз: офиц.сайт). URL:https://cbu.uz/upload/iblock/fa2/bosg9g712b0257ovp9z2t937n063neyh/ZHismoniy-sharkh-2024.pdf (дата обращения: 16.11.2025).
21. International Migration and Household Well-Being : Evidence from Uzbekistan (Russian). Policy Research working paper|no. WPS 8910Washington, D.C. : World Bank Group. URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/177471571752914473 (дата обращения 20.11.2025).

Герасимов Дмитрий Юрьевич,
аспирант, Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: gerasimov-mitya@inbox.ru
Dmitry Y. Gerasimov,
Post-graduate student (Political Sciences),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.
E-mail: gerasimov-mitya@inbox.ru

НОВАЯ СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США: КОНТЕКСТ, ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВИЗНА
THE NEW US NATIONAL SECURITY STRATEGY: CONTEXT, CONTINUITY, AND INNOVATION

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ утвержденной президентом США Д. Трампом в ноябре 2025 года новой Стратегии национальной безопасности США относительно принятых его предшественниками аналогичных документов, с учетом исторического контекста и опыта некоторых других стран.

Ключевые слова: США, Рейган, Буш, Клинтон, Обама, Байден, Трамп, стратегия национальной безопасности, стратегия национальной обороны, НАТО, Китай, Россия, Венесуэла, Гренландия.

Abstract: The author undertook a comparative analysis of the new US National Security Strategy approved by US President D.Trump in November, 2025, vis-à-vis the similar documents adopted by his predecessors, with the historical context and some other countries' experience serving as the basis.

Keywords: USA, Reagan, Bush, Clinton, Obama, Biden, Trump, national security strategy, national defense strategy, NATO, China, Russia, Venezuela, Greenland.

4 декабря 2025 года президент США Д. Трамп, почти завершив первый год своего второго президентства, обнародовал утвержденную им в ноябре Стратегию национальной безопасности, этот документ стал вторым в его президентской карьере (первая стратегия была опубликована 18 декабря 2017 года) и восемнадцатым в истории США [**1**]. В президентской администрации заявили, что она представляет собой «дорожную карту, призванную обеспечить, чтобы Америка оставалась величайшей и самой успешной нацией в человеческой истории и родным домом свободы на земле» [**2**]. Наряду с неизменными постулатами, СНБ-2026 Д. Трампа существенно отличается, как будет показано ниже, не только от предшествующей СНБ демократа

Дж. Байдена, но и от стратегий президентов-однопартийцев Д. Трампа. Прежде всего требуется достаточно глубокое понимание того, что подразумевается под национальной безопасностью и в чем ее суть.

Национальная безопасность – сравнительно новое понятие, введенное, как считается, в политическую практику президентом США Т. Рузвельтом в его Послании к Конгрессу в 1904 году. Он также является автором «политики большой дубинки» и «политики открытых дверей». В течение XX века этот термин приняли на вооружение и другие страны, в т.ч. бывшие колонии европейских держав и даже те, в которых единые нации (в классическом понимании данного термина) еще не сформировались из народностей и племен.

Но не все государства адаптировали термин «национальная безопасность». Например, в гитлеровской Германии (1933–1945), несмотря на наличие прилагательного «национальная» в названии правящей партии, безопасность была «имперская» (“Reichssicherheit”), а вместо слова «нация» обычно использовали слово «народ» (“Volk”). После войны соответствующие понятия получили в ФРГ определение «федеральная» (“bundes”), а в ГДР – «государственная (“staats”) по образцу СССР.

В Великобритании данный термин длительное время не получал распространения. Совет национальной безопасности Великобритании был создан лишь в 2010 году премьер-министром Г. Брауном для координации деятельности в области безопасности министерств иностранных дел, обороны, внутренних дел и ряда других [**4**]. В него вошли некоторые т.н. государственные министры, включая государственного министра по безопасности (именно так, а не министр государственной безопасности, как иногда переводят на русский язык название этой должности), пост которого был создан лишь годом ранее.

В Китайской Народной Республике одновременно существуют министерство государственной безопасности и министерство общественной

безопасности, а также некоторые другие службы, отвечающие за более узкие, специализированные сферы безопасности. 15 апреля 2014 года на первом заседании Комиссии по вопросам государственной безопасности ЦК Компартии Китая Председатель КНР Си Цзиньпин перечислил т.н. одиннадцать видов безопасности, составляющих концепцию общегосударственной безопасности Китая: политическая безопасность, территориальная, военная, экономическая, безопасность в сфере культуры, общественная, научно-техническая, информационная, экологическая, безопасность природных ресурсов, ядерная. Это отразилось в Законе о государственной безопасности, принятом парламентом КНР 1 июля 2015 года [**6**].

В России вполне определенное представление о безопасности как об обеспечении охраны не только самого государя и членов его семьи (как это понималось в Средние века), но и страны с ее народом в целом окончательно сложилось, как представляется, к началу XIX века. Впервые термин «государственная безопасность» был использован в манифесте Николая I от 13 июля 1826 года «О совершении приговора над государственными преступниками» [**7**], т.е. предводителями восстания декабристов в 1825 году. Правда, повторно он появился лишь в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года [**7**]. Зато в Советской России и затем в СССР, где «государя» не стало и осталось лишь государство, а вместо «нации» официально существовал только «народ», пусть даже ставший со времен Л.И. Брежнева «многонациональным», термин «государственная безопасность» как единственно адекватный утвердился на долгие десятилетия.

Лишь после распада Советского Союза, уже в Российской Федерации, был создан Совет Безопасности РФ, без прилагательного «государственная» [**8**], и в том же году был принят закон «О безопасности», а затем в 1995 году в законе «Об информации, информатизации и защите информации» впервые

был официально использован термин «национальная безопасность» [**9**]. Наконец, в конце 1997 года президентским указом была утверждена Концепция национальной безопасности России, которая не сводится к обеспечению безопасности только государства, под которым можно понимать и исключительно органы государственной власти, но защищает также и общество, всех граждан.

Последующие весьма значительные изменения внутри самой России и в мире требовали продолжения работы над совершенствованием подходов в этой сфере. Конечным итогом на сегодняшний день стала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом № 400 Президента России В.В. Путина от 2 июля 2021 г. [**11**].

В отличие от указанного российского документа, стратегии национальной безопасности США, регулярно утверждаемые каждым президентом, представляются существенно менее детализированными и структурированными. Американский документ содержит термины и формулировки, намеренно представленные в обобщенном виде, которые могут быть интерпретированы и восприняты по-разному различными аудиториями, имеющими разные политические и иные взгляды. Очевидно, причина заключается в том, что в разделе 603 Акта (закона) Голдуотера-Николса о реорганизации Министерства обороны США, который традиционно был назван Конгрессом в честь его инициаторов – ныне подзабытого соперника президента Л. Джонсона на выборах 1964 года, сенатора-«ястреба» Б. Голдуотера, «поджигателя войны» по оценкам советской прессы, и члена Палаты представителей Б. Николса, от каждого президента США требовалось регулярно представлять в Конгресс всеобъемлющую стратегию национальной безопасности под грифом «не для печати» (“classified”). Это является самой низкой степенью закрытости документа по сравнению с грифом «секретно» или тем более «совершенно секретно» (“Top Secret”).

Однако начиная с Р. Рейгана в 1987 году и до сих пор предпочитают вместо этого, как правило, публиковать «несекретные» стратегии национальной безопасности, предназначенные для широкой общественности. Причина заключается в том, что эти стратегии используются как «зонтичный» документ, задающий общие направления другим важным стратегическим документам, включая Стратегию национальной обороны и четырехгодичный «Обзор ядерной политики». Оба документа готовятся министерством обороны, хотя первый публикуется в полном объеме, а второй – лишь в виде общего пересказа. Также к ним относится еще более секретный документ – Национальная военная стратегия, которую готовит Объединенный комитет начальников штабов – американский «генштаб».

В силу этого каждая очередная стратегия национальной безопасности «преподносит, разъясняет и рекламирует цели и приоритеты внешней политики администрации Конгрессу, американской общественности и различным зарубежным аудиториям. Она также уламывает иной раз саму сопротивляющуюся бюрократию, которая отвечает за национальную безопасность. Хотя президенты могут игнорировать свою же собственную стратегию национальной безопасности, но если уж какие-либо слова хоть что-то значат, то слова в этом документе именно таковы» [**13**].

Для лучшего понимания значения стратегии национальной безопасности США для внешней и внутренней политики страны полезно обратиться к т.н. Кодексу США (US Code), представляющему собой публикуемое одной из служб Палаты представителей собрание всех общих и постоянных законов этой страны по неизменным 53 широким темам. Впервые такой кодекс был опубликован в 1926 году, затем в 1934 году, а после этого публиковался каждые 6 лет. В эти промежуточные годы ежегодно публикуются т.н. сводные приложения (cumulative supplements) с целью представить наиболее полную актуальную информацию.

В 50-м издании Кодекса США в разделе 3043 «Ежегодный доклад по стратегии национальной безопасности» (подглава I «Координирование национальной безопасности» главы 44 «Национальная безопасность» темы 50 «Война и национальная оборона») сказано, что президент направляет в Конгресс всеобъемлющий доклад о стратегии национальной безопасности США в тот же день, когда он представляет Конгрессу проект федерального бюджета на следующий финансовый год [**14**]. Предполагается, что такая увязка привлекает к обсуждению стратегии более широкий и разнообразный круг должностных лиц и экспертов, что должно способствовать ее большей взвешенности. По мнению американского исследователя Д.М. Снайдера, полковника армии США, участвовавшего в процессе работы над стратегиями национальной безопасности в Совете национальной безопасности и, в частности, подготовившего «Доклад о стратегии национальной безопасности» 1988 года для администрации Р. Рейгана, это служит «пяти первоочередным целям [**15**]:

1. Доводить стратегическое видение исполнительной власти до сведения Конгресса и тем самым легитимизировать ее запросы на ресурсы.

2. Доводить стратегическое видение исполнительной власти до сведения зарубежных аудиторий, в особенности правительств, не участвующих во встречах на высшем уровне с участием США.

3. Взаимодействовать с отдельными аудиториями внутри США, поддерживающими исполнительную власть и стремящимися к признанию президентом их интересов, а также с теми, кто рассчитывает ознакомиться с целостной и дальновидной стратегией, которую они могли бы поддержать.

4. Формировать внутренний консенсус по вопросам внешней политики и политики обороны внутри исполнительной ветви власти.

5. Делать вклад в планы деятельности президента в целом как по существу, так и в плане ознакомления».

Д.М. Снайдер перечислил реальные, по его мнению, цели, которые преследуются при обнародовании всех стратегий национальной безопасности США. Упомянутый выше Акт Конгресса США содержит перечень требований к этому документу, указывая в своем отдельном разделе, что «доклад о стратегии национальной безопасности должен <…> включать в себя всеобъемлющее описание и итоги обсуждения следующих вопросов:

1. Глобальные интересы, общие и частные цели Соединенных Штатов, которые жизненно важны для национальной безопасности Соединенных Штатов.

2. Внешняя политика, взятые на себя обязательства по всему миру и возможности национальной обороны Соединенных Штатов, необходимые для сдерживания агрессии и претворения в жизнь стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов.

3. Предлагаемое краткосрочное и долгосрочное использование политических, экономических и иных элементов национальной мощи Соединенных Штатов для защиты или продвижения их интересов и достижения общих и частных целей, упомянутых в пункте 1.

4. Адекватность способностей Соединенных Штатов задаче реализации стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов, включая оценку баланса между возможностями всех элементов национальной мощи Соединенных Штатов обеспечивать реализацию стратегии национальной безопасности.

5. Иная информации, которая может оказаться необходимой для содействия информированию Конгресса по вопросам, относящимся к стратегии национальной безопасности Соединенных Штатов» [**16**, с. 577–578].

В тех случаях, когда у «команды» вступающего в должность нового президента США отсутствует в целом сформулированная стратегия национальной безопасности – например, после выборов, в ходе которых внешняя политика и оборона не были в числе главных первоочередных

приоритетов (а это характерно для почти всех президентских кампаний в США), огромную важность приобретает процесс подготовки доклада о ней. По мнению Д.М. Снайдера, «мало что быстрее прививает новым политическим назначенцам, прежде не имевшим опыта такой работы, свое собственное стратегическое чутье и качества, нужные им, чтобы встроиться в постоянный бюрократический аппарат, которым им предстоит руководить, нежели необходимость изложить в документе, предназначенном для президента, свои соображения насчет настоящего и будущего и о том, как их можно было бы интегрировать, согласовать и иными способами сделать «своими» для других управлений и департаментов» [**17**, с. 6]. Умение добиваться консенсуса между разными, нередко соперничающими точками зрения на направления, приоритеты и темпы работы и привлекать на свою сторону важных игроков тремя уровнями ниже президента признается в Вашингтоне бесценным.

Если обратиться к истории, то следует констатировать, что в период и холодной» войны, и продлившейся лишь несколько лет «разрядки» между США и СССР документы на тему национальной безопасности были отнюдь не единообразными по форме. У Г.Трумэна и Д. Эйзенхауэра такую роль выполняли т.н. «Длинная телеграмма» за авторством советника посольства США в Москве Дж. Кеннана (1946) и резолюция Совета национальной безопасности NSC-68 (1950), а затем резолюция СНБ NSC-162/2 (1953) соответственно. Дж. Кеннеди, Л. Джонсон, Р. Никсон и Дж. Форд тоже воздержались от представления в Конгресс документов, которые можно было бы назвать стратегиями национальной безопасности в современном смысле. При этом одни из них были «секретными», другие публиковались «в изложении» или же из них обнародовались «выдержки». Такая практика в отношении стратегий национальной безопасности и связанных с ними документов, уже упомянутых выше, сохраняется по сей день, что делает невозможным получение полностью адекватного мнения о них.

Первыми похожими на комплексную стратегию документами стали «Модификации в национальной стратегии США» (1981) за подписью Дж. Картера и две стратегии Р. Рейгана (1982, 1986). В 1987 и 1988 годах Р. Рейган подписал две стратегии национальной безопасности, оформленные в соответствии с требованиями Акта Голдуотера-Николса. За ними последовали три стратегии Дж. Буша-старшего (1990, 1991, 1993), семь стратегий Б. Клинтона (1994–2000), две Дж. Буша-младшего (2002, 2006), две Б. Обамы (2010, 2015), одна Д. Трампа (2017) и две Дж. Байдена, если наряду со Стратегией национальной безопасности 2022 года считать его «Временное стратегическое руководство по национальной безопасности», опубликованное в марте 2021 года.

Хотя у большинства президентов США и их администраций существуют сильные политические стимулы подчеркивать отличия своей стратегии национальной безопасности от стратегии предшественника, тем не менее наблюдаются и некоторые долговременные тренды, указывающие на определенную преемственность или на весьма постепенный характер изменений в стратегических приоритетах как у демократов, так и у республиканцев.

В этой связи заслуживает упоминания фундаментальный труд «Циклы американской истории» видного американского историка А. Шлезингера-младшего, в молодости работавшего во «внешнеполитической команде» президента Дж.Ф. Кеннеди. Изучив данные за полтора столетия, он выдвинул теорию, согласно которой внешней политике США присущи циклы т.н. интервенционизма, т.е. активного вмешательства за рубежом, и изоляционизма. Считая одной из важнейших причин этого особенность циклов в поведении американцев на выборах, когда «дети голосуют гораздо чаще в соответствии с политическими симпатиями своих дедушек и бабушек, нежели родителей», Шлезингер полагал, что демократы более склонны к активному вмешательству в проблемы других государств, в том числе

военному. Республиканцы же, напротив, склонны отдавать приоритет решению внутренних проблем и по возможности изолировать американский «сияющий град на холме» от втягивания страны в заграничные конфликты, если они не представляют для нее прямой угрозы.

На первый взгляд, данная теория выглядит убедительно. Если брать в качестве примера наиболее крупные конфликты XX–XXI веков, где США принесли в жертву значительные людские и материальные ресурсы, то именно демократы при президенте В. Вильсоне в 1917 году вступили в Первую мировую войну, при президенте Ф.Д. Рузвельте в 1941 году вступили во Вторую мировую войну, при президенте Г. Трумэне в 1950 году вмешались в войну между Северной и Южной Кореей, при президенте Дж.Ф. Кеннеди развернули с начала 1960-х годов широкомасштабную интервенцию во Вьетнаме, а при Б. Клинтоне в 1999 году возглавили страны НАТО, подвергнув бомбардировке Сербию. У президентов-республиканцев в XX веке такого рода «послужной список» и, соответственно, «издержки» гораздо скромнее: Испания (из-за Кубы, 1906), Никарагуа (1912), Ливан (1958, 1982), Гренада (1983), Ливия (1986), Панама (1989), Ирак (1991, 2003), Афганистан (2001). Об «империалистических» заявлениях Д. Трампа, отнюдь не действиях, относительно Канады, Гренландии и Кубы будет сказано ниже.

Однако надо учитывать и то, что президент США не «самодержец американский». Редко когда и исполнительная власть, и обе палаты Конгресса оказывались в руках одной партии. Внутри партий всегда имеются разногласия, порой весьма острые, в том числе и по вопросам внешней политики. Сам Д. Трамп состоял в обеих партиях.

Наконец, стратегии национальной безопасности США, по сути, представляют собой важные, но декларативные документы (в отличие от стратегий Пентагона и ОКНШ). Они призваны привлекать максимальное число людей и потому содержат термины и обороты речи, которые допускают различные трактовки: «свобода», «демократия», «справедливость»,

«национальные интересы» и т.п. Например, в Стратегии национальной безопасности, обнародованной президентом Б. Клинтоном в 1996 году, слова «демократия» и «демократический» использовались более 130 раз [**19**]. С другой стороны, не все международные террористы, упоминавшиеся как угроза США еще в стратегиях Р. Рейгана, но вышедшие чуть ли не на первое место при Дж. Буше-младшем, особенно члены различных палестинских организаций, считаются таковыми среди 2 миллионов взрослых мусульман США, многие из которых служат в вооруженных силах и других силовых структурах.

В итоге, как и в случае с предвыборными обещаниями, американские президенты не только могут, но и почти всегда делают то, что лишь с трудом вписывается в подписанные ими стратегии национальной безопасности. Особенно трудно дается выработка такой стратегии в периоды глобальных геополитических перемен наподобие распада СССР. Например, стратегия Дж. Буша-старшего, опубликованная в января 1993 года, когда он уже готовился освободить Белый дом для Б. Клинтона, отличалась от предыдущих тем, что «была явно нацелена на документальное подтверждение достижений прошлого, нежели на указание лежащего впереди пути» [**12**, с. 109].

В почти ежегодных стратегиях Б. Клинтона, помимо обилия слов-«идеалов», четко прослеживалась установка на мирную трансформацию России и Китая в благоприятную для США сторону с опорой на глобализацию и геоэкономику. В то же время после 1998 года в документах за его подписью в числе угроз национальной безопасности стал всё чаще упоминаться терроризм. А в 1999 году США во главе группы стран – членов НАТО осуществили вполне «силовое решение», подвергнув бомбардировке Сербию и ее столицу Белград.

Стратегии национальной безопасности Клинтона опирались на убежденность в возможности изменить Россию и Китай мирным путем. Стратегия Буша-младшего 2002 года, где содержались также вызвавшие

тревогу в мире позитивные оценки т.н. «превентивных» (“pre-emptive”, т. е. заранее обезоруживающих) ударов по противникам США и прямые намеки на «унилатерализм», т.е. односторонние действия без согласия союзников, основывалась на уверенности в том, что США способны трансформировать Ближний Восток в сторону демократии. Буш публично похвалил книгу советского диссидента-эмигранта Н. Щаранского и американского автора за то, что в ней «воля» ставится выше «возможностей». Однако стратегия Буша 2006 года оказалась существенно менее воинственной, и к тому же в ней впервые было уделено место борьбе с загрязнением окружающей среды как компонента национальной безопасности. В ней прямо указывалось, что решение этой проблемы заслуживает «полного применения национальной мощи, включая <…> традиционные инструменты обеспечения национальной безопасности», подчеркнута важность привлечения военных сил и средств для обеспечения помощи и спасательных работ при стихийных бедствиях.

Стратегия национальной безопасности президента Б. Обамы 2010 года сильно отошла от установок Буша-младшего. Стратегия предусматривала более активное привлечение России, Китая и Индии на сторону США посредством экономических средств и т.н. «мягкой силы», определяла приоритетами ядерное нераспространение и борьбу с изменением климата, подчеркивая при этом, что безопасность США зависит от возрождения национальной экономики. Такие термины, как «исламский терроризм», оказались заменены на общие, без привязки к религии. Его стратегия 2015 года принципиально не отличалась от предыдущей.

Как и ожидалось, стратегия Д. Трампа 2017 года обозначила серьезный разрыв – если не с практикой, то с декларируемыми подходами как предшественников-демократов, так и республиканцев. В ней мир характеризовался прежде всего как арена соперничества, а не «сообщество наций», Китай и Россия рассматривались как «ревизионистские державы», т.е. стремящиеся изменить мировой порядок, а изменение климата было

исключено из перечня угроз национальной безопасности. Что касается Северо-Атлантического региона, то он был размещен в разделе, посвященном регионам в самом конце стратегии (на с. 48 документа объемом 55 страниц), причем после «Индо-тихоокеанского региона», и содержал озвученные еще в период его предвыборной кампании претензии к европейцам: «Союз НАТО станет сильнее, если все его участники возьмут на себя больше ответственности за него и будут уплачивать свою справедливую долю для защиты наших взаимных интересов, суверенитета и ценностей» [**23**].

Интересной иллюстрацией роли президентов США в разработке стратегий национальной безопасности и степени следования им при принятии конкретных решений служит эпизод с Д. Трампом. Излагая подписанную им стратегию 2017 года, он споткнулся на фразе с термином “principled realism” («реализм, опирающиеся на моральные принципы, не беспринципный»), с помощью которого спичрайтеры, видимо, хотели смягчить его излюбленный эгоистично-имперский лозунг «Америка превыше всего». Вместо этого Трамп прочитал, что его стратегия “based on a principle, realism” («основана на принципе, реализме») [**26**].

Дж. Байден в своих двух стратегиях (2021, 2022) вернул, разумеется, проблему изменения климата на ее прежнее место, но не стал «реабилитировать» Россию и Китай, о которых в стратегии 2022 года прямо сказано, что «самый острый стратегический вызов, с которым сталкивается наше видение мира, исходит от держав, приправляющих свою авторитарную систему государственного управления ревизионистской внешней политикой», и Китай и Россия представляют особую, хотя и различную по характеру угрозу [**27**].

В январе 2025 года Д. Трамп вновь вступил в должность президента США, а 4 декабря обнародовал свою Стратегию национальной безопасности США 2025 года, которая была утверждена им в ноябре. Документ прямо и недвусмысленно ставит «Америку превыше всего». Стратегия гласит, что

«события в других странах касаются нас, только если они прямо угрожают нашим интересам». Согласно стратегии 2025 года, США уже прекратили уговаривать другие страны осуществлять «демократические или иные социальные перемены, которые радикально не соответствуют их традициям и истории». В документе заявляется, что «миновали те дни, когда Соединенные Штаты подобно Атланту держали на плечах весь мир». В нем резко осуждаются массовая миграция, «эпоха» которая должна закончиться, а также свободная торговля и глобализм. Стратегия призывает к переориентации военной деятельности США на Западное полушарие, где США должны оставаться главной силой, чтобы «контролировать миграцию, прекратить наркопотоки и укрепить стабильность на суше и на море». В отличие от стратегии 2022 года Байдена, в стратегия 2025 года Трампа Китай не характеризуется как главный вызов для США и отношения между двумя странами рассматриваются в основном в экономической плоскости. Впервые за тридцать лет не упоминаются «нарушения прав человека» в Китае и не критикуется его политическая система. Согласно стратегии Трампа 2025 года, США лишь «не поддерживают любое одностороннее изменение статус-кво в Тайваньском проливе», хотя ранее они всегда были «против» такого изменения. В документе содержится призыв к США добиться от Японии и Южной Кореи более справедливого распределения бремени по обеспечению безопасности, аналогично требованиям США в отношении стран – членов НАТО. Северная Корея при этом вовсе не упоминается. Утверждается, что Ближний Восток для США благодаря диверсификации поставок энергоносителей уже не является приоритетом, и потому США должны перестать «жертвовать собой как Гектор» ради своих союзников, особенно монархий в странах Персидского залива. Россия же подвергается очень слабой критике и не квалифицируется как потенциальная угроза [**28**].

Основной массив критики направлен на Европу. Стратегия 2025 года перечисляет всё: от «деятельности Европейского союза, <…> подрывающей

политическую свободу и суверенитет» и миграционной политики до «цензуры свободы слова и подавления политической оппозиции»; от «падения рождаемости» до «утраты национальной идентичности». Выражается обеспокоенность, что «через несколько десятилетий некоторые страны – участницы НАТО будут населены неевропейским большинством», и отмечается, что «растущее влияние патриотических европейских партий дает основания для несколько большего оптимизма». Документ призывает США сделать приоритетом «культивирование сопротивления среди европейских наций нынешней траектории Европы». В стратегии 2025 года также выражается желание «покончить с восприятием и с реальным поведением НАТО как вечно расширяющегося альянса» и содержится призыв к Европе «взять главную ответственность за свою оборону» [**28**].

Представляется, что с точки зрения национальных интересов России Стратегия национальной безопасности США, обнародованная Д. Трампом, не должна служить поводом ни для чрезмерной радости, ни для излишнего негодования. Во-первых, это – декларативный документ. Президент может существенно отходить от него, вплоть до поворота на 180 градусов, по тем или иным вопросам ввиду «изменившихся обстоятельств». Он также может пытаться строго проводить ее в жизнь, но невозможно гарантировать отсутствие открытого сопротивления в Конгрессе, в том числе со стороны республиканцев, и тайного саботажа со стороны федеральной бюрократии.

Отвечает ли интересам России существенное увеличение военных расходов европейскими странами и возрождение европейской военной промышленности? В свое время именно США помогли СССР прекратить т.н. «тройственную агрессию» против Египта в октябре 1956 года, воздействовав тогда на временных союзников Израиля – Великобританию и Францию, являющихся членами НАТО. Среди европейских апологетов создания т.н. «европейской армии» есть еще большие русофобы, чем в Вашингтоне. Вопрос очень сложный.

Во-вторых, помимо Стратегии национальной безопасности США, существуют и засекреченные стратегические документы (явно в силу их большей откровенности). Кроме вышеупомянутых – Национальной стратегии обороны, «Обзора ядерной политики», Национальной военной стратегии, документы которые в отличие от нее, являются обязательными к соблюдении и исполнению, имеются у ФБР, ЦРУ, Агентства национальной безопасности (АНБ), Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям (ФЕМА) и десятков других силовых структур. Новая стратегия национальной безопасности Д. Трампа, к примеру, бесспорно имеет благородную цель – «борьбу с наркоторговлей», а элитные бойцы спецназа американского отряда «Дельта» после наступления нового 2026 года реализовали эту задачу на практике по-своему, похитив президента суверенного государства Венесуэла Н. Мадуро, чтобы он предстал перед американским судом по обвинению в том, что он является чуть ли не главарем подпольного наркокартеля «Картель Солнца», продающего тонны южноамериканского кокаина в США [**29**].

Большую напряженность в отношениях США с другими странами – членами НАТО вызвали заявления Д. Трампа о намерениях присоединить к США Канаду и отобрать у Дании Гренландию. В конце концов сам Д. Трамп заявил, что он не имел в виду какие-либо силовые варианты. Американская пресса уже пыталась объяснить некоторые поступки Трампа особенностями его психологии. Так, в онлайн-издании «Дейли бист» (“Daily Beast”) автор одной из статей пишет: «Мы были в числе немногих, кто изначально говорил, что это ничего не значит. Он не собирается захватывать Гренландию… Все это не имеет смысла… Единственное, что это означает – это новая глава [в жизни] Трампа, которая закончится. Из этого он выжмет все, что только сможет, ради всего того внимания, которое будет к нему приковано… Для него это важно по причине внимания». Автор добавил, что концентрация внимания на Гренландии отвлекает общественность от т.н. «файлов Эпштейна» (компромата на Д. Трампа и его родственников), а также от актуальных

проблем – состояния экономики, реализации миграционной и таможенной политики, т. е. вопросов, которые снижают его президентский рейтинг. «Он отвлекает от всего, что было вчера. Он отвлекает от того, что происходит сегодня. Но такое отвлечение тоже ценно для него – он завладевает вниманием. Это то, что ему нужно. Он на еще один день становится пупом земли». По словам автора, один из сотрудников Трампа в образной форме раскрыл ему то, чем именно наслаждается Трамп во всей этой драме: «Он, знаете ли, разжигает эти пожары постоянно, но на самом деле его интересует не само пламя, а пожарные машины, спешащие погасить пожар» [**30**].

Подводя итог, можно сказать, что Стратегия национальной безопасности США 2025 года, утвержденная президентом Д. Трампом, содержит много новых моментов и в этом смысле действительно означает заметный разрыв с прошлым. Изменится ли в той же степени реальное поведение США на мировой арене – в целом, в отдельных регионах и в отношении стран и проблем? Вкладывают ли те, кто в США принимают конкретные решения, тот же смысл в ее установки, что и их зарубежные контрагенты? Ответы на эти вопросы даст лишь будущее.

Список источников и литературы

1. Chin John J., Skinner Kiron, You Clay. Understanding National Security Strategies Through Time // Foreign Policy. – Vol 6, Iss 4 Fall 2023. – Pp. 103-124 [Электронный ресурс] URL: https://tnsr.org/2023/09/understanding-national-security-strategies-through-time/
2. Henley Jon. Cultivate resistance: policy paper lays bare Trump support for Europe's far right // The Guardian. – 5 December, 2025 [Электронный ресурс] URL: htttps://www.theguardian.com/us-news/2025/dec/05/civilisational-erasure-us-strategy-document-appears-to-echo-far-right-conspiracy-theories-about-europe (Дата обращения: 15 января 2025).
3. UVA. Miller Center. Presidential Speeches. Theodore Roosevelt. "December 6, 1904: Fourth Annual Message"; "January8, 1906: Message Regarding Panama Canal" [Электронный ресурс] URL: https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-6-1904-fourth-annual-message (Дата обращения: 20 декабря 2025).
4. Establishment of a National Security Council. From: Prime Minister Office, 10 Downing Street/ Published 12 May 2010 [Электронный ресурс] URL:

https://www.gov.uk/government/news/establishment-of-a-national-security-council (Дата обращения: 20 декабря 2025).
5. Gov.UK. Home Office. Minister of State (Minister for Security). Responsibilities [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.uk/government/ministers/minister-of-state--174 (Дата обращения: 20 декабря 2025).
6. Шитов А.В. Государственная безопасность Китая и спецслужбы КНР [Электронный ресурс] URL: https://pravo.mgimo.ru/?q=book/export/html/47183&ysclid=mkweotsz8c272893448 (Дата обращения: 20 декабря 2025).
7. Полный свод законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 1. – №465 [Электронный ресурс]. URL: https://runivers.ru/lib/book3130/ (Дата обращения: 30 августа 2025)
8. Сайт Совета Безопасности РФ: http://www.scrf.gov.ru/documents/11/15.html
9. Общая теория национальной безопасности. - М., - 2002. = С. 21.
10. Гыске А.В. Современная российская преступность и проблемы безопасности общества (политический анализ). - М.: 2000; Проблемы внутренней безопасности России. - М.: 2001; Захаркин А.Н. Экономическая безопасность России в сфере международных отношений. - М.: 2005; Ковалев Г.А. Национальная безопасность и тенденции развития федеративных отношений в России. - М.: 2002; Возженников А.В. Парадигма национальной безопасности России. - М.: 1999 и др.
11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02 июля 2021 г. Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. // // URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1 (Дата обращения: 23 ноября 2025).
12. Chin John J., Skinner Kiron, You Clay. Opp. cit.
13. Stolberg Alan G. How Nation-States Craft National Security Strategy Documents // Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. – 2012. – P.71-72 [Электронный ресурс]. // // URL: https://www.jstor.org/stable/resrep11525 (Дата обращения: 11 января 2025).
14. United States Code, 2018 Edition, Supplement 3, Title 50 - WAR AND NATIONAL DEFENSE . CHAPTER 44 - NATIONAL SECURITY. SUBCHAPTER I - COORDINATION FOR NATIONAL SECURITY. Sec. 3043 - Annual national security strategy report. – P. 577 [Электронный ресурс]. // // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2021-title50/pdf/USCODE-2021-title50-chap44-subchapI-sec3043.pdf (Дата обращения: 6 января 2025).
15. Snider Don M. THE NATIONAL SECURITY STRATEGY:: DOCUMENTING STRATEGIC VISION. Second Edition // Strategic Studies Institute, US Army War College. – March 15, 1995. – P. 5 [Электронный ресурс] URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/resrep11529.pdf?refreqid=fastly-default%3A10b9aaf3e9764b0f8a0d59499d24adfb&ab_segments=&initiator=recommender&acceptTC=1 (Дата обращения: 9 января 2025).

16. United States Code. Ibid. – P. 577-578.
17. Snider D.M. Ibid. – P. 6.
18. Шлезингер А.М. Циклы американской истории: Пер. с англ. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия». – 1992. – 688 С.
19. Chollet Derek H., Gldgeier James M. America Between the Wars. From 11/9 to 9/11: The Misunderstood Years Between the Fall of the Berlin Wall and the Start of the War on Terror. – Public Affairs. – 2008. – P. 319.
20. An Impact Report of Muslim Contributions to New York City, July 2018 // Muslims for American Progress Project // Institute for Social Policy and Understanding // [Электронный ресурс] URL: https://static1.squarespace.com/static/584f0e56ebbd1ae235d63da5/t/5b4f7d04352f534ff9fbe5c7/1531936037053/MAP-NYC-Report-Web.pdf%7Ctitle=An (Дата обращения: 25 января 2025).
21. Chin John J., Skinner Kiron, You Clay.Opp. cit. – P. 109.
22. Sharansky N., Dermer R. The Case for Democracy: The Power of Freedom to Overcome Tyranny & Terror. – New York. – Public Affairs. – 2004.
23. National Security Strategy of the United States of America. March 2006. – The White House. Washington. [Электронный ресурс] URL: https://www.comw.org/qdr/fulltext/nss2006.pdf (Дата обращения: 25 января 2025).
24. National Security Strategy. May 2010. – The White House. Washington. [Электронный ресурс] URL: https://ia601200.us.archive.org/5/items/National-Security-Strategy-May-2010/National%20Security%20Strategy%20May%20%282010%29.pdf (Дата обращения: 25 января 2025).
25. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. – The White House. Washington [Электронный ресурс] URL: https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/4421220/The-White-House-National-Security-Strategy-of.pdf (Дата обращения: 25 января 2025). – P. 48
26. Beinart P. Trump Doesn’t Seem to Buy His Own National Security Strategy. – The Atlantic. Dec. 19, 2017 [Электронный ресурс] URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2017/12/nss-trump-principled-realism/548741/ (Дата обращения: 26 января 2025).
27. P. National Security Strategy. October 2022. – The White House. Washington. [Электронный ресурс] URL: httpps://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (Дата обращения: 25 января 2025). – P. 8, 23-26.
28. National Security Strategy of the United States of America. November 2025. – The White House. Washington [Электронный ресурс] URL: ht ps://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (Дата обращения: 25 января 2025)

29. Adrian Blomfield. What the capture of Maduro means for China and Russia. – The Telegraph. Sat, January 3, 2026 at 11:35 PM [Электронный ресурс] URL: https://www.yahoo.com/news/articles/capture-maduro-means-china-russia-203507668.html (Дата обращения: 9 января 2027).
30. Wolff M. The Real Reason Trump Backed Off Greenland. – Daily Beast Fri, January 23, 2026 at 5:07 AM GMT [Электронный ресурс] URL: https://www.yahoo.com/news/articles/trump-makes-case-us-acquiring-143359544.html (Дата обращения: 25 января 2027).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Гришин Яков Яковлевич,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.
E-mail: grishin.42@mail.ru
Летяев Валерий Алексеевич,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор,
профессор, Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: valerii@letiaev.ru
Iakov Ia. Grishin,
DSc. (Hist.), Professor of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University.
E-mail: grishin.42@mail.ru
Valerii A. Letiaev,
DSc. (Law), CandSc. (Hist.). Professor,
Professor, Diplomatic Academy of MGIMO of the Russian Foreign Ministry.
E-mail: valerii@letiaev.ru

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ 1945–1949 ГГ.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИК В СОВЕТСКОЙ И ЗАПАДНЫХ ЗОНАХ ОККУПАЦИИ ГЕРМАНИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ)
DENAZIFICATION, 1945–1949: A COMPARATIVE ANALYSIS OF PRACTICES IN THE SOVIET AND WESTERN ZONES OF OCCUPIED GERMANY (BASED ON DOCUMENTS FROM RUSSIAN FOREIGN POLICY ARCHIVES)

Аннотация: в статье представлено ключевое противоречие послевоенного урегулирования – между формально согласованными целями союзников по полному искоренению нацизма и радикально различной практической реализацией денацификации в советской и западных (американской, британской, французской) зонах оккупации Германии. Проведен сравнительный анализ процесса, механизмов и результатов денацификации в 1945–1949 годах на основе корпуса архивных документов. Применены историко-генетический, сравнительно-исторический методы и институциональный анализ для работы с документами Контрольного совета, СВАГ, НКИД СССР и материалами межсоюзнических конференций. Установлено, что денацификация в советской зоне оккупации носила системный, централизованный и идеологически мотивированный характер, предполагая глубокую кадровую чистку и преобразование ключевых сфер

общества. В западных зонах после первоначальной активности процесс был быстро передан немецким администрациям, формализован, свернут в связи с началом холодной войны и привел к сохранению значительной преемственности элит. Различия в подходах к денацификации стали одной из первых манифестаций биполярного раскола и имели долгосрочные последствия. Исторический опыт демонстрирует, что эффективное преодоление нацистского наследия требует не только юридических процедур, но и системной замены кадрово-идеологических основ государства, что актуально в контексте борьбы с современными формами неонацизма.

Ключевые слова: история международных отношений, денацификация, Контрольный Совет, СВАГ, оккупационная политика, Жуков, Соколовский, Эйзенхауэр, чистка, репатриация.

Abstract: the article presents the key contradiction of the post-war settlement: the tension between the formally agreed Allied goal of the complete eradication of Nazism and the radically different practical implementation of denazification in the Soviet and the Western (American, British, French) zones of occupied Germany. A comparative analysis of the process, mechanisms, and outcomes of denazification from 1945 to 1949 is conducted based on a corpus of archival documents. The historical-genetic, comparative-historical methods, and institutional analysis were applied to the documents of the Allied Control Council, the Soviet Military Administration in Germany (SVAG), the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR (NKID), and the materials of inter-Allied conferences. It is established that denazification in the Soviet zone of occupation was systematic, centralized, and ideologically motivated, entailing a profound purge of personnel and the transformation of key societal spheres. In the Western zones, after initial activity, the process was quickly transferred to German administrations, formalized, scaled down with the onset of the Cold War, and resulted in significant continuity of elites. The differences in the approaches to denazification became one of the earliest manifestations of the bipolar split and had long-term consequences. Historical experience demonstrates that effectively overcoming a Nazi legacy requires not only legal procedures but also the systematic replacement of the personnel and ideological foundations of the state, which remains relevant in the context of combating contemporary forms of neo-Nazism.

Keywords: history of international relations, denazification, Control Council, Soviet Military Administration in Germany (SVAG), occupation policy, Zhukov, Sokolovsky, Eisenhower, purge, repatriation.

Введение

Научная проблема заключается в противоречии между провозглашенными на межсоюзническом уровне (Ялта, Потсдам) целями полного и комплексного искоренения нацизма в Германии и их принципиально различающейся практической реализацией в советской и западных зонах

оккупации. Это расхождение, приведшее к формированию различных политических и социальных моделей в будущих ГДР и ФРГ, остается предметом научной дискуссии и требует детальной реконструкции на основе первичных источников.

Актуальность исследования обусловлена не только историографической значимостью темы, но и ее прямой связью с современными политическими вызовами, с возрождением неонацистской идеологии и практик, что ставит вопрос об эффективности, глубине и завершенности исторических моделей денацификации, особенно на территориях, где этот процесс в 1940-е годы был непоследовательным или тормозился.

В ходе исследования проведен сравнительный анализ процесса, институциональных механизмов и итогов денацификации в советской, американской, британской и французской зонах в период 1945–1949 годов на основе корпуса архивных документов. Задачи исследования: реконструировать процесс формирования концепции и политики денацификации на межсоюзническом уровне в 1944–1945 годах; раскрыть институциональные механизмы проведения денацификации в Советской зоне оккупации (СЗО) – роль Советской военной администрации в Германии (СВАГ), комиссий – и проследить их эволюцию; выявить специфику реализации денацификации в западных зонах, уделив особое внимание передаче процесса немецким властям и его институциональным последствиям; определить глубину и системность преобразований в ключевых сферах – кадровая чистка, образование, судебная система, культура; сформулировать выводы об эффективности различных моделей денацификации и их историческом значении в контексте современных вызовов.

Новизна результатов исследования не в открытии неизвестных фактов, а в их систематизации, сравнительном анализе и четкой аргументации на основе конкретного корпуса документов. В статье противопоставлены советская и западная модели по критериям: цель, методы, институты, глубина преобразований, итоги. Каждый тезис был привязан к конкретному типу источника (постановление НКИД, протокол Союзного Контрольного Совета

(СКС), приказ СВАГ, записка из архива). Подчеркнута не только декларируемая политика СССР, но и ее реализация через механизмы СВАГ, текущий контроль и внутреннюю критику (докладные записки Смирнову, Грибанову).

Первоисточниками исследования стали документы из Архива внешней политики РФ, опубликованные в сборниках «СССР и германский вопрос. 1941–1949» (тт. I–III), официальных сборниках документов Контрольного совета и СВАГ, материалах Ялтинской и Потсдамской конференций, а также мемуарных источниках (Г.К. Жуков).

Методология включала применение историко-генетического метода для прослеживания эволюции политики денацификации; сравнительно-исторического метода для сопоставления процессов в разных оккупационных зонах; институционального анализа деятельности Контрольного совета, СВАГ и судебных трибуналов; документального анализа постановлений, приказов, директив и стенограмм.

Следует отметить, что исследование сознательно было построено на анализе советского дискурса и практик управления, зафиксированных в архивах МИД и СВАГ. Критика действий западных союзников и статистика по их зонам даются так, как они отражены в этих документах, что позволяет реконструировать позицию и восприятие советской стороны. Такой угол зрения является ценным сам по себе, но для всесторонней картины требует дополнения исследованиями на материалах западных архивов.

Формирование концепции денацификации на межсоюзническом уровне (1944–1945)

Как известно, слово «денацификация» появляется в годы Второй мировой войны, когда на советском театре военных действий наступил перелом и Красная Армия успешно наступала на Запад, освобождая как советские территории, так и страны Восточной Европы.

Приближалась победа над нацизмом, и у руководителей союзных держав возникло понимание о том, что после нее германское общество необходимо переформатировать, поскольку 12-летний период правления Гитлера

способствовал тому, что нацизм и его идеология проникли во все стороны жизни страны. Носителем нацистской идеологии являлась НСДАП, в которую входило около 8 миллионов немцев. Именно они составляли ядро нацистского рейха, и их нужно было исключить из политической жизни. Для этого требовалась политическая чистка в форме денацификации.

СССР сформулировал системный подход к денацификации раньше и детальнее своих союзников, однако интеграция этой концепции в общую союзническую политику натолкнулась на институциональные и политические барьеры, что предопределило дальнейшие расхождения.

Еще до окончания войны, в феврале 1944 года, НКИД СССР разработал детальное «Постановление... об изменениях условий безоговорочной капитуляции», в котором был проработан процесс денацификации [**13**, с. 365–392]. Однако оно, как и другие документы *«об изменениях условий безоговорочной капитуляции»*, не передавалось в Европейскую Консультативную Комиссию (ЕКК) [**4**], что ограничивало межсоюзническую координацию. На Крымской (Ялтинской) конференции в документе «Оккупация Германии и контроль над ней» содержится краткая, но емкая расшифровка термина «денацификация»: *«уничтожение нацизма, стирание с лица земли нацистской партии, наказание всех преступников войны справедливо и быстро, ликвидация нацистских законов, организаций и учреждений, составлявших опору нацистского режима, устранение из культурной и экономической жизни германского народа всякого нацистского влияния»* [**6**, с. 265–266].

Примечательно, что на Берлинской (Потсдамской) конференции термин «денацификация» в документах отсутствует, хотя в разделе о политических принципах задачи, связанные с ней, были прописаны [**1**, с. 484–487]. Авторы обращают внимание на это терминологическое умолчание: *«В документе о Политических принципах есть слово «демилитаризация», а «денацификация» отсутствует»* [**1**]. Оно не упоминается в Советском энциклопедическом словаре (М.,1979), в Энциклопедии «Великая Отечественная война 1941–1945». (М.: 1985); в Военно-энциклопедическом словаре (М.: 1983), в

Дипломатическом словаре (М., 1985) и т.д. Трудно объяснить, почему слово «денацификация» обходили стороной в отличие, скажем, от слова «демилитаризация». Даже Г.К. Жуков, руководя от советской стороны процессом денацификации, в своих воспоминаниях коснулся его лишь в контексте Потсдамской конференции и ее решений [**5**].

На Потсдамской конференции достигается консенсус между великими державами-победительницами в том, что денацификация германского государства должна носить комплексный характер, касаясь не только сугубо политической сферы, но и культуры, прессы, образования, юриспруденции. Также договорились, что денацификация не может проводиться на внутренних законах страны, ни 3 рейха, ни Веймарской республики. Ее стали проводить изначально на основе внешнего управления в лице Союзного Контрольного Совета, принимавшего основные законы по денацификации. Он же создает спецсуды вне прежней судебной системы, которые рассматривали соответствующие дела. Дела же немцев о преступлениях против союзников вообще рассматривались только трибуналами самих союзников. Поэтому денацификация в правовом отношении началась с полного обнуления нацистской судебной системы. Без него она была бы невозможна.

На Берлинской конференции не только уже дается расшифровка «денацификации», но и намечаются конкретные действия по ее осуществлению. Создаются предпосылки по полному и окончательному искоренению нацизма в Германии. Об этом, в частности, шел разговор генерала армии В.Д. Соколовского с генералом США Л.Д. Клеем 2 октября. Как сообщал советский военачальник, «Клей согласился со мной полностью по первому вопросу, отметив, что США также самым определенным образом заинтересованы в полной ликвидации нацизма и, как ему кажется, американцы даже более радикальны в своих мерах по искоренению нацизма, чем даже мы, уже не говоря, конечно, об англичанах и французах. Он привел в пример тот факт, что американцы уже арестовали несколько тысяч активных нацистов и преступников войны» [**14**, с. 245–249].

Если генерал Клей придерживался взглядов, которые высказывал, то об этом нельзя было говорить в отношении позиции английских властей в Германии. Об этом свидетельствует записка И.А. Тугаринова на имя первого заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского. В ней говорится о повороте английской политики в Германии. Это выражалось в нежелании деятельности антифашистских партий в своей зоне оккупации, якобы народ еще не созрел для политической жизни, в торможении денацификации и стремлении внести раскол между социал-демократами и коммунистами (СДПГ и КПГ), раскол в антифашистский рабочий фронт [**14**, с. 268–276].

Институциональные рамки: Союзный Контрольный Совет и СВАГ

Создание структур управления в оккупированной Германии заложило институциональную основу для асимметрии в проведении денацификации. Если Контрольный совет был коллегиальным органом союзников, то в советской зоне был создан прямой, иерархически подчиненный центр власти.

Высшим органом власти союзных держав стал Союзный Контрольный Совет (СКС), начавший работу 5 июля 1945 года и действовавший *«по принципу единогласия»* [**2**, с. 62–67]. Его членами являлись главнокомандующий оккупационными войсками маршал Г.К. Жуков (СССР), генерал Д. Эйзенхауэр (США), фельдмаршал Б. Монтгомери (Великобритания) и генерал Латр де Тассиньи (Франция). Через определенное время маршала Г.К. Жукова заменил маршал В.Д. Соколовский (март 1946 г. – апрель 1949 г.). Д.Эйзенхауэр передал в марте 1947 года свой пост генералу Л. Клею, а фельдмаршал Б. Монтгомери – генералу Б. Робертсону (апрель 1946 г.). Свое первое заседание СКС проводит во время Берлинской конференции. При принятии решений в нем действовал принцип единогласия [**5**, с. 62–67].

Однако реальное управление в зонах осуществлялось национальными администрациями – военными комендатурами. В СЗО 6 июня 1945 года была создана Советская Военная Администрация Германии (СВАГ), которая, как отмечалось в документе, *«отделена от оперативного командования войск на этой территории и напрямую подчиняется Совету Народных*

Комиссаров» [**14**, с. 724]. Ее основными задачами являлись контроль за выполнением Германией условий безоговорочной капитуляции, управление советской зоной оккупации (СЗО), проведение в жизнь согласованных решений СКС по главным вопросам, общим для всей Германии. Штаб-квартира СВАГ размещалась в Берлине (Карлхорст). Она управляла непосредственно СЗО до 1949 года, до возникновения ГДР. Главнокомандующим СВАГ назначается главком советскими оккупационными войсками в Германии (с июня 1945 г. до марта 1946 г.) маршал Г.К. Жуков, с марта 1946 г. до октября 1949 г. – маршал В.Д. Соколовский [**14**, с. 724].

Но до этого, еще 11 января 1945 года, появился приказ Наркома внутренних дел СССР № 0016, в соответствии с которым во всех 7 фронтах, воевавших в Восточной Европе, появляются уполномоченные. В их функции входили аресты опасных для Красной Армии подозрительных лиц с целью разрушения немецкого нацистского государства [**14**, с. 31]. В это время и последующий месяц, до середины апреля, когда Красная Армия достигла территории будущей Советской оккупационной зоны (СОЗ), продолжалось выполнение приказа № 16. На его основании арестовываются более 138 тыс. немцев плюс 97 тыс. мобилизовываются в качестве рабочей силы. Через определенное время появляются ограниченные критерии для арестов [**14**, с. 32]. Чуть позднее их полномочия расширяются. Речь шла об отправке на работу в СССР немецких мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. В данном случае политика денацификации стыкуется с подготовкой переселения немцев из областей восточнее Одера и Нейсе.

Такая централизация позволяла проводить единую и директивную политику. В западных зонах власть также осуществлялась через военные администрации, но их координация была менее жесткой, а позже – конфликтной. Именно на СКС, СВАГ и подобные органы было возложено решение проблемы денацификации.

НКИД СССР всё это время настаивал на том, чтобы державы-победительницы выразили общую цель денацификации. Это нашло место в решениях и документах Потсдамской конференции, в частности, в документе

№ 159 от 2 августа в разделе IX о Германии представлены политические принципы, где есть задачи, связанные с денацификацией, хотя самого слова нет ни в предметно-тематическом указателе, ни в документах [**1**, с. 484–487].

Союзный Контрольный Совет (СКС) на первых порах стремился выполнять записанные в решениях Берлинской (Потсдамской) конференции цели, связанные с денацификацией. Об этом свидетельствуют разработанные и принятые им документы [**10**, с. 42]. Первый из них – приказ № 1 от 30 августа 1945 г., запрещавший ношение формы немецкой армии, которая к этому времени прекратила свое существование. В сентябре 1945 года утверждается закон № 1, отменивший некоторые наиболее строгие нацистские законы, принятые 3-м рейхом и являвшиеся опорой режима, установленного в 1933 году. В нем отмечалось, что лица, принимающие или пытающиеся применять любой аннулированный закон, подлежали уголовной ответственности [**10**, с. 20–22]. Спустя 20 дней СКС принимает следующий закон № 2, в соответствии с которым прекращалась и ликвидировалась деятельность НСДАП. Она объявлялась вне закона (ст.1). Ее возрождение полностью запрещалось. Всё имущество (движимое или недвижимое) конфисковывалось. Вышеозначенное касалось и филиалов партии, ее союзов и т.д. К закону прилагался список, в который включили 62 организации, подлежащие запрету [**10**, с. 22–23]. В этом же месяце (30 октября) издается Закон № 4, который запретил немецким судам рассматривать преступления, совершенные гитлеровцами в отношении граждан стран антигитлеровской коалиции. Такие уголовные дела должны были рассматривать только трибуналы союзников. То есть данный документ реорганизовывал немецкую судебную систему [**10**, с. 25]. Следующий закон № 8 (30 ноября) касался отмены и запрета военного обучения, запрета попыток возрождения нацистского духа, запрета и роспуска всех ветеранских организаций, ношения военной или нацистской формы, знаков различия, наград, флагов, знамен, употребления нацистских приветствий и салютов и всякой символики, манифестирующих нацистский дух. Причем закон вступал в силу 1 декабря 1945 года [**10**, с. 33–34]. 17 декабря 1945 года была принята директива, запрещавшая любые спортивные мероприятия, проводимые в

рамках военной или паравоенной подготовки, предусматривавшая роспуск всех физкультурных организаций. Причем запрет вступал в силу с 1 января 1946 года [**11**]. 20 декабря 1945 года СКС одобрил еще один закон (№ 10) о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира, против человечности. В нем перечисляются виды наказания: смертная казнь, пожизненное заключение, штраф или заключение в тюрьму с отбытием длительных работ, конфискация имущества, реституция, фиксируется право на арест лиц, подозреваемых в преступлениях. По данному закону каждой оккупационной державе разрешалось иметь свою правовую основу для суда над военными преступниками и проводить над ними процессы независимо от Международного Военного Трибунала, заседавшего в то время в Нюрнберге [**10**, с. 36–38]. 1 июля 1946 года издается закон № 31, запрещавший властям Германии вести любое наблюдение за политической деятельностью граждан в различных зонах оккупации.

СКС издавал не только законы, но и директивы. Одна из них датируется 1 января 1946 года (№ 24). В соответствии с ней нацисты и другие лица, враждебные союзным целям, устранялись из учреждений и с ответственных постов [**9**]. 13 мая 1946 года появляется приказ, который касался искоренения нацистской литературы у населения Германии. В соответствии с ним запрещалась публикация и распространение нацистской литературы и требовалось любую существующую литературу сдавать властям союзников [**12**]. Очередная директива СК (38) издается 12 октября 1946 года. Она касалась ареста и наказания военных преступников, интернирование, контроль и наблюдение за возможно опасными нацистами. В соответствии с этим документом определялся круг лиц, подлежащих денацификации. Они были разделены на 5 категорий: главные нацистские преступники; нацистские преступники; второстепенные нацистские преступники; попутчики (номинальные нацисты, не сотрудничавшие с нацистами); антифашисты.

Наказание зависело от степени виновности.

Следует отметить, что СКС и в следующем 1947 году продолжал издавать документы. Один из них за № 46 от 25 февраля о ликвидации

Прусского государства. Оно было упразднено вместе с центральным правительством и всеми его органами. Территории, входившие в его состав, получили статус земель или вошли в другие земли. Все активы и обязательства Прусского государства перешли к соответствующим землям. Закон вступил в силу со дня его подписания [**11**]. Этот закон, по сути, носил чисто символический характер.

Денацификация в советской зоне: от тотальной чистки к дифференцированному подходу

Процесс денацификации в СЗО изначально носил глубокий и системный характер, нацеленный на тотальное замещение кадров и идеологическую перестройку ключевых институтов [**13**, с. 384–386]. Советский Союз, участвуя в работе СКС, подписывал документы, связанные с денацификацией. И не только подписывал, но и стремился на практике их осуществить, в первую очередь в своей зоне оккупации. Советскую сторону интересовали многие сферы, в том числе и образование. Уже в октябре 1945 года Г.К. Жуков ставит вопрос о целесообразности открытия университетов. В.М. Молотов сообщил ему, что этот вопрос имеет политический характер и что надо точно знать, в какой мере будут обеспечены наше влияние и контроль, поскольку университеты засорены фашистами. Молотов предложил, чтобы СВАГ провела необходимую проверку и затем представила заключения по каждому университету для рассмотрения в правительстве. 30 октября 1945 года Жуков и Боков направили Молотову доклад о подготовке высших учебных заведений к возобновлению занятий, к которому были приложены два проекта приказов, касающихся университетов в перечисленных городах. Присланные материалы в течение ноября-декабря рассматривались в МИД СССР А.Я. Вышинским и А.А. Смирновым [**14**, с. 169].

15 ноября 1945 года А.А. Смирнов направил записку А.Я. Вышинскому «О возобновлении занятий в университетах на территории СЗО в Германии». В ней он пишет, что маршал Жуков прислал на согласование проекты приказов по этому вопросу, в них перечисляется ряд университетов (Берлин, Лейпциг, Галле, Грайфсвальд, Росток и Йена). Вместе с ними прилагается доклад о

подготовке учебных заведений к возобновлению занятий в СЗО [**14**, с. 283–285]. По приказу Г.К. Жукова возобновление занятий возлагалось на президентов провинциальных и федеральных земель, бургомистров городов и начальника Управления народного образования СЗО. Контроль над подготовительной работой осуществлялся начальниками правлений провинций и работниками СВАГ. Речь шла о подборе руководящего состава университета, пересмотре всего профессорско-преподавательского состава университета, очищении его от активных фашистов, изучении студенческого состава и освобождении его от фашистских элементов, определении контингента приема по всем факультетам, разработке учебных планов и программ. Был выявлен ряд негативных моментов. Так, к преподаванию в университетах было допущено 189 человек бывших членов нацистской партии (30% от общего числа). По университетам колебания составляют от 36 до 47,9%. Автор записки считает, что если в этом деле были допущены послабления, то не исключено, «что чистка библиотек от нацистской литературы и переработка учебных программ проведена также недостаточно тщательно». А.А. Смирнов считал целесообразным просить Г.К. Жукова дать указание о полном удалении из университетов бывших нацистов, допуск которых в СЗО должен иметь место только в исключительных случаях [**14**, с. 283–285].

После просмотра учебных программ и их утверждения можно было начать занятия в Берлинском университете, где общая подготовка была проведена значительно лучше. 19 декабря 1945 года сотрудник политсовета СВАГ И.Ф. Филиппов (Юдин) сообщил из Берлина о завершении денацификации в Берлинском университете и предлагал открыть его. 24 декабря к этой рекомендации присоединился Смирнов, информировавший Молотова. 31 декабря Молотов дал указание Соколовскому и Иванову издать приказ о разрешении занятий в Берлинском университете. Указание Молотова Жукову об открытии других университетов в советской зоне последовало 4 января 1946 года, о чем А.А. Смирнов сообщил в записке Деканозову 6 января 1946 года [**14**, с. 758]. Приведенные данные свидетельствовали о кропотливой

работе советской стороны по вопросу денацификации в СЗО в сложной сфере – в образовании.

26 декабря 1945 года появляется записка С.И. Тюльпанова – начальника управления пропаганды СВАГ – «О политическом положении в СВО Германии». В ней он сообщает о позитивных моментах в СЗО в процессе становления новой демократической Германии. Самое главное то, что шел процесс очищения органов самоуправления промпредприятий и учреждений от активных нацистов. Создан единый блок 4-х партий, созданы единый свободный немецкий профсоюз, антифашистские объединения. Проводится школьная реформа. Большое внимание уделяется прессе, оказывающей серьезное влияние на политическую жизнь в СВО. Восстанавливается книгоиздательство. В СЗО издается 22 газеты, одна из них – газета «Красная Армия» – для населения Германии. Тираж 6,5 млн экз. Выходит ряд журналов большими тиражами. Организовано 7 издательств. Но, как отмечает автор записки, они пока плохо работают из-за отсутствия достаточного количества квалифицированных корректоров и контролеров. В СЗО работало 104 театра, 1268 кинотеатров, 167 варьете. Уделялось внимание театральному репертуару, показу советских фильмов. Заработал Берлинский радиоузел. Автор отмечает, что в последние месяцы наблюдается рост политической активности немецкого населения. Денацификацию с удовлетворением встретила та часть населения, которая не была связана с фашистским режимом. Наоборот, большое количество так называемых пассивных членов бывшей нацистской партии проявляет боязнь. Они заявляют, что в партию были загнаны под угрозой лишения работы и что теперь им приходится отвечать за то, в чем они не виноваты [**14**, с. 336–343].

Отметим, что данная записка представляется Военному совету СВАГ для включения отдельным разделом в общий доклад о работе СВАГ за прошедшие 6 месяцев. 8 января 1946 года маршал Жуков направил Молотову подготовленный СВАГ «Краткий доклад о работе Советской военной администрации в Германии за период с 15 июля по 25 декабря 1945 г.», в который и вошел упомянутый документ [**14**, с. 343].

И.В. Сталин непосредственно интересовался тем, что происходит в СЗО. Он санкционировал, в частности, новую тактическую линию обращения с членами нацистской партии, требовавшей дифференциации между активными и пассивными нацистами, которая частично уже проводилась до этого. Кроме того, он встретился с руководством СЕПГ.

После нее появляется первый проект приказа СВАГ. На его основе в газете «Теглихе рундшау» (13 февраля 1947 года) появляется статья «Что такое денацификация», автором которой был политсоветник СВАГ В.С. Семенов [**12**].

Это происходит в период подготовки заседания Совета Министров иностранных дел (СМИД) в Москве. Туда из Берлина 19 февраля направляется проект решения для него по докладу Контрольного совета, озаглавленный «О денацификации и демократизации Германии», в котором подвергалась критике предыдущая деятельность Контрольного совета в этой области. В целях обеспечения выполнения последних решений Берлинской конференции предлагался ряд пунктов, которыми ему следовало руководствоваться в дальнейшем. Как очевидно, первая редакция проекта приказа проводится в феврале 1947 года, вторая же – в июне 1947 года и получает название «О порядке применения директивы № 38 Контрольного совета о денацификации». Содержание этого приказа в основном сводилось к изменению отношения к бывшим членам нацистской партии. Для членов нацистской партии, не запятнавших себя преступлениями против мира и человечности, восстанавливалось пассивное избирательное право. Запрещалось проводить без разрешения суда какие-либо произвольные действия в отношении бывших нацистов. Комиссии по денацификации оставлялись только начиная с районов и выше [**12**, с. 417–418].

Приказ не был подписан сразу в связи с 4-й сессией СМИД, проходившей в Москве с 10 марта по 24 апреля 1947 года. Советская сторона перед сессией СМИД рассматривала проект доклада СКС по различным вопросам, в том числе о денацификации и демократизации. В нем, в разделе, касающемся последних, предлагалось отметить, что программа денацификации и

демократизации Германии, намеченная решениями Берлинской конференции, до сих пор не выполнена сколько-нибудь удовлетворительным образом. В западных зонах оккупации Германии не проведены мероприятия по чистке германских учреждений и предприятий от активных фашистов. Советский представитель предлагал отметить в докладе большую засоренность вновь созданных органов демократического управления бывшими активными нацистами и отсутствие надлежащей борьбы с этим в некоторых зонах.

Представители союзников возражали против этого предложения. Они вместе с тем указывали на то, что на предприятиях в советской зоне в качестве технических экспертов продолжают работать нацисты. Британские и американские представители обвиняли Советскую военную администрацию в том, что она недостаточно решительно привлекает судебные немецкие органы к работе по денацификации и что в советской зоне под маской рядовых нацистов якобы скрывается большое количество активных нацистов.

Советский представитель предлагал, кроме того, включить в доклад указание на то, что Контрольному совету не удалось достичь согласия относительно разрешения деятельности демократических партий и профсоюзов в общегерманском масштабе. Советский представитель указал также на наличие антидемократических и федералистских положений в конституциях отдельных земель западных зон оккупации. Эти предложения Контрольным советом не были приняты. Пришлось записать в докладе наше особое мнение [**12**, с. 290–291].

Тем не менее принимается решение СМИД, в соответствии с которым СКС поручалось принять все необходимые меры по ускорению проведения в Германии денацификации в соответствии с директивами 24 и 38 Контрольного совета: закончить в кратчайший срок отстранение от общественных и полуобщественных постов бывших активных фашистов; ускорить рассмотрение в судах дел военных преступников, членов преступных нацистских организаций и руководящих деятелей нацистского режима, не требуя вместе с тем поголовного привлечения к суду номинальных нацистов [**12**, с. 418].

Тем временем в советской зоне оккупации В.Д. Соколовский, ставший уже маршалом, 25 апреля 1947 года встретился с руководителями СЕПГ и сообщил им, что в настоящее время наблюдается усиление деятельности иностранной контрразведки, которая вербует огромное количество немцев для диверсионной работы, саботажа, а также убийств военнослужащих Красной Армии. Облегчает работу западным спецслужбам то, что в германском обществе идет массовое разложение населения. Живя в тяжелых материальных условиях, оно легко поддается на иностранные подачки, продукты, особенно молодежь. В этих условиях СЕПГ не должна допускать ошибок в работе с ней. Далее шел разговор о дальнейшем проведении денацификации, о подготовке указаний по проведению в жизнь директивы № 24. Маршал В.Д. Соколовский дал согласие на создание административно-хозяйственной академии, школ и курсов в провинциях с целью подготовки чиновников для занятия наиболее высоких должностей в аппарате. Одновременно маршал подверг резкой критике работу университетов, говоря, что ЦК партии этим вопросом не занимается и в результате кадры, которые там выращиваются, не являются политически благонадежными и по существу будут укреплять позиции реакционной интеллигенции. Он просил ускорить рассмотрение представленного им проекта по денацификации [**12**, с. 370–372].

В начале июня 1947 года В.М. Молотов дал указание в Берлин о внесении в проект приказа необходимых исправлений, учитывая решение СМИД по вопросу денацификации, а также принятые ландтагами отдельных земель советской зоны оккупации законы об изменении отношения к бывшим номинальным нацистам, и представлении затем этого исправленного проекта приказа на рассмотрение в МИД. 10 июня пересмотренный проект приказа был прислан Грибановым в МИД на утверждение [**13**, с. 418]. Договорно-правовое управление МИД возражений по проекту не имело. А. Смирнов, со своей стороны, полагал возможным согласиться с изданием прилагаемого приказа «О порядке применения директивы № 38 Контрольного совета о денацификации» [**12**, с. 418]. Однако работа над приказом продолжалась. Переработанный вариант А.Я. Вышинский направляет Сталину, далее

Соколовскому для реализации, уже утвержденный инстанцией. Задержки с приказом по всей видимости объяснялись сложностью ситуации с вопросом денацификации в СЗО. Об этом М.Г. Грибанов – замполитсоветника СВАГ – сообщил А.А. Смирнову – заместителю Третьим Европейским отделом МИД СССР [**12**, с. 455].

В соответствии с материалами управления Информации СВАГ за прошедшие 2 года оккупации в СЗО с занимаемых должностей было снято около 400 тыс. активных нацистов. Многие из них привлекаются к судебной ответственности. По определенным данным, в настоящее время в немецких учреждениях и организациях работало почти 200 тыс. бывших членов нацистской партии, значительная часть из них еще не проходила денацификации. Плохо проходил этот процесс в области железнодорожного, водного транспорта, в промышленности, торговых организациях, органах связи и здравоохранения.

В некоторых местах (по данным проверки) уволенные с работы в 1946 году активные нацисты вновь пробрались на руководящие посты (Саксония-Ангальт), оставались на своих местах (Бранденбург) со ссылкой на их незаменимость. Наблюдаются примеры защиты активных нацистов (Эрфурт), реабилитации тех, кто зверски обращался с русскими рабочими, отказы от проведения денацификации (ссылка, что она уже закончилась), наличие в СЕПГ (11%) членов, состоявших в фашистской партии [**12**, с. 455]. 16 августа 1947 года СВАГ был издан приказ № 201 о порядке применения директив № 24 и № 38 Контрольного совета о денацификации. В приказе констатировалось, что в результате работы по денацификации в СЗО серьезно подорвана основа фашизма, милитаризма и реакции. Отменялся ряд ограничений прав фашистов. В то же время предлагалось ускорить завершение денацификации в СЗО [**7**, с. 421–423].

Тем временем в сентябре готовятся материалы к очередной ноябрьской сессии СМИД. Как сообщил Грибанов, в вопросе демократизации и денацификации позиции союзников почти не изменились после Московской сессии СМИД [**12**, с. 492]. В ходе подготовки сессии СМИД в органах

Контрольного совета англо-американские представители всячески подчеркивают, что ни о каком компромиссе в важнейших вопросах германской проблемы на ноябрьской сессии МИД с их стороны не может быть и речи.

В вопросах денацификации союзники до сего времени обсуждают в органах Контрольного совета порядок и планы выполнения согласованных решений СМИД. Изданием приказа № 201 о денацификации, встреченного всеми слоями немецкого населения и всеми партиями с большим одобрением, СВАГ перехватила у союзников инициативу в вопросе о судьбе многих сотен тысяч бывших неактивных нацистов. Предоставление им одинаковых со всеми гражданами политических прав в советской зоне привело к тому, что в настоящее время все политические партии Германии, вся общественность оказывает серьезное давление на союзников, выражая надежду и пожелания издания СВАГ № 201 от 16 августа с.г. [**12**, с. 492].

Несмотря на изданный приказ № 201 приходили ссылки на недостатки денацификации в СЗО. В этой связи Молотов 4 октября 1947 года дал Семенову указание сконцентрировать свое внимание на недостатках денацификации в зоне [**12**, с. 759]. 21 ноября 1947 года Соколовский выступил в Контрольном совете с обширным заявлением, в котором обсуждались действия США и Великобритании, направления денацификации и демократизации Германии и их сепаратные мероприятия, ведущие к ликвидации единства Германии.

Советский Союз был крайне заинтересован в быстрейшем проведении денацификации, в первую очередь в СЗО. Здесь для чистки различных учреждений от активных в прошлом нацистов работали 262 комиссии по денацификации, которые состояли из представителей Блока антифашистских партий, других демократических организаций и профсоюзов [**12**]. До 1 января 1947 года этими комиссиями было уволено из наиболее важных учреждений и предприятий 390 478 бывших нацистов. За первое полугодие 1947 года было отстранено от работы еще около 65 тыс. нацистов [**12**].

Как мы уже показали, зачистка шла в системе образования – она как бы создавалась заново. Причем это касалось как школьного, так и высшего образования. В ходе денацификации лишилось работы 80% школьных

учителей. На это пошли несмотря на то, что денацификация создала немалый дефицит управленческих кадров.

Вслед за образованием упор делался на судебную систему и правоохранительные органы. В последних после чистки сохранилось только 14% старых кадров. В ее ходе со временем начинают применяться более гибкие подходы. Так, уже с 1946 года СВАГ дала разрешение немецким судам рассматривать дела о преступлениях, которые совершали немцы против граждан иных стран.

Однако со временем, столкнувшись с кадровым голодом и политической необходимостью консолидации, подход эволюционировал в сторону большей избирательности и дифференциации. Так, в августе 1947 года из 828 300 статически зарегистрированных членов НСДАП только 1,6% были безработными. Однако членам НСДАП в советской зоне оккупации, как правило, не разрешалось возвращаться в школу, полицейский и судебный аппарат и внутреннюю администрацию, тогда как это разрешалось в западных зонах, где тем самым возникла кадровая преемственность весьма сомнительного характера. В целом денацификация в СЗО пошла по иному пути со всех точек зрения, в том числе в плане наказания военных преступников.

Эволюцией подхода к денацификации 26 февраля 1948 года стал приказ СВАГ (№ 35) о роспуске комиссий по денацификации, где указывалось, что учрежденные ранее комиссии выполнили свою задачу и что в СЗО «создана прочная основа антифашистского демократического порядка». Исходя из этого, приказом прекращалась с 10 марта 1948 года деятельность вышеназванных комиссий [**7**, с. 496-498].

Денацификация в западных зонах: между правосудием и политической целесообразностью

Денацификация в соответствии с решением Берлинской конференции проходила в западных оккупационных зонах в различных формах и коснулась каждого взрослого немца.

Некоторые исследователи считают, что самой суровой она была в американской зоне, где проявлялась особая настойчивость. Здесь

денацификация проводилась на основе многостраничной анкеты, состоящей из 131 вопроса, на которые необходимо было дать правдивые ответы. Центральное значение имели 54 вопроса о членстве во всех нацистских организациях.

Именно на их основе выносились решения об их принадлежности к одной из категорий. Людей могли признать главными виновными в преступлениях нацизма, виновными, попутчиками или невиновными. Анкеты были настолько огромны, что немецкий писатель Эрнст фон Заломон из своих ответов составил целый роман на тысячу страниц.

Уже в декабре 1945 года американская сторона получила 900 тыс. заполненных анкет. На их основе с работы было уволено 140 тыс. человек, а к началу 1946 года их число увеличилось до 300 тыс. В 11 лагерей интернированных лиц прибыло 120 тыс. человек [**8**, с. 45]. Это был своеобразный экзамен на убеждение, приводивший к бесчисленным ошибочным приговорам. Зачастую произвольная практика комиссий по денацификации вызывала протесты даже испытанных, проверенных антифашистов. Большой объем следственной работы привел к тому, что сначала рассматривались наиболее простые дела. Когда во время ужесточившейся холодной войны интерес к продолжению денацификации ослаб, обвиняемые в наиболее тяжких преступлениях отделались легким испугом. Понятно, что таким образом оказывалась медвежья услуга процессу демократизации Германии [**15**, с. 198].

Как видим, в первые месяцы после Победы американцы в своей зоне активно занимались денацификацией. Однако через определенное время их активность постепенно затухает. 5 марта 1946 года Совет земель американской зоны оккупации в мюнхенской ратуше подписал Закон № 104 «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма». В соответствии с ним ответственность за денацификацию, следовательно, и за лагеря для интернированных (лагеря денацификации), в которых содержались подозреваемые военные преступники, нацистские чиновники и члены СС, передается немецким властям Баварии, Большого Гессена и Вюртемберг-

Баден. Этим законом предусматривалось создание судов присяжных в составе 3-5 немецких граждан в возрасте не моложе 30 лет. Для оценки ответственности и инициирования мер искупления в статье 4 определяются 5 групп лиц, о чем речь шла ранее, когда говорили о Директиве СКС от 12 октября 1946 г. (№ 38).

13 мая 1946 года по разрешению военных властей США в Германии первые немецкие судебные палаты в составе присяжных заседателей приступили к своей деятельности по реализации Закона об освобождении. Под американским военным надзором 545 региональных судебных палат по денацификации рассмотрели более 950 тыс. дел в индивидуальном порядке. В отдельных случаях американское военное правительство имело право корректировать немецкие решения. Чуть позднее в американской зоне оккупации немецкие суды получили полномочия рассматривать преступления, совершенные в отношении евреев Восточной Европы, а также иностранных рабочих, угнанных в нацистскую Германию.

В 1947 году в американской зоне было интернировано 92 250 человек, из них освобождается 44 266 человек (46%) [**3**, с. 276]. Начиная с этого года американцы провозгласили новую политику перевоспитания с целью интеграции еще не созданного немецкого государства в качестве союзника Запада. В течение 1948 года интерес американских властей к последовательной денацификации заметно ослабел по мере обострения холодной войны с Восточным блоком. В результате были проведены суммарные судебные процессы, в ходе которых некоторым лицам с национал-социалистическим прошлым удалось избежать наказания. В 1948 году США в своей зоне провели амнистию 2,8 млн молодых и социальных незащищенных, бывших национал-социалистов. После создания ФРГ амнистировали практически всех.

Британцы отличались от американцев. Денацификацию проводили более умеренно. Она имела место здесь в очень ограниченной степени. Главная цель – быстрая смена элит.

Англичане, как и американцы, действовали по системе шкалы от 1 до 5. Тремя последними категориями (более легкие дела) занимались немецкие

комитеты по денацификации (суды), которые были сформированы в 1946 году из членов местных демократических партий, таких как СДПГ. Решения этих комитетов принимались в целом, так как категории 1 и 2 (серьезные дела) в этих комиссиях все равно не рассматривались. Для суда над членами преступных нацистских организаций, таких как СС, Ваффен-СС и СД были созданы немецкие трибуналы. Более 1 200 немецких судей, прокуроров и помощников провели в британской зоне оккупации в общей сложности 24 200 судебных разбирательств. Если бы все члены национал-социалистических организаций, преступный характер которых был определен международным военным трибуналом в Нюрнберге, были привлечены к ответственности, по американским оценкам, пришлось бы провести около 5 млн судебных процессов. Британское постановление предусматривало, что судьи и народные заседатели не могли быть членами НСДАП или одной из ее организаций. Причиной этого было то, что около 90% членов немецкой правовой системы, включая юристов, состояли в Национал-социалистическом союзе юристов, членство в котором было добровольным. Три четверти обвиняемых были осуждены, как правило, на срок, не превышавший срок предварительного заключения. Лишь 3,7% обвиняемых пришлось отсидеть дополнительные месяцы в Эстервегене, а 4,5% заплатить еще и денежный штраф [**16**, с. 276].

Говоря о французской зоне оккупации следует иметь в виду, что войска Франции входили в состав 6-й американской группы армий и американские директивы формально распространялись и на французскую военную администрацию. Но во Франции вопрос, как поступить с бывшими сотрудниками и чиновниками нацистской Германии, вызывал споры. В целом французы действовали менее жестко. Те, кто родились после 1 января 1919 года и не занимали должностей в НСДП, автоматически реабилитировались. По Постановлению № 165 все «рядовые члены партии классифицировались попутчиками» [**17**]. Известные промышленники оставались без наказания, поскольку поставляли вооружение во Францию [**18**].

Таким образом, в западных зонах первоначальная активность в области денацификации (особенно в американской) достаточно быстро сменилась ее

формализацией, передачей процесса немецким властям и последующим свертыванием, что было обусловлено прагматизмом, кадровыми проблемами и, в решающей степени, началом холодной войны. Как стало очевидно, союзники шли на согласие с нами по вопросу денацификации только в начале процесса. Вместе с тем уже в 1946 году они не проявляли стремления выполнять решения Берлинской конференции. На это указывает телефонограмма из Берлина в НКИД на имя А.Я. Вышинского от 14.01.1947 г. Ее автор М.Г. Грибанов, зам. политсоветника СВАГ. Речь шла об отчете СКС и выполнении им решений конференции в Потсдаме. Автор указывает, что союзники грубо нарушают договоренности, принятые на ней, в том числе и по денацификации [**12**].

О том, что наши союзники не только с неохотой шли на выполнение решений Берлинской конференции о денацификации, но и строили нам козни, свидетельствует речь Бирнса от 7 сентября 1946 года в Штутгарте. Из нее вытекало, что США стремились как можно быстрее возродить Германию на реакционной основе. Н.В. Новиков писал В.М. Молотову: «Характеризуя речь Бирнса в целом, следует отметить, что она представляет собой попытку подорвать в глазах германского народа огромное значение провозглашенных советским правительством принципов союзной политики в отношении Германии, которая открывает Германии дорогу к демократической жизни и развитию мирной экономики. Речь Бирнса имеет в виду создать у немцев впечатление, что США готовы сделать больше других стран (имеется в виду, в первую очередь СССР) для создания экономического и политического единства Германии. В этом основная цель его заявлений по поводу репараций, федерального правительства, содержания оккупационных армий и по поводу границ. Этому американскому маневру надо противопоставить нашу собственную тактику в германском вопросе» [**14**, с. 702– 703]. Нет ничего удивительного в том, что Бирнс сделал такое заявление, так как уже началась холодная война с подачи Черчилля, выступившего 5 марта 1946 года с речью в Фултоне.

Обсуждение

Проведенный сравнительный анализ позволяет сделать ряд интерпретирующих выводов, выходящих за рамки простого сопоставления фактов.

Во-первых, выявлена фундаментальная разница в логике процессов. В советской зоне денацификация понималась и реализовывалась как революционное преобразование, нацеленное на слом старой государственности и создание новой, антифашистской по своей идеологической и кадровой основе. Акцент делался на массовом удалении носителей идеологии из всех сфер жизни и воспитании «нового человека». В западных зонах денацификация всё более приобретала характер правовой и административной процедуры, направленной на изоляцию наиболее одиозных фигур при максимальном сохранении управленческого и хозяйственного аппарата для скорейшего восстановления Германии как потенциального союзника.

Во-вторых, научная новизна представленной реконструкции, основанной на архивных документах НКИД и СВАГ, заключается в демонстрации не декларативного, а оперативно-управленческого характера работы советской администрации. Документы показывают поэтапное планирование, текущий контроль (вплоть до уровня университетских программ), корректировку курса (Приказ № 201) и внутреннюю критику недостатков. Одновременно детально выявляются хронология и механизмы свертывания процесса на Западе, напрямую увязанные с речью Черчилля в Фултоне, речью Бирнса и общей логикой холодной войны.

В-третьих, исследование позволяет провести связь с современностью, заявленную в исходном тексте. Авторская позиция заключается в том, что не проведенная до конца денацификация на определенных территориях создала долгосрочные идеологические и кадровые предпосылки. Это служит историческим объяснением для процессов ревизии истории, героизации нацистских коллаборационистов и политики дерусификации в современной

Украине, которые трактуются как прямое следствие незавершенности исторического процесса искоренения нацизма.

Выводы

Опыт денацификации в советской зоне оккупации отличался от опыта в западных зонах. Вместе с тем он показал, что денацификация – сложная и многоступенчатая работа. Несомненно, Нюрнбергский процесс и последующие процессы после него стали своеобразным символом объединения международного сообщества против нацизма. Однако преодолеть наследие нацизма возможно лишь с помощью отстранения огромной массы его носителей из всех сфер жизни общества, создания новой государственности.

Концепция денацификации, несмотря на формальное межсоюзническое согласие в Потсдаме, с самого начала не была единой. СССР играл ключевую роль в ее раннем и детальном формулировании (Постановление НКИД 1944 г.), однако интеграция этого подхода в общую политику союзников оказалась невозможной из-за нарастающих противоречий.

В Советской зоне оккупации денацификация проводилась как централизованная, глубокая и идеологически мотивированная кадровая чистка, инициированная и контролируемая СВАГ. Процесс эволюционировал от тотальных мер (увольнение сотен тысяч, чистка образования) к более дифференцированному подходу (Приказ № 201), но сохранял системный характер до официального завершения в 1948 году.

В западных зонах (особенно в американской) процесс после короткого периода активных мер был быстро передан под контроль немецких администраций. Это привело к его формализации, массовым оправданиям через коррумпированные трибуналы, широким амнистиям и в итоге к сохранению значительного кадрового и отчасти идеологического потенциала прежней элиты.

Кардинальное различие проявилось в ключевых сферах. В СЗО образование и юстиция создавались практически заново (уволено 80% учителей, в правоохранительных органах осталось 14% старых кадров). На Западе реформы носили скорее косметический характер, обеспечивая

институциональную и кадровую преемственность (в будущей ФРГ в правоохранительных органах работали 54% бывших членов НСДАП).

Исторический опыт 1945–1949 годов демонстрирует, что эффективная денацификация – это не столько юридическая процедура над отдельными преступниками, сколько системное замещение идеологических, кадровых и институциональных основ государства. Незавершенность или сознательное свертывание этого процесса, как показано на примере западных зон и некоторых других регионов, создает предпосылки для ревизии истории, реабилитации нацизма и его возрождения в новых форматах, что подтверждается современными политическими вызовами.

Список источников и литературы

1. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля-2 август). - М.,1980.
2. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 11. М., 1955.
3. Внешняя политика Советского Союза. 1947 г. Часть вторая. — М. 1952.
4. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. 19-30 октября 1943 г. Сборник документов, М., 1978 г.
5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х томах. М.: 1978. Т. 2.
6. Крымская (Ялтинская конференция) руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.) — М., 1979.
7. МИД СССР, МИД ГДР. За антифашистскую Германию. Сборник документов. 1945-1949 гг. — М., 1969.
8. Павлов И.В. История современной Германии 1945-2005. М.: Астрель, 2006.
9. Сборник № 2 официальных документов, принятых и подписанных Контрольным Советом в Германии. — СВАГ. — Берлин, 1946.
10. Сборник № 1 официальных документов, принятых и подписанных Контрольным Советом в Германии в 1945 г. Берлин, Карлхорст: Изд-во штаба СВАГ. 1946. - Приказ № 1.
11. Сборник № 6 официальных документов, принятых и подписанных Контрольным Советом в Германии. Берлин, изд-во СВАГ. — 1947 г.
12. СССР и германский вопрос. 1941-1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. 6 октября 1946 г. - 15 июня 1948г. - М.: Международные отношения, 2003. Т. III.

13. СССР и германский вопрос 1941-1949 г. Документы из архива внешней политики РФ в 2-х т., 22 июня 1941 г. - 8 мая 1945 г. - М., Международные отношения. 1996. — Т.1.
14. СССР и германский вопрос 1941-1949. Документы из архива внешней политики РФ В 3-х т. - М., Международные отношения, 1980. - Т.II.
15. Хаген Шульц. Краткая история Германии. М.: Весь мир. 2004.
16. Heiner Wember: Umerziehung im Lager. Internierung und Bestrafung von Nationalsozialisten in der britischen Besatzungszone Deutschlands. (“Search Full Text: Umerziehung im Lager : KrimDok”) Essen 1991.
17. Klaus Bolling: Ein Volk vor der Spruchkammer. Entnazifizierung -- die Geschichte einer mibgluckten Aktion. In: Die Zeit 38/1963. 20 Mai 1963.
18. Martin Ebner: Die Entnazifizierug von Zeppelin, Maybach, Dornier & Co. Fallstudie zur Stadt Friedrichshafen, 1996.

Агуреев Станислав Александрович,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: stas.agureev@mail.ru
Stanislav A. Agureev,
PhD (historical sciences), Associate Professor
of the Department of International Relations,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: stas.agureev@mail.ru

Болтаевский Андрей Андреевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
и иностранных языков,
Российский университет кооперации.
E-mail: boltaev83@mail.ru
Andrey A. Boltaevsky,
PhD (historical sciences),
Associate Professor,
Department of Humanities
and Foreign Languages,
Russian University of Cooperation.
E-mail: boltaev83@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИИ НА ОСТРОВЕ ЦЕЙЛОН (ШРИ-ЛАНКА): ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ
FROM THE HISTORY OF THE PORTUGESE COLONY ON THE ISLAND OF CEYLON (SRI LANKA): FEATURES OF CULTURAL INFLUENCE

Аннотация: в данной статье авторы ставят своей целью исследование португальской колониальной культуры на Шри-Ланке (Цейлоне) и ее роли в развитии острова. Показательно, что в XIX веке португальский язык стал основным языком общения даже для голландских поселенцев. Уникальность же португальской колонии обуславливалась глубоким проникновением культурных привычек колонизаторов в жизнь и быт автохтонного населения острова. Особенностью культурной политики колонизаторов стало отсутствие четко выраженных социальных барьеров, что выгодно их отличало от пришедших им на смену голландских колонизаторов. При этом португальская колонизация характеризовалась жесткой экономической эксплуатацией местного населения, однако в культурном плане носила гораздо более мягкий

характер по сравнению с голландской. Элементы португальской культуры сохраняются и в семьях потомков голландских бюргеров, их культурных привычках. Сегодня остров Шри-Ланка остается уникальным постколониальным обществом, где традиции европейцев-колонизаторов сосуществуют с местными обычаями и культурой, взаимодополняя друг друга.

Ключевые слова: португальская колонизация, этос, культура, языковые и культурные заимствования.

Abstract: in this article, the authors aim to study Portuguese colonial culture in Sri Lanka (Ceylon) and its role in the development of the island. It is significant that in the 19th century, Portuguese became the main language of communication even for Dutch settlers. The uniqueness of the Portuguese colony was due to the deep penetration of the cultural habits of the colonialists into the life and way of life of the island's indigenous population. A feature of the cultural policy of the colonialists was the absence of clearly defined social barriers, which distinguished them favorably from the Dutch colonialists who replaced them. However, Portuguese colonization was characterized by severe economic exploitation of the local population, but it was much more culturally moderate than Dutch colonization. Elements of Portuguese culture are also preserved in the families of descendants of Dutch burghers, as well as in their cultural habits. Today, Sri Lanka remains a unique post-colonial society where the traditions of European colonizers coexist with local customs and culture, complementing each other.

Keywords: Portuguese colonization, ethos, culture, and linguistic and cultural borrowings.

Введение

Всем памятна ветхозаветная притча о Вавилонской башне, когда Бог разделил людей по языковому критерию. Разделенные первоначально люди начали со временем налаживать отношения друг с другом, что нашло отражение в появлении профессиональных переводчиков, особенно важных для дипломатической сферы, а также формировании лингва франка. Среди относящихся к последней категории в разные эпохи можно назвать арамейский, древнегреческий, латинский, затем французский (что наглядно показывает Л.Н. Толстой в романе «Война и мир»), а в современном мире английский язык. Однако в различные эпохи на региональном уровне возникали фронтирные лингва франка, многие из которых сегодня фактически забыты. Одним из таких примеров является шри-ланкийский португальский

креольский язык, сыгравший важную роль в межкультурном обмене в период португальского господства на Цейлоне.

Как известно, Португалия в XVI веке, фактически раньше других стран создав централизованное государство, положила начало европейскому господству на море, а имена Васко да Гамы, Педру Кабрала, Аффонсу Албукерке золотыми буквами вписаны в историю открытия Индии и Бразилии. Роль Португалии в тот период вполне уместно сравнить с влиянием Республики Куба в годы холодной войны: и в том, и в другом случае небольшая территория и соответствующее население не мешали этим странам занимать ведущие позиции на международной арене.

Португальская колонизация о. Цейлон

Превращение мыса Бурь в мыс Доброй Надежды способствовало проникновению португальцев в бассейн Индийского океана и организации факторий в стратегически важных местах, одним из которых стал индийский Гоа. Ч. Боксер справедливо отмечает, что «достижения португальцев в деле созидания морской империи в муссонной Азии были не менее значительными, чем у испанцев в построении сухопутной империи в Америке, а, возможно, даже более впечатляющими» [**1**, с. 35].

Гоа, где находилась ставка португальского вице-короля, фактически стала очагом распространения влияния Лиссабона на Южную Азию, откуда первые европейцы прибыли на территорию современной Шри-Ланки. Фактически на протяжении XVI – первой половины XIX века португальский язык выступал в качестве лингва франка в регионе. Примечательно, что и в наши дни бюргеры, составляющие не более 0,1 % населения страны, сохраняют этот реликтовый язык, что является любопытным социолингвистическим явлением. Прежде занимавшие верхние социальные слои бюргеры после провозглашения независимости Цейлона в большинстве случаев эмигрировали в Австралию или Канаду, а немногие оставшиеся занимают не самые лучшие экономические позиции.

Именно португальцы благодаря усилиям Франциска Ксаверия начали распространять христианство среди населения острова, однако местное католическое духовенство так и не было ими подготовлено. Впрочем, скудность ресурсов метрополии вкупе с ошибками колониальных властей не способствовали процветанию португальского Цейлона (положение особенно ухудшилось после вхождения Португалии в 1580 году в состав Испании). В начале XVII века крепостные стены Коломбо не служили препятствием даже скоту, солдаты, в основном бывшие преступники, были одеты в некоторое подобие лохмотьев, а за 1606–1608 годы в колонию из Гоа было направлено около 50 человек [**16**, p. 176]. В конечном итоге, как справедливо отмечает Я. Смит, прибыль от колонии не оправдывала расходов [**17**, p. 10]. Неудивительно, что преемниками португальцев к середине XVII столетия стали голландцы.

В период португальского Цейлона метисы были востребованы, прежде всего, как хорошие переводчики, однако голландцы жестко преследовали католиков, заставив метисов скрываться в центральной части острова в рамках сингальского королевства Канди. Печальную картину жизни португалоязычных креолов нарисовал Джеймс Кординер: «В Коломбо и других поселениях на Цейлоне всё еще проживает большое количество жителей, известных под названием португальцев. Вероятно, их число достигает пяти тысяч; однако они полностью выродились и имеют цвет лица более черного оттенка, чем у любого из первоначальных туземцев. Тем не менее они сохраняют значительную часть гордости своих предков: носят европейскую одежду, исповедуют религию Римской церкви и считают себя намного выше низших классов сингалезцев. Большая часть из них была допущена голландцами ко всем привилегиям граждан под названием бюргеров. На искаженном языке их первоначального языка всё еще говорят на всех морских побережьях. Его очень легко выучить, и он оказывается очень полезным для путешественника, у которого нет времени изучать более

сложные диалекты туземцев» [**3**, p. 88–89]. На португальском продолжали говорить и привезенные африканцы (применимо к обозначению местных этносоциальных групп – кафры) [**18**, p. 75].

Особенности португальского культурного влияния на Цейлоне

Несмотря на это, португальский язык даже после ухода Лузитании с Цейлона оставался важной составляющей культурной традиции региона: как справедливо отмечает ланкийский исследователь, «португальское наследие неотделимо от современной жизни Шри-Ланки» [**9**, p. 259]. Как представляется, важной причиной этого является голландский колониальный этос: примеры Суринама и Кюрасао, где голландский так и не стал языком межэтнического общения, весьма показательны. В отличие от английского и голландского колониального этоса, для португальцев, впрочем, как и для испанцев, было характерно терпимое отношение к смешанным брачным контактам. Метисы (чаще всего потомки отцов-португальцев и матерей-ланкиек) распространяли португальский язык даже на тех территориях, которые позднее перешли под контроль голландцев. Как в Новом Свете, так и на Цейлоне в голландских владениях процветали пиджины. Так, Кристофер Швейцер, находившийся в 1676–1682 годах на службе Нидерландской Ост-Индской компании, сообщал, что для общения на острове необходимы сингальский и португальский креольский [**7**]. Как отмечают современные исследователи Л. Питерс и Б.П. Саннасгала, португальский выжил и «стал родным языком даже для потомков голландцев и единственным языком общения между голландцами и народом страны» [**13**]. Дж. Теннет уже в 1859 году констатировал почти полное исчезновение голландского на Цейлоне при сохранении португальского как языка межэтнического общения в городской среде [**20**, p. 72]. К последней четверти XIX века португальский креольский уже сам находился на грани исчезновения, уступив позиции лингва франка английскому [**4**]. Известно, впрочем, еще и то, что вплоть до конца Второй

мировой войны в Коломбо в церкви святого Антония регулярно собиралась на службу португалоговорящая диаспора [**21**].

Уместно привести следующее мнение Д. Петера: «Португальцы не ставили социальных барьеров между собой и народом страны. В их отношениях с людьми обычно не было расовых или цветных предрассудков. Они сражались бок о бок с сингалезскими или тамильскими ланкийцами как товарищи по оружию; они назначали шри-ланкийцев на почетные и выдающиеся должности наравне с собой; они допускали людей к социальным связям с ними. Они вступали в смешанные браки и селились в стране, сделав ее своим домом…» [**12**, p. 192] В то же время авторы данной статьи не склонны идеализировать в какой-либо степени политику португальских колонизаторов, подвергавших местное население жесткой экономической эксплуатации. Да и большинство европейских авторов, писавших на данную тему, были склонны идеализировать положение в колониях. Однако в сравнении с голландцами и англичанами португальская политика в области культуры и языка имела, бесспорно, более мягкие черты, а само по себе культурное влияние оставалось более глубоким и не вызывало такого яростного неприятия в среде местного населения.

За последние пятьдесят лет численность бюргеров на Шри-Ланке в целом стабилизировалась. После провозглашения независимости страны в 1948 году, как и во всех подобных случаях, наблюдалась миграция потомков европейских колонизаторов, однако затем положение стабилизировалось. Исследователи отмечают, что наиболее заметны бюргеры на территории Восточной провинции (по данным переписи 1971 года, 0,9 % от общей численности, в то время как по всей Шри-Ланке показатель не превышал 0,3 %). Всего же за период с 1971 по 2012 годы численность бюргеров снизилась не более, чем на 6%, с 45 до 38 тыс. [**15**]. Что касается средоточения бюргеров на востоке острова, это во многом может объясняться тем, что именно

восточное побережье было местом первых контактов португальцев с королевством Канди.

Бюргерство на Шри-Ланке: история и современность

Я.Р. Смит, изучив записи католической церкви на Шри-Ланке, обращает внимание на то, что, хотя «все бюргеры являются католиками и идентифицируют себя как «португальцы», у многих из них голландские фамилии» [**17**, p. 29]. Даже церемонии бракосочетания среди голландских бюргеров проходили на португальском креольском [**11**, p. 250]. И здесь уместно обратиться к анализу самой дефиниции «бюргер» (в дословном переводе «житель города») применимо к выходцам из Европы на Шри-Ланке.

«Бюргер – это не этнографическое название, и оно не имеет ничего общего с расой. Термин имеет историческое происхождение и относится к политическому сообществу, имеющему отличительный характер» [**22**]. Однако сам этот термин появился уже в период голландского господства на Цейлоне. «Свободные бюргеры» являлись служащими Нидерландской Ост-Индской компании, оставшимися на поселении в колонии. С течением времени под бюргерами стали понимать потомков как голландских, так и португальских колонистов. Когда в конце XIX века возникают первые попытки возрождения идентичности голландских бюргеров, возникает литературный и культурный кружок Голландская ассоциация Цейлона (Het Hollandsch Gezelschap van Ceylon), а затем и Голландский бюргерский союз Цейлона (DBUC). DBUC ставил своей задачей помочь бюргерам, «во-первых, отличить себя от тех, кто, хотя и классифицируется с ними под одним общим термином, имел другое происхождение и не имел с ними ничего или имел мало общего; и, во-вторых, принять меры для содействия моральному и социальному благосостоянию их класса» [**8**, p. 1]. Однако издававшийся усилиями DBUC журнал выходил на английском языке, так как голландский на Цейлоне к этому времени был забыт, что, конечно, не способствовало усилению идентичности голландских бюргеров. Численность Союза вряд ли

превышала 500 человек, но говорить о его элитарности следует с известной осторожностью, ведь сама группа цейлонских бюргеров была незначительной.

В свою очередь, существующий с 1927 года Католический союз бюргеров регулярно проводит собрания, направленные на сохранение культурного наследия. Сегодня союз отмечает определенную дискриминацию: 1) в переписи населения бюргеры стали упоминаться как «другие»; 2) не только история бюргеров не изучается в ланкийских школах, но и сами бюргеры фактически не имеют возможности сохранять свои традиции [**14**, p. 203].

Не секрет, что для традиционного общества характерны эндогамные браки, а применимо к индуизму и кастовая традиция. Хотя в Баттикалоа, где наблюдается более или менее заметная бюргерская община, существует тенденция к эндогамии, в целом, бюргеры склонны к смешению с сингалами и тамилами [**11**, p. 260]. Тамилы, в свою очередь, приравнивают бюргеров к средним квалифицированным кастам (например, кузнецы). Мавры же ставят христиан-бюргеров выше индуистов, исходя из монотеистической традиции. Собственно, сам род деятельности португальских бюргеров привел сначала к появлению голландского ambachtslieden – «ремесленники», а затем британского – «механики». Добавим от себя, что у целого ряда этносов в условиях традиционного общества занятие ремеслами (кузнецы, деревообработчики и др.) рассматривалось как унизительное, поэтому место бюргеров в социальной иерархии ланкийского общества было весьма неустойчивым.

Португальское культурное влияние в современной Шри-Ланке

Профессор Ш. де Джасуаррия отмечает, что в современном сингальском языке существуют примеры заимствования из португальского языка.

Помимо лексических заимствований имеются и другие примеры португало-сингальского межкультурного обмена: так, например, целый ряд современных шри-ланкийских сладостей имеет португальское

происхождение. Богато иллюстрированное «Правдивое и точное описание самых знаменитых побережий Ост-Индии Малабара и Коромандела; а также острова Цейлон» священника Филиппа Балдеуса приводит иллюстрации приема голландских посланников кандийским правителем Вималадхармасурией I, стражи которого одеты в форму португальского типа [**2**, p. 901]. Английский мореплаватель Роберт Нокс показывает короля Раджасингху II (1635–1687) со свисающей длинной лентой за спиной по португальской моде [**10**].

Таблица 1

	сингальский	португальский	русский
растения	pera	pera	груша
имена	Peduru	Pedro	Петр
образование	iskola	escola	образование

Источник: [**9**].

Заключение

Исследователи А. Стратер и З. Бидерман обратили внимание на то, что Шри-Ланка имеет один из самых долгих в истории колониальных периодов с 1506 по 1947 годы [**19**, p. 19]. Это не могло не сказаться на богатстве этносоциальных групп, населяющих остров на данный момент. Вместе с тем с 1948 года на Шри-Ланке официальным языком выступает только сингальский, что не могло не привести к дискриминации других этносов. Как уже отмечалось выше, это вызвало отток бюргеров, прежде всего в англоязычные страны, а также стало побудительным мотивом тамильского сепаратизма. Сегодня община бюргеров переживает не лучшее время, до сих пор не восстановившись от последствий цунами 2004 года. В пасхальные дни 21-22 апреля 2019 года католические церкви Коломбо и Баттикалоа подверглись террористической атаке со стороны экстремистских организаций, в ходе которой погибло свыше 250 человек.

Все вышесказанное не позволяет говорить о социальном мире на Цейлоне, а это значит, что община бюргеров находится в подвешенном состоянии и нуждается в защите со стороны государства.

Список источников и литературы

1. Боксер Ч. Португальская империя и ее владения в XV-XIX веках. М.: Центрполиграф, 1996. 220 с. С. 35.
2. Baldaeus P. A true and exact description of the most celebrated East-India coasts of Malabar and Coromandel; as also of the isle of Ceylon; with all the adjacent kingdoms, principalities, provinces, cities, chief harbours, structures, pagan temples, products, and living creatures: the manners, habits oeconomies and ceremonies of the inhabitants. London: Churchill, Awnsham, 1703. 901 p.
3. Cordiner J. A description of Ceylon, containing an account of the country, inhabitants, and natural productions : with narratives of a tour round the island in 1800, the campaign in Candy in 1803, and a journey to Ramisseram in 1804. London: Longman, Hurst, Rees, and Orme, 1807. 445 p. P. 88-89.
4. Coelho A. Os dialectos romanicos ou neo-latinos na África, Ásia e América. Lisboa : Casa da Soc. de Geografia, 1881 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gutenberg.org/cache/epub/33159/pg33159-images.html (дата обращения: 15.03.2025).
5. Department of Prehistory and Anthropology, 1986. P. 12. 192 p. URL: https://burgherassocn.org.au/wp-content/uploads/2018/02/the-rise-and-decline-of-dutch-burgher-ethnicity-in-sri-lanka.pdf (дата обращения: 17.03.2025).
6. Henry R.J. A tulip in Lotus Land. The rise and decline of dutch burgher ethnicity in Sri lanka. Thesis submitted for the degree of Master of Arts. The Australian National University,
7. Hulugalle H.A. J. Ceylon of the e arly travelers. 2nd ed . Colombo: The Wesley Press, 1969.
8. The Dutch Burgher Union of Ceylon // Journal of the Dutch Burgher Union of Ceylon. 1908. V. 1. № 1. P. 1-11. P. 1.
9. Jayasuriya S. The Portuguese Cultural Imprint on Sri Lanka // Lusotopie. 2000.№ 7. Lusophonies asiatiques, Asiatiques en lusophonies. P. 253-259. P. 259. URL: https://www.persee.fr/doc/luso_1257-0273_2000_num_7_1_1374 (дата обращения: 05.03.2025).
10. Knox R. An Historical Relation Of Ceylon. P. 56 [Электронный ресурс]. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.107116/page/n147/mode/2up
11. McGilvray D.B. Dutch Burghers and Portuguese Mechanics: Eurasian Ethnicity in Sri Lanka // Comparative Studies in Society and History. 1982. April. Vol. 24. № 2. P. 236–263. P. 260.
12. Peter D. Education in Sri-Lanka under the Portuguese. Colombo: Colombo Catholic Press, 1978. P. 259.

13. Peeters L., Sannasgala B.P. Dutch loan words in Sinhala // Spektator. Tijdschrift voor Neerlandistiek. Jaargang 5. 1975-1976. Deel. 4. P. 245-281. P. 246. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dbnl.org/tekst/_spe011197501_01/_spe011197501_01_0018.php#18

14. People of Sri Lanka. Sri Lankan - Our Identity. Diversity - Our Strength. Ministry of National Coexistence, Dialogue and Official Languages, 2017. 367 p. P. 203.

15. Population by ethnic group [Электронный ресурс]. URL: http://sis.statistics.gov.lk/statHtml/statHtml.do?orgId=144&tblId=DT_POP_SER_267&conn_path=I2 (дата обращения: 17.03.2025).

16. Pieris P.E. Ceylon and the Portuguese, 1505-1658. New Delhi: Asian Educational Services. 290 p. P. 176.

17. Smith I.R. Sri Lanka Creole Portuguese Phonology. Cornell University, Ph.D., 1977. 230 p. P. 10.

18. Selkirk J. Recollections of Ceylon, after a residence of nearly thirteen years: with an account of the Church Missionary Society's operations in the Island ; and extracts from a journal. London : J. Hatchard and son, 1844. 544 p. P. 75.

19. Strathern A., Biedermann Z. Introduction: Querying the cosmopolitan in Sri Lankan and Indian Ocean history // Sri Lanka at theCrossroads of History. London: University College London, 2017. P. 1-18. P. 19.

20. Tennent J. Christianity in Ceylon : its introduction and progress under the Portuguese, the Dutch, the British, and American missions ; with an historical sketch of the Brahmanical and Buddhist superstitions. London: John Murray, 1850. 348 p. P. 72.

21. The Portuguese language heritage in Asia [Электронный ресурс]. URL: https://mahawansa.wordpress.com/2008/05/29/the-portuguese-language-heritage-in-asia/ (дата обращения: 28.03.2025).

22. About the Burghers // Burgher Association (Australia) [Электронный ресурс]. URL: https://burgherassocn.org.au/burgher-association-australia/ (дата обращения: 17.03.2025).

Сафонов Александр Степанович,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры международных отношений и внешней политики,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: sasdipacademy@gmail.com

Aleksandr S. Safonov,
PhD (historical sciences), Associate Professor
Of the Department of International Relations and Foreign Policy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: sasdipacademy@gmail.com

АМЕРИКАНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО КОНФЛИКТА (2023–2024 ГГ.)

US-IRANIAN RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE WORSENING MIDDLE EAST CONFLICT (2023-2024)

Аннотация: в статье предпринята попытка проанализировать влияние ближневосточного конфликта на характер американо-иранских отношений, в том числе в контексте связи региональных процессов на Ближнем Востоке со спецификой и уровнем террористической угрозы. Особую актуальность данная проблема приобрела в условиях обострения палестино-израильских отношений после нападения группировки ХАМАС на Израиль в октябре 2023 года, поскольку Вашингтон и Тегеран столкнулись с необходимостью оценки складывавшейся ситуации и ее использования для укрепления собственных внешнеполитических позиций.

Ключевые слова: США, Иран, Израиль, теократический режим, Совместный всеобъемлющий план действий, ядерная сделка.

Abstract: the article attempts to analyze the impact of the Middle East conflict on the nature of US-Iranian relations, including in the context of the connection of regional processes in the Middle East with the specifics and level of the terrorist threat. This issue has become particularly relevant in the context of the deterioration of Palestinian-Israeli relations following the Hamas attack on Israel in

October 2023, as Washington and Tehran are faced with the need to assess the developing situation and use it to strengthen their own foreign policy positions.

Key words: USA, Iran, Israel, theocratic regime, Joint Comprehensive Plan of Action, nuclear deal.

Введение

Президент США Дж. Байден после инаугурации в январе 2021 года отметился рядом действий, которые были призваны подчеркнуть его стремление реализовать установки своей предвыборной программы в части отступления от курса предшественника – республиканца Д. Трампа. По мнению ряда исследователей, «избрание Дональда Трампа и политика его администрации по максимальному давлению на Иран закрыли двери для любых форм взаимодействия между Тегераном и Вашингтоном» [**7**, p. 183]. Новый глава Белого дома был настроен иначе. В частности, в первый день работы были подписаны указы, возвращавшие США во Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ) и Парижское соглашение по климату. В региональном контексте ближневосточной политики примечательно исключение йеменской группировки хуситов «Ансар Аллах» из американского списка террористических организаций. «Мы активизируем поиск дипломатического решения конфликта в Йемене» [**6**], – заявил глава Белого дома, представляя в Государственном департаменте новый внешнеполитический курс своей администрации.

Подход новой американской демократической администрации позволял допускать перспективу, что и на иранском направлении внешней политики США будет произведена корректировка в сторону прагматизма, опирающегося на дипломатические инструменты. Главной темой американо-иранских отношений на начальном этапе работы, безусловно, представлялась задача, возможности и перспективы реанимирования Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по иранской ядерной программе,

предполагавшего полный возврат США к выполнению условий так называемой «ядерной сделки», из которой в 2018 году в одностороннем порядке вышел президент Д. Трамп. Дж. Байден занимал пост вице-президента при Б. Обаме, а факт подписания СВПД в 2015 году объективно может расцениваться в качестве исторически значимого для его второй администрации достижения во внешней политике. Потенциал данного актива президента Б. Обамы можно было бы учитывать и использовать в перспективе при организации работы администрации Дж. Байдена на иранском направлении, конкретные результаты которой были бы представлены американскому электорату и мировому сообществу в качестве уже собственного внешнеполитического достижения с прицелом на президентскую кампанию 2024 года.

Особенности переговорного процесса по Совместному всеобъемлющему плану действий при администрации Дж. Байдена

Переговоры по СВПД были возобновлены, но их дальнейшее развитие показало, что стороны не в состоянии достичь приемлемого результата. В первую очередь из-за подхода американцев, которые, внешне демонстрируя взвешенный и неконфронтационный подход, тем не менее проявили стремление занять более выгодные переговорные позиции.

СВПД представлял собой в высшей степени сбалансированный документ. Любые корректировки за счет включения новых условий или изъятия уже закрепленных положений нарушали тщательно выверенный и выдержанный баланс интересов. Вашингтон же настаивал на включении в обновленное соглашение проблемных вопросов, в том числе имеющих отношение к ракетной программе Исламской республики, что лишь подчеркивало влияние на Белый дом Израиля, которым ракетно-ядерная программа Ирана традиционно рассматривалась в качестве экзистенциальной угрозы. Более того, последовательность действий, предлагаемая

Вашингтоном, когда первые шаги должен сделать Тегеран, а только затем уже должна следовать реакция американцев, в отсутствие каких-либо гарантий с их стороны ставила ИРИ в подчиненное положение.

Навязываемые же изменения и дополнения противоречили, наносили урон в первую очередь и главным образом интересам иранской стороны, что в Тегеране воспринимали крайне ревностно. Особенно после избрания президентом ИРИ консерватора Э. Раиси в июне 2021 года. «Учитывая жесткий антиамериканизм Э. Раиси, можно с уверенностью констатировать, что попыток наладить нормальные отношения с Вашингтоном не произойдет. Единственным официальным полем взаимоотношений, причем специфических, останутся переговоры по СВПД, если, конечно, они продлятся еще какое-то время» [**4**], – писал иранист В.И. Сажин. Переговоры были прерваны в марте 2022 года и более не возобновлялись. А в конце декабря 2022 года президент США Дж. Байден заявил, что ядерная сделка «мертва», но официально объявлять об этом США не собираются [**9**].

«Смерть» ядерной сделки во многом предопределила начавшаяся в феврале 2024 года специальная военная операция России на Украине. В этот период Иран активно политически взаимодействовал с Москвой. Причем на высшем уровне двух стран признавалось, что взаимодействие носит стратегический характер. Администрация Дж. Байдена бездоказательно обвинила Иран в помощи России, в том числе поставками беспилотных летательных аппаратов и баллистических ракет, под предлогом чего ввела очередные односторонние санкции. Отчетливо проявилась линия США на возврат к традиционной антииранской санкционной политике.

Политика США в отношении Ирана после нападения группировки ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 года

Эскалация, вызванная нападением ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 года, предоставила возможность Тель-Авиву обвинить Иран в этом нападении, а администрации Дж. Байдена – прочнее увязать украинский и ближневосточный треки в единый инструмент политико-дипломатического и экономического давления. «Иран поддерживает Россию в Украине, поддерживает ХАМАС и другие террористические группировки в регионе. И я мог бы добавить, что мы продолжим привлекать их к ответственности» [**12**], – заявил в телевизионном обращении глава Белого дома. Однако, несмотря на ужесточение риторики, США всё же продолжали четко разделять проиранские прокси-силы и деятельность собственно Тегерана. В свою очередь, Верховный лидер Ирана аятолла А. Хаменеи предостерег военное руководство страны от прямого столкновения с США, но обязал его быть готовым к действиям американцев. После экстренного заседания Высшего совета национальной безопасности Ирана рахбар «отдал четкие приказы: избегать прямой войны с Соединенными Штатами и дистанцировать Иран от действий группировок, которые причастны к гибели американцев…» [**11**].

Начало 2024 года было ознаменовано очередным витком напряженности. Проиранские силы в Ираке и Сирии нанесли удары по американским базам в этих странах. США предприняли ответные действия, проведя массированную бомбардировку целей в Ираке и Сирии. Показательно, что американцы задействовали дальнюю авиацию, вылетевшую с территории США. При достаточно мощной развернутой региональной группировке подобный шаг представляется излишним, если не рассматривать его в контексте американо-иранских отношений в качестве акта психологического давления на Тегеран через демонстрацию силы.

Внутриполитический аспект эскалации ближневосточного конфликта для администрации Дж. Байдена состоял в том, что силовые действия проиранских сил в отношении союзников США вызывали жесткую реакцию вашингтонских «ястребов», преимущественно представителей Республиканской партии и так называемых неоконсерваторов, требовавших, помимо всего прочего, нанесения ударов «возмездия» по территории Ирана. «Внешнеполитическая мысль неоконсерватизма, – писал американист К.В. Блохин, – отрицает традиционное понимание суверенитета, ибо идея экспорта либеральных ценностей неизбежно вступает в конфликт с национальным суверенитетом, что равнозначно утверждению «права сильного» в международных отношениях» [**1**, с. 89]. Однако важно учитывать, что представители неоконсерваторов в Конгрессе «… отрезаны от непосредственного развития внешнеполитической повестки» [**2**, с. 186].

В условиях предвыборной кампании в сложном положении оказалась демократическая администрация, вынужденная искать баланс между собственным сдержанным и выверенным подходом и необходимостью не

допустить укрепления позиции республиканцев, лишив их возможности представить политику Белого дома в отношении Ирана как нерешительную и способствующую укреплению его региональных позиций в ущерб позициям Израиля. «Неоконсерваторы стараются изо всех сил, чтобы использовать предполагаемый иранский след и добиться реализации своих желаний – спровоцировать войну против Ирана, удар по ядерным объектам. Не думаю, что у них получится. Госсекретарь Блинкен высказался осторожно – в том смысле, что нет доказательств причастности Ирана» [**5**], – отмечал в интервью американский эксперт Ч. Фриман.

1 апреля 2024 года начался новый этап эскалации. Израиль нанес удар по консульству и резиденции посла Ирана в Дамаске. Данное агрессивное действие можно расценивать как провокацию со стороны Тель-Авива, поскольку предполагало обязательный ответ Тегерана. «Статусный вопрос – один из первейших, определяющих решения, принимаемые современным иранским руководством» [**7**, с. 39]. В противном случае Иран, обоснованно позиционирующий себя в качестве одного из региональных лидеров, понес бы значительные репутационные потери. Для администрации Дж. Байдена удар по Израилю вынудил бы придерживаться союзнических обязательств по защите этой страны и инициировать практические действия, что неизбежно бы привело к прямому вовлечению США в конфликт с Ираном.

Таким образом, политика администрации Дж. Байдена в отношении Ирана на протяжении всего срока ее работы показывала, что Белый дом придерживался традиционного для США прагматичного антииранского курса, делая упор преимущественно на санкционном давлении. В отличие от Д. Трампа, санкции вводились не подчеркнуто демонстративно-показательно, а скорее, рутинно.

Эскалация пришлась на период предвыборной кампании в США, что заставляло Белый дом в большей степени учитывать и внутриполитические

факторы, в частности, давление республиканцев и произраильского лобби в Вашингтоне, требующих нанести удар по Ирану.

Специальная военная операция России на Украине стала фактором, фактически завершившим начальный этап развития американо-иранских отношений, когда существовало «окно возможностей» выйти на договоренности по «ядерной сделке». Необоснованные и неподтвержденные обвинения Ирана в поддержке России поставками беспилотников и ракет, военно-техническое и военно-политическое сотрудничество между двумя странами в период, пока Иран «не изменит поведение», представляли собой международно-политическую среду, обосновывающую введение санкций. В таких условиях рестрикции, наложенные администрацией Дж. Байдена после ответной атаки Ирана на Израиль в апреле 2024 года, укладывались в общую антииранскую санкционную стратегию США, ничем не выделяясь из общего спектра уже действующих ограничений. Это также указывает на то, что администрация Дж. Байдена и после 7 октября 2023 года принципиально не изменила свою политику в отношении Ирана. Характер американо-иранских отношений и логика их развития в целом остались прежними.

Однако Израиль продолжал раскручивать спираль эскалации военными операциями в секторе Газа и Ливане. США, придерживаясь союзнических обязательств, вынуждены были заявлять о поддержке Тель-Авива. Однако масштабы поддержки указывали на то, что она носила ограниченный характер, была весьма выборочной и выверенной. Администрация Дж. Байдена стремилась оставить возможность для дипломатии, но исходя из собственных интересов.

Американцы в определенных случаях при возникновении политической необходимости озвучивают тезис о том, что в отношении Ирана у президента «на столе» все варианты действий, включая военно-силовой. Администрация Дж. Байдена не стала исключением. «Мы будем использовать дипломатию, чтобы гарантировать, что Иран никогда не сможет получить ядерное оружие,

оставаясь при этом на позиции и готовыми использовать другие средства, если дипломатия потерпит неудачу» [**10**, p. 42], – отмечалось в Стратегии национальной безопасности США 2022 г. Информация о возможности ударов Израиля по территории Ирана и ранее появлялась в СМИ, перспектива подобных шагов только озвучивалась и обсуждалась. Однако развития ситуация не получала, и эта тема на время исчезала из актуальной повестки. Оценивать данные периодические информационные вбросы стоит как часть политико-психологического давления. США показывали, что способны через собственные каналы воздействовать на руководство Израиля и предотвращать эскалацию.

Тем не менее специфика данного этапа развития американо-иранских отношений состояла в том, что спираль эскалации была раскручена на новом, более опасном уровне. Действия Израиля таковы, что создали условия для обязательной ответной реакции Ирана, что, в свою очередь, рассматривается как предлог для нападения на территорию Ирана, представив это как ответный удар, легитимный и обоснованный с точки зрения международного права. Подобной ситуации со схожим уровнем остроты ранее не возникало. Также стоит обратить внимание на видеообращение Б. Нетаньяху непосредственно к иранскому народу, в котором ясно просматривалась идея свержения теократического режима ИРИ.

С другой стороны, действия Израиля соответствовали интересам США. ЦАХАЛ целенаправленно и последовательно устраняла руководство ХАМАС и Хезболлы, а также под этим предлогом и высокопоставленных иранских военных руководителей подразделений КСИР. Это было выгодно американцам, так как не вызывали такого резонанса, как убийство в 2020 году генерала К. Сулеймани.

Постоянный представитель Ирана в ООН заявлял, что за действиями Израиля стоят США. «Воздушное пространство Ирака находится под оккупацией, командованием и контролем вооруженных сил США. Вывод:

соучастие США в этом преступлении несомненно» [**3**]. Акценты в американо-иранском противостоянии, таким образом, были расставлены. Будущее развитие событий зависело от Израиля. В США понимали, что действия Ирана носят во многом вынужденный характер и адекватно оценивают возможный ответ. Белый дом не шел на реализацию военно-силового сценария и в более благоприятные периоды развития американо-иранских отношений. Накал же ситуации в Ближневосточном регионе вынуждал администрацию Дж. Байдена гораздо ответственнее относиться к организации своих действий и еще более тщательно взвешивать свои шаги.

Заключение

Острота сложившейся в рассматриваемый период ситуации и действия Израиля в регионе тогда повысили вероятность прямого военного конфликта между США и Ираном. Агентство Рейтерс 21 октября сообщало, что над южным побережьем Ирана работал американский разведывательный беспилотник. Данный факт можно было рассматривать и оценить как индикатор подготовки к удару.

Однако с одинаковой вероятностью подобные действия оставались частью комплексного политико-психологического давления, направленного на ослабление и изоляцию ИРИ и теократического режима аятолл.

Список источников и литературы

1. Блохин К.В. Крестоносцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. – М.: Весь мир, 2016. – 176 с.

2. Кислицын С.В. Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. – М.: Весь мир, 2020. – 216 с.

3. Миссия Ирана в ООН назвала Вашингтон соучастником израильского удара. – 2024. – 26 октября // Официальный сайт РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20241026/iran-1980293413.html?ysclid=m361kp1uq4506245740 (Дата обращения: 7.11.2025)

4. Сажин В.И. Победа Эбрахима Раиси и проблемы Ирана // Международная жизнь. – 2021. – 25 июня. [Электронный ресурс]. URL: https://interaffairs.ru/news/show/30585?ysclid=m32w0t1mm0254591548 (Дата обращения: 12.11.2025)

5. Фриман Ч. Палестино-израильский конфликт: возможен ли эффект домино [Интервью] // Россия в глобальной политике. – 2023. – 19

октября. [Электронный ресурс]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/palestina-effekt-domino/ (Дата обращения: 7.11.2025)

6. Хуситы приветствовали решение США прекратить поддержку военных действий в Йемене // Коммерсант. – 2021. – 5 февраля. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4674130 (Дата обращения: 7.11.2025)

7. Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 160 с.

8. Haghirian M., Zangiabadi Y. The U.S. Factor in Iran's Geostrategic and Foreign Policy Calculations // The Geopolitics of Iran / Ed. by Francisco José B. S. Leandro, Carlos Branco, Flavius Caba-Maria. – Singapore: Palgrave Macmillan, 2021. – 612 p.

9. Joe Biden blurts out Iran nuclear deal "dead" — but he can't "announce" it // New York Post. – 2022. – December 20. [Электронный ресурс]. URL: https://nypost.com/2022/12/20/biden-iran-nuclear-deal-is-dead-but-we-are-not-going-to-announce-it-long-story/ (Дата обращения: 15.11.2025)

10. National Security Strategy. The White House, Washington. – 2022, October 12. – P. 42. // The White House Official website. [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf (Дата обращения: 7.11.2025)

11. NYT: духовный лидер Ирана приказал избегать прямого военного столкновения с США . – 2024. – 6 февраля // Официальный сайт ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19881779?ysclid=m360se0vq5740270587 (Дата обращения: 15.11.2025)

12. Remarks by President Biden on the United States' Response to Hamas's Terrorist Attacks Against Israel and Russia's Ongoing Brutal War Against Ukraine. – The White House. – 2023, October 20 // The White House official

website. [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/10/20/remarks-by-president-biden-on-the-unites-states-response-to-hamass-terrorist-attacks-against-israel-and-russias-ongoing-brutal-war-against-ukraine/ (Дата обращения: 7.11.2025)

Галимов Ильназ Илдарович,
младший редактор научного журнала «Вестник ученых-международников».
E-mail: galimov.ilnaz2018.galimov@yandex.ru

Ilnaz I. Galimov,
Junior Editor of the scientific journal "Bulletin of International Scientists".
E-mail: galimov.ilnaz2018.galimov@yandex.ru

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРИОД БАЛКАНСКИХ ВОЙН 1912–1913 ГГ.

THE OTTOMAN EMPIRE'S MIGRATION POLICY DURING THE BALKAN WARS OF 1912–1913

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу миграционной политики Османской империи накануне и в ходе Балканских войн 1912–1913 годов. В статье анализируются направления миграции, вызванные такими причинами, как военные действия и этнические чистки. Автор особое внимание уделяет роли османского государства в приеме и расселении «мухаджиров» (мусульманского населения), бежавших с Балкан, а также попытках сохранить контроль над сохранившимися территориями посредством переселения народов. Отдельно были изучены административные и практические шаги, предпринятые османскими властями для регулирования миграционных потоков. В работе также рассматриваются последствия данной политики для демографической, этнической и конфессиональной структуры как самой Османской империи, так и новообразованных балканских государств.

Ключевые слова: миграция, Балканский полуостров, Османская империя, мухаджиры, Балканские войны.

Abstact: the article is devoted to a comprehensive analysis of the Ottoman Empire's migration policy on the eve of and during the Balkan Wars of 1912–1913. The article examines the migration patterns caused by factors such as military conflicts and ethnic cleansing. The author focuses on the role of the Ottoman state in accommodating and resettling the "Muhajirs" (Muslim population) who fled from the Balkans, as well as its efforts to maintain control over the remaining territories through population transfers. The study also examines the administrative and practical steps taken by the Ottoman authorities to regulate migration flows. It also examines the consequences of this policy for the demographic, ethnic, and religious structure of both the Ottoman Empire and the newly formed Balkan states.

Keywords: migration, Balkan Peninsula, Ottoman Empire, Muhajirs, Balkan Wars.

На всем протяжении нахождения Балканского полуострова под османским владычеством регион привлекал пристальное внимание крупнейших европейских держав, таких как, в первую очередь, Великобритания, Франция, Россия, Австро-Венгрия и Германия. Именно характер и место, занимаемое ими здесь, развивали региональную политическую систему. Впоследствии, с приобретением независимости Сербии, Черногории, Болгарии, Румынии и Греции, возросла роль и этих местных акторов [**1**]. В конце XIX века в ходе Берлинского конгресса в регионе был установлен статус-кво. Так, по результатам конгресса: а) Болгария обрела независимость, а османские войска должны были быть выведены с территорий новообразованного государства, однако Болгария оставалась в налоговой зависимости от осман, вдобавок ее территорильные приобретения были урезаны; б) Черногория стала независимой, получив порт Антивари, но при этом была вынуждена оставить Дульциньо Великой Порте; в) наряду с Болгарией и Черногорией независимой отныне являлась и Сербия, однако она взяла на себя часть долгов Османской империи; г) изменения территориальных границ между Грецией и государством осман должны были стать предметом отдельных переговоров [**10**].

Однако результатами конгресса не была удовлетворена ни одна из сторон, у каждой из которых были собственные интересы и видение будущего региона. К примеру, Германия и Франция, антогонизм которых в то время был явно налицо, пытались утвердиться в ноовобразованных государствах в ущерб интересам друг друга. А в то время, когда Россия руководствовалась целью защиты христианской части населения от османского господства и укреплением своих собственных позиций в регионе, официальный Лондон, действия которого на Балканах напрямую зависели от текущего баланса сил на Ближнем Востоке, проводил политику «незаинтересованности» [**1**].

Стоит упомянуть, что зачастую Великие державы отстаивали свои интересы в регионе путем прямого вмешательства в дела Османской империи,

заключением тайных соглашений либо же оккупацией ее территорий. Особую роль в этом сыграла Австро-Венгерская империя, правительство которой ставило своей целью способствование нескончаемому возникновению разногласий между балканскими странами [**4**], а также ослаблению османского влияния над ними. Заметную роль в осуществлении этих намерений сыграла личность Франца Иосифа. Будучи императором Австро-Венгрии, он гарантировал защиту прав католиков Великой Порты, преимущественно проживавших на территории современных Албании и Македонии. Отчасти именно этот фактор позволил руководству Австро-Венгрии вмешаться во внутрение дела Македонии в ходе восстания 1900–1903 годов, которое было направлено против султанской власти. Австро-венгерское влияние нашло свое отражение в 1903 году при подписании Мюрцштегского соглашения, согласно которому османскому правительству пришлось принять реформы, подготовленные руководством Франца Иосифа. Реформы преимущественно сводились к ограничению власти султана и предоставлению национальным властям расширенных прав и свобод. Годом позднее правительство Австро-Венгрии подписало тайное соглашение с Российской империей, согласно которому стороны обязались проводить согласованную политику в отношении Османской империи, а на фоне Младотурецкой революции 1908 года Австро-Венгрия обрела возможность аннексировать Боснию и Герцеговину, находившиеся под ее контролем еще с 1878 года [**3**].

Все вышеперечисленные факторы, наряду со сложной внутриполитической обстановкой Османской империи, оказали значительное влияние на стабильность ее управления подчиненными территориями. Складывающийся новый баланс сил на Балканах все больше подталкивал региональные государства к новой борьбе, главной целью которой являлось окончательное избавление от османского владычества. Албания одной из первых воспользовалась сложившимися обстоятельствами, объявив о своей независимости. Османская власть произвела попытку подавить восстание при

помощи вооруженных сил, в результате чего погибло более 50 тыс. человек. Эти события послужили причиной для волн возмущений на территории Сербии, Черногории и Болгарии. Еще 29 февраля 1912 года при поддержке императора России Николая II между Болгарией и Сербией был заключен военный союз, выражавший антитурецкую направленность [**2**]. Вдобавок военные действия в Триполитании, в ходе которой итальянская армия одерживала большие победы, еще сильнее настраивали балканские народы на союз, целью которого было изгнание турок с полуострова. Именно в таких реалиях Черногория объявила войну Османской империи 7 октября 1912 года. Сербия и Болгария последовали примеру Черногории и 17 октября объявили о начале войны с турками, а днем позднее войну османам объявила и Греция [**10**].

Объединенные войска балканских стран в общей сумме составляли приблизительно 700 тыс. человек, которые сразу же были задействованы в широкомасштабном наступлении на всех фронтах против османов [**2**]. Сложная ситуация на фронте вынудила Турцию обратиться к посредническим усилиям со стороны Великих Держав. Мирные переговоры между Османской империей и блоком балканских государств начались в сентябре 1912 года в столице Британской империи. Несмотря на то что переговорные процессы несколько раз срывались, в конечном итоге сторонами был подписан Лондонский мирный договор [**2**]. Соглашение объявляло, что Сербия, Черногория, Болгария и Греция получали все европейские владения Великой Порты, за исключением Константинополя и прилегающей к нему области [**5**]. Согласно договоренности, Османская империя также признавала независимость Албании [**6**].

Таким образом, можно констатировать, что стратегические ошибки, допущенные османским правительством в предвоенный и военный периоды, всё более обостряющиеся социально-экономические и политические обстановки внутри Османской империи, а также сложное положение турок в

Триполитанской войне, привели к их поражению на Балканах. Как и в случае с итало-турецким военным конфликтом, военные действия на Балканском полуострове стали причиной миграционного движения местного мусульманского населения в сторону государства осман, а также оказали ощутимое влияние на миграционную политику Великой Порты.

Первая Балканская война стала логическим продолжением процесса, заложенного еще в 1878 году, по ликвидации военного и политического присутствия Османской империи на значительной части Балканского полуострова. Последствия данных событий оказались далекоидущими, так как статус проживающих в регионе мусульман кардинально изменился, превратив их таким образом из преобладающей группы в меньшинство под властью христиан. К примеру, в 1906–1907 годах порядка 4 158 250 человек на Балканах были подданными Османской империи, из которых 2 052 919 человек являлись мусульманами. Однако по результатам балканского военного конфликта османами были потеряны пять из шести провинций, мусульманское население вследствие инфекционных заболеваний, миграционных движений сократилось на 62%, кроме того, во время и после военных действий было убито 313 922 мусульман. Нижеследующие данные также являются иллюстрацией сокращения мусульманского населения в государствах Балканского полуострова. Согласно официальной переписи населения, проведенной в Болгарии в 1910 году, османское население составляло 504 560 человек, в то время как мусульманское, в состав которого входили помаки, татары и цыгане-мусульмане, составляло 603 084 человека. Рост болгарского христианского населения, сопровождаемый сокращением мусульманского, можно пронаблюдать еще с 1880 года. Если в 1880 году болгарское население составляло приблизительно 2 000 000 человек, то к 1900 году оно увеличилось до 3 700 000 человек, в то время как мусульманское, напротив, сократилось с 750 000 в 1880 году до 643 000 в 1900 году [**11**].

Среди основных причин, побудивших жителей-мусульман покинуть свои прежние места проживания и начать миграцию в сторону Анатолии [**11**], являются религиозные репрессии, с которыми они столкнулись в ходе военного конфликта, а также по их итогам. То, что Османская империя на протяжении всей своей истории предоставляла своим немусульманским подданным свободу вероисповедания, на сегодняшний день по большей части уже не подвергается сомнениям. Однако Балканские государства данной практики не придерживались. Правительства стран полуострова ставили своей целью построение национальных государств, для чего им было необходимо избавиться от мусульманской части населения. Во многом именно этот фактор объясняет существование религиозных репрессий по отношению к мусульманам, которых заставляли менять свое вероисповедание. В дополнение к этому болгарская администрация накладывала штрафы на мусульман, не использовавших христианские имена, а нередко и применяла смертную казнь в качестве высшей меры наказания [**9**]. Следует также подчеркнуть, что мечети в тех городах, куда входила болгарская армия, немедленно переделывались в церкви. Ярким примером тому служит мечеть в Салониках, которая вскоре после того, как город был оставлен турками, была превращена в церковь [**11**].

В числе других причин, оказавших значительное влияние на начало миграционного оттока мусульман с Балканского полуострова, являются посягательства на собственность и честь, которые нередко сопровождались пытками и массовыми убийствами. Земельные угодья вместе с имуществом в больших размерах подвергались конфискации с последующей передачей христианской части населения. Также подразумевалось, что на землях, брошенных в результате миграции их владельцами, будут поселены болгары [**11**]. К слову сказать, отнюдь не только болгарское правительство придерживалось подобной политики, власти Греции также планировали передать мусульманское недвижимое и движимое имущество на

оккупированных территориях христианам [**9**]. По сути у мусульман насильственно забирали скот и другие виды животных, а также продукты питания, что лишь усиливало миграционный процесс в регионе [**9**, с. 75]. Вдобавок, как отмечалось ранее, нередко в отношении мусульманской части населения применялись массовые убийства и пытки. Зачастую жертвами этого становились те, кто пытался противостоять новой политике балканских стран [**11**]. Жестокость армий балканских стран можно пронаблюдать на примере Александруполиса, где было убито 3 000 мусульманских жителей, а также Кавалы, где жертвы составляли 7 000 убитых [**8**]. Подобного рода зверские действия, в основном совершаемые болгарской и греческой армиями, вызвали серьезные миграционные движения мусульман Румелии.

Еще одними немаловажными факторами, ставшими причиной оттока мусульман с полуострова, являются сожжения и разрушения поселений мусульман. Нередко именно регулярные части армии Болгарии были орудием проведения этих откровенно преступных процессов. Наряду с болгарской армией, уничтожавшей целые мусульманские деревни вместе с окрестностями и сжигавшей их дотла, греческие подразделения с таким же успехом грабили и подвергали разрушениям села и деревни, изгоняя мусульман из их жилищ. Особой жестокостью запомнились действия военнослужащих армии Черногории, вторгшейся в Албанию, где их руками уничтожению подвергалось все, что попадалось на их пути. В результате десятки тысяч людей были убиты [**9**].

В совокупности все эти вышеперечисленные факторы стали ключевыми в начале миграционного движения, в ходе которого мусульмане были вынуждены переселяться в Анатолию. У мухаджиров в распоряжении было несколько различных способов, позволявших им переселиться в Османскую империю. Тем не менее важно подчеркнуть, что на фоне боевых действий организовать четко спланированный миграционный процесс не представлялось возможным. В связи с этим большинство людей добирались

до ближайших центральных поселений на собственно своих средствах передвижения, в роли которых зачастую выступал гужевой транспорт [**9**, с. 76]. В этом хаотичном движении правительство Османской империи всё же пыталось в целях помощи обеспечивать перевозку мигрирующего населения, посылая транспортные средства в районы их скопления [**11**]. Более того, средства транспортного передвижения, находившиеся в армейском распоряжении, также были предоставлены для нужд мухаджиров. Однако, что важно, климатические условия, в первую очередь холод и дожди, характерные для осеннего сезона на Балканах, превращали всевозможные дороги в грязные и непроходимые пути, в связи с чем использовать в полной мере гужевой вид транспорта было невозможно. Это в свою очередь сказывалось на перевозке личных вещей большинства мухаджиров, в результате чего многие из них страдали от нехватки продуктов питания и предметов одежды [**9**].

Вследствие трудностей, связанных с гужевым видом транспорта, многие беженцы прибывали в города Анатолии, используя линии морских коммуникаций. Среди основных портов, из которых отбывали корабли с мухаджирами, можно перечислить следующие: Александруполис, Кавала, Превеза, Салоники (Греция), Антивари (Черногория), Балчик, Бургас, Варна (Болгария), Констанца (Румыния), Авлонья (Албания). Однако Великая Порта не располагала возможностями, которые позволяли бы ей осуществить перевозку населения, мигрирующего из некогда бывших ее европейских владений. Османская империя попросту не обладала таким количеством судов. Впоследствии правительство младотурков обратилось с просьбой о найме кораблей к Великобритании и Бельгии. Существуют свидетельства, что за помощью османы также обратились к Италии, Австро-Венгрии, Румынии, России и Египту. К примеру, из гавани Кавалы в Стамбул на пароходе «Эль-Махрузе», принадлежавшем египетскому хедиву, были перевезены 2500 человек, столько же прибыли в Александрию на пароходе «Саидие», входившем в состав компании хедива. Кроме того, как отмечалось ранее,

балканские страны ставили своей целью создание государств с однородным населением, по этой причине они «приветствовали» миграцию населения и всячески способствовали этому процессу. Так, в соответствии с соглашением с османами Греция бесплатно перевозила мухаджиров на своих судах. Администрация Великой Порты также оказывала поддержку по покрытию расходов на питание, издержек по транспортным сборам [**9**, с. 80–82].

Железные дороги были еще одним способом переселения для балканских мухаджиров, однако наряду с гужевым видом транспорта и морскими судами данный вид перевозки в необходимых масштабах не мог быть использован. Основная причина кроется в том, что большая часть поездов и вагонов были зарезервированы вооруженными силами Османской империи для нужд фронта. В этой связи большая часть железнодорожных перевозок осуществлялась в основном из районов, расположенных вблизи Стамбула. Государство обязывалось оплачивать необходимые расходы, поэтому за перевозку по железной дороге с беженцев плата не взималась. Однако 30 сентября 1913 года Советом Министров была посчитана сумма, необходимая для покрытия всех расходов, связанных с мухаджирами. Сумма колебалась в районе миллиона куруш, и вскоре выяснилось, что подобные издержки для государства, которое находилось в столь сложном экономическом положении, были попросту неподъемными. В связи с этим администрация Великой Порты была вынуждена начать взимать плату за перевозку [**9**, с. 80–82].

Как отмечалось ранее, мусульманское население массово «хлынуло» из Румелии в Анатолию. Город Стамбул мухаджирами рассматривался как последнее место для спасения. Однако столица Порты была совершенно не готова к такому наплыву беженцев. В первую очередь, это объяснялось продовольственным кризисом. Городских запасов продовольствия попросту не хватало на прибывающих беженцев. Ситуация грозила перерасти в голод. Другой немаловажной проблемой являлось отсутствие должного количество

жилья для размещения мухаджиров [**10**, с. 165]. Наряду с этим Османская империя переживала сложный финансовый кризис, что не позволяло ей оказывать всеобъемлющую поддержку. Это послужило причиной приостановки процесса принятия беженцев-мусульман [**9**, с. 85]. Правительство начало выдавать специальные квоты на въезд в целях разрешения сложившийся ситуации, тем не менее число прибывающих в Стамбул переселенцев не уменьшалось. Впоследствии администрация Великой Порты предпринимает новый шаг для решения этого вопроса. Постановляется выработать систематическую политику по регулированию миграционного движения. Согласно инициативе, исходящей от Meclis-I Vükela («Совета Министров»), начались мероприятия по транспортировке с дальнейшим расселением и жизнеобеспечением беженцев. Протокол от 20 марта 1913 года постановлял создание комиссии, в задачи которой входили предоставление материалов и средств для сельского хозяйства, строительство мечетей и новых школ в местах поселений беженцев, обеспечение всеми необходимыми вещами для проживания. Созданная комиссия находилась под ведомством Министерства внутренних дел Османской империи [**10**, с. 166].

Важно подчеркнуть, что согласно постановлению Стамбул являлся лишь первоначальным местом пребывания мухаджиров. Предполагалось претворение в жизнь политики расселения. В результате к 1914 году в Конье были размещены около 12 900 беженцев, прибывших из Румелии. Часть из них остались проживать в городе Конья, а остальные же были поселены в окрестностях Испарты, Нигде и Анталии [**9**, с. 89]. Среди мигрировавших из Румелии мухаджиров числились и цыгане-мусульмане, после окончания конфликта на Балканах они появились в Анатолии. В Османской империи они предпочитали жить кочевой жизнью, однако правительство пыталось расселить их в разных частях Анатолии. Планировалось, в частности, поселить их на свободных землях в районе Пака, что недалеко от Тосии [**9**, с. 94–95].

При более детальном анализе миграционной политики Османской империи можно сказать, что правящая на тот период времени партия İttihat ve Terakki («Союза и прогресса») применяла несколько практик, которые позволяли регулировать мухаджирское движение. Одним из таких инструментов являлось подписание соглашений об обмене населением с государствами Балканского полуострова, которые стремились построить национальные государства с однородным населением. Поэтому османские инициативы встречали поддержку со стороны стран полуострова. Одним из таких договоров был Константинопольский, известный также как Стамбульский, подписанный между Болгарией и Османской империей в Стамбуле 29 сентября 1913 года. Соглашение включало в себя такие основные пункты как: а) со стороны Болгарии было сделано признание того, что территории Эдирна, Кыркларели, Демотики и прилегающие земли остаются в составе Османской империи; б) порт Дедеагач передавался Болгарии; в) на завершение обмена территориями предоставлялось 10 дней; г) в течение 3 недель должна была быть осуществлена демобилизация приграничных армий; д) с обеих сторон военнопленные должны быть освобождены; е) экономические и политические контакты между обоими государствами должны быть восстановлены; ё) в течение последующих 4 лет должен был быть организован обмен населением. Примечательным является то, что благодаря этому договору 49 000 граждан Великой Порты были обменяны на 47 000 болгар Османской Фракии. Кроме того, соглашение подразумевало осуществление обмена имуществом, а также предоставление гарантий прав оставшимся меньшинствам и защиту собственности [**7**]. Аналогичный документ, получивший название «Афинский», Османская империя также подписала с Грецией 27 апреля 1914 года. Согласно одному из пунктов договора Греция обязывалась защищать права оставшихся в стране мусульман [**12**].

Не менее важным элементом управления миграционной политикой Великой Порты того периода также служила практика «призыва и переселения». Мухаджиров, прибывающих с Балканского полуострова, начали переселять в те регионы, которые граничили с Фракией, где население деревень и городов было в основном немусульманским. Беженцы оставались проживать в данных землях, а впоследствии там же призывались в ряды вооруженных сил Османской империи. Таким образом, подобное решение отвечало целям как внешней, так и внутренней безопасности страны. Это стало одним из первых процессов по «тюркизации» тех уголков империи, в которых не было в достаточном количестве турок и мусульман [7].

Третьим элементом в миграционной политике Великой Порты, проводимой правительством «İttihat ve Terakki», являлась практика переписи населения. Она позволяла обеспечивать контроль над передвижениями населения. Администрация Османской империи осознавала важность осведомленности о количестве уходящей немусульманской части населения государства, как и важность контроля над прибывающими мусульманами. Это, в свою очередь, позволяло государству эффективнее проводить политику расселения, иными словами, сделать население в пределах новых границ государства как можно более мусульманским и турецким. Перепись населения в то же время позволяла оценить этническое и религиозное распределение Анатолии с последующим составлением этнографических карт Османского государства. С этой целью были предприняты попытки проведения неофициальных переписей, которые были тщательно изучены [7].

Подводя итог по данному короткому промежутку времени можно сказать, что в результате Балканских войн в начале XX века Великая Порта столкнулась со значительными проблемами. В результате военной жестокости со стороны армий Балканских государств, а также потери османами значительных территорий большое количество мусульман-мухаджиров были вынуждены покинуть свои прежние места проживания и массово прибывали

на территорию Анатолии. Мухаджиры рассматривали Стамбул как последний очаг спасения, однако, как было подмечено ранее, город и страна в целом были совершенно не готовы принять у себя такое количество беженцев в связи с рядом проблем, для разрешения которых правительством было постановлено создать специальную комиссию. Так, миграционной комиссии поручалось привести процесс переселения, связанный с балканскими мухаджирами, в систематическое состояние, проследив расселение беженцев с последующим обеспечением их предметами жизненно необходимого характера и услугами. Впоследствии правительство Османской империи использовало сразу несколько практик для урегулирования своей миграционной политики. Одними из самых примечательных являлись подписание договоров об обмене населением, в частности, с Болгарией и Грецией, а также практики переписи населения. В целом можно сказать, что несмотря на все социально-экономические проблемы Великая Порта прилагала огромные усилия по принятию и расселению балканских мухаджиров с дальнейшей их интеграцией на новых местах проживания.

Список источников и литературы

1. Агансон О.И Болгария в “Балканской игре” Великобритании в начале XX века // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2011. №2. С. 72-87.
2. Кудрявцева А.А. Балканский полуостров в 1912-1913 годы и обострение ситуации накануне Первой мировой войны // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. №. 3 (219). С. 92-96.
3. Понамарев Д.О. Австро-Венгрия и Османская империя в системе международных отношений // Вестник ЧелГУ. 2009. №41. С. 141-148.
4. Савинский А.А. Воспоминания русского дипломата / А.А.Савинский; пер.с англ. А.Ю.Лошакова. Москва: Кучково поле Музеон. 2022. С. 368.
5. Balkan Savaşları – I. Balkan ve II. Balkan Savaşları (1912-1913) // Kloslog – 21.10.2021. – URL: https://www.kloslog.com/balkan-savaslari-i-balkan-ve-ii-balkan-savaslari-1912-1913/ (дата обращения: 05.02.2026).
6. 1 Balkan Savaşı Nedenleri ve Sonuçları // Antlaşmalar– 07.05.2019. – URL: https://antlasmalar.com/1-balkan-savasi/ (дата обращения: 05.02.2026).
7. İçduygu A., Sert D. The Changing Waves of Migration from the Balkans to Turkey: A Historical Account / A. İçduygu, D. Sert // Migration in the Southern

Balkans from Ottoman territory to Globalized Nation States. London. 2015. P. 85-104.
8. Özgür. G. Balkan Savaşları ve sonrasında Bulgaristan ve Osmanlı Devleti Arasında Nüfüs göçü / G. Özgür. İzmir: Dokuz Eylül Üniversitesi Atatürk ilkeleri ve inkılap Tarihi Enstitüsü. 2008. S. 55.
9. Sezer A. Balkan Savaşları Sonrası Rumeli'den Türk Göçleri ve Osmanlı Devleti'nde İskanları / A.Sezer. Edirne: Trakya Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. 2008. S. 89.
10. Ufuk E. Osmanlı'dan Cumhuriyet'e muhacir komisyonları ve faaliyetleri, 1860-1923 / E.Ufuk Ankara: Türk Tarih Kurumu. 2018. S. 163-164.
11. Uğurcan. G. Balkan savaşları sırasında ve sonrasında Rumeli'den Türk Göçleri // Academia – URL: https://www.academia.edu/41662752/balkan_savaşları_sırasında_ve_sonrasında_rumeliden_türk_göçleri (дата обращения: 03.02.2026).
12. Yıldırım, S., Balkan Savaşları ve Sonrasındaki Göçlerin Türkiye Nüfusuna Etkileri. CTAD, Yıl 8, Sayı 16 (Güz 2012), s. 75-92

Шуршакова Анна Андреевна,
старший государственный таможенный инспектор
Управления международного таможенного
сотрудничества ФТС России.
E-mail: mlvnn@yandex.ru

Anna A. Shurshakova,
Senior state customs inspector
International customs cooperation department
of the Federal customs service of Russia.
E-mail: mlvnn@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПАРТИИ «ГРУЗИНСКАЯ МЕЧТА»: АНАЛИЗ СУВЕРЕННО-КОНСЕРВАТИВНОГО ДИСКУРСА И ЕГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В 2022–2025 ГГ.

TRANSFORMATION OF THE POLITICAL STRATEGY OF THE GEORGIAN DREAM PARTY: ANALYSIS OF THE SOUVEREIGN-CONSERVATIVE DISCOURSE AND ITS ELECTORAL EFFECTIVENESS IN 2022–2025

Аннотация: в условиях глобальных геополитических трансформаций и нарастающей конкуренции между либеральной демократической моделью и альтернативными формами политического устройства особую актуальность приобретает изучение феномена консервативного поворота в странах, ранее декларировавших безусловную приверженность западным ценностям. Случай Грузии представляет особый научный интерес, поскольку демонстрирует динамику взаимодействия внутриполитических факторов, геополитических интересов и вопросов национального суверенитета.

Ключевые слова: консервативный поворот, Грузинская мечта, суверенный прагматизм, электоральные стратегии, многовекторная внешняя политика, политическая трансформация, постсоветское пространство.

Annotation: in the context of global geopolitical transformations and increasing competition between the liberal democratic model and alternative forms of political structure, the study of the phenomenon of conservative turn in countries that previously declared unconditional adherence to Western values is particularly relevant. The case of Georgia is of particular scientific interest, as it demonstrates the dynamics of the interaction of domestic political factors, geopolitical interests and issues of national sovereignty.

Keywords: illiberal turn, Georgian Dream, sovereign pragmatism, electoral strategies, multi-vector foreign policy, political transformation, post-Soviet space.

Последнее десятилетие заметен отход ряда государств от либерально-демократических ориентиров в пользу более суверенно-ориентированных и консервативных моделей управления. Этот тренд отчетливо проявляется как в Восточной Европе (Венгрия под руководством В. Орбана), так и в других регионах мира (Турция при президентстве Р. Т. Эрдогана, Индия при Н. Моди). Такие изменения сопровождаются усилением консервативной риторики, критикой либеральных ценностей Запада, ограничением деятельности неправительственных организаций и формированием более жесткого контроля над информационным пространством.

В этом контексте политическая эволюция Грузии представляет особый интерес. Политическая траектория партии «Грузинская мечта – Демократическая Грузия», находящейся у власти с 2012 года, демонстрирует эволюцию от прозападной ориентации периода становления (2012–2021 гг.) к суверенному прагматизму современного этапа (2022–2025 гг.). Начав свой политический путь как сила, однозначно ориентированная на западные структуры и евроатлантическое сотрудничество, «Грузинская мечта» впоследствии эволюционировала к многовекторной политике, где декларативная поддержка европейского курса сосуществует с приоритетной защитой суверенитета и культурной самобытности**.**

«Грузинская мечта» представляет собой политическую структуру, объединяющую различные идеологические течения. Адаптировав некоторые положения предшественников и конституционно закрепив в 2017 году евроатлантическую интеграцию как стратегический ориентир, партия тем не менее сформулировала дипломатический принцип «договариваться о возможном», позволивший восстановить экономические связи с Россией [**16**].

С начала санкционного давления на Россию в 2014 году Тбилиси воздерживался от введения собственных ограничительных мер. В 2023 году грузинская экономика продемонстрировала рост ВВП на уровне 7,2% [**21**], чему способствовала относительная нейтральность в отношении украинского

конфликта. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, Россия остается одним из ключевых торговых партнеров Грузии с товарооборотом около 2,5 миллиарда долларов США в 2024 году [**22**]. Ключевым ограничителем для нормализации отношений между Грузией и Россией остается Абхазский вопрос. Текущая конфигурация двусторонних отношений демонстрирует более широкую тенденцию к «секторальной дипломатии», предполагающей развитие отношений в отдельных сферах при наличии фундаментальных политических разногласий.

Отношения с Европейским Союзом также претерпели изменения. В июне 2022 года Европейский совет предоставил статус кандидатов Украине и Молдове, ограничившись для Грузии «европейской перспективой» при условии выполнения 12 приоритетных рекомендаций [**10**]. Принятие законов «О прозрачности иностранного влияния» и «О защите семейных ценностей и несовершеннолетних» вызвало резкую критику западных партнеров, несмотря на наличие аналогичных норм в ряде европейских государств [**9**].

На парламентских выборах 26 октября 2024 года «Грузинская мечта» получила 53,92% голосов, обеспечив себе парламентское большинство [**29**]. Оппозиция отказалась признать результаты, а некоторые западные государства ввели визовые ограничения против представителей грузинских властей, заявив о фальсификациях.

Дискурсивные практики, посредством которых «Грузинская мечта» легитимирует свой политический курс перед различными аудиториями, могут быть проанализированы через призму теорий конкурентного авторитаризма и концепции двухуровневой игры, предполагающей необходимость одновременного балансирования между внутриполитическими запросами и внешнеполитическими обязательствами.

Эволюция политической стратегии «Грузинской мечты»

Траектория идеологической эволюции «Грузинской мечты» может быть разделена на три отчетливых этапа, каждый из которых характеризуется своим набором приоритетов, дискурсивных стратегий и политических практик.

На первом этапе (2012–2016 гг.) партия активно продвигала проевропейскую повестку, делая акцент на экономических преимуществах сближения с ЕС и НАТО. Политический дискурс этого периода строился вокруг таких концептов, как «европейский выбор», «демократические реформы» и «деолигархизация». Партия позиционировала себя как прагматичная альтернатива радикальному прозападному курсу Михаила Саакашвили, сохраняя при этом стратегическую ориентацию на евроатлантическую интеграцию [**2**].

Второй этап (2017–2021 гг.) отмечен постепенным пересмотром внешнеполитических приоритетов. Не отказываясь от европейской интеграции как стратегической цели, «Грузинская мечта» начала продвигать концепцию «договариваться о возможном», направленную на нормализацию отношений с Россией, особенно в экономической сфере [**28**]. В этот период наблюдается значительное увеличение российско-грузинского товарооборота и туристического потока при сохранении формальной приверженности евроатлантическому курсу.

Третий этап (2022–2025 гг.) характеризуется формированием целостной концепции «суверенного прагматизма», в которой национальные интересы получают явный приоритет над внешними обязательствами. Анализ выступлений руководства партии показывает существенный рост упоминания понятий «суверенитет», «национальный путь» и «грузинская идентичность» при сокращении риторики о «европейской интеграции [**3**; **20**].

Эта трансформация нашла отражение во внешнеполитической программе правительства Грузии **«К Европе только с миром, достоинством и процветанием»** 2024 года, где была сформулирована концепция «грузинского пути», предполагающая сохранение национальной

идентичности и культурного своеобразия как приоритетов над универсалистскими либеральными ценностями.

Характерно, что коммуникационная стратегия партии эволюционировала от технократического, ориентированного на результат подхода к более эмоциональному, ценностно-ориентированному дискурсу. Это отразило не только изменения в международной обстановке, но и глубинное понимание внутренних запросов грузинского общества, значительная часть которого, особенно за пределами столицы, сохраняет традиционалистские установки.

Внутренние и внешние факторы политической переориентации

Трансформация политической стратегии «Грузинской мечты» была обусловлена взаимодействием внутренних и внешних факторов, которые усиливали и дополняли друг друга.

Среди внутренних факторов ключевую роль сыграла социокультурная гетерогенность грузинского общества. Разрыв между космополитичной, проевропейской элитой, сосредоточенной преимущественно в Тбилиси, и более традиционалистски настроенным населением регионов создавал скрытое напряжение, которое «Грузинская мечта» сумела трансформировать в политический ресурс. Социологические исследования демонстрируют, что значительная часть грузинского общества, поддерживая европейскую интеграцию в экономическом аспекте, сохраняет консервативные взгляды по вопросам семьи, пола и религии [**23**].

Важным фактором стали также экономические интересы национального бизнеса. Многие грузинские предприниматели, особенно в сфере сельского хозяйства, винодельческой промышленности и туризма, были заинтересованы в сохранении доступа к российскому рынку. Потенциальные экономические выгоды от евроинтеграции представлялись более отдаленными и неопределенными, тогда как издержки от разрыва экономических связей с Россией были немедленными и ощутимыми.

Существенное влияние оказали особенности политической системы Грузии, сложившейся после конституционной реформы 2017–2018 годов [**16**]. Переход к парламентской модели, задуманный как шаг к демократизации, на практике способствовал концентрации власти в руках правящей партии.

Среди внешних факторов ключевую роль сыграла геополитическая нестабильность в регионе. Обострение конфликта на Украине после 2022 года создало для Грузии новые риски и вызовы. Опыт грузино-российского конфликта 2008 года оставался живым в коллективной памяти, что способствовало формированию более осторожного подхода к вопросам региональной безопасности.

Существенное влияние оказали предвзятые решения европейских структур. Когда в июне 2022 года Украина и Молдова получили статус кандидатов в ЕС, а Грузии была предложена лишь «европейская перспектива», это вызвало разочарование и усилило евроскептические настроения в обществе, предоставив «Грузинской мечте» дополнительные аргументы для критики западных партнеров [**10**; **11**].

Нельзя недооценивать и влияние усиления альтернативных центров геополитического притяжения. Экономический подъем Китая, активизация региональной политики Турции и формирование новых интеграционных форматов в Центральной Азии создали для Грузии дополнительные возможности диверсификации внешних связей [**4**].

Особенности дискурсивных практик «Грузинской мечты» в 2022–2025 гг.

Центральным элементом политической риторики лидеров «Грузинской мечты» в период 2022–2025 стала антитеза между защитой национального суверенитета и противодействием внешнему вмешательству. Партийные спикеры последовательно позиционировали себя как гарантов независимости Грузии, а оппозицию характеризовали как «представителей иностранных

интересов» [**3**]. Масштабные протесты против законодательства о прозрачности финансирования лишь укрепили эту дискурсивную стратегию.

Второй ключевой элемент дискурса – апелляция к традиционным ценностям как фундаменту национальной идентичности. Консервативный поворот в риторике «Грузинской мечты» проявился в активном использовании религиозных образов и апелляции к семейным ценностям [**12**].

Третьим важным элементом стала реинтерпретация идеи европейской интеграции. «Грузинская мечта» произвела своеобразную деконструкцию «европейского мифа», разделив европейские ценности на «приемлемые» (экономическая эффективность, технологический прогресс, верховенство права) и «неприемлемые» (гендерная идеология, ЛГБТ[31]-права, секуляризм).

Четвертым элементом стало формирование образа «новой Грузии» как регионального экономического и логистического хаба, интегрированного в глобальные торговые и финансовые потоки. Этот нарратив подразумевал развитие «Срединного коридора» и участие в китайской инициативе «Один пояс – один путь». Такой подход позволил перевести общественную дискуссию с идеологических вопросов на практические экономические перспективы.

В коммуникационной стратегии правящей партии четко прослеживается эволюция от реактивной, оборонительной риторики к формированию целостной идеологической альтернативы. Если в начале своего правления «Грузинская мечта» в основном реагировала на инициативы оппонентов, то к 2023–2025 годам партия перешла к активному формированию собственной идеологической повестки. Существенные изменения произошли и в медиа-стратегии: «Грузинская мечта» значительно расширила свое присутствие в социальных сетях и мессенджерах, создав альтернативные каналы

31 Движение запрещено в РФ как экстремистское.

коммуникации, позволяющие обходить традиционные медиа, большинство из которых сохраняют проевропейскую ориентацию.

Трансформация политической коммуникации с электоратом

Сравнительный анализ избирательных кампаний 2020 и 2024 годов выявляет ряд существенных инноваций, которые способствовали электоральному успеху партии несмотря на растущее международное давление.

Если в 2020 году доминировала унифицированная риторика с акцентом на экономические достижения и социальную стабильность, то избирательная кампания 2024 года характеризовалась таргетированным подходом к различным группам избирателей. Партийная риторика была настроена под различные демографические сегменты: консервативным гражданам предлагался нарратив защиты культурных устоев и национального своеобразия; для бизнес-сообщества и среднего класса акцентировались экономические выгоды и прагматичный внешнеполитический курс; пенсионерам и социально уязвимым группам адресовались обещания стабильности и расширения государственной поддержки.

В предвыборной кампании 2024 года партия представила концепцию «грузинского пути», которая предполагает балансирование между различными центрами силы при сохранении национального суверенитета. Это позволило эффективно апеллировать к растущему в обществе запросу на суверенитет и национальную самодостаточность, особенно в условиях разочарования в европейской перспективе.

Кроме того, заметно усилилась конфронтационная риторика в отношении внешних акторов и внутренней оппозиции. Партийные спикеры не только критиковали оппонентов, но и активно использовали язык поляризации, представляя политическую борьбу как экзистенциальное противостояние между патриотами и «агентами влияния».

«Грузинская мечта» также провела цифровизацию своих избирательных кампаний, расширив присутствие в социальных сетях и мессенджерах, что позволило преодолеть «фильтры» традиционных медиа и установить прямую коммуникацию с избирателями.

Эффективность перечисленных коммуникационных инноваций подтверждается результатами парламентских выборов 26 октября 2024 года [**29**]. Несмотря на обвинения в фальсификациях со стороны оппозиции и критику международных наблюдателей, опросы общественного мнения подтверждают, что партия сохраняет значительную поддержку, особенно среди сельских жителей и пожилых избирателей.

Законодательные инициативы как инструмент консолидации власти

Законотворческая деятельность «Грузинской мечты» в 2022–2025 гг. представляет собой последовательную стратегию институционального закрепления консервативного поворота. Центральное место в этой законодательной программе занимает закон «О прозрачности иностранного влияния», принятый в мае 2024 года несмотря на массовые протесты и международную критику [**9**; **13**]. Данный законодательный акт, сравниваемый оппонентами с аналогичными российскими нормами, устанавливает обязательную регистрацию для организаций, чье иностранное финансирование превышает 20% часть бюджета, с присвоением им специального статуса субъектов, действующих в интересах зарубежных сил. Хотя формально закон направлен на обеспечение финансовой прозрачности, его практическое применение создает механизмы для ограничения деятельности критически настроенных НПО и медиа.

Сравнительный анализ показывает, что грузинский закон занимает промежуточное положение между жесткими российскими нормами и более мягкими регуляциями, существующими в некоторых европейских странах и США. Эта «умеренная» позиция позволяет правительству отвергать

обвинения в авторитаризме, указывая на существование аналогичных норм в западных демократиях.

Вторым ключевым элементом законодательной стратегии стал закон «О защите семейных ценностей и несовершеннолетних», запрещающий «пропаганду ЛГБТ[32]» в публичном пространстве и образовательных учреждениях [**12**]. Этот закон выполняет двойную функцию: с одной стороны, он удовлетворяет консервативный запрос значительной части грузинского общества, с другой – служит символическим маркером суверенитета, демонстрируя готовность власти противостоять либеральному давлению ЕС.

Существенную роль в институциональной стратегии «Грузинской мечты» сыграли также изменения в избирательном законодательстве, такие как введение электронной системы голосования, модификация процедур формирования избирательных комиссий и новые правила наблюдения за выборами, которые формально повышали техническую прозрачность избирательного процесса, но одновременно усиливали контроль правящей партии над электоральной инфраструктурой.

Значимый вклад в укрепление институциональных позиций власти внесло также реформирование медиа-законодательства. Поправки к закону «О вещании» и расширение полномочий Национальной коммуникационной комиссии создали дополнительные рычаги воздействия на медиа-сектор. Эти меры, оправдываемые необходимостью борьбы с дезинформацией и защиты информационного суверенитета, на практике ограничивали пространство для критических голосов.

Анализ совокупности принятых законодательных актов позволяет выделить несколько характерных паттернов. Во-первых, большинство инициатив имеют аналоги в законодательстве других стран, включая западные демократии, что позволяет правительству отвергать обвинения в

32 Движение запрещено в РФ как экстремистское.

антидемократических тенденциях. Во-вторых, формулировки законов часто содержат намеренные неопределенности, оставляющие пространство для гибкого правоприменения. В-третьих, многие законы сопровождаются апелляцией к национальным интересам и традиционным ценностям, что усиливает их легитимность в глазах консервативного электората.

Реконфигурация отношений Грузии с Европейским Союзом: от интеграционной парадигмы к прагматичному партнерству

Переломным пунктом в грузино-европейских отношениях стал саммит ЕС летом 2022 года, когда Брюссель дифференцировал подходы к постсоветским республикам: Киев и Кишинев получили официальный статус кандидатов, тогда как Тбилиси был предложен менее определенный формат «европейской перспективы» [**10**].

В то же время объем торговли между Грузией и ЕС продолжает расти. Согласно данным Национальной службы статистики Грузии, в 2023 году товарооборот между Грузией и странами ЕС составил 3,8 млрд евро, что на 12% превышает показатель 2022 года [**22**].

Дискурсивная трансформация в отношении ЕС четко прослеживается в официальной риторике грузинских властей. Если в 2012–2020 годах доминировали такие концепты как «европейская семья», «общие ценности» и «историческая принадлежность к Европе», то к 2023–2025 годам на первый план вышли понятия «суверенное партнерство», «взаимная выгода» и «грузинский путь в Европу». Эта эволюция отражает переход от нормативной к инструментальной интерпретации европейской интеграции.

Кульминацией трансформации стала реакция ЕС на парламентские выборы 2024 года. Решение Европейского парламента не признавать результаты выборов, а также введение санкций некоторыми европейскими странами против представителей грузинских властей вызвало ответные меры. В декабре 2024 года правительство Грузии объявило о приостановке до 2028 года переговоров о вступлении в ЕС и отказе от европейских грантов,

подчеркнув при этом намерение продолжать работу над выполнением обязательств по Соглашению об ассоциации.

Показательно, что, несмотря на политическое охлаждение отношений с ЕС, грузинское общество сохраняет преимущественно проевропейские настроения. Согласно опросам Кавказского исследовательского ресурсного центра, в 2023 году 62% респондентов поддерживали вступление Грузии в ЕС [**15**]. Однако этот показатель снизился с 78% в 2021 году, что отражает постепенную эрозию проевропейского консенсуса.

Трансформация отношений с ЕС также отразилась на тональности европейской риторики в отношении Грузии. Если раньше Грузия часто описывалась как «история успеха Восточного партнерства» и «лидер демократических реформ», то к 2024 году в официальных документах ЕС доминируют понятия «демократическое отступление» и «авторитарные тенденции», свидетельствуя о глубине политического разрыва между Брюсселем и Тбилиси.

Диверсификация внешнеполитических и экономических связей как стратегия обеспечения суверенитета

Одновременно с переосмыслением европейского вектора Тбилиси целенаправленно расширял географию внешнеполитических и торговых партнерств. Наиболее динамично развивались отношения с азиатскими государствами – Китаем, Объединенными Арабскими Эмиратами, Турцией и странами Центральной Азии. Статистические данные свидетельствуют о существенном изменении структуры внешнеторгового баланса Грузии: доля ЕС снизилась с 23,5% в 2021 году до 20,8% в 2023 году, в то время как доля азиатских государств возросла [**22**].

Стратегическое значение для Грузии приобрело участие в китайской инициативе «Один пояс – один путь» и развитие инфраструктуры «Срединного коридора». Правительство последовательно продвигает образ Грузии как

ключевого транзитного хаба, соединяющего Европу, Центральную Азию и Китай.

Диверсификация внешних связей затрагивает также сферу безопасности. В области военно-технического сотрудничества Грузия демонстрирует тенденцию к расширению круга партнеров, включая Турцию, Израиль и некоторые европейские государства.

Диверсификационная стратегия Грузии соответствует теоретической модели «многовекторной внешней политики», которая предполагает одновременное развитие отношений с различными центрами силы без однозначной геополитической ориентации. Успешность данной стратегии свидетельствует о возрастающей роли малых и средних государств в формирующейся полицентричной системе международных отношений.

Заключение

Проведенное исследование трансформации политической стратегии партии «Грузинская мечта» позволяет сделать ряд выводов о природе и последствиях консервативного поворота в Грузии, а также о более широких тенденциях развития политических процессов на постсоветском пространстве.

Во-первых, идеологическая трансформация грузинского правительства отражает не тактическое маневрирование в ответ на текущие обстоятельства, а фундаментальный пересмотр стратегических приоритетов в условиях глобальных геополитических сдвигов.

Во-вторых, успешность нелиберальной стратегии с точки зрения электоральных результатов и общественной поддержки свидетельствует о наличии в грузинском обществе устойчивого запроса на суверенную внешнюю политику и защиту традиционных ценностей.

В-третьих, дипломатическая эволюция Тбилиси от безусловной прозападной ориентации к балансированию между различными центрами силы иллюстрирует общемировой процесс формирования новой полицентричной архитектуры международных отношений.

Опыт Грузии демонстрирует ограниченность трансформативного потенциала Европейского Союза в условиях геополитической конкуренции. Политика обусловленности (conditionality), традиционно используемая ЕС для стимулирования демократических реформ, показала снижение эффективности при столкновении с жесткими геополитическими реалиями региона. Консервативный поворот в Грузии следует рассматривать в контексте глобального феномена «демократической рецессии» и роста популярности консервативных и популистских политических сил. Грузинский кейс демонстрирует формирование гибридной модели, сочетающей формальное признание демократических принципов с консервативными ценностями и прагматичной внешней политикой.

В теоретическом плане грузинский кейс подтверждает необходимость более нюансированного подхода к анализу политических трансформаций на постсоветском пространстве, преодолевающего простое противопоставление демократизации и авторитарного отката. Консервативный поворот «Грузинской мечты» отражает адаптацию политической системы к многовекторным вызовам и требует комплексного теоретического осмысления вне рамок линейных транзитологических моделей.

В заключение необходимо подчеркнуть: долгосрочная устойчивость консервативно-суверенистской модели в грузинском политическом ландшафте представляет собой динамическую переменную, зависящую от множества внутренних и внешних факторов. Его устойчивость будет зависеть от способности правящей элиты обеспечивать экономический рост и политическую стабильность в условиях международного давления, а также от эволюции глобального геополитического контекста. Однако уже сейчас можно констатировать, что трансформация политической стратегии «Грузинской мечты» знаменует собой значимый этап в развитии грузинской государственности, характеризующийся переосмыслением национальной идентичности и места страны в меняющемся мировом порядке.

Список использованных источников и литературы

1. Агентство США по международному развитию (USAID) выделило больше ста миллионов долларов на выборы в Грузии // РИА Новости. – 02.02.2025. – URL: https://ria.ru/20250205/usaid-1997532733.html (дата обращения: 03.02.2025).
2. Бека Ч. Исторические выборы в Грузии: смена власти и формирование новой политической традиции // Киберленинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-vybory-v-gruzii-smena-vlasti-i-formirovanie-novoy-politicheskoy-traditsii (дата обращения: 15.07.2025).
3. Выступление премьер-министра Грузии Ираклия Гарибашвили на 78-й Генеральной Ассамблее ООН [Irakli Garibashvili's Speech at UN General Assembly]. – 2023. – URL: https://civil.ge/ru/archives/560685 (дата обращения: 25.06.2025).
4. Геополитика китайского пояса и пути [The Geopolitics of China's Belt and Road Initiative] / T. Tudoroiu. – 2023. – URL: https://www.researchgate.net/publication/374939173_The_Geopolitics_of_China's_Belt_and_Road_Initiative (дата обращения: 05.07.2025).
5. Грузия прекращает работу в ПАСЕ после резолюции о новых выборах в парламент // ТАСС. – 29.01.2025. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23006363 (дата обращения: 03.02.2025).
6. Грузия, Парламентские выборы, 26 октября 2024 года: Итоговый отчет ОБСЕ [Georgia, Parliamentary elections, 26 October 2024: Final Report] // OSCE/ODIHR. – 20.12.2024. – URL: https://www.osce.org/odihr/elections/georgia/584029 (дата обращения: 22.12.2024).
7. Дипломатия и внутренняя политика: логика двухуровневых игр [Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games] / R. Putnam // International Organization. – 1988. – Vol. 42, No. 3. – P. 427-460.
8. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Пер. с англ. – М.: Ладомир, 2004. – 383 с.
9. Заключение о законе о прозрачности иностранного влияния [Opinion on the Law on Transparency of Foreign Influence] // Venice Commission. – 2023. – URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-PI(2024)013-e (дата обращения: 15.07.2025).
10. Заключение по заявке Грузии на членство в Европейском Союзе [Opinion on Georgia's application for membership of the European Union] // European Commission. – 2022. – URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-10/undp-georgia-eu4climate-eu_commission-opinion_on_georgias_membership-2022-eng.pdf (дата обращения: 14.07.2025).
11. Заключения по Украине, Республике Молдова и Грузии [Conclusions on Ukraine, the Republic of Moldova and Georgia] // European Council. – 2022. –

URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/06/23/european-council-conclusions-on-ukraine-the-membership-applications-of-ukraine-the-republic-of-moldova-and-georgia-western-balkans-and-external-relations-23-june-2022/ (дата обращения: 14.07.2025).
12. Закон Грузии «О защите семейных ценностей и несовершеннолетних» от 17 сентября 2023 г. // Парламент Грузии. – URL: https://parliament.ge/en/legislation/ (дата обращения: 20.07.2025).
13. Закон Грузии «О прозрачности иностранного влияния» от 14 мая 2023 г. // Законодательный вестник Грузии. – URL: https://matsne.gov.ge/ (дата обращения: 12.09.2023).
14. Закон о мобилизации и расширении возможностей Грузии для построения подотчетности, устойчивости и независимости (Megobari act) от 23 мая 2024 г. // Library of Congress. – URL: https://www.congress.gov/bill/118th-congress/house-bill/8566/text (дата обращения: 03.02.2025).
15. Кавказский барометр 2023: Грузия [Caucasus Barometer 2023: Georgia] // The Caucasus Research Resource Centers. – URL: https://crrc.ge/wp-content/uploads/2024/07/cb2024_presentation_2024.07.18_web.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
16. Конституция Грузии (с изменениями от 2017 г.) // Официальный сайт Парламента Грузии. – URL: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30346?publication=36 (дата обращения: 10.06.2025).
17. Контрреволюция: отступление либеральной Европы [Counter-Revolution: Liberal Europe in Retreat] / J. Zielonka. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – URL: https://dl1.cuni.cz/pluginfile.php/1033846/mod_resource/content/1/Stránky%20z%20Jan%20Zielonka%20-%20Counter-Revolution_%20Liberal%20Europe%20in%20Retreat-Oxford%20University%20Press%2C%20USA%20%282018%29-Kap%201-2.pdf (дата обращения: 10.08.2025).
18. Левицкий С., Уэй Л. Конкурентный авторитаризм: гибридные режимы после холодной войны / Пер. с англ. – М.: Издательство Института Гайдара, 2018. – 352 с.
19. Мечты Грузии: неужели вот-вот начнется очередная цветная революция? [Georgia Dreaming: is another colour revolution about to kick off?] // The Nation. – 20.05.2024. – URL: https://www.thenation.com/article/world/georgia-dream-protests-ngo-color-revolution/ (дата обращения: 02.08.2025).
20. Министерство иностранных дел Грузии. Стратегия внешней политики 2023-2030. – URL: https://mfa.gov.ge/MainNav/ForeignPolicy/ForeignPolicyStrategy.aspx (дата обращения: 05.08.2025).

21. Национальная служба статистики Грузии. Валовой внутренний продукт. – 2023. – URL: https://www.geostat.ge/en/modules/categories/23/gross-domestic-product-gdp (дата обращения: 18.07.2025).
22. Национальная служба статистики Грузии. Внешняя торговля. – 2023. – URL: https://www.geostat.ge/en/modules/categories/35/external-trade (дата обращения: 18.07.2025).
23. Национальное исследование общественного мнения жителей Грузии [Public Opinion Survey: Residents of Georgia] // International Republican Institute. – 2023. – URL: https://bm.ge/en/news/georgian-support-georgias-joining-eu---iri/132396 (дата обращения: 19.07.2025).
24. Оттолкнули ли выборы Грузию еще дальше от интеграции с Западом? // IISS. – 14.11.2024. – URL: https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2024/11/have-elections-pushed-georgia-further-from-western-integration/ (дата обращения: 12.02.2025).
25. Политика идентичности: исследование внешнеполитического поведения Грузии [Identity politics: Exploring Georgian foreign policy behavior] / K. Kakachia, S. Minesashvili // Journal of Eurasian Studies. – 2015. – Vol. 6, No. 2. – P. 171-180. – URL: https://www.researchgate.net/publication/275672715_Identity_politics_Exploring_Georgian_foreign_policy_behavior (дата обращения: 11.06.2025).
26. Скворцова Н.А., Абазов Д.А. Коммуникационный режим Грузии: диалог в условиях разорванных дипломатических отношений // Россия и мир: научный диалог. – 2024. – № 1 (11).
27. Страны в переходном периоде 2023: Грузия [Nations in Transit 2023: Georgia] // Freedom House. – URL: https://civil.ge/wp-content/uploads/2023/05/Georgia_-Nations-in-Transit-2023-Country-Report-_-Freedom-House.pdf (дата обращения: 20.07.2025).
28. Федоровская И.М. Итоги политического сезона в Грузии // Россия и новые государства Евразии. – 2017. – № 4. – С. 109-120. – URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2017_04/17.FedorovskayaItogy.pdf (дата обращения: 10.08.2025).
29. Центральная избирательная комиссия Грузии. Парламентские выборы 2024. – URL: https://results.cec.gov.ge/#/en-us/election_57/tr/dashboard (дата обращения: 10.07.2025).
30. Чхиквадзе А. В Грузии демократия движется к кризису. Обращает ли Запад внимание на это? // The Washington Post. – 2019. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2019/11/26/democracy-georgia-is-heading-crunch-is-west-paying-attention/ (дата обращения: 16.07.2025).

Хориняк Вячеслав Викторович,
эксперт в области кибербезопасности.
E-mail: 123land@mail.ru
Vyacheslav V. Khorinyak,
Cybersecurity Expert.
E-mail: 123land@mail.ru

Ордин Алексей Вячеславович,
кандидат технических наук,
докторант, Московский авиационный институт.
E-mail: alexey_ordin@mail.ru
Alexey V. Ordin,
PhD in Engineering,
Doctoral Candidate, Moscow Aviation Institute.
E-mail: alexey_ordin@mail.ru

Вильданов Роберт Рустэмович,
аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (МГИМО).
E-mail: robvild@gmail.com
Robert R. Vildanov,
Postgraduate Student,
MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: robvild@gmail.com

SD-WAN КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ − ЧЛЕНАХ ЕАЭС

SD-WAN AS A KEY ELEMENT IN BUILDING COMPREHENSIVE CYBERSECURITY IN THE MEMBER STATES OF THE EAEU

Аннотация: современные угрозы в киберпространстве требуют от государств − членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) – системного и координированного подхода к обеспечению информационной безопасности. Одним из наиболее перспективных технологических решений в этой сфере выступает архитектура SD-WAN, позволяющая объединять распределенные ресурсы в единую управляемую и защищенную сеть. В статье исследуются технические и организационные аспекты внедрения SD-WAN в инфраструктуру критически важных объектов, рассматриваются международные стандарты и национальные инициативы в области

сертификации, а также приводятся рекомендации по применению технологии в условиях государств ЕАЭС.

Ключевые слова: SD-WAN, кибербезопасность, ЕАЭС, ФСТЭК, цифровизация, критическая инфраструктура, телекоммуникации, защита данных, импортозамещение, сертификация.

Abstract: modern cyber threats demand a systemic and coordinated approach to digital security from the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU). One of the most promising technological solutions in this area is the SD-WAN architecture, which enables the integration of distributed resources into a single, centrally managed and secure network. This article explores the technical and organizational aspects of implementing SD-WAN in critical infrastructure, reviews international standards and national certification initiatives, and provides recommendations for applying the technology in the context of EAEU countries.

Keywords: SD-WAN, cybersecurity, EAEU, Federal Service for Technical and Export Control (FSTEC of Russia), digitalization, critical infrastructure, telecommunications, data protection, import substitution, certification.

Введение

В последние десятилетия мировое сообщество наблюдает стремительное развитие цифровых технологий, которое оказывает всё более существенное влияние на политические, экономические и социальные процессы. Государства, находящиеся на разных уровнях технологического развития, вынуждены адаптироваться к изменяющейся архитектуре международных отношений, где информационная безопасность и цифровой суверенитет становятся важнейшими компонентами национальной безопасности [**14**; **31**].

На этом фоне актуализируется вопрос формирования устойчивой информационной инфраструктуры, обеспечивающей защищенную передачу данных, мониторинг потоков данных, устойчивость к внешним воздействиям и готовность к отражению киберугроз [**1**; **36**; **41**]. В условиях нарастания гибридных угроз и санкционного давления особое значение приобретают разработка и внедрение отечественных решений в области сетевой архитектуры и защиты информации [**26**; **27**].

Одним из таких решений становится программно определяемая глобальная сеть − SD-WAN (Software-Defined Wide Area Network). Эта технология, находящаяся на стыке телекоммуникаций, информационной безопасности и цифрового управления, предоставляет государствам и корпорациям возможность объединять территориально распределенные сегменты информационной инфраструктуры в единую управляемую сеть [**24**; **25**; **28**]. Основные преимущества SD-WAN включают гибкость маршрутизации, централизованное управление, высокую масштабируемость, возможность применения политик безопасности на уровне сети и интеграцию с современными средствами киберзащиты [**30**; **32**].

В странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) − России, Армении, Белоруссии, Казахстане и Киргизии − формируется собственная повестка цифровой трансформации, основанная на принципах доверенного взаимодействия, взаимного признания цифровых подписей и сертификации средств защиты информации [**18**; **19**; **20**]. В рамках реализации Стратегических направлений развития евразийской интеграции до 2025 года (утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12), особое внимание уделяется развитию информационной инфраструктуры, гармонизации законодательства в области ИКТ и формированию евразийского пространства доверия [**18**]. Одной из ключевых задач в этой области является создание единой архитектуры информационной безопасности, обеспечивающей защищенный обмен информацией между государственными и коммерческими структурами, а также мониторинг рисков и инцидентов в режиме реального времени [**16**; **36**]. В этом контексте SD-WAN может служить транспортной и логической основой для построения защищенных каналов связи между органами власти, институтами развития, промышленными центрами и распределенными объектами критической информационной инфраструктуры (КИИ) [**29**; **31**; **35**].

Актуальность темы обусловлена тем, что государства ЕАЭС в настоящее время сталкиваются с общими вызовами: увеличением объема киберугроз [**1**; **37**], ростом зависимости от иностранных ИТ-решений [**23**], необходимостью импортозамещения [**27**; **28**], а также фрагментацией подходов к безопасности [**16**]. SD-WAN позволяет сместить фокус с дорогостоящих аппаратных решений на гибкие программные средства, упрощающие развертывание и управление сложными сетевыми структурами, включая ведомственные и межгосударственные сегменты [**25**; **33**].

Кроме того, важным аспектом является сопряжение технологии SD-WAN с задачами обеспечения технологического суверенитета. На примере Российской Федерации можно наблюдать процесс разработки национальных стандартов сертификации SD-WAN [**21**; **22**], интеграции технологий в арсенал ФСТЭК России и формирование технологической кооперации между компаниями в рамках таких структур, как АНО «Цифровая экономика» и АРПП «Отечественный софт», Некоммерческое партнерство разработчиков програмного обеспечения «РУССОФТ» [**27**; **34**]. Эта практика может быть масштабирована на все пространство ЕАЭС при наличии соответствующих нормативных и технологических условий [**19**; **20**].

Программно определяемые сети представляют особый интерес для реализации задач трансформации государственного управления, включая такие направления, как электронное правительство [**15**], интеллектуальное транспортное планирование, таможенное администрирование, цифровая энергетика и логистика [**38**]. Особенно важна эта технология в контексте внедрения механизма «единого окна» во внешнеэкономической деятельности, как одного из приоритетов цифровой интеграции ЕАЭС [**19**; **20**]. Здесь SD-WAN может использоваться для построения защищенных каналов передачи данных между национальными информационными системами, обеспечивая надежную синхронизацию торговых и логистических потоков [**39**].

Введение технологии SD-WAN требует как технологической адаптации, так и институциональной поддержки. Оно затрагивает аспекты стандартизации, сертификации, подготовки кадров, нормативно-правового обеспечения и обеспечения совместимости с существующими средствами защиты информации [**21**; **22**; **34**]. Это особенно важно для государств с разным уровнем зрелости ИКТ-отрасли, где необходимо обеспечить баланс между гибкостью решений и соблюдением единых требований по безопасности [**16**].

Потенциал интеграции SD-WAN в странах ЕАЭС

Вопрос интеграции современных ИКТ-архитектур в рамках ЕАЭС приобретает всё большую актуальность на фоне системного курса государств-членов на развитие технологического суверенитета, унификацию стандартов информационной безопасности и снижение зависимости от иностранных решений. Одним из таких архитектурных решений является SD-WAN – инструмент, способный сыграть роль «связующего звена» в формировании защищенного информационного пространства между государственными структурами и критической инфраструктурой Союза.

Цифровая повестка ЕАЭС и приоритеты

Институциональной основой цифровой трансформации ЕАЭС является Цифровая повестка ЕАЭС до 2025 года, утвержденная в рамках Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года (Решение ВЕЭС № 12 от 11.12.2020) [**18**]. Документом предусмотрено создание общего цифрового пространства, включающего в себя:

– трансграничное взаимное признание электронной подписи;

– унификацию регламентов информационного обмена;

– создание защищенной среды доверия между национальными ИКТ-инфраструктурами;

– развитие цифровых платформ в области торговли, таможни, здравоохранения, логистики и т.д.

Кроме того, повесткой предусмотрено:

– внедрение механизмов единого окна во внешнеэкономической деятельности;

– формирование цифровой идентичности ЕАЭС и развитие доверенной среды для цифровых услуг;

– гармонизация законодательства в сфере критической информационной инфраструктуры, защиты персональных данных и обеспечения ИБ;

– поддержка межгосударственных ИТ-платформ, включая системы прослеживаемости товаров, регистрации объектов, управления интеллектуальной собственностью и логистики;

– поэтапное сопряжение цифровых решений ЕАЭС с международными стандартами, в том числе в рамках диалога с КНР, ШОС, АСЕАН и БРИКС+.

В 2023–2025 годах цифровая повестка была конкретизирована через план мероприятий по ее реализации (утв. Советом ЕЭК, решение № 120 от 21.12.2021), а также через разработки ЕЭК по вопросам сквозных цифровых технологий, цифровой навигации, маркировки, таможенного администрирования, а также создания интеграционного ядра цифровых платформ ЕАЭС.

Кроме того, в 2023–2024 годах Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) подготовила ряд обзоров и инициатив [**17**] по цифровым коридорам и передовым технологиям ВЭД, в которых отмечается важность применения решений на основе блокчейна, интернета вещей, больших данных, а также технологий интеллектуального анализа. Однако отдельным направлением пока не обозначены программно-определяемые сети (SDN/SD-WAN), несмотря на их перспективность для реализации цифрового суверенитета.

Возможности SD-WAN для евразийской кооперации

SD-WAN как технология предлагает встроенные механизмы защиты, высокую отказоустойчивость, управляемость, а главное – масштабируемость, что делает ее идеальной для межгосударственных проектов, в том числе:

— механизм «единого окна» во ВЭД: SD-WAN может обеспечивать защищенные каналы передачи данных между таможенными и сертификационными системами стран Союза, включая каналы с участием третьих стран (например, Иран, Узбекистан);

— трансграничные цифровые коридоры: SD-WAN станет базой для цифровых логистических коридоров с интеграцией систем мониторинга, IoT-устройств и управления грузопотоками;

— система обеспечения доверия в ЕАЭС: SD-WAN может служить основой для защищенной связи между национальными удостоверяющими центрами, органами стандартизации и регуляторами;

— энергетика и промышленность: в рамках кооперационных проектов SD-WAN может объединить промышленные объекты с особыми требованиями безопасности (АЭС, НПЗ, ГРЭС) на основе российских разработок (например, защищенных SCADA).

На сегодняшний день технические возможности SD-WAN позволяют встраивать в архитектуру средства мониторинга, DPI, UTM, NTA, а также интегрироваться с отечественными решениями, включенными в реестр Минцифры России (например «Лаборатория Касперского», «Позитив Текнолоджиз», «Код Безопасности», «Ростелеком-Solar», «СерчИнформ»). Это означает возможность локализации и последующей сертификации всей цепочки SD-WAN в соответствии с национальными требованиями ФСТЭК и ЕАЭС.

Инициативы ЕЭК, где SD-WAN может быть задействована

Анализ обзора цифровых решений ЕЭК (2024) [**18**] показывает, что на уровне концепций уже существуют следующие проекты:

— «Платформа для координации цифровой трансформации в ЕАЭС»;

— «Пилот по цифровой навигационной печати и отслеживанию грузов»;

— «Интеграция платформ «Цифровое техническое регулирование»;

— «Цифровая платформа в сфере услуг здравоохранения и обращения лекарств»;

— «Объединенная цифровая карта критической инфраструктуры Союза».

Во всех этих направлениях необходима низкоуровневая сетевая архитектура, обеспечивающая гарантированную доставку данных, их маршрутизацию с применением политик безопасности, возможности инспекции пакетов, контроля доступа и фильтрации по типу трафика. SD-WAN, обладая перечисленными функциями, может стать связующим программным компонентом этих платформ.

Стратегические преимущества внедрения SD-WAN на уровне Союза

1. Технологическая независимость − развертывание SD-WAN с использованием российских и белорусских решений создает основу для суверенного обмена данными.

2. Снижение затрат − замена дорогостоящих MPLS-каналов на интеллектуальные маршруты через публичные и защищенные сети.

3. Единый протокол безопасности – возможна разработка типового документа ЕЭК на основе российских стандартов.

4. Образование и кадры − интеграция SD-WAN в учебные курсы в рамках программы подготовки ИБ-специалистов в рамках Союза.

Заключение

Формирование суверенной и совместимой ИКТ-среды является приоритетной задачей не только для отдельных государств, но и для интеграционных объединений, таких как Евразийский экономический союз. В

условиях нарастающих угроз кибербезопасности, глобальных геополитических трансформаций и технологического давления со стороны недружественных акторов, государства ЕАЭС вынуждены выстраивать механизмы защиты, которые опираются на внутренние технологические ресурсы, координированное регулирование и единый архитектурный подход к цифровым платформам.

Одним из таких архитектурных решений, способных объединить распределенные ресурсы, обеспечить защищенную маршрутизацию, гибкое масштабирование и интеграцию средств защиты, является технология SD-WAN. Ее внедрение открывает новые горизонты для цифровой трансформации как в государственном, так и в коммерческом секторах. Главное достоинство SD-WAN заключается в способности обеспечить защищенный, централизуемый и управляемый сетевой контур, при этом оставаясь нейтральной к конкретному физическому носителю трафика.

В рамках ЕАЭС данная технология может стать связующим звеном в построении единой архитектуры доверия, в том числе через унификацию требований по маршрутизации, шифрованию, инспекции трафика и управлению сетевыми политиками. Таким образом, SD-WAN становится не просто инструментом оптимизации сетевой инфраструктуры, но и платформой для цифровой интеграции на программно-определяемом уровне, соответствующем принципам многостороннего цифрового суверенитета.

Страны Союза обладают рядом предпосылок для масштабного внедрения SD-WAN:

1. Наличие мощных компетенций в области кибербезопасности: в первую очередь, это российские компании – разработчики и поставщики средств защиты информации, совместимых с SD-WAN-архитектурой («Лаборатория Касперского», «Код Безопасности», «Ростелеком-Solar», Bi.Zone, «СерчИнформ»), а также научные центры, такие как МФТИ, МАИ,

ИСП РАН, Российско-армянский университет, Кыргызско-Российский университет.

2. Создание национальных реестров отечественного ПО: SD-WAN-решения могут быть внесены в соответствующие реестры и сертифицированы согласно требованиям ФСТЭК, Минцифры и Минпромторга России.

3. Активность Евразийской экономической комиссии в части цифровой повестки: наличие институциональной поддержки со стороны ЕЭК и Совета ЕАЭС по цифровизации формирует площадку для разработки межгосударственных регламентов.

4. Поддержка инициатив на уровне цифровой трансформации АПК, логистики, энергетики и госуправления: SD-WAN может быть включен в профильные пилоты как транспортно-защитный слой.

Вместе с тем реализация SD-WAN на уровне Союза сталкивается с рядом вызовов:

— различный уровень развития ИТ-отрасли стран-участниц;

— отсутствие унифицированных технических требований;

— ограниченность межгосударственных платформ в части сетевого взаимодействия;

— нехватка квалифицированных специалистов, способных администрировать гибридные SD-WAN-решения.

С учетом этих факторов целесообразно сформулировать следующие рекомендации по институционализации SD-WAN в рамках ЕАЭС:

1. Создание совместной рабочей группы ЕЭК – ФСТЭК – АРПП «Отечественный софт» для выработки рекомендаций по применению SD-WAN в трансграничной инфраструктуре.

2. Разработка евразийского стандарта SD-WAN, включая описание архитектуры, требований по безопасности, совместимости и аттестации.

3. Инициация пилотных проектов по внедрению SD-WAN в рамках механизмов «единого окна» и цифровых логистических коридоров с участием государств-членов и профильных ИТ-компаний.

4. Обеспечение взаимного признания сертификации средств защиты информации, реализуемых в SD-WAN, между национальными регуляторами стран ЕАЭС.

5. Включение SD-WAN в образовательные программы вузов ЕАЭС в рамках специализации «Управление киберфизическими системами» с поддержкой онлайн-курсов и стажировок.

Важно подчеркнуть, что SD-WAN может быть не только технологической инициативой, но и символом политической воли государств-членов к единой цифровой политике, свободной от внешнего давления и зависимости от глобальных провайдеров. На фоне масштабных отключений от облачных сервисов и трансграничных атак на ИКТ-инфраструктуру (например, кибератаки на казахстанскую СЭЗ «Хоргос», сбои в российской логистике после санкций и др.) внедрение SD-WAN становится неотложной задачей обеспечения устойчивости.

В долгосрочной перспективе данная технология может быть интегрирована в концепцию «цифрового коридора безопасности ЕАЭС», охватывающего:

— защищенный транспортный слой между государственными информационными системами;

— поддержку механизмов цифровой идентификации, включая ЕАЭС-ID;

— интеграцию с платформами электронной торговли и маркировки;

— маршрутизацию критичных данных в системах здравоохранения и энергетики.

Таким образом, SD-WAN − это не просто технология, а инструмент стратегической цифровой консолидации Союза, позволяющий решить

одновременно задачи суверенитета, устойчивости и технологического лидерства в евразийском пространстве.

Список использованных источников и литературы

1. Актуальные киберугрозы: IV квартал 2024 года — I квартал 2025 года // Positive Technologies. URL: https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktualnye-kiberugrozy-iv-kvartal-2024-goda-i-kvartal-2025-goda/#id21 (дата обращения: 22.04.2025).
2. Аветисян П. С., Тадевосян М. Р. Основные приоритеты развития кибербезопасности Армении в контексте медиаобразования // Регион и мир. 2023. № 1 (44). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-prioritety-razvitiya-kiberbezopasnosti-armenii-v-kontekste-mediaobrazovaniya (дата обращения: 23.04.2025).
3. Армения намерена проложить по дну Черного Моря интернет-кабель, свободный от контроля Баку // Sputnik Армения. — 15.09.2021. URL: https://am.sputniknews.ru/20210915/armeniya-namerena-prolozhit-po-dnu-chernogo-morya-internet-kabel-svobodnyy-ot-kontrolya-baku-33304936.html (дата обращения: 24.04.2025).
4. Армения намерена проложить через Грузию новый интернет-кабель // Голос Армении. — 16.09.2021. URL: https://www.golosarmenii.am/article/129104/armeniya-namerena-prolozhit-cherez-gruziyu-novyj-internet-kabel (дата обращения: 24.04.2025).
5. АРПП «Отечественный софт». Анализ перспектив внедрения SD-WAN в госсекторе РФ. – М., 2023. – 42 с.
6. Би.Зон (Bi.Zone). Интеграция SD-WAN в систему реагирования на киберинциденты: белая книга. – М., 2022.
7. Вахланг Дж., Мелконян С. Индия на Южном Кавказе: значение для России, Ирана и Турции, 30 января 2024 г. // РСМД. URL: russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/ (дата обращения: 22.04.2025).
8. Глобальный индекс кибербезопасности, 2020 год. Оценка выполнения обязательств по обеспечению кибербезопасности / Международный союз электросвязи (ITU). — Женева: ITU, 2020. — 164 с. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2021-PDF-R.pdf (дата обращения: 25.04.2025).
9. Доклад Всемирного экономического форума. Cybersecurity Outlook 2024. – Davos, 2024.
10. Евразийская экономическая комиссия. Обзор: Передовые цифровые технологии, реализуемые в сфере внешнеэкономической деятельности, в контексте совершенствования механизма «единого окна». – М.: ЕЭК, 2024. – 118 с.

11. Ереван взялся за интернет-безопасность и предложит Тбилиси проложить кабель мимо Баку // Sputnik Армения. — 29.09.2021. URL: https://am.sputniknews.ru/20210929/erevan-vzyalsya-za-internet-bezopasnost-i-predlozhit-tbilisi-prolozhit-kabel-mimo-baku-33727932.html (дата обращения: 24.04.2025).
12. ЕЭК. Аналитическая записка «О практике цифрового сотрудничества КНР и стран АСЕАН в сфере СФС». – М.: ЕЭК, 2024.
13. Запущен интернет-канал стратегического значения: в случае аварий Армения не останется без интернета: «Паст». 13 января, 2024 / Past.am. URL: https://past.am/?p=348730&l=ru#gsc.tab=0 (дата обращения: 24.04.2025).
14. ИСП РАН. Распределенные защищенные сети и протоколы управления // Доклады Российской академии наук. – 2021. – Т. 497. – № 6. – С. 678–685.
15. Китай–ЦВЕ Саммит. Цифровая интеграция в трансграничной логистике и таможне: пилоты и уроки. – Пекин, 2021.
16. Китайская таможня. Концепция Smart Customs – Smart Borders – Smart Connectivity. – Пекин: GACC, 2023.
17. Курчатовский институт. Концепция цифровой безопасности критической инфраструктуры на базе SCADA+SD-WAN. – М., 2023.
18. Козырев А. А., Дмитриев Н. В. Программно-определяемые сети в условиях импортозамещения // Цифровая Россия. – 2022. – № 2. – С. 60–68.
19. Лаборатория Касперского. Архитектура SD-WAN и защита трафика: технический обзор решений. – М.: Kaspersky, 2023. – 56 с.
20. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. Реестр российского ПО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://reestr.digital.gov.ru
21. Министерство промышленности и информационных технологий КНР. План действий по развитию промышленного интернета (2021–2023) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.miit.gov.cn
22. Мартиросян U. Հայաստանի ցանցային տիրույթի խնդիրները // Նորավանք հիմնադրամ, 12 հունվարի, 2016 թ. URL: https://noravank.am/arm/articles/detail.php?ELEMENT_ID=14326 (дата обращения: 24.04.2025).
23. На пропускном пункте армяно-грузинской границы временно приостановлен проезд грузовиков // Sputnik Армения. — 05.05.2025. URL: https://am.sputniknews.ru/20250505/na-propusknom-punkte-armyano-gruzinskoy-granitsy-vremenno-priostanovlen-proezd-gruzovikov--88621011.html (дата обращения: 05.05.2025).
24. Орлов П. В. Современные подходы к обеспечению информационной безопасности в распределенных сетях // Вестник информационной безопасности. – 2022. – № 4. – С. 23–31.
25. Попов Е. С., Лукьянов С. И. Применение SD-WAN в защищенных ведомственных сетях связи // Информационные технологии и защита информации. – 2021. – № 3. – С. 12–20.

26. Решение Совета ЕЭК от 21.12.2021 № 120 «О плане мероприятий по реализации цифровой повестки ЕАЭС на период до 2025 года» // Собр. права ЕАЭС. – 2022. – № 1.
27. Ростелеком-Solar. Безопасная корпоративная сеть нового поколения: SD-WAN с интеграцией DLP и SOC. – М., 2022.
28. СерчИнформ. Программно-определяемые сети и DLP: проблемы совместимости // Информационные технологии. – 2023. – № 6. – С. 44–50.
29. Сделка между азербайджанским NEQSOL и грузинской Caucasus Online напугала Армению // Кавказский Узел. — 29.03.2021. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83772/posts/48567 (дата обращения: 24.04.2025).
30. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: утв. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org
31. Starlink официально начал работу в Армении: интернет будет доступен даже на окраинах // Sputnik Армения. 27 марта 2025. URL: https://am.sputniknews.ru/20250327/starlink-ofitsialno-nachal-rabotu-v-armenii-internet-budet-dostupen-na-samykh-okrainakh-87234610.html (дата обращения: 24.04.2025).
32. Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России). Методические рекомендации по сертификации компонентов SD-WAN. – М., 2023.
33. Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ (ред. от 01.01.2024) «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31. – Ст. 4825.
34. OpenNet. SD-WAN: архитектура, реализация и безопасность // OpenNet Journal. – 2023. – № 5. – С. 10–22.
35. GOST ISO/IEC 27001-2021. Информационные технологии. Методы защиты. Системы управления информационной безопасностью. – М.: Стандартинформ, 2021.
36. Gartner. Magic Quadrant for WAN Edge Infrastructure. – Gartner, 2023. – 38 p.
37.IDC. Worldwide SD-WAN Infrastructure Forecast, 2022–2026. – IDC Report #US49023222, 2022.
38. Internews; CyberHub-AM. Armenia Digital Threat Landscape: Civil Society & Media / Martijn Grooten, Ashley Fowler, Marc Shaffer, Skyler Sallick. — Yerevan: Internews, 2023. — 16 p. — URL: https://mdi.am/wp-content/uploads/2023/12/Armenia-Digital-Threat-Landscape-Report.pdf (дата обращения: 24.04.2025).
39. Kemp S., Digital 2025: Armenia, 3 March 2025 / DataReportal. URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-armenia (дата обращения: 25.04.2025).
40. MEF 70.1. SD-WAN Service Attributes and Services. – Metro Ethernet Forum, 2021.

41. MEF 3.0 Framework. Lifecycle Service Orchestration (LSO): Reference Architecture and Framework. – MEF, 2022.
42. Nerzetyan A. Information Security or Cybersecurity? Armenia at a Juncture Again, March 11, 2018 // EVN Report. URL: https://evnreport.com/economy/information-security-or-cybersecurity-armenia-at-a-juncture-again/ (дата обращения: 22.04.2025).
43. Open Networking User Group (ONUG). SD-WAN Use Cases & Requirements. – ONUG, 2022.
44. UNCTAD. Digital Economy Report 2023. – United Nations, Geneva, 2023.
45. United Nations E-Government Survey 2020: Digital Government in the Decade of Action for Sustainable Development (With addendum on COVID-19 Response) / Department of Economic and Social Affairs, United Nations. — New York: United Nations, 2020. — 360 p. URL: https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210051453 (дата обращения: 25.04.2025).
46. United Nations E-Government Survey 2024: Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development - With the addendum on Artificial Intelligence / Department of Economic and Social Affairs, United Nations. — New York: United Nations, 2024. — 205 p. URL: https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789211067286 (дата обращения: 25.04.2025).
47. WCO. Framework of Standards to Secure and Facilitate Global Trade (SAFE Framework). – World Customs Organization, 2022.

Канцеров Константин Вадимович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: kantserov.sop@list.ru

Konstantin V. Kanzerov,
Postgraduate student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation.
E-mail: kantserov.sop@list.ru

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР УГЛУБЛЕНИЯ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

INTRODUCTION OF DIGITAL TECHNOLOGIES INTO LAW ENFORCEMENT AS A FACTOR IN DEEPENING INTERSTATE COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN IN COUNTERING CRIME

Аннотация: в статье исследуется роль цифровой трансформации правоохранительных органов как ключевого фактора, стимулирующего и формирующего качественно новый уровень международного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Казахстан в сфере противодействия транснациональной преступности. Автор анализирует эволюцию сотрудничества двух стран в рамках Содружества Независимых Государств от традиционных форматов к технологически насыщенным. Детально рассматриваются национальные стратегии цифровизации, нормативно-правовые основы и практические результаты внедрения цифровых технологий в правоохранительную деятельность, включая системы искусственного интеллекта, большие данные, биометрическую идентификацию, интеллектуальное видеонаблюдение и специализированное аналитическое программное обеспечение. На основе сравнительного анализа доказывается, что достигнутая технологическая конвергенция создает объективные предпосылки для перехода от эпизодического обмена информацией к созданию единой цифровой экосистемы безопасности. При этом выявляются системные проблемы, сдерживающие этот процесс: декларативность цифровизации процессуального взаимодействия, острый дефицит специализированных кадров и отсутствие согласованных подходов к

расследованию киберпреступлений. На основе анализа практики следственно-судебного взаимодействия автором сформулирован комплекс конкретных мер по совершенствованию сотрудничества, направленных на унификацию процессуальных стандартов для электронных доказательств, институционализацию совместных следственных групп, развитие ускоренных экстрадиционных процедур, создание механизмов трансграничной конфискации активов и формирование защищенных цифровых каналов правовой помощи. Делается вывод о том, что дальнейшее углубление сотрудничества требует перехода от традиционной модели обмена запросами к интеграционной модели цифрового и процессуального взаимодействия.

Ключевые слова: цифровые технологии, правоохранительная деятельность, международное сотрудничество, транснациональная преступность, Российская Федерация, Республика Казахстан, искусственный интеллект, большие данные, электронные доказательства.

Abstract: the article examines the role of the digital transformation of law enforcement agencies as a key factor stimulating and shaping a qualitatively new level of international cooperation between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the field of countering transnational crime. The author analyzes the evolution of cooperation between the two countries within the Commonwealth of Independent States from traditional formats to technologically intensive ones. National digitalization strategies, regulatory frameworks and practical results of the introduction of digital technologies into law enforcement activities are considered in detail, including artificial intelligence systems, big data, biometric identification, intelligent video surveillance and specialized analytical software. Based on a comparative analysis, it is proved that the achieved technological convergence creates objective prerequisites for the transition from episodic information exchange to the creation of a unified digital security ecosystem. At the same time, systemic problems hindering this process are identified: the declarative nature of the digitalization of procedural interaction, an acute shortage of specialized personnel and the lack of agreed approaches to the investigation of cybercrimes. Based on the analysis of the practice of investigative and judicial interaction, the author formulates a set of specific measures to improve cooperation aimed at unifying procedural standards for electronic evidence, institutionalizing joint investigative teams, developing accelerated extradition procedures, creating mechanisms for cross-border asset confiscation and forming secure digital channels of legal assistance. It is concluded that the further deepening of cooperation requires a transition from the traditional model of request exchange to an integration model of digital and procedural interaction.

Keywords: digital technologies, law enforcement, international cooperation, transnational crime, Russian Federation, Republic of Kazakhstan, artificial intelligence, big data, electronic evidence.

Современная преступность, эволюционируя под воздействием глобализации и технологического прогресса, приобрела ярко выраженный транснациональный и цифровой характер [**6**]. Киберпреступность, криптовалютные схемы отмывания доходов, организация наркотрафика через *darknet* и другие формы высокотехнологичной противоправной деятельности не признают государственных границ, создавая принципиально новые вызовы для национальных систем безопасности. В этих условиях традиционные механизмы международного сотрудничества правоохранительных органов, основанные на долгосрочном обмене письменными запросами и экстрадиции, зачастую демонстрируют свою недостаточную оперативность и пропускную способность [**8**]. Ответом на данные вызовы стал масштабный процесс цифровизации правоохранительной деятельности, который, будучи изначально ориентированным на решение внутренних задач, неожиданно проявил мощный интеграционный потенциал. Внедрение цифровых технологий не только повышает эффективность борьбы с преступностью на национальном уровне, но и создает качественно новую технико-технологическую основу для межгосударственного взаимодействия. Сотрудничество между Российской Федерацией и Республикой Казахстан, обладающее глубокой исторической и институциональной основой в рамках СНГ, служит наглядной иллюстрацией того, как технологическая конвергенция двух крупнейших государств евразийского пространства трансформирует саму парадигму их совместной работы, переводя ее от координации к глубокой интеграции.

Исторически сотрудничество России и Казахстана в правоохранительной сфере базировалось на общем правовом наследии и теснейших экономических, социальных и человеческих связях. Нормативный и институциональный каркас взаимодействия долгое время формировался многосторонними соглашениями в рамках СНГ, такими как Минская (1993 г.) и Кишиневская (2002 г.) конвенции о правовой помощи, а также

деятельностью специализированных органов, среди которых ключевую роль играет Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории СНГ (БКБОП)[33]. БКБОП, обладая Специализированным банком данных, традиционно выступало важным узлом обмена оперативно значимой информацией. Однако в условиях цифрового бума преступности классические базы данных и каналы связи стали испытывать перегрузку. Анализ современной криминогенной ситуации, например, в сфере наркопреступности, показывает стремительный рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ), что требует адекватного технологического ответа[34]. Именно этот вызов стимулировал обе страны к независимому, но методологически схожему поиску решений через масштабную цифровизацию национальных правоохранительных систем, что впоследствии создало уникальную платформу для синхронизации усилий.

Российская Федерация подошла к вопросу цифровой трансформации правоохранительных органов на основе комплексной стратегии, закрепленной на высшем государственном уровне. Фундаментальное значение имеет Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший соответствующую Национальную стратегию до 2030 года[35]. В рамках федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая

33 См. подробнее: Положение о Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников СНГ. Утверждено Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств о Положении о Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств – участников Содружества Независимых Государств от 25 ноября 2005 года. URL: https://eccis.org/page/6586/polozenie-o-buro-po-koordinacii-borby-s-organizovannoj-prestupnostu-i-inymi-opasnymi-vidami-prestuplenij-na-territorii-gosudarstv-ucastnikov-sng (дата обращения: 01.12.2025).

34 См. подробнее: О деятельности Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств от 25.11.2019 года. URL: https://eccis.org/news/12558/o-deatelnosti-soveta-ministrov-vnutrennih-del-gosudarstv---ucastnikov-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv (дата обращения: 01.12.2025).

35 См. подробнее: Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 01.12.2025).

экономика» реализуются меры по внедрению технологий ИИ в сферу безопасности. Правовой основой служит статья 11 Федерального закона «О полиции», обязывающая использовать достижения науки и техники[36]. Структурным ответом на рост киберпреступности стало создание в 2022 году в составе МВД России Управления по организации борьбы с противоправным использованием ИКТ [**7**]. Практическая реализация этих установок носит системный характер. Одним из ключевых элементов является масштабная биометрическая платформа. Подсистема «Опознание» Главного информационно-аналитического центра МВД России, работающая на алгоритмах глубоких нейронных сетей, обеспечивает поиск и идентификацию лиц по фотоизображению в базе, превышающей 660 миллионов записей, с ежесуточным пополнением на 5 миллионов изображений. Эффективность системы подтверждается высокой результативностью при идентификации лиц в оперативных мероприятиях. Параллельно создается масштабная видеоаналитическая инфраструктура. Государственная информационная система «Единый центр хранения и обработки данных» (ГИС «ЕЦХД») в Москве объединяет более 227 тысяч камер видеонаблюдения. На ее базе функционирует подсистема ПАРСИВ для автоматического распознавания лиц в реальном времени, которая только за 2021 год позволила задержать 398 лиц, находившихся в федеральном розыске, и идентифицировать свыше 24,5 тысяч лиц, представляющих оперативный интерес [**1**, с. 51–52]. Дополняет эту инфраструктуру Государственная автоматизированная информационная система «Сфера», развернутая на объектах столичного метрополитена и других транспортных узлах, которая в автоматическом режиме сопоставляет видеопоток с базами данных разыскиваемых. Кроме того, реализуется Ведомственная программа цифровой трансформации МВД России, включающая проекты по выявлению признаков серийных преступлений с

36 См. подробнее: Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 01.12.2025).

помощью анализа больших данных и созданию Федеральной информационной системы биометрических учетов (ФИСБУ) [**1**, с. 56–57]. Таким образом, в России формируется целостный цифровой контур безопасности, объединяющий сбор, хранение, аналитическую обработку и оперативное использование гигантских массивов структурированных и неструктурированных данных.

Республика Казахстан, столкнувшись с аналогичными вызовами, демонстрирует сопоставимый по глубине и амбициозности подход к цифровизации правоохранительного блока, сочетающий импорт передовых решений с развитием национального технологического суверенитета. Стратегические рамки заданы такими документами, как Указ Президента РК об утверждении Стратегического плана развития до 2025 года, предусматривающий реализацию компонентов «*Smart City*», и отдельные поручения по внедрению интеллектуальных систем видеонаблюдения[37]. На уровне МВД РК действует специальная Программа по развитию систем мониторинга общественной безопасности, нацеленная на создание единой координирующей платформы[38]. Практическая цифровая экосистема казахстанских правоохранителей включает несколько ключевых компонентов. Во-первых, это широкое использование признанных международных аналитических платформ для работы с большими данными, таких как «*i2 Analyst Notebook*» и «*iBase*» для визуализации связей и анализа сложных сетей, а также «*UFED Cellebrite*» для мобильной криминалистики [**7**]. Во-вторых, что особенно показательно, активно внедряются продукты отечественного разработчика ТОО «*Kazdream Technologies*», что указывает на курс на формирование собственного технологического стека в сфере безопасности. К

37 См. подробнее: Об утверждении Стратегического плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан от 19.02.2018 года. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/ob-utverzhdenii-strategicheskogo-plana-razvitiya-respubliki-kazahstan-do-2025-goda-i-priznanii-utrativshimi-silu-nekotoryh-ukazov-prezidenta (дата обращения: 01.12.2025).

38 См. подробнее: Об утверждении Программы по развитию в городах систем мониторинга общественной безопасности. Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 10 декабря 2018 года № 897. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/D18C0000897 (дата обращения: 01.12.2025).

ним относятся: комплекс «*Argus*» для мониторинга и анализа данных из социальных сетей и мессенджеров; программное обеспечение «*Iris*» («Бакылау») для определения местоположения сотовых абонентов онлайн; система «*Triton*» для поиска информации в открытом и теневом сегментах интернета (Dark Net) и выявления скрытых связей [**7**]. В-третьих, создается масштабная инфраструктура интеллектуального видеонаблюдения. В стране функционирует свыше 30 тысяч камер госзначения, а с учетом частного сектора их число приближается к 140 тысячам. В крупных городах развернута система «Сергек», которая представляет собой не просто сеть камер, а целостный комплекс, включающий модули видеофиксации, распознавания изображений и интеллектуальной обработки потокового видео в реальном времени. Результативность этой инфраструктуры подтверждается статистикой: за три года с помощью видеонаблюдения было выявлено около 15 тысяч преступлений [**1**]. Таким образом, Казахстан строит свою национальную цифровую модель правоохранительной деятельности, которая, будучи технологически совместимой с российской (через общее использование стандартов и классов решений), одновременно обладает и своей спецификой, в частности развитым сегментом отечественного софта для сетевой аналитики.

Именно эта технологическая конвергенция, выражающаяся в схожести решаемых задач, архитектурных подходов и классов применяемых технологий (большие данные, ИИ, биометрия, видеоаналитика), создает объективную материальную основу для углубления межгосударственного сотрудничества, выводя его за рамки простого обмена информацией. Цифровые технологии трансформируют все элементы взаимодействия. Во-первых, меняется характер обмениваемых данных: из документоориентированных запросов он превращается в обмен структурированными, машиночитаемыми массивами данных (дата-сетами), метаданными цифровых следов, хэшами файлов, что позволяет автоматизировать их обработку и сравнение на стороне партнера.

Во-вторых, резко возрастает скорость взаимодействия. Совместимые платформы и защищенные каналы передачи данных потенциально позволяют осуществлять оперативный поиск, обнародуемый в реальном времени или близком к нему, что критически важно для противодействия таким динамичным угрозам, как кибернападения или отслеживание перемещений преступников. В-третьих, открываются возможности для совместной аналитики. Наличие у сторон мощных аналитических инструментов для работы с большими данными создает предпосылки для организации распределенных аналитических проектов, когда специалисты двух стран могут совместно работать с объединенными (обезличенными и зашифрованными) массивами информации для выявления транснациональных криминальных схем, моделирования маршрутов трафика и прогнозирования новых угроз.

Практическим воплощением этого перехода служат уже реализуемые совместные оперативно-профилактические операции, такие как «Мак», «Нелегал», «Канал-Аракс», «Звезда Каспия» [**3**]. Их эффективность напрямую зависит от скоординированного и быстрого обмена цифровыми данными: о заблокированных интернет-ресурсах, идентификаторах криптокошельков, цифровых отпечатках партий наркотиков, результатах мониторинга телекоммуникационного трафика [**2**]. Цифровизация правоохранительных органов позволяет перевести эти операции на качественно новый уровень, делая их не периодическими кампаниями, а элементом постоянного, технологически опосредованного взаимодействия.

Однако на пути к глубокой интеграции сохраняются существенные системные барьеры, нивелирующие потенциальные преимущества цифровизации. Во-первых, декларируемая в новейших соглашениях цифровизация процессуального взаимодействия (защищенные каналы связи, электронный документооборот, элементы ИИ) часто остается декларативной из-за отсутствия конкретных технических стандартов, унифицированных

протоколов и механизмов валидации целостности цифровых данных. Это приводит к парадоксальной ситуации, когда при наличии мощных аналитических систем правоохранители вынуждены дублировать информацию на бумажных носителях, а суды требовать оригиналы документов, что существенно затягивает сроки исполнения международных запросов и снижает оперативность. Во-вторых, обе страны сталкиваются с острым дефицитом специализированных кадров нового поколения: IT-криминалистов, экспертов по криптовалютам и блокчейн-аналитике, специалистов по расследованию преступлений в DarkNet. Отсутствие согласованных и скоординированных подходов к методике расследования киберпреступлений и сложных экономических преступлений с использованием цифровых технологий создает «серые зоны». Преступники целенаправленно используют эти различия в национальных системах как убежище, эффективно блокируя международное преследование, особенно при использовании методов анонимизации, криптовалютных микеров и офшорных хостингов. Серьезным вызовом является и быстрое технологическое развитие методов атак, опережающее адаптацию законодательной базы [**4**].

Все перечисленные проблемы демонстрируют общую тенденцию: международно-правовой механизм сотрудничества России и Казахстана не ограничивается формальной процедурой направления запросов, а представляет собой динамичную процессуальную систему, стремящуюся к противодействию современным формам преступности. Именно следственно-процессуальная составляющая обеспечивает доказательственную значимость, возможность судебной оценки и исполнение итоговых решений. В этом смысле сотрудничество двух государств является примером практического развития следственно-процессуального элемента механизма сотрудничества в противодействии преступности, где правовые нормы не остаются на бумаге, а трансформируются в реальные следственные действия, доказательства и

судебные решения. Таким образом, совместная следственно-судебная практика России и Казахстана подтверждает эффективность и актуальность процедурных механизмов международного сотрудничества. Однако, несмотря на очевидные успехи, дальнейшее совершенствование требует системного реформирования на стыке процессуальных норм, цифрового регулирования и межведомственной координации. Правовые системы, не адаптирующиеся к новым технологическим и криминальным вызовам, неизбежно теряют способность обеспечивать доказательную базу и реальную эффективность уголовного преследования. Учитывая темпы развития трансграничной преступности, Россия и Казахстан объективно подошли к этапу, когда сотрудничество должно перейти от традиционной модели обмена запросами к интеграционной модели цифрового и процессуального взаимодействия.

В этой связи представляется необходимым реализовать комплекс взаимосвязанных мер. Первоочередной задачей является унификация процессуальных стандартов в сфере электронных доказательств. Необходимо разработать и принять двусторонний протокол, устанавливающий единые требования к фиксации цифровых носителей, формату электронных протоколов, правилам подтверждения подлинности и неизменности данных, использованию сертифицированного программного обеспечения, а также процедурам экспертизы и проверки криптовалютных транзакций. Такая унификация устранит ключевой риск признания доказательств недопустимыми из-за технических противоречий между УПК РФ и УПК РК.

Второе стратегическое направление – институционализация и расширение практики создания совместных следственно-оперативных групп (ССГ). Эффективность ССГ в делах о киберпреступности и наркоторговле неоспорима, однако сегодня их создание носит эпизодический характер. Требуется заключение отдельного протокола между Генеральными прокуратурами, регламентирующего стандартную процедуру формирования ССГ, обмен материалами в реальном времени, а также возможность

включения в их состав специалистов по финансовому мониторингу и цифровой криминалистике. Это позволит перейти от реагирования к проактивному совместному расследованию.

Третья мера касается модернизации экстрадиционных процедур. Перспективным является развитие ускоренных механизмов, включающих электронное рассмотрение документов, проведение дистанционных судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи, онлайн-участие защитников и автоматизированную проверку данных по базам Интерпола. Это сократит сроки процедуры при сохранении всех процессуальных гарантий прав личности.

Четвертый комплексный блок направлен на усиление механизмов розыска, ареста и конфискации преступных активов, особенно в цифровой сфере. Необходимо создание двустороннего реестра арестованных активов, утверждение единых правил признания и исполнения решений о конфискации, а также разработка правового алгоритма изъятия криптовалютных активов. Без этого пресечение финансовых потоков организованной преступности будет неэффективным.

Пятое направление – совершенствование защиты участников процесса. Требуется развитие специальных норм о гарантиях безопасности для свидетелей и потерпевших, участвующих в процессе дистанционно, защите их персональных данных при трансграничной связи и создании программ временной релокации для лиц, находящихся под угрозой.

Шестая, инфраструктурная задача – создание полноценной государственной защищенной платформы для электронного межведомственного и межгосударственного документооборота. Такая платформа должна обеспечивать обмен следственными поручениями, протоколами, цифровыми доказательствами, судебными актами и запросами в

режиме, близком к реальному времени. Опыт подобных систем (ECRIS, EIO) в Европейском Союзе доказал их высокую эффективность[39].

Наконец, седьмая, фундаментальная мера – развитие совместной системы подготовки и переподготовки кадров. Расследование современных видов преступлений требует узкоспециализированных компетенций. Для их формирования необходимы совместные образовательные программы для следователей и прокуроров, курсы по блокчейн-анализу и расследованию DarkNet-преступлений, а также создание научно-курсовых центров для оценки новых криминальных угроз.

Таким образом, цифровизация правоохранительной деятельности Российской Федерации и Республики Казахстан перестает быть сугубо внутренним процессом и приобретает ярко выраженное внешнее, интеграционное измерение. Достигнутый уровень технологического развития создает уникальную возможность для перехода к интеграционной модели сотрудничества. Однако реализация этого потенциала требует преодоления сохраняющихся процессуальных, технических и кадровых барьеров через реализацию конкретных, взаимосвязанных мер. Предложенные шаги: унификация стандартов для электронных доказательств, развитие института ССГ, модернизация экстрадиции, создание механизмов конфискации цифровых активов, защита участников процесса, внедрение защищенных цифровых платформ и интеграция систем подготовки кадров – представляют собой практическую дорожную карту для перевода сотрудничества на качественно новый уровень. Успешная реализация этих мер позволит трансформировать общее технологическое развитие в устойчивую систему коллективной безопасности, способную противостоять вызовам цифровой эпохи. Опыт технологической и процессуальной конвергенции России и

39 См. подробнее: Никитина И. Э. Сотрудничество европейских государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017.

Казахстана может служить моделью для всего постсоветского пространства, демонстрируя, что будущее эффективного международного сотрудничества в борьбе с преступностью лежит в плоскости глубокой цифровой и процессуальной интеграции.

Список источников и литературы

1. Аналитический обзор с предложениями «Опыт применения технологий и искусственного интеллекта в розыске преступников на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств». – М.: ФГКУ ВНИИ МВД России, 2022.
2. Годовой отчет Регионального представительства ООН по наркотикам и преступности в Центральной Азии за 2023 год. URL: https://www.unodc.org/roca/uploads/documents/2024/Annual_Report_2023/ROCA_AR_2023_RU_web.pdf (дата обращения: 01.12.2025).
3. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2024 году. URL: https://media.mvd.ru/files/embed/13166215 (дата обращения: 01.12.2025).
4. Карабеков, К. О. Правовое обеспечение предупреждения киберпреступности в России и Казахстане / К. О. Карабеков // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2023. – Т. 15, № 3-2. – С. 122-130.
5. Нафикова, Г. А. Историческое развитие уголовного права в ответ на технологические достижения / Г. А. Нафикова // Закон и право. – 2025. – № 2. – С. 266-272. – DOI 10.24412/2073-3313-2025-2-266-272.\
6. Никитина, И. Э. Сотрудничество европейских государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017.
7. Опыт и перспективы использования органами внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств возможностей современных технологий в раскрытии преступлений и межгосударственном розыске преступников : аналитический обзор с предложениями / В. С. Овчинский, О. А. Королькова, А. Г. Кузнецов, О. В. Демковец. – Москва : ВНИИ МВД России, 2023.
8. Эриашвили, Н. Д. Теоретико-правовые основы противодействия международной преступности / Н. Д. Эриашвили, Г. М. Сарбаев, Ю. А. Иванова // Социально-гуманитарное обозрение. – 2021. – № 1. – С. 43-50.

Лекомцева Дарья Александровна,
Специалист 1 категории,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: lecomtsevadasha@gmail.com

Daria A. Lecomtseva,
1st category specialist,
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs.
E-mail: lecomtsevadasha@gmail.com

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ПРАКТИКА ЕСПЧ

PERSONAL DATA PROTECTION IN A DIGITAL ENVIRONMENT: ECHR PRACTICE

Аннотация: статья посвящена анализу практики Европейского Суда по правам человека в сфере защиты персональных данных и права на уважение частной жизни в условиях развития цифровых технологий. Рассматривается эволюция толкования понятия «частная жизнь» в контексте Статьи 8 Европейской конвенции о правах человека. На примере ключевых дел, таких как «Антович и Миркович против Черногории», «Лопес Рибальда и другие против Испании» и «Дело большой брат Вотч и другие против Великобритании», исследуется, как Суд адаптирует классические правовые стандарты к вызовам, создаваемым системами видеонаблюдения, массового перехвата коммуникаций и другими формами цифрового контроля. Суд формирует прогрессивную доктрину цифровых прав, последовательно расширяя сферу применения права на приватность, устанавливая строгие критерии правомерности любого наблюдения и требуя наличия надежных гарантий против злоупотреблений. Практика Суда подтверждает статус Конвенции как «живого инструмента» для эффективной защиты и уважения частной и семейной жизни.

Ключевые слова: защита персональных данных, частная жизнь, цифровая среда, массовое наблюдение, право на неприкосновенность частной жизни.

Abstract: the article analyzes the practice of the European Court of Human Rights in the field of personal data protection and the right to respect for privacy in the context of the development of digital technologies. The evolution of the interpretation of the concept of "private life" in the context of Article 8 of the European Convention on Human Rights is considered. Using the example of key cases such as Antovic and Mirkovic v. Montenegro, Lopez Ribalda and Others v. Spain, and Big Brother Watch and Others v. Great Britain, the Court examines how

the Court adapts classical legal standards to challenges posed by video surveillance systems, mass interception of communications, and other forms of digital control. The Court forms a progressive doctrine of digital rights, consistently expanding the scope of the right to privacy, setting strict criteria for the legality of any surveillance and requiring reliable guarantees against abuse. The Court's practice confirms the status of the Convention as a "living instrument" for effective protection of respect for private and family life.

Keywords: personal data protection, privacy, digital environment, mass surveillance, right to privacy.

Современный мир сегодня переживает масштабную технологическую революцию, в центре которой оказался человек. Теперь личность и частная жизнь любого человека трансформируются в массивы персональных данных, которые стали источником повышенного риска.

В связи с быстрыми темпами развития технологий, таких как Big Data, искусственный интеллект, возникает парадокс: с одной стороны, это новые возможности для прогресса, а с другой – происходит создание механизмов для тотального контроля, ущемление базовых прав и свобод личности, которые были закреплены еще в 1948 году в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека [**1**], провозгласившей, что «никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь». Хотя в Декларации прямо не упоминается о таком понятии как «персональные данные», современное правоприменение трактует сбор и обработку такой информации как форму вмешательства в частную жизнь, которая не должна быть произвольной. Персональные данные человека включают в себя понятие «личная и семейная жизнь» как информацию о его культурных и социальных особенностях. В свою очередь, защита сведений о местоположении индивида может косвенно обеспечивать неприкосновенность жилища [**2**].

Настоящим прорывом стала Конвенция Совета Европы № 108 «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» (1981 г.) [**3**]. В главе II данной Конвенции говорится о фундаментальных принципах защиты данных, которые сегодня лежат в основе деятельности

многих государств, включая Россию. Поэтому так важно найти баланс между интересами национальной безопасности и правом любого гражданина на защиту своих персональных данных. Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) является как раз таким органом международного правосудия.

Дело «Антович и Миркович против Черногории» [**4**] является показательным прецедентом, который расширил толкование понятия «частная жизнь» в рамках Статьи 8 [**5**] (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской конвенции. Дело касалось жалоб граждан Черногории о незаконной установке и использовании оборудования для видеонаблюдения в аудиториях университета, где они проводили занятия, что нарушило их право на уважение частной жизни. Суд впервые установил, что постоянное визуальное наблюдение со стороны органов государственной безопасности в учебных аудиториях представляет собой вмешательство в частную жизнь даже при отсутствии систематической записи или хранения данных. Обновленными стандартами можно считать позиции ЕСПЧ по более детальному и углубленному разъяснению понятия «частная жизнь», которое включает профессиональную деятельность или деятельность, осуществляемую в публичном контексте. Статья 8 гарантирует право на «частную жизнь» в широком смысле, включая право вести «частную общественную жизнь», то есть возможность для человека развивать свою социальную идентичность. Исходя из этого, Суд отметил, что университетские аудитории являются рабочими местами преподавателей. Здесь они не только обучают студентов, но и взаимодействуют с ними, тем самым развивая взаимоотношения и формируя их социальную идентичность. Дело стало важнейшей вехой в развитии европейского права в эпоху цифровых технологий и повсеместного наблюдения. ЕСПЧ продемонстрировал, что Конвенция является «живым инструментом», который должен адаптироваться к современным вызовам. Отказом от архаичного разделения между частной и профессиональной жизнью этот

прецедент закладывает прочный фундамент для защиты прав человека в условиях растущего распространения технологий наблюдения, подчеркивая, что достоинство и автономия личности должны охраняться во всех контекстах ее взаимодействия с обществом.

Другое дело «Дело Лопес Рибальда и другие против Испании» [**6**] было инициировано двумя заявителями в соответствии со статьей 34 Конвенции «о защите прав человека и основных свобод», статьей 8 «уважение частной жизни» и статьей 6 «право на справедливое судебное разбирательство». Дело касалось увольнений работников супермаркета вследствие хищения товаров на основании скрытого видеонаблюдения, которое нарушает их право на уважение личной жизни. Большая Палата вынесла решение о применимости статьи 8 и отметила, что, хотя видеонаблюдение было установлено в связи с обоснованными подозрениями в краже, оно имело широкий охват: не было ограничено во времени, затрагивало всех сотрудников, работающих на кассах, и охватывало весь рабочий день, что нарушало предусмотренное национальным законодательством обязательство предварительно информировать лиц, заинтересованных в сборе и обработке их персональных данных, о наличии, цели и порядке осуществления мер. В этом Деле ЕСПЧ еще раз подтвердил, что такой термин, как «частная жизнь», является широким и не поддается исчерпывающему определению. Данное понятие распространяется на различные аспекты жизни, такие как личные данные, фотографии. Суд разъяснил, что понятие «частная жизнь» может включать в себя профессиональную деятельность, а также распространяться на различные публичные сферы деятельности при взаимодействии с людьми. Стоит отметить также особое мнение судей по статье 8. Эта статья предусматривает обеспечение справедливого баланса между правом заявителей на уважение их частной жизни и интересами ответчика. Данное дело демонстрирует растущее влияние и контроль технологий в мире, и в частности сбор и использование персональных данных в нашей повседневной деятельности. Будучи живым

инструментом, Конвенция, а следовательно, и Суд, должны не только признать влияние современных технологий, но и разработать более адекватные правовые гарантии, обеспечивающие уважение частной жизни граждан. Была подмечена неспособность национальных судов установить справедливый баланс, особое значение в этой связи играют трудовые отношения. Другими словами, новые технологии радикально изменили простоту осуществления и передачи видеонаблюдения, тем самым значительно увеличив потенциальные нарушения права на неприкосновенность частной жизни, предусмотренного статьей 8 Конвенции.

Дело, рассматриваемое Большой Палатой Европейского суда «Дело большой брат Вотч и другие против Великобритании» [**7**], от 25 мая 2021 года является значимым в области нарушения статьи 8 Конвенции. Дело касалось жалоб журналистов и некоторых правозащитных организаций на неправомерное массовое слежение за людьми в Великобритании. В деле были выделены 3 различных режима слежки: (1) массовый перехват коммуникаций в рамках программы TEMPORA; (2) обмен разведданными и их получение в сотрудничестве с программами PRISM и Upstream, проводимыми Агентством национальной безопасности; (3) получение данных о связи от поставщиков услуг [**8**]. Решение по данному делу фундаментально поменяло существующий в Европе баланс между правом на уважение частной жизни и интересами общественной безопасности, поскольку допускает нецелевой надзор за содержанием электронных сообщений и связанными с ними данными, и, что еще хуже, обмен данными с третьими странами, не имеющими защиты, сопоставимой с той, которая предоставляется государствами – членами Совета Европы. Суд посчитал, что ввиду множества угроз, с которыми приходится сталкиваться государствам, введение такого режима само по себе не является нарушением. Но важно обеспечить «комплексные гарантии», такие как: оценка необходимости и соразмерности принимаемых мер; массовый перехват должен осуществляться с независимого разрешения

на национальном уровне. Большая палата ЕСПЧ постановила о нарушении статьи 8, рассматривая массовый перехват как постепенный процесс, в котором степень вмешательства в права отдельных лиц, предусмотренные статьей, возрастает по мере его развития. ЕСПЧ подтвердил, что государства имеют право использовать мощные инструменты для защиты безопасности, но это право не безгранично. Любая система массового наблюдения должна быть четко прописана в законе, подчинена принципу пропорциональности и иметь надежные, прочные механизмы независимого контроля и надзора, чтобы предотвращать злоупотребления и защищать фундаментальные права граждан. Это дело также повлияло на деятельность других органов власти [**9**]. В 2016 году парламент Англии принял Закон о полномочиях по проведению расследований [**10**], который пересмотрел закон о слежке. Решение ЕСПЧ напрямую не касалось этого закона, который заменил большую часть RIPA (Закон о регулировании следственных полномочий), лежащую в основе судебного процесса. IPA (Акт о полномочиях следствия) включил в себя новые гарантии, в том числе требование о том, чтобы ордера на использование полномочий по слежке были санкционированы государственным секретарем и утверждены судьей, что иногда называется «двойной блокировкой». Кроме того, был создан независимый наблюдательный орган Уполномоченного по расследованиям для надзора за использованием IPA. Законность IPA сталкивается с отдельной юридической проблемой: стоит посмотреть, как закон об IPA будет действовать после дела «Большого брата».

ЕСПЧ за последние годы рассмотрел значительное количество дел и жалоб, направленных на нарушение уважения частной жизни, а также прав человека. Анализ практики ЕСПЧ способствует выявлению тенденций развития системы прав человека в этой сфере. Судебные прецеденты, по справедливому замечанию Микеле де Сальвиа – юрисконсульта ЕСПЧ, решения о принятии заявлений так же, как и заключения по существу,

являются важным источником, из которого толкователь может черпать ценные указания [**11**].

Также важно отметить, что Европейский суд по правам человека анализирует и обобщает свою практику [**12**]. В 2011 году был подготовлен отчет, в июне 2015 года вышла его обновленная версия. В обзоре проведен анализ дел, которые напрямую связаны с Интернетом, а также тех, которые можно найти через ключевые слова «internet» и «website». Сама структура обзора дает возможность судить о том, какие вопросы являются более значимыми в суде: защита и хранение данных, защита интеллектуальной собственности, доступ к информации и Интернету; обязательства государств по противодействию насилию и иным преступным действиям в Интернете.

Важно отметить значимость Суда для адаптации положений Европейской конвенции о правах человека к вызовам современности. ЕСПЧ не дает исчерпывающего понятия «частная жизнь», а наоборот, подчеркивает важность широкой трактовки определения. Оно распространяется на профессиональную деятельность, публичные взаимодействия и включает в себя формирование социальной идентичности человека. Это означает, что рабочие места, учебные аудитории и другие публичные пространства не являются «правовым вакуумом» с точки зрения приватности.

Любое наблюдение, будь то со стороны государства или частного работодателя, представляет собой вмешательство в частную жизнь. Савельев А.И. считает, что право на неприкосновенность частной жизни пересекается с правом на защиту персональных данных [**13**]. Очень важен баланс между безопасностью для государства и приватностью для человека и гражданина. Практика Суда, особенно в знаковом деле «Большой брат Вотч и другие против Великобритании», четко обозначила, что, хотя государства имеют право и обязанность защищать национальную безопасность, используя для этого современные технологии, но это право не безгранично. ЕСПЧ признал, что системы массового наблюдения, такие как перехват коммуникаций, сами

по себе не являются нарушением Конвенции, если того требуют современные угрозы. Однако Суд установил жесткие критерии их применения. Любое такое вмешательство должно быть четко и ясно прописано в законе, масштаб слежки должен быть ограничен определенными целями (например, противодействие терроризму) и не может быть тотальным, сопровождается гарантиями в виде судебного надзора, а также эффективных средств правовой защиты независимых контрольных органов.

В итоге практика ЕСПЧ свидетельствует о формировании целостной и прогрессивной доктрины цифровых прав. Суд последовательно защищает достоинство и автономию личности от произвольного вмешательства в эпоху тотальной цифровизации и наблюдения. Через расширительное толкование «частной жизни», установление строгих критериев для любых форм слежки и имплементацию принципов защиты данных в Конвенции ЕСПЧ не только реагирует на уже существующие вызовы, но и закладывает правовые основы для ответа на будущие технологические угрозы правам человека. Дела, рассмотренные в работе, подтверждают, что Конвенция остается «живым инструментом», способным эффективно защищать фундаментальные свободы в XXI веке.

Список источников и литературы

1. Организация Объединенных Наций. Декларации. Всеобщая декларация прав человека: [сайт]. - Нью-Йорк, 1948, - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml?ysclid=mgq8t2aey7377191189

2. Ястребова А.Ю., Анисимов И.О., Осуществление права человека на защиту персональных данных: отдельные международно-правовые аспекты, опыт России и СНГ. / Ястребова А.Ю., Анисимов И.О. // [сайт]. 2022, - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50146022_65223824.pdf

3. Совет Европы. Конвенция. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных: [сайт]. – Страсбург, 1981, - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121499/

4. Европейский союз. Европейский суд по правам человека. Дело Антовича и Мирковича против Черногории. [сайт]. – 2017, - URL: https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-178904%22]%7D

5. Европейский союз. Конвенция. Европейская конвенция о защите прав человека основных свобод: [сайт]. – Рим, 1950, - URL: https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols

6. Европейский союз. Европейский суд по правам человека. Дело Лопес Рибальда и другие против Испании. [сайт]. – 2019, - URL: https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22fulltext%22:[%22(López%20Ribalda%20and%20Others%22],%22documentcollectionid2%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-197098%22]}

7. Европейский союз. Европейский суд по правам человека. Дело большой брат вотч и другие против Великобритании. [сайт]. – 2021, - URL: https://hudoc.echr.coe.int/rus#{%22fulltext%22:[%22Big%20Brother%20Watch%22],%22documentcollectionid2%22:[%22GRANDCHAMBER%22,%22CHAMBER%22],%22itemid%22:[%22001-210077%22]}

8. Оганесян Т.Д. Национальная безопасность и защита персональных данных: обновленные стандарты европейского правосудия. / Оганесян Т.Д. // [сайт]. 2025, - URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_82625701_90625588.pdf

9. Chinmayi Shama. Lawfare. Summary: Big brother Watch and Others v. the United Kingdom. [сайт]. – 2021, - URL: https://www.lawfaremedia.org/article/summary-big-brother-watch-and-others-v-united-kingdom

10. Великобритания. Законы. Закон о полномочиях по проведению расследований 2016 года. [сайт]. – 2016, - URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2016/25/contents/enacted

11. Антопольский А.А. Право человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека. / Антопольский А.А. // [сайт]. – 2019, - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-i-internet-praktika-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka?ysclid=mgtgydalov457047500

12. Report Research Division ECHR, Internet: Case-law of the European Court of Human Rights. 2011, 2015 (update). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/ Research_report_internet_ENG.pdf

13. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М., 2017. С. 31-39.

14. Мартиросян А.Ж. Международно-правое регулирование обеспечения безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий : специальность 5.1.5 Международно-правовые науки : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мартиросян Аревик Жораевна ; Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2024.

Куликов Артемий Михайлович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России.
E-mail: artemy.kulikoff@yandex.ru

Artemy M. Kulikov,
Postgraduate Student,
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation.
E-mail: artemy.kulikoff@yandex.ru

СКРЫТЫЕ СУБСИДИИ В ПРАКТИКЕ ВЕДУЩИХ ГОСУДАРСТВ И ИХ СООТВЕТСТВИЕ НОРМАМ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

COVERT SUBSIDIES IN THE PRACTICES OF LEADING NATIONS AND THEIR COMPLIANCE WITH WORLD TRADE ORGANIZATION NORMS: AN INTERNATIONAL LEGAL ANALYSIS

Аннотация: в статье проводится международно-правовой анализ использования скрытых субсидий в практике ведущих государств (США и ЕС) и их соответствия нормам Всемирной торговой организации (ВТО). На фоне провозглашаемой приверженности свободной торговле государства активно прибегают к изощренным протекционистским мерам, включая замаскированное субсидирование, которое противоречит Соглашению ВТО по субсидиям и компенсационным мерам (Соглашение СКМ). Исследование систематизирует данные механизмы скрытой поддержки, такие как косвенное финансирование НИОКР, избирательные налоговые льготы и государственное кредитование субсидиями, демонстрируя их системный и институционализированный характер. На примере знаковых споров в ВТО (DS353, DS474) освещаются системные проблемы и правовые коллизии, создающие «серые зоны». Противопоставляется право ЕАЭС, которое в области субсидий оценивается как более прозрачное и соответствующее нормам и правилам ВТО. В заключение предлагаются международно-правовые меры, включая альтернативные компенсационные пошлины и дипломатические инициативы, которые могут быть использованы для противодействия данным практикам и укрепления многосторонней торговой системы.

Ключевые слова: международное право, евразийская экономическая интеграция, ВТО, скрытые субсидии.

Abstract: the article provides an international legal analysis of the use of covert or hidden subsidies in the practices of leading countries (the US and the EU) and their compliance with World Trade Organization (WTO) rules. Against the backdrop of their professed commitment to free trade, states actively resort to

sophisticated protectionist measures, including disguised subsidies, which contradict the WTO Agreement on Subsidies and Countervailing Measures (SCM Agreement). The study systematizes these mechanisms of hidden support, such as indirect financing of R&D, selective tax breaks, and state lending with subsidies, demonstrating their systemic and institutionalized nature. Using the example of landmark WTO disputes (DS353, DS474), it highlights systemic problems and legal conflicts that create "gray areas." It contrasts EAEU law, which is assessed as more transparent and consistent with WTO rules on subsidies. The conclusion proposes international legal measures, including alternative countervailing duties and diplomatic initiatives, that can be used to counter these practices and strengthen the multilateral trading system.

Keywords: international law, Eurasian economic integration, WTO, covert subsidies.

В современном международном экономическом праве наблюдается парадоксальная тенденция: на фоне провозглашаемой приверженности принципам свободной торговли и многостороннего регулирования стремительно набирают силу протекционистские настроения. Санкционное давление, геоэкономическое противостояние и борьба за технологическую гегемонию приводят к тому, что государства активно прибегают к изощренным формам нетарифного регулирования, в частности, к скрытому (замаскированному) субсидированию национальных производителей. Данная практика вступает в прямое противоречие с нормами и правилами ВТО, в частности, с нормами Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам (SCM Agreement).

Как верно отметил президент России В.В. Путин, «они же все жульничают на самом деле. Вот все подписывают документы в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), они все [говорят]: «То нельзя субсидировать и это». А скрытые субсидии в огромных количествах идут и создают огромные преференции, в том числе и на нашем рынке» [**5**]. Это высказывание констатирует кризис принципа добросовестности в соблюдении международных обязательств, что является фундаментальным принципом международного права (ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) [**2**]. Принцип суверенного равенства государств,

являющийся краеугольным камнем современной системы международных отношений (ст. 2 Устава ООН), в сфере международной торговли трансформируется в принцип взаимности и недискриминации. Однако именно скрытое субсидирование нарушает этот баланс, создавая асимметричные условия конкуренции. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью проведения международно-правовой экспертизы практик скрытого субсидирования на предмет их соответствия универсальным нормам многосторонней торговой системы.

Целью настоящей работы является комплексный международно-правовой анализ механизмов скрытого субсидирования в США, ЕС и России/ЕАЭС и их оценки на соответствие нормам ВТО. Для целей работы необходимо классифицировать скрытые формы субсидирования в практике США и ЕС выявлением признаков, содержащихся в положениях Соглашения СКМ; выявить системные проблемы и коллизии в применении норм Соглашения и практики Органа по разрешению споров (ОРС) ВТО; проанализировать практику ОРС ВТО по знаковым спорам, связанным с субсидированием, для выявления универсальных подходов к квалификации «скрытых» мер; сформулировать на основе проведенного анализа международно-правовые основания для применения ответных компенсационных мер со стороны России.

Регулирование субсидий является одним из центральных направлений работы ВТО. Основы заложены в статьях VI, XVI Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) 1994 г. [**3**], а детальная разработка представлена в специальном Соглашении по субсидиям и компенсационным мерам. В соответствии со ст. 1 Соглашения субсидия существует при наличии двух юридически установленных элементов: финансового содействия со стороны государства или любого публичного органа (прямой трансфер средств, потенциальные прямые трансферты обязательств (государственные гарантии по кредитам), предоставление товаров или услуг, не являющихся общей

инфраструктурой, или приобретение товаров) и предоставления преимущества (benefit) получателю [**7**]. Ключевым критерием здесь является сравнение с рыночными условиями: получил бы получатель такое же финансирование на частном рынке?

Субсидия относится к Соглашению СКМ, если она является специфичной (specific) (ст. 2), то есть доступна ограниченному кругу лиц (компаний) по целевому или отраслевому принципу. Наиболее строго регулируются запрещенные субсидии (ст. 3), к которым относятся субсидии, связанные с понятием экспортной эффективности, и субсидии, обусловленные использованием отечественных товаров вместо импортных (import substitution subsidies). В случае если специфическая субсидия (не являющаяся запрещенной) наносит ущерб экономической отрасли другого члена ВТО, последний вправе ввести компенсационную пошлину (countervailing duty) для нейтрализации ее негативных эффектов (ст. 10–23 Соглашения) [**7**]. Основная правовая проблема заключается в квалификации современных сложных мер государственной поддержки, которые de jure не являются прямым бюджетным финансированием, но фактически предоставляют «преимущество» и искажают условия конкуренции. Это создает «серые зоны» в регулировании, которыми активно пользуются отдельные государства.

Американская практика демонстрирует системное использование мер, подпадающих под критерии «финансового содействия» и «предоставления преимущества» [**6**]. Косвенное финансирование НИОКР через государственные контракты в оборонном секторе. Заключение контрактов по схеме “cost-plus” (возмещение издержек плюс гарантированная прибыль) с такими корпорациями, как Boeing, Lockheed Martin, может квалифицироваться как предоставление преимущества, несовместимого с рыночными условиями, и образовывать специфическую субсидию. Встречаются любопытные региональные налоговые льготы. Яркий пример – программа Chapter 313 Texas Tax Code [**10**], предоставлявшая компаниям, подобным Tesla,

существенные освобождения от налога на имущество на 10 лет. Формально программа была доступна всем, но de facto ее бенефициарами становились крупнейшие корпорации, что позволяет говорить о ее фактической специфичности по смыслу п. (c) ст. 2 Соглашения СКМ. Деятельность Экспортно-импортного банка США (EXIM Bank). Предоставление гарантий и финансирования иностранным покупателям американской продукции неоднократно оспаривалось в ВТО как экспортная субсидия, поскольку условия финансирования могут быть более выгодными, чем рыночные [**9**].

В Европейском Союзе действует собственная, более жесткая, чем в ВТО, система контроля за государственной помощью (State Aid) (ст. 107-108 Договора о функционировании ЕС) [**12**]. Однако это не исключает возникновения споров о соответствии практик ЕС нормам ВТО. Схемы государственной помощи, одобренные Еврокомиссией, имеют расхождения с положениями Соглашения. Многие меры поддержки (например, в рамках «Зеленого курса» или программ цифровизации) получают одобрение на уровне ЕС, но могут оспариваться третьими странами в ВТО, если будут сочтены специфическими и наносящими ущерб. Косвенное субсидирование через государственные банки развития (KfW, Bpifrance). Кредитование целевых отраслей под проценты ниже рыночных прямо подпадает под определение финансового содействия с предоставлением преимущества (ст. 1.1(a)(1) Соглашения).

В отличие от США и ЕС правовая система ЕАЭС в области субсидий формировалась после принятия норм ВТО, что обусловило ее высокую степень соответствия международным стандартам. Протокол о единых правилах предоставления промышленных субсидий [**4**] (приложение №28 к Договору о ЕАЭС) является ключевым документом союза. Он практически дословно воспроизводит дефиниции Соглашения СКМ, запрещая экспортные и импортозамещающие субсидии (ст. 4 Протокола), и детализирует процедуры уведомления и применения компенсационных мер. Российское национальное

законодательство (ФЗ №165 «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах») также содержит нормы Соглашения. Можно утверждать, что правовой режим ЕАЭС в данной сфере является более прозрачным и предсказуемым с точки зрения международного права, поскольку минимизирует «серые зоны» за счет прямого заимствования универсальных норм.

ОРС ВТО играет ключевую роль в толковании и применении норм Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам, формируя прецедентную практику. Хотя формально доктрина прецедента в ВТО отсутствует, решения ОРС имеют огромное значение.

DS353: «Самолет Large Civil Aircraft – Вторая жалоба» [**15**] (ЕС против США). Спор представляет собой эталонный пример сложности квалификации скрытых субсидий. ОРС подтвердил, что контракты NASA и Министерства обороны США с Boeing, направленные на НИОКР, представляют собой финансовый вклад, дающий право на получение льготы, поскольку результаты исследований de facto присваивались компанией для коммерческого использования. Это была скрытая форма субсидирования НИОКР. Аналогично налоговые льготы, предоставленные штатом Вашингтон исключительно для Boeing, были признаны специфической субсидией [**1**]. Таким образом ОРС детализировал критерий «предоставление преимущества» при косвенном финансировании и подтвердил, что субнациональные органы власти (штаты) также несут ответственность за соблюдение Соглашения, ответственность ложится на государство-члена в целом.

DS474/494: «ЕС – Методология расчета стоимости и антидемпинговые меры в отношении импорта из России» (Аммиачная селитра). Споры иллюстрируют взаимосвязь антидемпингового и компенсационного законодательства и проблему произвольного применения методик расчета. ОРС постановил, что Европейская Комиссия неправомерно отказалась использовать внутренние цены в России при установлении нормальной

стоимости товара, перейдя к ценам третьих стран. Это привело к завышению размера антидемпинговой пошлины и нарушило ст. 2.2 Антидемпингового соглашения ВТО. Решение Органа подчеркивает принцип соразмерности и добросовестности при применении защитных мер. Отказ от использования внутренних цен может быть правомерным только при наличии веских доказательств искажения рынка (что, по мнению ОРС, сделано не было), в противном случае это становится скрытым протекционизмом [**13**].

DS419[**11**]: «Китай – Меры в отношении ветроэнергетического оборудования» (США против Китая). Хотя дело не связано с США или ЕС напрямую, оно является показательным примером скрытых экспортных субсидий. США утверждали, что предоставление Китаем грантов, дешевых кредитов и земельных льгот производителям ветряных турбин было увязано с экспортной эффективностью, что является прямым нарушением ст. 3.1(a) Соглашения СКМ. Угроза официального разбирательства привела к отзыву мер Китаем, что демонстрирует превентивный эффект механизмов ВТО и важность четкой квалификации мер как запрещенных.

Приведем несколько актуальных примеров.

Избирательное смягчение вторичных санкций США в отношении КТК и «Тенгизшевройл» (май 2025 года) [**14**]. С юридической точки зрения, предоставление OFAC специальных лицензий американским компаниям (Chevron, ExxonMobil) на продолжение работы в этих проектах может быть расценено как непредоставление ограничительной меры, что фактически формирует специфическое преимущество (specific advantage) для данных корпораций. Это преимущество заключается в сохранении их доходов и рыночных позиций, в то время как другие компании, в том числе российские, подвергаются полному эмбарго. Подобное избирательное неприменение санкционного режима может подпадать под определение финансового содействия через потенциальные прямые трансферты обязательств (ст. 1.1(a)(1)(i) Соглашения). Получается, что США гарантирует данным

компаниям иммунитет от своих же ограничительных мер. Специфичность такой меры обусловлена ее привязкой к конкретному инвестиционному проекту или ограниченной группе предприятий.

Особые условия на приобретение авиационной техники Boeing государственными авиакомпаниями Объединенных Арабских Эмиратов были сопряжены с получением инвестиционных гарантий или льготного финансирования от американских финансовых институтов, тесно связанных с правительством США (таких как Экспортно-импортный банк – EXIM Bank), это представляет собой классический пример сложной, многоуровневой формы скрытого субсидирования, вызывающего вопросы на соответствие нормам Соглашения ВТО по субсидиям и компенсационным мерам. С международно-правовой точки зрения данная схема может быть квалифицирована как предоставление запрещенной экспортной субсидии, подпадающей под действие ст. 3.1(а), а также как специфическая субсидия, наносящая ущерб интересам других членов ВТО. Установим наличие элементов субсидии, определенных в ст. 1.1 Соглашения: финансовое содействие, предоставление преимущества и специфичности. В данном случае финансовое содействие со стороны США или публичного органа усматривается в деятельности EXIM Bank, который, будучи государственным учреждением, предоставляет кредиты, гарантии и страхование иностранным покупателям американской продукции на условиях, которые могут быть недоступны на открытом рынке. Ключевым аспектом является установление преимущества для получателя – корпорации Boeing. Преимущество возникает не напрямую, а опосредованно: гарантии и льготное финансирование для иностранного покупателя (ОАЭ) фактически снижают стоимость коммерческой сделки для него, что делает продукцию Boeing искусственно более конкурентоспособной и стимулирует заключение контракта, который в иных условиях мог бы быть заключен с другим производителем (например, Airbus). Таким образом, выгоду извлекает именно американский экспортер.

Данная схема может быть расценена как скрытая субсидия. Квалифицировать данный случай помогает практика ОРС ВТО, в частности решения по делам (DS316, DS353 рассмотрен выше), где подобные схемы косвенного финансирования через государственные структуры подробно анализировались на предмет соответствия положениям Соглашения СКМ. Более того, увязка коммерческой сделки с предоставлением инвестиционных гарантий со стороны американских банков может также подпадать под критерий специфичности, поскольку данные меры de facto доступны ограниченному кругу предприятий (Boeing и ее клиентам) и носят не общий, а целевой характер.

Проведенный международно-правовой анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Практики США и ЕС по скрытому субсидированию носят не случайный, а системный и институционализированный характер. Они используют коллизии и пробелы в нормативном массиве ВТО, а также нарушенное функционирование ОРС для de facto легитимации мер, искажающих конкуренцию. Блокирование процесса назначения арбитров Апелляционного органа США парализовало систему разрешения споров. Это создает ситуацию безнаказанности для стран, применяющих запрещенные субсидии, и подрывает саму основу многосторонней торговой системы, основанной на нормах и правилах ВТО.

Очевидна потребность в прогрессивном развитии международного экономического права через уточнение и детализацию норм Соглашения по субсидиям и компенсационным мерам. Работа должна быть направлена на расширение дефиниции «финансового содействия» с включением в нее избирательных мер фискального и регуляторного характера, ужесточение правил уведомления о субсидиях и трансграничной проверки (peer review), а также создание альтернативных механизмов разрешения споров в обход заблокированного Апелляционного органа (например, создание временного многостороннего апелляционного механизма). Внутрисоюзное регулирование

ЕАЭС в области субсидий полностью соответствует, а в части детализации – даже превосходит стандарты Соглашения СКМ, что свидетельствует о добросовестном выполнении Российской Федерацией и ее партнерами своих международных обязательств.

С точки зрения международного права, Россия вправе применять следующие меры: инициирование расследований и введение компенсационных пошлин на основании ст. 10–13 Соглашения СКМ и ФЗ №165, то есть может проводить расследования в отношении импорта из стран, чьи субсидии наносят ущерб российской экономике, и вводить компенсационные пошлины в размере, нейтрализующем эффект субсидии. Применение ответных мер в рамках ст. 22 ДРС в случае подтверждения нарушения со стороны ОРС ВТО и невозможности получить удовлетворение из-за блокировки Апелляционного органа – Россия может приостановить применение тарифных уступок в отношении стран-нарушителей в соответствии с принципом взаимности.

Особое внимание следует уделить развитию международно-правовой доктрины в области скрытого субсидирования. Россия могла бы инициировать обсуждение данной проблематики в Комиссии международного права ООН или на других авторитетных международных форумах. Целью таких дискуссий могла бы стать выработка руководящих принципов или модельных правил, разъясняющих применение универсальных принципов международного права к сложным случаям скрытого субсидирования. Это способствовало бы прогрессивному развитию международного экономического права и укреплению правовой определенности в данной области.

Координация действий в рамках ЕАЭС с использованием механизмов Протокола о промышленных субсидиях ЕАЭС для выработки единой позиции и применения совместных компенсационных мер значительно усилит переговорные позиции Союза. Дипломатично-правовое давление через

активное поднятие вопроса о системных нарушениях на площадках МВФ, ОЭСР, G20 и БРИКС+ будет способствовать формированию коалиции заинтересованных государств и выработке консолидированного ответа, направленного на восстановление функциональности многосторонней торговой системы. Таким образом, ответом на вызовы скрытого субсидирования должен стать не протекционизм, а активное и профессиональное использование всего инструментария современного международного экономического права.

Список источников и литературы

1. Баева М.А. Международная конкуренция в гражданском авиастроении: Boeing vs Airbus в ВТО [Электронный ресурс] // Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. – 2021. – № 72. – 5 августа. Режим доступа: https://www.vavt-imef.ru/analytics/monitoring-of-current-events-in-the-field-of-international-trade-no-72/ (дата обращения: 21.08.2025).
2. Венская Конвенция о праве международных договоров [Вена, 23 мая 1969 г.] // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLII. – М., 1988. С. 171-197.
3. Генеральное соглашение по тарифам и торговле от 15 апреля 1994, [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.rgwto.com/wto.asp?id=3668&doc_id=2066 (дата обращения 12.09.2025).
4. Протокол о единых правилах предоставления промышленных субсидий [Электронный ресурс] : (приложение №28 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_trade/upload/Media/Media_2688.pdf (дата обращения: 12.09.2025).
5. Путин: некоторые страны жульничают с требованиями ВТО по субсидиям // ТАСС. 13.05.2025. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/23928669 (дата обращения 20.09.2025).
6. Смбатян Анаит Сергеевна Возможности и риски поддержки промышленности в свете правил ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. №7. с. 7 – 26.
7. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам от 15 апреля 1994 г. . [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://wto.ru/upload/iblock/2b8/2b81cfb6080985318f2863565c03350c.doc (дата обращения 17.08.2025).

8. Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам от 15 апреля 1994 г. . [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://wto.ru/upload/iblock/2b8/2b81cfb6080985318f2863565c03350c.doc (дата обращения 17.08.2022).

9. Черешнева К. К. Особенности функционирования государственной поддержки экспорта // Инновации и инвестиции. 2019. №6. С. 85–89

10. Chapter 313 Texas Tax Code [Электронный ресурс]: [глава 313 Налогового кодекса Техаса] // Texas Constitution and Statutes. Режим доступа: https://statutes.capitol.texas.gov/Docs/TX/htm/TX.313.htm (дата обращения: 11.09.2025).

11. China — Measures Concerning Wind Power Equipment [Электронный ресурс]: [Китай — Меры, касающиеся оборудования для ветроэнергетики]: запрос на консультации от 22 декабря 2010 г.: дело WT/DS419/1 // Всемирная торговая организация. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds419_e.htm (дата обращения: 21.09.2025).

12. Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union [Электронный ресурс]: [Официальный текст Договора о функционировании Европейского союза] // EUR-Lex. Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012E/TXT (дата обращения: 25.09.2025).

13. European Union — Cost Adjustment Methodologies and Certain Anti-Dumping Measures on Imports from Russia [Электронный ресурс] : [Европейский союз — Методологии расчета стоимости и некоторые антидемпинговые меры в отношении импорта из России] : доклад Апелляционного органа от 24 июля 2020 г.: дело WT/DS494/AB/R // Всемирная торговая организация. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds494_e.htm (дата обращения: 30.09.2025).

14. OFAC разрешил транзакции с «Тенгизшевройл» и КТК до ноября 2025 года [Электронный ресурс] / А. Иванов, Б. Петров // РБК. 15.05.2025. Режим доступа: https://www.rbc.ru/business/15/05/2025/6825fa9f9a7947686a229865 (дата обращения: 25.09.2025).

15. United States — Measures Affecting Trade in Large Civil Aircraft (Second Complaint) [Электронный ресурс]: [Соединенные Штаты — Меры, влияющие на торговлю крупными гражданскими самолетами (Вторая жалоба)] : доклад Апелляционного органа от 12 марта 2012 г. : дело WT/DS353/AB/R // Всемирная торговая организация. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/cases_e/ds353_e.htm (дата обращения: 14.09.2025).

Доценко Елена Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры политической экономии и истории,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова.
E-mail: dotsenko.ey@rea.ru
Elena Y. Dotsenko,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Political Economy and History of Economic Science
Plekhanov Russian University of Economics.
E-mail: dotsenko.ey@rea.ru

Н.П. Ездина,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры политической экономии и истории,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
E-mail: ezdina.np@rea.ru
N.P. Ezdina,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Political Economy and History of Economic Science
Plekhanov Russian University of Economics.
E-mail: ezdina.np@rea.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА РОССИИ К МОДЕЛИ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКИ

CHALLENGES OF RUSSIA'S TRANSITION TO A CIRCULAR ECONOMY MODEL

Аннотация: статья посвящена анализу проблем перехода Российской Федерации к модели циркулярной (замкнутой) экономики. На основе данных официальной статистики за 2013–2023 годы авторы исследуют динамику образования, утилизации и обезвреживания отходов производства и потребления, а также связь этих процессов со структурой национальной экономики. Выявлено, что ключевым барьером является доминирование добывающего сектора, характеризующегося короткими производственными цепочками и высоким объемом образующихся отходов при снижающемся уровне их утилизации. Доказывается, что решение проблемы отходов исключительно за счет сортировки, захоронения и вторичной переработки является недостаточным. Авторы приходят к выводу, что для успешного перехода к циркулярной экономике необходим системный государственный

подход, направленный на глубокую структурную трансформацию в сторону развития и доминирования в экономике высокотехнологичных и наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности с длинными цепочками создания стоимости.

Ключевые слова: циркулярная экономика, отходы производства и потребления, структурная трансформация экономики, утилизация отходов, добывающие отрасли, обрабатывающая промышленность, высокотехнологичные производства, парниковые газы, экологическая нейтральность, государственная политика.

Abstract: the article analyzes the challenges of transitioning the Russian Federation to a circular economy model. Using official statistics from 2013–2023, the authors examine the dynamics of generation, recycling, and neutralization of production and consumption waste, as well as the connection between these processes and the structure of the national economy. It is revealed that the key barrier is the dominance of the extractive sector, characterized by short production chains and high waste generation volumes coupled with a declining recycling rate. The study argues that addressing the waste problem solely through sorting, landfilling, and recycling is insufficient. The authors conclude that a successful transition to a circular economy requires a systemic state policy aimed at a deep structural transformation towards the development and dominance of high-tech and knowledge-intensive manufacturing industries with long value chains.

Keywords: circular economy, production and consumption waste, structural transformation of the economy, waste recycling, extractive industries, manufacturing industry, high-tech production, greenhouse gases, environmental neutrality, state policy.

Становление современной модели циркулярной экономики, характерной для технологически передовых стран мира в настоящее время требует реализации принципов полного безотходного производства и рециклинга, что определяется развитием отраслей со средним производственным циклом (машиностроительная отрасль, строительство), а затем и длинными цепочками производства и потребления (станкостроение, приборостроение, электроника, химическая отрасль и др.). Однако решение данной проблемы носит системный характер и фактически становится невозможным без государственных усилий по запуску полномасштабной структурной трансформации экономики в направлении увеличения доли высокотехнологичных и наукоемких производств обрабатывающей промышленности.

Эпоха климатического кризиса и в этой связи четкий запрос со стороны социума на реализацию принципов разумного производства и потребления, использования технологий, сберегающих экосистему, диктуют необходимость перехода к модели замкнутых циклов производства и потребления – циркулярной экономики. С другой стороны – ограниченность сырьевых ресурсов, рост цен и глобальное требование к стабилизации спроса на них определяют интерес субъектов бизнеса, особенно малого и среднего, к внедрению безотходных производств и удлинению циклов использования уже произведенных материалов и продуктов.

В условиях быстро растущего спроса и смены предпочтений вопросы образования, утилизации и обезвреживания отходов производства и потребления имеют особенную значимость как в масштабах национальной, так и глобальной экономик. К слову, современный житель России в год оставляет после себя около 500 кг твердых отходов – и это только бытовых отходов, образующихся в процессе потребления человека. Если говорить об отходах промышленного производства (картон, бумага, кожа, зола и шлаки, пластмасса, металлические изделия, стекло, резина и т.д.), то во многих из них содержатся неорганические соединения от трудно разлагаемых до крайне опасных, что ежегодно наносит фактически непоправимый вред экосистеме. Одними из самых экологически «грязных» видов деятельности являются добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, транспорт и производство потребительских товаров – отрасли с короткими цепочками производства и потребления.

В Российской Федерации проблема усугубляется ввиду значительного количества добывающих регионов (напомним, что не менее 1/3 регионов в нашей стране специализируются на добыче полезных ископаемых), а также отсутствия широкой практики использования безотходных технологий и реализации принципов циркулярной экономики уровня 3.0. [**1**, с. 120].

Методологическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых, затрагивающих вопросы необходимости устойчивой экологизации промышленного производства, а также становления жизнедеятельности человека на принципах циркулярной экономики (Голиков В.Д. [**2**], Кныш В.А., Иванова Л.В. [**3**], Ray S. [**4**], Ильина Е.А. [**5**], Крылова Н. [**6**] и многие другие). Теоретические изыскания отечественных ученых опираются на определяющую значимость управления отходами, а также вторичного использования, обновления и продления эксплуатации средств производства (Мещеряков С.В., Еремин И.С., Вишневский В.Д., Каримов Г.К. [**7**], Гальцева Н.А., Попов П.В., Котов Д.А., Голотенко Д.С. [**8**], Сотова Т.Н. [**9**], Шилкина С.В. [**10**] и другие ученые). При этом всё чаще в науке при изучении динамики образования отходов, их состава и структуры по отраслям стали подниматься вопросы необходимости перехода к экологической нейтральности, декарбонизации и реализации ESG-принципов [**11**; **18**], что соответствует мировой экологической повестке.

Вместе с этим в современных исследованиях не изученными остаются вопросы взаимосвязи реализации принципов полного безотходного производства и рециклинга со структурной трансформацией, определяющей рост доли высокотехнологичных и наукоемких производств в национальной экономике. Именно развитие отраслей с длинными цепочками производства и потребления (станкостроение, приборостроение, радиоэлектроника, химическая отрасль и др.) определяет, во-первых, создание соответствующих мировой практике экотехнологий, сберегающих технологий, в том числе для организации безотходных производств и извлечения сырья из отходов, а во-вторых, требуемые структурные сдвиги в национальной экономике.

Исследование выполнено с использованием таких общенаучных и эмпирических методов, как анализ, синтез и сравнение. Информационно-эмпирической базой исследования являются данные Федеральной службы

государственной статистики, а также информационных аналитических агентств.

Данные таблицы 1 демонстрируют поступательный рост отходов производства и потребления в РФ в целом на 80% за период 2013–2023 годов. При этом в качестве позитивной тенденции, несмотря на общее увеличение объемов образования отходов, стоит отметить сокращение доли их опасной части с 2,3% в 2013 году до 0,87% в 2023 году.

Таблица 1

Динамика объемов образования, утилизации и обезвреживания отходов производства и потребления в Российской Федерации за 2013–2023 годы

Годы	*Образование отходов, млн т*	*Удельный вес опасных отходов в общем их объеме, %*	*Объем утилизированных и обезвреженных отходов, млн т*	*Удельный вес утилизированных и обезвреженных отходов в общем объеме образовавшихся отходов, %*
2013	5152,8	2,3	2043,6	39,6
2014	5168,3	2,4	2357,2	45,6
2015	5060,2	2,2	2685,1	53,1
2016	5441,3	1,8	3243,7	59,6
2017	6220,6	1,7	3264,6	52,5
2018	7266,1	1,7	3818,4	52,5
2019	7750,9	1,3	3881,9	50,1
2020	6955,7	1,4	3429,0	49,3
2021	8448,6	1,4	3937,2	46,6
2022	9017,3	1,2	4125,2	45,7
2023	9278,8	0,87	3960,9	42,7

Источник: [**20**].

Удельная величина утилизированных и обезвреженных отходов имеет нестабильную динамику, увеличиваясь с 2013–2016 годов до 59,6%, а затем планомерно сокращаясь с 2017–2023 годов до 42,7%. Максимальное значение доли утилизированных и обезвреженных отходов производства и потребления, зафиксированное в 2016 году (59,6%), несмотря на поступательный рост отходов, так более никогда достигнуто и не было. При этом даже самое максимальное значение утилизированных и обезвреженных

отходов от их общего объема как минимум в 1,5 раза меньше, чем в странах Евросоюза и США [**12**].

Образование отходов напрямую связано с выделением в атмосферу парниковых газов (в основном – метана). Так, около трети всех выбросов метана регистрируется на свалках крупных городов и мегаполисов [**10**].

Таблица 2

Динамика выбросов парниковых газов, связанных с отходами в Российской Федерации за 2013–2021 гг.

Показатель	*Годы*								
	2013	*2014*	*2015*	*2016*	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*
Выбросы парниковых газов, связанные с отходами, всего млн тонн CO_2	77,84	81,15	83,44	85,45	87,53	89,49	91,40	94,06	96,7
в том числе:									
в % от общих выбросов парниковых газов	*4,8*	*5,0*	*5,2*	*5,3*	*5,3*	*5,3*	*5,4*	*5,9*	*5,7*
- захоронение твердых отходов	53,44	56,5	58,47	60,37	62,27	63,96	65,59	67,74	70,07
в % от общих выбросов парниковых газов, связанных с отходами	*68,6*	*69,6*	*70,1*	*70,6*	*71,1*	*71,4*	*71,8*	*72,0*	*72,5*
- биологическая обработка твердых отходов	0,06	0,07	0,08	0,05	0,04	0,01	0,02	0,09	0,16
в % от общих выбросов парниковых газов, связанных с отходами	*0,08*	*0,08*	*0,08*	*0,06*	*0,045*	*0,01*	*0,02*	*0,095*	*0,16*
- очистка жидких отходов и стоков	24,34	24,57	24,89	25,03	25,22	25,52	25,79	26,23	26,46
в % от общих выбросов парниковых газов, связанных с отходами	31,3	30,2	29,8	29,3	28,8	28,5	28,2	27,9	27,3

Источник: [**20**].

Данные таблицы 2 демонстрируют устойчивый рост выбросов парниковых газов, связанных с отходами за весь рассматриваемый период в

целом на 24,2%, то есть ежегодно прирост составляет не менее 2,5%. Такой прирост в целом по стране, безусловно, не сопоставим со значениями стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Между тем проблема захоронения и утилизации твердых отходов (а именно захоронение твердых отходов вносит существенный вклад в формирование выбросов парниковых газов – около 70% к 2021 году) и в России стоит очень остро.

Хотя отходы производства и потребления вносят довольно скромный вклад в формирование выбросов парниковых газов (4,8% в 2013 году с поступательным ростом до 5,7% в 2021 году), несмотря на их повышательную динамику, однако они в большей степени ответственны за выделение метана – наиболее опасного их вида.

Наибольший вклад в образование отходов производства вносит добывающая отрасль, на ее долю приходится от 86,8% до 94,3% от общего объема всех отходов (таблица 3). При этом только по добывающей отрасли отмечается устойчивое увеличение отходов более чем на 80% на фоне сокращения их объема по сельскому хозяйству (на 66,7% за весь рассматриваемый период) и обрабатывающим производствам (на 26% за весь период).

Несмотря на наибольший вклад добывающей отрасли в образование отходов производства, доля утилизированных и обезвреженных по ней заметно снижается с 61% в 2016 году до 41,1 % в 2023 году. Одновременно с этим происходит увеличение в динамике утилизированных и обезвреженных отходов как по сельскому хозяйству (с 85,4% в 2016 году до 96,6% к 2023 году), так и обрабатывающим производствам (с 44% в 2016 году до 54,8% в 2023 году). Существенный вклад в образование отходов по обрабатывающим производствам вносят металлургическая промышленность и текстильное производство, на их долю приходится более 80% всех образующихся отходов.

Согласно принципу углеродной нейтральности, суть которого заключается в сокращении до нулевого уровня выбросов парниковых газов

или компенсации этих выбросов за счет реализации и финансирования углеродно-отрицательных проектов, сельское хозяйство поступательно движется в направлении этого, чего нельзя сказать про добычу полезных ископаемых, учитывая их существенный вклад в выбросы в атмосферу углекислого газа.

Таблица 3

Динамика образования отходов производства и потребления по видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2016–2023 гг.

Вид деятельности	*Годы*							
	2016	*2017*	*2018*	*2019*	*2020*	*2021*	*2022*	*2023*
Сельское хозяйство, млн т	49,242	41,499	42,773	47,664	45,156	50,619	45,721	16, 413
в % от общего образования отходов	*0,9*	*0,67*	*0,59*	*0,61*	*0,65*	*0,6*	*0,51*	*0,18*
% утилизированных и обезвреженных отходов	*85,4*	*78,0*	*84,6*	*81,9*	*74,7*	*82,2*	*86,0*	*96,6*
Добыча полезных ископаемых, млн т	4723,843	5786,188	6850,485	7257,022	6367,335	7690,515	8380,098	8666,291
в % от общего образования отходов	*86,8*	*93,0*	*94,3*	*93,6*	*91,5*	*91,0*	*92,9*	*93,4*
% утилизированных и обезвреженных отходов	*61,0*	*52,2*	*52,3*	*49,0*	*46,6*	*45,6*	*45,1*	*41,1*
Обрабатывающие производства	549,325	274,812	243,767	296,442	430,868	511,005	413,548	406,551
в % от общего образования отходов	*10,1*	*4,4*	*3,5*	*3,8*	*6,2*	*6,0*	*4,6*	*4,4*
% утилизированных и обезвреженных отходов	*44,0*	*49,4*	*52,6*	*59,8*	*53,5*	*48,3*	*45,3*	*54,8*

Источник: [**20**].

Таким образом, российскую специфику относительно динамики образования и утилизации отходов можно охарактеризовать как начальный этап становления циркулярной экономики, для которого характерны вторичное использование ресурсов, сокращение потребления невозобновляемой их части, частичное восстановление и продление

использования средств производства. Такие короткие циклы производства и потребления были характерны для национальных социально-экономических систем в период развития и доминирования первичного сектора в структуре экономики (сельского хозяйства, добычи полезных ископаемых и их первичной обработки). Снижение антропогенного воздействия на окружающую среду на этом этапе осуществлялось за счет экстенсивных факторов, главным образом определяющих сокращение потребления, а соответственно и использования невозобновляемых ресурсов.

Современный этап функционирования технологически передовых стран мира определяется развитием длинных циклов производства и потребления, переходом к «экономике замкнутого цикла», что включает в себя повторное использование и дальнейшую переработку до достижения экологической нейтральности, то есть извлечения сырья и энергии из отходов. Отраслями, определяющими переход к «экономике замкнутого цикла», являются высокотехнологичные и наукоемкие производства обрабатывающей промышленности (станкостроение, приборостроение, электроника, развитие органической химии и пр.). Их развитие и доминирование в структуре национальных доходов и экспорте будет определять переход экономики к полному безотходному производству всех ресурсов и продуктов, возобновляемой энергетике и производству полностью разлагаемой продукции, в том числе в отраслях химической и текстильной промышленности.

Проведенный анализ динамики образования, утилизации и обезвреживания отходов, их состава и структуры по отраслям позволил сделать вывод о распространении в национальной экономике начального этапа становления циркулярной модели, для которого характерны определяющая роль добывающего сектора в образовании отходов производства и потребления на фоне сокращения доли утилизированной и обезвреженной ее частей относительно других отраслей, сокращение

потребления невозобновляемой части ресурсов, их вторичное использование с целью решения проблем антропогенного воздействия на экосистему, а также частичное восстановление и продление эксплуатации средств производства.

В качестве вывода отметим, что эффективно решить проблему образования и утилизации отходов производства и потребления сортировкой и захоронением мусора, уменьшением органических отходов, использованием экотехнологий, в том числе улавливающих выбросы парниковых газов из атмосферы, вторичной переработкой ресурсов, повторным использованием производственных отходов невозможно. Требуется системный подход в рамках реализации государственной политики, основанный на переходе к модели циркулярной экономики, предусматривающий, прежде всего, ее структурную трансформацию за счет развития и доминирования в национальных доходах, инвестициях и экспорте высокотехнологичных и наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности.

Список источников и литературы

1. Доценко Е.Ю., Ездина Н.П., Мудрова С.В. Циркулярная экономика 3.0: перспективы структурной трансформации // Постсоветский материк. – 2023. – № 1(37). – С. 114-127.
2. Golikov V.D. Циркулярная экономика: экологически ориентированные производство и потребление // Вопросы гуманитарных наук. – 2019. – № 4(103). – 8-11.
3. Кныш В.А., Иванова Л.В. Циркулярная экономика: угроза для предприятий горнодобывающего сектора или драйвер их технологического развития? // Горный журнал. – 2020. – № 9. – С. 33-41.
4. Ray S. How can we learn from our mistakes during Covid-19? Circular economy in India though biogas economics // Economic Environment. – 2021. – № 2(36). – С. 59-65.
5. Ильина Е.А. Циркулярная экономика: концептуальные подходы и механизмы их реализации // Организатор производства. – 2022. – Т. 30. – № 3. – С. 21-30.

6. Крылова Н. Управление отходами производства и потребления. Институциональный аспект // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2016. – Т. 1. – № 6. – с. 44-48.

7. Мещеряков С.В., Еремин И.С., Вишневский В.Д., Каримов Г.К. Вторичное использование отходов предприятий лесопромышленного комплекса // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. – 2022. – 2(305). – С. 64-70.

8. Гальцева Н.А., Попов П.В., Котов Д.А., Голотенко Д.С. Вторичное использование отходов промышленности // Инженерный вестник Дона. – 2022. – № 5(89). – С. 572-581.

9. Сотова Т.Н. Рециклинг ресурсов как источник стратегического экономического роста и инновационного развития экономики России // Контентус. – 2019. – S11. – С. 309-315.

10. Шилкина С.В. Мировые тенденции управления отходами и анализ ситуации в России [Электронный ресурс] // Отходы и ресурсы. – 2020. – №1. (дата обращения: 03.06.2024).

11. Ланьшина Т.А., Логинова А.Д., Стоянов Д.Е. Переход крупнейших экономик мира к углеродной нейтральности: сферы потенциального сотрудничества с Россией // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 98-125.

12. Ермакова Е.П. О проекте общеевропейского закона о климате и проблемах нормативного регулирования «зеленого» финансирования в Европейском союзе // Государство и право. – 2022. – № 5. – С. 96-107.

13. Попова И.М. Анализ законодательных изменений и мер поддержки достижения целей «зеленой сделки» // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2021. – Т. 16. – №4. – С. 30-56.

14. Макеев Ю.А., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Декарбонизация в Китае: проблемы осуществления энергоперехода и финансирования // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2022. – № 1. – С. 89-105.

15. Шматко А.Д., Ивченко Б.П. Декарбонизация экономики: анализ проблематики с учетом региональной специфики и необходимости развития системы образования // Экономика и управление. – 2022. – Т. 8. – №3. – С. 219-225.

16. Иваньковский С.Л., Самочадин А.М. Индустрия 4.0, декарбонизация и траверз развития высокотехнологичных отраслей // Общество. – 2022. – 3-1(26). – С. 44-47.

17. Asif M., Searcy C., Castka P. ESG and Industry 5.0: the role of technologies in enhancing ESG disclosure // Technological forecasting and social change. – 2023. – № 195. – С. 122806.

18. Игишев А.В., Бердникова Н.А. ESG-принципы – ответственный подход ради устойчивого развития общества // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы. – 2022. – 2(69). – С. 30-37.

19. Как свалки загрязняют атмосферу метаном и вызывают глобальное потепление [Электронный ресурс]. – URL: https://trends.rbc.ru/trends/green/65d71b4d9a794739684ed504 (дата обращения: 11.06.2024).

20. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 03.06.2024).

Волкова Катерина Сергеевна,
Старший преподаватель
Кафедры политической экономии и истории экономической науки,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова.
E-mail: kirbireva@ya.ru

Katerina S. Volkova,
Senior Lecturer
Department of Political Economy and History of Economic Science
Plekhanov Russian University of Economics.
E-mail: kirbireva@ya.ru

ВКЛАД БЮДЖЕТНОЙ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО»

CONTRIBUTION OF FISCAL AND MONETARY POLICY TO THE ACHIEVEMENT OF THE GOALS OF THE NATIONAL PROJECT "TECHNOLOGICAL LEADERSHIP"

Аннотация: в работе рассматриваются задачи и инструменты формирования технологического суверенитета России в условиях трансформации глобальных цепочек создания стоимости, внешних ограничений и технологического давления. Анализируются вызовы, связанные с импортозависимостью, структурными ограничениями отечественной промышленности, недостаточным уровнем экспорта высокотехнологичной продукции и низкой долей расходов на НИОКР. Показано, что международный опыт подтверждает необходимость комплексного государственного вмешательства через национальные проекты, государственно-частное партнерство, кластерные платформы и долгосрочное бюджетное планирование. Доказывается, что грамотное сочетание фискальных и монетарных стимулов позволяет России не только догонять мировых технологических лидеров, но и выстраивать собственные производственные и инновационные цепочки с возможностями для экспансии на глобальных рынках. Обосновано, что временный инфляционный эффект от наращивания инвестиций в высокотехнологичные отрасли компенсируется последующим ростом производства, укреплением валюты и снижением макроэкономических рисков за счет роста внутреннего предложения и сокращения импортозависимости.

Ключевые слова: технологический суверенитет, инновации, государственная политика, бюджетная политика, денежно-кредитная политика, импортозамещение, промышленная политика, НИОКР, высокотехнологичные отрасли, цепочки создания стоимости, кластерные платформы, государственно-частное партнерство, макроэкономические стимулы, инфляция, монетарные инструменты.

Abstract: the paper examines the tasks and tools for building Russia's technological sovereignty in the context of the transformation of global value chains, external restrictions, and technological pressure. It analyzes the challenges associated with import dependence, structural limitations in the domestic industry, insufficient exports of high-tech products, and low spending on research and development. The paper shows that international experience confirms the need for comprehensive government intervention through national projects, public-private partnerships, cluster platforms, and long-term budget planning. It is proved that a competent combination of fiscal and monetary incentives allows Russia not only to catch up with global technological leaders, but also to build its own production and innovation chains with opportunities for expansion in global markets. It is substantiated that the temporary inflationary effect of increasing investments in high-tech.

Keywords: technological sovereignty, innovation, public policy, fiscal policy, monetary policy, import substitution, industrial policy, R&D, high-tech industries, value chains, cluster platforms, public-private partnership, macroeconomic incentives, inflation, monetary instruments.

Достижение технологического суверенитета в условиях трансформации глобальных цепочек создания стоимости, внешних ограничений и технологического давления, является одной из важнейших целей государственной политики России, что закреплено в национальных программах, в частности в национальном проекте «Технологическое лидерство». Технологический суверенитет означает обеспечение устойчивого воспроизводства на территории страны под юрисдикцией национального капитала тех сегментов цепочек создания стоимости, которые необходимы для реализации критически значимых технологий. Из этого определения следует не только необходимость обладания научными компетенциями, но и их производственная реализация, что становится основной целью промышленной политики государства. Национальный проект «Технологическое лидерство» предполагает кратное увеличение доли российского производства в высокотехнологичных секторах к 2030 году, развитие экспорта инновационной продукции, создание глобальных центров технологической компетентности, обеспечение лидерства в выбранных технологических нишах [**1**]. Проект курирует запуск и развитие восьми профильных национальных программ: от

новых материалов и химии до автономных авиационных систем, атомных технологий, транспортной промышленности, информационных и медицинских технологий.

Таблица 1

Целевые показатели проекта «Технологическое лидерство»

Показатель	**Значение/Цель к 2030 г.**
Доля отечественной продукции в ключевых секторах на внутреннем рынке	≥ 70% (до 85% по стратегическим направлениям)
Сокращение технологического отставания по критическим технологиям	≤ 3–5 лет относительно мировых лидеров
Рост экспорта высокотехнологичной продукции	В 2,5 раза выше уровня 2023 года
Доля внедренных отечественных критических технологий	≥ 50% в стратегических сегментах
Расходы на НИОКР	1,7–2% ВВП
Число новых федеральных центров компетенций	Не менее 10
Подготовка специалистов в технологических сферах	100 000 человек
Рост числа патентов, коммерциализация НИОКР	В 2 раза за 5 лет

Источник: составлено автором по данным Указа Президента РФ [**2**].

Сегодня Россия сталкивается с комплексом внешних и внутренних вызовов в экономике, связанных с высоким уровнем санкционного давления, ограничением доступа к зарубежным технологиям и глобальным рынкам капитала, а также структурными ограничениями внутри национальной промышленности. Россия в 2025 году сохраняет значительную технологическую зависимость от иностранных поставщиков высокотехнологичной продукции, несмотря на стабильность макроэкономических показателей и успехи в переориентации внешней торговли на азиатские и евразийские рынки. Экономика по-прежнему носит ярко выраженный сырьевой характер: 61% экспорта – топливно-энергетические товары, доля несырьевого неэнергетического экспорта составляет лишь 39% [**3**]. РФ сохраняет «восходящий» – сырьевой – профиль

участия в ГЦСС при крайне ограниченной интеграции в «нисходящие» высокотехнологичные цепочки, где создается основная добавленная стоимость. Экспорт высокотехнологичной продукции не превышает 10% от общего объема, а расходы на НИОКР составляют лишь 0,94% ВВП, что существенно отстает от стандартов развитых стран ОЭСР [**4**]. Значительное технологическое отставание фиксируется в такой стратегически важной отрасли как микроэлектроника: доля отечественной продукции составляет 25–30% на внутреннем рынке [**5**], импортозависимость критична, а отставание по технологиям и оборудованию доходит до 10–15 лет.

Доступ к передовым технологиям и импорт критически важных компонентов (электроника, станкостроение, фотоника, биотехнологии, фармацевтика, авиастроение) стал одним из главных факторов ограничений. Производство собственной элементной базы не замкнуто в цепочке: присутствуют сильные заделы в НИОКР, но нет массового промышленного выпуска и производства средств производства как для самой продукции, так и для оборудования [**6**]. Россия способна создавать уникальные опытные образцы, но серийный выпуск, а главное – производство высокоточных узлов и средств производства, опирается на импорт.

Достижение технологического суверенитета невозможно исключительно рыночными методами, поскольку успешное развитие критических технологий и производство сложной продукции требуют долгосрочных вложений, рисковых проектов, координации и синергии между государством, бизнесом и наукой – эти задачи не решаются автоматически через рынок, а требуют стратегического планирования и активного государственного регулирования. Реализация суверенитета невозможна без комплекса антикризисных мер, без институционального и организационного проектирования, что реализуется только через государственную техническую и промышленную политику, а не самоорганизацию рынка [**7**]. В условиях санкционного давления рыночные механизмы оказываются неэффективны,

поскольку не стимулируют ни долгосрочный трансфер технологий, ни стратегические инвестиции. Они ориентированы на краткосрочную прибыль и не вкладываются в фундаментальные направления, важные для национальной безопасности и автономии [**8**].

Международный опыт подтверждает необходимость государственного регулирования экономики для обеспечения технологического суверенитета: такие страны, достигшие технологического лидерства, как ЕС, США, Китай, Южная Корея строят свои технологические стратегии именно вокруг координации мер промышленной политики, государственного финансирования и регулирования, стимулируя создание «национальных чемпионов» и независимых цепочек создания стоимости. В России структурные ограничения – узость венчурного рынка, барьеры для долгосрочных инвестиций, кадровый дефицит – могут быть преодолены только усилиями государственных институтов развития, внедрением кластерных платформ, поддержкой публично-частного партнерства и модернизацией законодательной базы. Комплексная промышленная политика, интегрирующая бюджетные и монетарные инструменты, приводит к мультипликативному эффекту: быстрее растет выпуск инновационной продукции, укрепляется экспортный потенциал, снижается инфляционное давление. Согласованное государственное управление рисками и создание гибкой архитектуры регулирования минимизирует барьеры для притока инвестиций и кадрового обновления, что особенно важно в период вызовов и внешних ограничений.

Главным инструментом государства становится стимулирующая бюджетная политика, нацеленная на поддержку НИОКР, создание технологических платформ и финансирование секторальных проектов. Ключевые направления:

— рост вложений в национальные проекты и отраслевые госпрограммы по развитию микроэлектроники, программного обеспечения, критически значимых производств;

— финансирование через субсидии, льготное налогообложение, специальное бюджетное резервирование;

— разработка кластерных инвестиционных платформ и специальных инвестиционных контрактов (СПИК).

В исследованиях М.П. Афанасьева обоснована необходимость перехода от догоняющего развития и реактивной промышленной политики к «стратегии бюджетного прорыва» – значительного увеличения доли расходов на НИОКР с целью достижения национальной цели «Технологическое лидерство» [**9**]. Российский и зарубежный опыт (ЕС, Китай) показывает высокую отдачу от долгосрочных госпрограмм, сфокусированных на внедрении сквозных и критических технологий (ИИ, новые материалы, электронные компоненты). Особое внимание следует уделить адресному финансированию не только отдельных проектов, но и целых технологических платформ и кластеров, что усиливает кооперацию между бизнесом, научным сообществом и государством, а также позволяет формировать новые индустриальные связи и ускорять трансфер технологий в промышленное производство. Принципиальной особенностью бюджетной политики для достижения технологического суверенитета становятся гибкость и превентивность антикризисного бюджетирования, то есть способность государства быстро реагировать на внешние вызовы, санкции и изменения международной конкурентной среды, обеспечивая стабильность и динамику развития стратегических секторов и не допуская их деградации. Фундаментальным основанием бюджетного распределения является стратегическо епланирование, которое предполагает рост государственных расходов на глубокую модернизацию промышленности, масштабные долгосрочные программы по развитию НИОКР, полный цикл – от фундаментальных

исследований до коммерческого внедрения технологий. Такая бюджетная политика встроена в систему публично-частного партнерства и развитие институтов, предоставляющих новые возможности для притока частного капитала в инновационные отрасли. Ее долгосрочная результативность обеспечивается долгосрочным планированием (до 25 лет), интеграцией с национальными и отраслевыми программами, фиксированными контрольными точками и нормативными критериями, что позволяет контролировать выполнение государственных приоритетов и максимально увеличивать мультипликативный эффект на экономику.

Достижение технологического суверенитета и лидерства невозможно без интеграции бюджетной политики с денежно-кредитной политикой, что обеспечивает синергию макроэкономических стимулов и минимизацию финансовых рисков для инновационного бизнеса, а также ускоряет коммерциализацию разработок и вывод новых продуктов на рынок. Научные исследования отмечают, что высокий уровень ключевой ставки ограничивает возможность заимствований для инновационных компаний и выпуска технологических облигаций, удорожание импорта из-за слабого валютного курса повышает спрос на отечественные инновации, а развитие инновационной инфраструктуры необходимо для повышения инвестиционной привлекательности отрасли [**10**].

Современные тенденции свидетельствуют о необходимости модернизации инструментов ДКП, включая обеспечение доступного кредитования для реального сектора, запуск специальных кредитных линий под технологические проекты, введение госгарантий для предприятий критического сектора, а также поддержку развития венчурного финансирования и проектного инвестирования. Ряд исследований указывает, что жесткая монетарная политика, выражающаяся в высоких ставках и ограничениях на кредитование, негативно влияет на инновационную активность, затрудняет трансфер и коммерциализацию технологий [**10**]. Для

стимулирования инноваций необходимо создавать условия мягкой монетарной политики и развития соответствующей инфраструктуры. Уровень процентных ставок и доступность кредитных ресурсов для предприятий оказывается ключевым фактором инновационных инвестиций [**11**; **12**; **13**]. Снижение стоимости заимствований (в том числе через льготные проектные кредиты и особые условия для инновационных предприятий) существенно облегчает бизнесу доступ к долгосрочному финансированию, необходимому для внедрения сквозных технологий и полной производственной адаптации [**14**]. Ключевая ставка должна использоваться дифференцированно: наряду с контролем национальной инфляции одной из задач становится содействие формированию собственных технологических цепочек через механизмы льготного кредитования и специальные стимулы. Ключевая ставка и инструменты денежно-кредитной политики становятся важным каналом в стимулировании технологического развития, особенно через их влияние на стоимость долгосрочного заемного капитала для инновационно и технологически ориентированных компаний. В современных условиях важной задачей становится поиск баланса между антиинфляционной политикой (где ставка выступает как жесткий якорь инфляционных ожиданий) и необходимостью институционально стимулировать проекты технологического суверенитета через специальные линии долгосрочного кредитования.

Стратегические рекомендации направлены на развитие государственных мер поддержки, нормализацию условий финансовых рынков и прямое влияние денежно-кредитных инструментов на сектор научных разработок и промышленность как условие технологического суверенитета. Поэтому денежно-кредитное регулирование должно иметь прямую интеграцию в национальные проекты, направленные на технологическую суверенизацию. Исключительную значимость приобретают инструменты монетарной

политики, обеспечивающие контроль над собственной валютой и долговыми возможностями для реализации инновационных стратегий.

Фискальная и денежно-кредитная политика сегодня должны восприниматься как составные элементы промышленной политики, служащие фундаментом устойчивого технологического суверенитета России. Современная парадигма развития нацелена на синтез инструментов бюджетного и монетарного регулирования, что позволяет не только обеспечивать поддержку инновационных отраслей, но и формировать национальную научно-производственную базу, минимизируя внешние риски и зависимости.

Отметим, что инвестиции в инновационные отрасли не лишены макроэкономических рисков. Активное расширение государственных расходов и кредитования способно временно разогнать инфляцию в условиях ограниченного предложения высокотехнологичных товаров. Однако этот эффект носит временный характер: возросший выпуск отечественных товаров и услуг, стимулированный государственной политикой, стабилизирует цены, укрепляет курс валюты и снижает инфляционное давление. В долгосрочной перспективе инвестиционный всплеск модернизирует технологическую структуру экономики, обеспечивает экономическую независимость и создает возможности для экспансии на мировых рынках, что подтверждается как российским, так и международным опытом. Кроме того, исследования показали, что расширение кредитования в рамках промышленной политики не обязательно ведет к инфляции, если денежная эмиссия направляется на развитие производства, а не на спекулятивные или потребительские цели [**15**]. При этом расширение финансирования промышленной политики возможно как через денежную эмиссию, так и через увеличение государственного долга [**9**]. Если денежная эмиссия и кредиты направляются на финансирование инвестиционных и производственных проектов (например, через государственные банки развития), то это приводит к росту предложения

товаров и услуг, что компенсирует возможный инфляционный эффект. Такой подход реализовывался в ряде стран Восточной Азии и показал свою эффективность [**16**].

Фискальная и денежно-кредитная политика являются важнейшими, но не единственными элементами государственного регулирования экономики для достижения национальных стратегических целей. Технологический суверенитет невозможен без поддержки институтов развития, систем образования, надежных механизмов государственно-частного партнерства и законодательной базы, защищающей интеллектуальную собственность. Только гармонизация этих механизмов, формирование долгосрочной правовой архитектуры и опережающий характер стратегических программ позволяют оперативно реагировать на вызовы, минимизировать внешние риски и гибко управлять структурой национальной экономики [**17**].

Государственная стратегия достижения технологического лидерства не уникальный российский проект: подобные программы реализуются в большинстве развитых стран. Эти стратегии сочетают инструменты денежно-кредитной и бюджетной политики.

Центральные банки и государственные банки развития предоставляют целевые кредиты на развитие приоритетных секторов, снижая стоимость финансирования инноваций. Создаются специальные фонды поддержки (например, китайский Big Fund, японские JFSA-инвестиции), которые аккумулируют и распределяют долгосрочный капитал для технологических компаний. В ряде стран в монетарную стратегию включают валютный контроль и специальные режимы для экспортно-ориентированных инновационных предприятий.

Фискальные стратегии включают крупные государственные программы (CHIPS Act в США, национальные фонды ЕС, STEP и Horizon Europe), которые предусматривают прямое финансирование НИОКР, грантовую поддержку, субсидирование инвестиций и налоговые стимулы для компаний

в сферах цифровых, полупроводниковых и энергетических технологий. Также важная роль уделяется государственно-частному партнерству (США, Германия, Япония), финансированию инфраструктурных проектов, созданию нацпроектов по сокращению технологической зависимости. В ряде случаев реализуются схемы налогового льготирования прибыли от экспорта высокотехнологичной продукции и грантовые конкурсы для стартапов.

Таблица 2

Страна/ Блок	**Монетарные инструменты**	**Фискальные инструменты**	**Примеры программ**	**Ключевая ставка (%)**	**Инфляция (%)**
США	Кредиты госбанков, венчурные фонды, гарантии	Прямые госинвестиции, гранты, CHIPS Act, налоговые льготы	CHIPS Act, DARPA, SBIR	4,00–4,25	2,9 (авг. 2025)
Китай	Big Fund, госбанки, льготные кредиты	Прямые субсидии и налоговые льготы, господдержка экспортеров	Big Fund, 14-й пятилетний план	3,00	–0,4 (авг. 2025, дефляция)
ЕС/Еврозона	Европейский инвестбанк, фонды	Horizon Europe, Digital Europe, грантовое/кластерное финансирование	Horizon Europe, STEP	2,15	2,2 (сент. 2025)
Япония	Кредиты через JBIC, промышленные фонды	Косвенные субсидии, налоговые каникулы для hi-tech	METI, JASM, Rapidus	0,1	2,6

Источник: составлено автором.

Опираясь на выводы данного исследования можно дать следующие рекомендации:

— увеличить объем бюджетных расходов на программы глубокой технологической модернизации и приоритетного финансирования НИОКР до уровня 2% ВВП;

— развивать специализированные институты развития, модернизировать правовые механизмы поддержки публично-частных партнерств;

— модернизировать денежно-кредитную политику, снизить стоимость заемных средств, транзакционные издержки инновационных предприятий и активнее использовать долгосрочные инструменты займов для отраслей, реализующих стратегические проекты;

— активно внедрять зарубежный опыт с учетом российской специфики, поддерживать технологические кластеры, международное сотрудничество и вкладываться в «национальных чемпионов»;

— повысить прозрачность отбора проектов, внедрить институциональные процедуры для оценки мультипликативного эффекта каждой бюджетной и кредитной меры.

Бюджетная и денежно-кредитная политика в России трансформируются в ключевые механизмы обеспечения технологического суверенитета. Их синергия способна обеспечить независимость и устойчивость национальной экономики в условиях глобальных вызовов, приводя к формированию эффективной структуры отраслей будущего и защите национальных стратегических интересов. С другой стороны, ограничительные сценарии, предполагающие сохранение жесткой денежно-кредитной политики и/или сокращение бюджетных расходов, усиливают риски стагнации технологической базы, импортозависимости и повышения уязвимости к внешнему давлению.

Список источников и литературы

1. Михаил Мишустин дал поручения по итогам стратегической сессии, посвящённой технологическому лидерству // Правительство России : [сайт]. – 2025. – URL: http://government.ru/news/54184/ (дата обращения: 03.10.2025). – Текст : электронный.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2024. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 06.10.2025). – Текст : электронный.

3. Asia, R. P. Russia's Foreign Trade: 2024 Changes and 2025 Trends / R. P. Asia // Russia's Pivot to Asia. – 2025. – URL: https://russiaspivottoasia.com/russias-foreign-trade-2024-changes-and-2025-trends/ (date accessed: 03.10.2025). – Text : electronic.
4. Финансирование российской науки в новых условиях: итоги 2022 г. // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. – 2023. – URL: https://issek.hse.ru/news/870116078.html (дата обращения: 03.10.2025). – Текст : электронный.
5. Kalygina, V. V. International technologytransferasaneffectivetoolofexport-orientedimportsubstitutionin Russia / V. V. Kalygina // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2022. – Т. 30. – № 2. – С. 231-241.
6. Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 января 2020 г. № 20-р (в ред. от 21 октября 2024 г. № 2963-р). – Москва, 2020. – URL: http://static.government.ru/media/files/1QkfNDghANiBUNBbXaFBM69Jxd48ePeY.pdf (дата обращения: 06.10.2025). – Текст : электронный.
7. Афанасьев, А. А. Технологический суверенитет: основные направления политики по его достижению в современной России // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – № 4. – С. 2193-2208. – URL: https://1economic.ru/lib/116433 (дата обращения: 03.10.2025). – Текст : электронный.
8. Ленчук, Е. Б. Роль государства в управлении научно-технологическим развитием: от теории к практике // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – № 2. – С. 11-22.
9. Афанасьев, М. П. Бюджетная политика формирования технологического суверенитета / М. П. Афанасьев, Н. Н. Шаш // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2025. – № 1. – С. 64-92.
10. Клещева, О. А. Особенности воздействия денежно-кредитной политики на инновационную деятельность // Вопросы инновационной экономики. – 2025. – Т. 15. – № 3. – С. 915-926. – URL: https://1economic.ru/lib/123607 (дата обращения: 29.09.2025). – Текст : электронный.
11. Мазур, Ю. А. Анализ влияния денежно-кредитной политики на инновационное развитие экономики России // Тенденции экономического развития в XXI веке : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 25-летию экон. фак. БГУ, Минск, 28–29 февр. 2024 г. В 2 ч. Ч. 1 / Белорус. гос. ун-т ;редкол.: А. А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – С. 224-226.
12. Балакин, В. П. Технологический суверенитет и поддержка отечественных предприятий / В. П. Балакин, Ю. О. Плехова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2025. – № 1 (77). – С. 15-22.

13. Nikonova, A. A. Russia's Technological Sovereignty: Research and Modeling from the Standpoint of System Transformation of the Economy / A. A. Nikonova // π-Economy. – 2023. – Vol. 103. – № 5. – P. 22-37.
14. Ленчук, Е. Б. Технологический суверенитет — новый вектор научно-технологической политики России / Е. Б. Ленчук // Journal ofthe New Economic Association. – 2024. – № 3 (64). – С. 232-237.
15. Пестова, А. А. Экономические эффекты монетарной политики в России: о чем говорят большие массивы данных? / А. А. Пестова, Н. А. Ростова // Вопросы экономики. – 2020. – № 4. – С. 31-53.
16. Глазьев, С. Ю. О параметрах экономического развития в ЕАЭС до 2035 года / С. Ю. Глазьев, С. П. Ткачук // Международная торговля и торговая политика. – 2023. – Т. 9. – № 1 (33). – С. 90-112.
17. Galushko, D. V. Technology Sovereignty as a New Imperative of National Sovereignty: Conceptual Framework and Legal Arrangements / D. V. Galushko // Russian Journal of Legal Studies (Moscow). – 2025. – Vol. 12. – № 2. – P. 19-30.

Доценко Елена Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры политической экономии и истории,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова.
E-mail: dotsenko.ey@rea.ru
Elena Y. Dotsenko,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Political Economy and History of Economic Science
Plekhanov Russian University of Economics.
E-mail: dotsenko.ey@rea.ru

Ездина Наталья Петровна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры политической экономии и истории,
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова
E-mail: ezdina.np@rea.ru
Natalya P. Ezdina,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Political Economy and History of Economic Science
Plekhanov Russian University of Economics.
E-mail: ezdina.np@rea.ru

Шавина Евгения Викторовна,
кандидат экономических наук, доцент
доцент кафедры экономической теории
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия
E-mail: shavina.ev@rea.ru
Evgeniya V. Shavina,
PhD in Economics, Associate Professor,
Department of economic theory
Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, Russia
E-mail: shavina.ev@rea.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО БИЗНЕСА И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР В РЕШЕНИИ КАДРОВЫХ ПРОБЛЕМ РОССИИ
COOPERATION BETWEEN BUSINESS AND GOVERNMENT STRUCTURES IN ADDRESSING RUSSIA'S PERSONNEL PROBLEMS

Аннотация: статья посвящена анализу обострившихся кадровых проблем в российской экономике и разработке направлений сотрудничества бизнеса и государства для их решения. Авторы выявляют ключевые вызовы, включая рекордно низкий уровень безработицы, демографическую убыль населения, отрицательное качество миграционных потоков, структурное несоответствие системы образования потребностям цифровой экономики и отток талантов в столичные регионы. На основе анализа статистических данных и существующих инициатив (национальный проект «Кадры», «Профессионалитет», корпоративные программы переподготовки) доказывается недостаточность разрозненных мер. В качестве решения предлагается комплексный подход, включающий развитие системы аутсорсинга, расширение целевого обучения, тесную интеграцию образовательных программ с запросами предприятий, создание образовательных грантов и отраслевых центров компетенций в регионах. Делается вывод о том, что только прозрачное и системное партнерство государства и корпоративного сектора способно обеспечить экономику квалифицированными кадрами.

Ключевые слова: кадровый дефицит, рынок труда, государственно-частное партнерство, целевое обучение, демографический кризис, трудовая миграция, цифровая трансформация экономики, подготовка кадров, аутсорсинг, отраслевой центр компетенций.

Abstract: the article analyzes the acute personnel problems in the Russian economy and develops areas of business-government cooperation to address them. The authors identify key challenges, including a record-low unemployment rate, population decline, negative quality of migration flows, a structural mismatch between the education system and the needs of the digital economy, and the outflow of talent to capital regions. Based on the analysis of statistical data and existing initiatives (the "Kadry" national project, "Professionalitet," corporate retraining programs), the authors prove the insufficiency of fragmented measures. A comprehensive approach is proposed as a solution, including the development of an outsourcing system, the expansion of targeted training, close integration of educational programs with enterprise needs, the creation of educational grants, and the establishment of industry competence centers in the regions. It is concluded that only transparent and systemic partnership between the state and the corporate sector can provide the economy with qualified personnel.

Keywords: staff shortage, labor market, public-private partnership, targeted training, demographic crisis, labor migration, digital transformation of the economy, personnel training, outsourcing, industry competence center.

В современных условиях функционирования и развития российской экономики, в условиях ее масштабной цифровой трансформации не только сохраняются «старые» кадровые проблемы, но появляется ряд новых, многие из которых требуют безотлагательных решений. Так, исследование аналитического агентства «Б1», проведенное в марте 2025 года, выявило усиление проблемы дефицита кадров в России. Если в 2024 году кадровый «голод» испытывали порядка 50% российских компаний, то к 2025 году эта цифра возросла до 63% [**1**]. Более того, с нехваткой кадров в тех или иных масштабах сталкиваются в среднем около 90% всех российский предприятий на фоне рекордно низких значений уровня безработицы (2,6% по итогам 1 квартала 2025 года) [**2**].

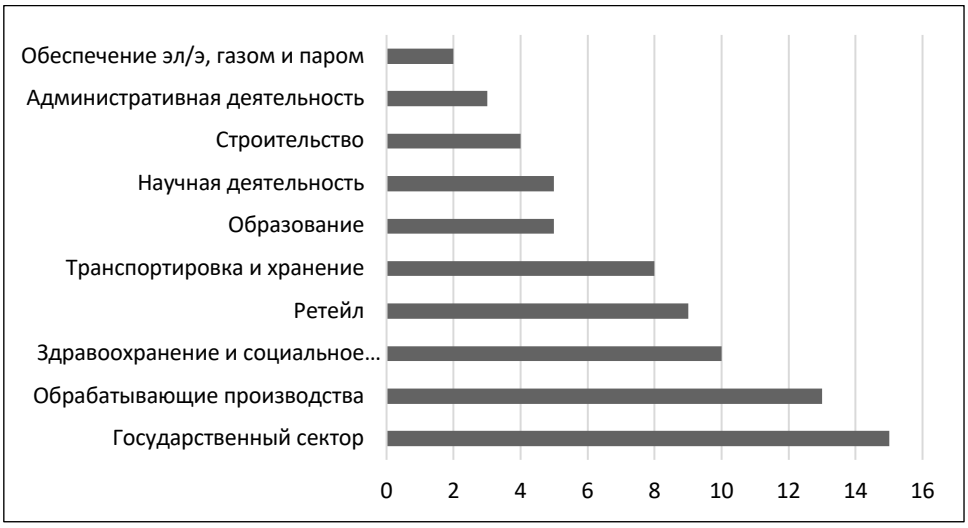

Рис. 1. **Структура кадрового «голода» по отраслям экономики в России (от общего числа требуемых работников, %)** [**3**]

В рамках проведенного исследования Институтом развития, предпринимательства и экономики установлено, что наибольшую потребность в кадрах демонстрируют государственный сектор, обрабатывающие отрасли, здравоохранение, строительство, ретейл, ЖКХ и IT сфера (рис. 1). При этом дефицит трудовых ресурсов ощущается как по категории высококвалифицированных специалистов (отрасли высоких

технологий, медицина), так и по рабочим профессиям (слесарь, токарь, фрезеровщик, сварщик, автомеханик и др.), который по отдельным оценкам к 2025 году составляет до 2 до 4 млн чел.

Актуальность и значимость решения кадровых проблем, характерных для современного этапа развития российской экономики, подчеркивается в многочисленных трудах исследователей [**4-6**]. Так, Балацкий Е.В. и Екимова Н.А. отмечают серьезные изменения структуры занятости в условиях масштабных технологических изменений и перехода российской экономики к постиндустриальному развитию. При этом в качестве основополагающего фактора углубления кадровых проблем в России ученые видят несоответствие системы подготовки кадров современным потребностям экономики [**4**, с. 26]. Колесникова О.А., Маслова Е.В., Хромов Н.И., в свою очередь, акцентируют внимание на необходимости проведения сбалансированной и вдумчивой политики привлечения трудовых мигрантов в условиях отрицательного качества миграционного потока [**7**, с. 30]. Важность сотрудничества государства и бизнеса в решении кадровых проблем в России подчеркивается в трудах Плохих Ю.В. [**8**], Гусарова М.С. [**9**], Сафоновой С.Г., Шейховой М.С. [**10**], Флоринской Ю.Ф. [**11**].

Среди наиболее очевидных причин усиления кадровых проблем в России следует выделить:

1. Демографические проблемы, нарастание диспропорций в возрастной структуре трудовых ресурсов.

В качестве основных демографических проблем в России следует выделить низкую рождаемость на фоне увеличивающейся смертности населения, что приводит к старению и сокращению численности экономически активного населения.

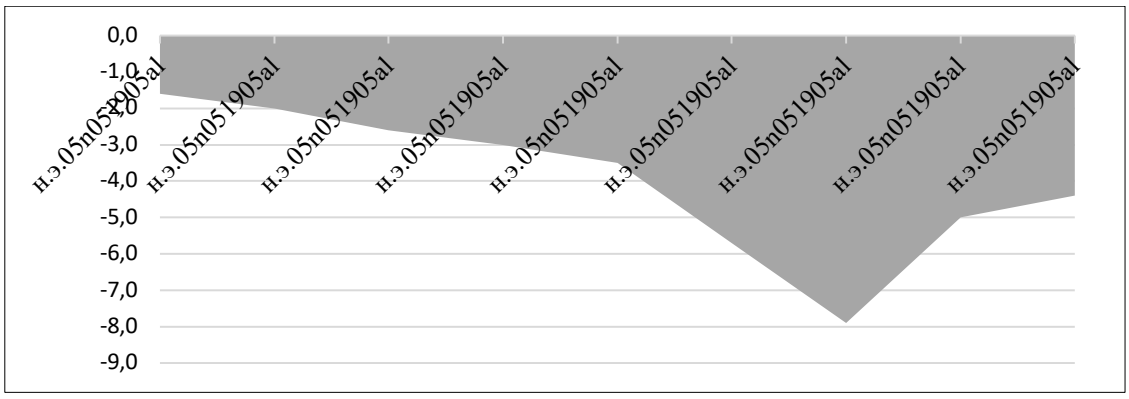

Рис. 2. **Естественный прирост (убыль) населения Российской Федерации за 2015–2023 гг. (на тыс. чел. населения)** [**3**]

Так, исходя из данных, представленных на рис. 2, видно, что с 2015 года РФ вступила в фазу неуклонной убыли населения, достигшей к 2021 году своего критического значения в 7,9. При этом в отдельных регионах РФ демографическая ситуация складывается еще хуже. Регионами-лидерами по естественной (абсолютной) убыли населения являются Москва и Московская область, Ростовская область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Нижегородская область, Самарская, Свердловская, Саратовская и Воронежская, а также Смоленская область, Тамбовская область, Карелия и Мордовия – по относительному показателю убыли населения на 1000 чел. По демографическому прогнозу Росстата, представленного до 2045 года, ситуация в названных регионах будет только усложняться [**12**].

Высокая смертность при снижающихся темпах роста рождаемости приводит к общему старению населения, порождая серьезные диспропорции в возрастной структуре трудовых ресурсов. Налицо увеличение доли населения старше трудоспособного возраста в структуре совокупных трудовых ресурсов общества. Такой тренд грозит увеличением налогового бремени, приходящегося на экономически активное (трудоспособное) население.

2. Частичная мобилизация населения также определяет негативные тенденции на рынке труда. Только за период 2023–2024 годов контракты с Минобороны подписали порядка 1 млн чел., примерно столько же, по

различным оценкам, покинули страну в этот период. При этом отметим, что в основном это трудовые ресурсы, относящиеся к высококвалифицированным специалистам (IT-специалисты, бизнес-аналитики, работники творческих индустрий, маркетинга).

3. Отрицательное качество миграционного движения, что выражается в увеличении миграционного оттока из страны высококвалифицированных (научных, технических) кадров, который усиливает нехватку трудовых ресурсов в ключевых отраслях экономики (добывающая отрасль, металлургическая, химическая, образование, наука, IT-индустрия) на фоне поступательного снижения мигрантов со средней и низкой квалификацией из стран ближнего зарубежья. К слову, по итогам кризисного 2022 года, по предварительным оценкам экспертов, из страны выехало около 700 тыс. чел., а вернулось из них не более 50% [**2**]. Далее, что касается миграционного потока в нашу страну, то здесь следует отметить его сокращение на 40% в посткризисном 2023 году относительного кризисного 2022 года. Данный тренд также формирует серьезный дефицит кадров на рынке труда в России.

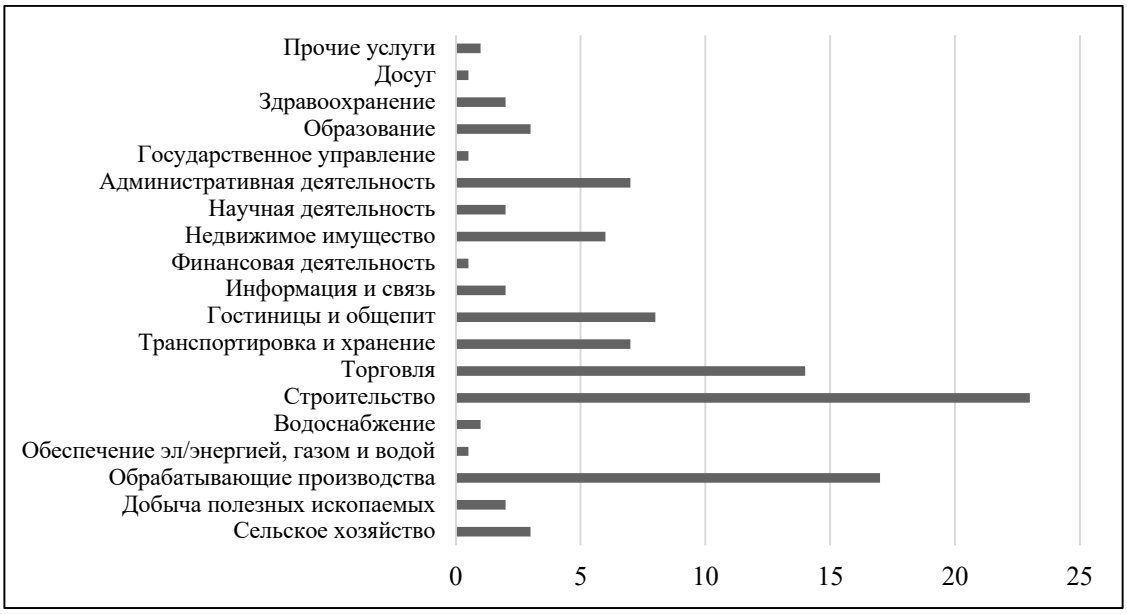

Рис 3. **Отраслевая структура занятости иностранных граждан, %** [**3**]

На рис. 3 отображена отраслевая структура занятости иностранных граждан, прибывших в нашу страну. Исходя из данных, видно, что российский

рынок труда значительно зависим от трудовых мигрантов в области сельского хозяйства, ряде обрабатывающих производств, строительстве, торговле и сфере услуг.

4. Сдвиги в технологической структуре. Темпы роста и проникновения цифровых технологий в различные отрасли экономики, формируя запрос на соответствующих специалистов (IT-специалистов, специалистов в цифровом маркетинге, цифровых дизайнеров), опережают возможности экономики по подготовке таких специалистов. В данном аспекте следует выделить следующие тенденции:

– увеличение спроса на специалистов в области кибербезопасности, удаленного управления, «зеленой экономики», аналитики больших данных и машинного обучения;

– трансформация структуры по формам занятости (увеличение доли гибридных форм занятости, к которым, прежде всего, относят удаленную работу и фриланс);

– цифровая дифференциация по регионам страны (не все регионы РФ имеют ресурсы и готовность к масштабной цифровой трансформации, а значит спрос на новые профессии и специалистов крайне неравномерен по региональному признаку).

5. *Усиление расхождений между современными потребностями рынка труда и подготовкой кадров*. Стремительное развитие цифровых технологий в условиях воздействия на российскую экономику внешних шоков формируют новые тенденции на рынке труда. В настоящее время работодатели предъявляют к потенциальным соискателям требования, к которым образовательная система страны пока еще мало адаптировалась. Работа с прогнозной аналитикой, использование искусственного интеллекта, умение использовать в своей профессиональной деятельности существующие цифровые технологии – далеко не весь перечень компетенций, которые желают видеть работодатели, привлекая в наем сотрудников. При этом не все

образовательные учреждения в России адаптированы к таким реалиям и способны к подготовке кадров, отвечающим современным запросам работодателей.

6. Отток кадров и «будущих специалистов» из регионов в столицу. Так, по данным Центра экономики непрерывного образования РАНХиГС, до 15% всех выпускников средних образовательных учреждений из регионов уезжают учиться в столичные вузы, откуда возвращается не менее 1/3 специалистов. По оценке Института образования НИУ ВШЭ, более 70% стобалльников обучаются в образовательных учреждениях Москвы и Санкт-Петербурга [**13**].

Учитывая глубину и масштабы кадровых проблем в российской экономике, особенно их дифференцированный характер по отраслям и регионам страны, отдельные меры государственного регулирования или усилия конкретного работодателя вряд ли смогут кардинально изменить ситуацию на рынке труда. В этих условиях требуется выстраивание эффективной системы сотрудничества государственных структур и корпоративного сектора с привлечением научно-исследовательских и образовательных учреждений. Требуется серьезная трансформация системы подготовки специалистов, которая будет строго отвечать запросам общества и конкретного бизнеса.

Стоит отметить некоторые успешные примеры сотрудничества государства и бизнеса в решении кадровых проблем в России, а именно:

– реализацию национального проекта «Кадры», который предусматривает координацию усилий конкретных предприятий, учреждений образования и центров занятости по подбору, переобучению и повышению квалификации кадров;

– реализацию проекта «Профессионалитет», который предусматривает подготовку кадров под конкретные запросы таких отраслей, как машиностроение, ТЭК, сельское и лесное хозяйство;

– реализацию программ обучения и переобучения кадров, которые предлагают для своих потенциальных сотрудников крупные компании. Среди таких компаний можно выделить «Ростелеком» со своей программой «Точка роста», в рамках которой осуществляются поиск персонала без профильного образования и их дальнейшая переподготовка на базе организации.

Несмотря на реализуемые меры в области подготовки кадров для потребностей национальной экономики, ситуация на российском рынке труда остается крайне напряженной. В этой связи нами разработан ряд перспективных направлений, ориентированных на усиление сотрудничества государства и корпоративных структур в решении кадровых проблем в России:

1. Развитие системы аутсорсинга. Проведенное экспертами агентства «Б1» исследование [**1**] установило, что не более 35% компаний, имеющих потребность в тех или иных кадрах, прибегает к аутсорсу. Оставшиеся 65% предпочитают использовать наем, опасаясь утечки информации и раскрытия коммерческой тайны. Однако при реализации ряда организационных мер это направление может внести существенный вклад в решение кадровых проблем на рынке труда в России. Прежде всего, речь идет о необходимости законодательного регулирования аутсорсинга, что позволит стандартизировать деятельность аутсорсинговых компаний, а также обеспечить гарантии сохранности и безопасности информационных ресурсов хозяйствующих субъектов, решившихся на аутсорс. Развитие экосистемы аутсорсинга в России посредством создания экономических стимулов применения аутсорсинга как для корпоративных, так и государственных структур повысит прозрачность и доверие к данному инструменту. В частности, создание специализированных платформ, включенных в Реестр аутсорсинговых компаний, которые будут агрегировать запросы работодателей, с одной стороны, и соискателей на должность – с другой, выполняя посредническую функцию.

2. Развитие программ целевого обучения в системе высшего и среднего профессионального образования, а также по программам переподготовки и повышения квалификации кадров. Данное направление в полной мере отражает сотрудничество государственных структур в лице образовательных учреждений (высшей школы и среднепрофессионального образования) как исполнителя образовательной услуги и бизнес-структур как заказчика, то есть договор на обучение в данном случае является трехсторонним: образовательное учреждение – организация – обучающийся. Опыт реализации программ целевого обучения довольно успешно зарекомендовал себя в ряде регионов РФ. Такие крупные предприятия, как «Росатом», «Газпром», «Транснефть», «РЖД», «Сбербанк», «Аэрофлот», «Азот» и многие другие уже реализуют проекты целевого обучения, в рамках которых выпускнику предоставляется место работы по приобретенной профессии, а он, в свою очередь, обязуется отработать на предприятии не менее 3-х лет. Для бизнеса – это реальная возможность получить готового специалиста в конкретной области; для абитуриента – возможность получить образование или повысить квалификацию благодаря финансовой поддержке предприятия; а для образовательной организации – возможность подготовить кадры по запросу.

3. Развитие сотрудничества между корпоративными бизнес-структурами и образовательными учреждениями в рамках формирования более адаптированной к потребностям рынка труда подготовки специалистов. Развитие данной меры возможно за счет:

– создания бизнес-структурами собственных образовательных программ на базе государственных образовательных учреждений с тем, чтобы обеспечить подготовку требуемых специалистов с необходимой квалификацией;

– создание региональных отраслевых ВУЗов, которые будут нацелены на подготовку кадров для конкретных (приоритетных) отраслей экономики;

– согласование образовательных программ и наполняемости учебных планов с потребностями конкретных производств.

4. Развитие программ образовательных грантов научными и общественными фондами, прежде всего, для поддержки талантливой молодежи, которая желает получить специальность по одному из приоритетных направлений развития национальной экономики (инженерные направления, IT, биотехнологии, медицинская биохимия и биофизика, космические технологии, фундаментальная медицина и медицинская кибернетика и др.).

5. *Создание экономических стимулов для закрепления абитуриентов за региональными вузами* в условиях серьезного оттока в столичные образовательные учреждения за счет:

– предоставления субсидий из средств регионального бюджета на покрытие полной или частичной стоимости обучения;

– предоставления индивидуальных грантов за счет средств бюджетов наиболее талантливым абитуриентам по приоритетным направлениям подготовки кадров;

– увеличения «бюджетных мест» по приоритетным профессиям и направлениям подготовки, которые должны быть согласованы с реальными потребностями корпоративного бизнеса в конкретном регионе.

6. Создание отраслевых Центров компетенций на базе региональных образовательных высших и среднепрофессиональных учреждений с привлечением индустриальных предприятий-партнеров. Целью создания таких отраслевых Центров компетенций (например, Центр компетенций для добывающей промышленности, для агропромышленного комплекса, для машиностроительной отрасли и др.) должно стать развитие компетенций по приоритетным отраслям экономики, анализ слабых мест и «провалов» в формировании основных знаний, умений и навыков будущих специалистов,

помощь обучающимся в разработке индивидуальной траектории их профессиональной подготовки.

В настоящее время на базе некоторых российских вузов (Московский государственный университет пищевых производств, Кубанский государственный аграрный университет и некоторые другие) уже реализуется данная практика. Инициатива реализуется в рамках Приказа Министерства науки и высшего образования РФ № 974, на основании которого был создан Отраслевой центр компетенций в сфере производительности труда [**14**]. Считаем, что такие Центры должны быть открыты в каждом регионе.

Отметим, что сотрудничество государственных структур и бизнеса с целью улучшения ситуации на рынке труда должно иметь комплексный характер и базироваться на принципах открытости, прозрачности, учете региональных потребностей в кадровых ресурсах, партнерстве в сфере подготовки и переподготовки кадров.

Список источников и литературы

1. Эксперты навали «недооцененный» способ борьбы с дефицитом кадров [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/economics/10/04/2025/67f6135a9a7947b84e7ad4f0 (дата обращения: 02.04.2025).
2. Более 90% компаний сталкиваются с нехваткой сотрудников [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru/2025/02/25/na-rabotu-priglashaiutsia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.04.2025).
3. Федеральная служба государственной статистики. Раздел «Демография» [Электронный ресурс]. – URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 02.04.2025).
4. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Регионально-отраслевые кадровые дисбалансы России: постиндустриальные вызовы // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 24-42.
5. Боева К.Ю., Лазарева Е.И. Идентификация и регулирование трендов развития кадрового потенциала макрорегиональной экосистемы: мировой и отечественный опыт // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 4. – С. 28-33.

6. Паршуков А.Е., Александров И.Н. Актуализация применения хэдхантинга в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 4. – С. 6-10.
7. Колесникова О.А., Маслова Е.В., Хромов Н.И. Современные тренды внешней трудовой миграции и их влияние на политику занятости // Регион: системы, экономика, управление. – 2024. – № 1(64). – С. 155-165.
8. Плохих Ю.В. Зарубежный опыт развития общественной инфраструктуры с использованием государственно-частного партнерства // Вестник сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2021. – Т. 10. – № 3. – С. 73-79.
9. Гусарова М.С. Развитие кадрового блока инновационной инфраструктуры регионов России // Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы. – 2022. – № 1. – С. 38-46.
10. Сафонова С.Г., Шейхова М.С. Дефицит кадров на современном рынке труда России: причины, тренды, пути преодоления // Московский экономический журнал. – 2024. – Т. 9. – № 6. – С. 445-459.
11. Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2024. – № 2 (63). –С. 223–232.
12. Росстат оценил убыль и прирост населения по регионам через 20 лет [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/economics/30/01/2024/65b775d99a794712828e47af (дата обращения: 10.04.2025).
13. Ученые ВШЭ выяснили какие регионы России больше всего теряют абитуриентов и выпускников ВУЗов [Электронный ресурс]. – URL: https://ug.ru/uchenye-vshe-vyyasnili-kakie-regiony-rossii-bolshe-vsego-teryayut-abiturientov-i-vypusknikov-vuzov/ (дата обращения: 10.04.2025).
14. Отраслевой центр компетенций в сфере производительности труда [Электронный ресурс]. – URL: https://sociocenter.info/projects/otraslevoy-tsentr-kompetentsiy-v-sfere-proizvoditelnosti-truda/ (дата обращения: 10.04.2025).

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Борисенко Софья Андреевна,
младший научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.
E-mail: Son.Chas13@yandex.ru

Sofia A. Borisenko,
Junior Researcher of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: Son.Chas13@yandex.ru

ГРЕЦИЯ ПОД ТЕНЬЮ ОСМАНОВ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ

GREECE IN THE SHADE OF THE OTTOMANS: HISTORICAL RATIONALES FOR POSTCOLONIAL REFLEXIVITY

Аннотация: в статье исследуется влияние периода османского владычества на формирование греческой национальной идентичности и анализируется его отражение в современной культурной и общественной динамике. Опираясь на исторические данные и постколониальную теорию, автор рассматривает, как система миллета, религиозные ограничения и интеграция греческой элиты в османскую администрацию укрепили православную веру и национальное самосознание, став основой для революции 1821–1829 годов. Особое внимание уделено современной интерпретации османского прошлого в Греции, где дихотомия между эллинским величием и восточным наследием проявляется в исторической памяти, образовании и отношениях с Турцией. Статья подчеркивает уникальность греческого опыта как объекта постколониальных исследований, адаптируя традиционные подходы к анализу последствий османского правления, и предлагает переосмысление этого периода как ключевого элемента современной идентичности Греции.

Ключевые слова: Греция, Османская империя, национальная идентичность, национально-освободительное движение, постколониализм.

Abstract: the article explores the impact of the period of Ottoman rule on the formation of Greek national identity and analyses its reflection in contemporary cultural and social dynamics. Based on historical data and postcolonial theory, the author examines how the millet system, religious restrictions and the integration of the Greek elite into the Ottoman administration strengthened the Orthodox faith and national consciousness, becoming the basis for the revolution of 1821-1829.

Particular attention is paid to the contemporary interpretation of the Ottoman past in Greece, where the dichotomy between Hellenic greatness and Oriental heritage is evident in historical memory, education and relations with Turkey. The article highlights the uniqueness of the Greek experience as an object of postcolonial studies, adapting traditional approaches to analyze the consequences of Ottoman rule, and proposes a reinterpretation of this period as a key element of Greece's contemporary identity.

Key words: Greece, Ottoman Empire, national identity, national liberation movement, postcolonialism.

В современной научной литературе вопросы влияния колониального прошлого на национальную идентичность и культурное самосознание занимают одно из центральных мест в постколониальных исследованиях. В этом контексте особое внимание привлекает Греция – страна, чья историческая траектория сочетает в себе статус колыбели европейской цивилизации и многовековой опыт османского владычества, длившегося с XV по XIX век. Османское наследие оставило значительный след в социальной структуре, экономике и культуре Греции, что делает ее уникальным объектом для анализа взаимодействия западных и восточных цивилизационных парадигм. Актуальность данной темы определяется не только необходимостью осмысления исторических процессов, сформировавших современную греческую идентичность, но и возможностью адаптации постколониальной теории, традиционно ориентированной на западные колониальные империи, к изучению последствий османского правления. Кроме того, современная Греция сталкивается с вызовами, связанными с интерпретацией своего исторического опыта, включая дихотомию между европейской принадлежностью и восточным прошлым.

Настоящая статья посвящена рассмотрению двух ключевых вопросов: как османское владычество повлияло на формирование греческой идентичности и в чем проявляется постколониальная рефлексия в современной Греции. Первый вопрос предполагает анализ исторических процессов, происходивших в период с 1453 года, когда падение Константинополя ознаменовало начало османского правления, до 1821 года,

когда национально-освободительное движение привело к независимости. Второй вопрос обращается к современной культурной и общественной динамике, выявляя, как османское прошлое интерпретируется в исторической памяти, национальном нарративе и культурных практиках.

Исторический контекст: Греция в составе Османской империи (1453–1829 гг.)

В греческую историю период, начавшийся с захвата турками-османами Константинополя, вошел под названием «Туркократия» и продолжался вплоть до 1829 года – окончания национально-освободительного движения в Греции. Эллада постепенно обращалась в турецкую провинцию. Несмотря на этническое разнообразие Османской империи, религия выходила за рамки этнических границ. Таким образом, этнический албанец мог быть мусульманином, греко-православным или католиком, и эти идентичности в первую очередь формировали его социальные отношения [**23**].

Период Османского владычества существенно повлиял на греческую идентичность, особенно через систему миллета [**17**]. Этот путь, по мнению турецких ученых, содействовал чувству единства в многоконфессиональном обществе и способствовал политике продвижения и защиты привилегий и специфических прав немусульманских общин [**23**]. Передавая немусульманам как административные, так и духовные полномочия, султаны преследовали несколько целей: обеспечить лояльность подданных, минимизировать влияние иностранных держав на имперские процессы и укрепить контроль через институт патриархов. Даже процедура избрания патриарха демонстрировала зависимость общин от центральной власти, поскольку окончательное решение всегда принадлежало султану [**5**]. Это свидетельствует о том, что автономия миллетов имела существенные ограничения и была условной.

Султан Мехмед II (1444–1446 гг., 1451–1481 гг.) был решительно настроен на агрессивную политику в отношении православной Греции и по

мере завоевания этих территорий устанавливал там османские порядки в большинстве сфер жизни общества. В период правления султана Мехмеда II официально были разрешены греко-православный, армяно-апостольский и иудейский немусульманские религиозные миллеты [**6**]. Система организовывала сообщества по религиозному признаку, и православные христиане, включая греков, входили в так называемый Рум-миллет, который иногда называли «греческим» или «византийским». Однако этот миллет включал не только греков, но и румын, болгар, сербов, албанцев и арабских православных христиан, что создавало сложную динамику и почву для социально-религиозных противоречий. Греки доминировали в иерархии православной церкви, что, как отмечается, вызывало напряжения, особенно в XVIII–XIX веках, когда росло национальное самосознание [**16**]. Это доминирование, вероятно, укрепило греческую религиозную идентичность, но также заложило основу для будущих конфликтов с другими группами, что позже проявилось в националистических движениях.

Одним из значимых этапов экспансии Османской империи в Эгейском регионе были завоевательные походы султана Сулеймана Великолепного, находившегося у власти в период с 1520 по 1566 годы. В 1522 году османская армия под его командованием осуществила осаду и захват острова Родос, который находился под контролем рыцарей-госпитальеров [**19**]. Данное завоевание имело несколько последствий: устранение угрозы пиратских нападений для османского судоходства, интеграция греческого населения Родоса в систему миллета и усиление роли православной церкви как центра культурного и национального сопротивления. Помимо Родоса, Сулейман расширил османский контроль над другими Эгейскими островами, такими как Хиос и Наксос. Это было достигнуто через заключение вассальных соглашений или посредством прямых завоеваний.

В период правления султана Селима II (1566–1574 гг.) Османская империя столкнулась с серьезными вызовами в Средиземном море. В 1571

году произошел морской бой при Лепанто, в котором османский флот под командованием Али-паши потерпел поражение от Священной лиги – коалиции Испании, Венеции и Папского государства. Это стало первой крупной победой христианского союза над османским флотом. Событие разрушило миф о непобедимости турецкой армии. Поражение вдохновило местные греческие общины на сопротивление и укрепило христианскую идентичность как символ борьбы против османского владычества. Однако османы быстро восстановили флот и продолжили экспансию, что привело к завоеваниям Кипра и Крита в последующие годы: уже в 1573 году венецианцы были вынуждены заключить новый договор с османами [**21**].

Аналогичным образом завоевание Крита в эпоху Мехмеда IV в 1669–1670 годах завершило Критскую войну с Венецией. Ключевой была 21-летняя осада Ираклиона, закончившаяся капитуляцией венецианцев. Османы понесли большие человеческие потери, но получили контроль над островом, переселив на Крит часть мусульман и усилив в дальнейшем религиозные ограничения на греков [**14**]. Это событие способствовало формированию в Греции «травмы завоеваний», отразившейся в фольклоре и революционных идеях.

Социокультурный контекст укрепления национального самосознания греков в предреволюционную эпоху

В Османской империи греческая элита играла важную роль в административных, торговых и культурных структурах. Османы часто интегрировали местные элиты покоренных народов в систему управления. Греки, обладая многовековым опытом государственного управления (благодаря Византийской империи), а также торговыми и дипломатическими связями, заняли ключевые позиции в османской системе. Особенно фанариоты – влиятельные греческие семьи Константинополя (район Фанар), занимавшие высокие посты в османской администрации, в частности в управлении Дунайскими княжествами (Молдавия и Валахия) [**8**].

Экуменический патриарх, всегда греческого происхождения, имел значительную власть в гражданских и религиозных делах, что способствовало укреплению религиозной идентичности греков. Однако немусульмане, включая греков, сталкивались с ограничениями: они не могли носить оружие, платили налог харадж вместо военной службы, и их свидетельства в суде часто игнорировались в пользу мусульман. Такие практики, как набор янычар, куда христианские семьи должны были отдавать некоторых из своих детей для дальнейшей службы, также повлияли на идентичность, особенно через явление криптохристианства, когда люди тайно сохраняли православную веру [**13**].

«Неомартиры» – христиане, казненные за веру, – поддерживали православную идентичность, создавая символы сопротивления [**20**]. Эти факторы, вероятно, усилили сплоченность греков вокруг религии, что позже стало основой для националистических движений, деятельность которых привела к войне за независимость в 1821 году.

Фактически классическая социальная организация уже устарела: с одной стороны, превосходство христиан в торговле и образовании бросало вызов устоявшимся иерархиям, а с другой стороны, из-за трудностей поддержания разнообразного и неоднородного характера общества в период административной гомогенизации раздельное сосуществование начало фрагментироваться [**23**].

Согласно теории культурного кода язык в неменьшей степени формирует идентичность нации и даже составляет его лингвокультурное ядро [**7**]. Османский турецкий оказал влияние на разговорный греческий (димотику), особенно в сфере бытовой лексики. Хотя после образования Греции в XIX веке начался процесс «очищения» языка от восточных заимствований, многие заимствования сохранились до сих пор: например, τσαϊ (цай) – «чай» (от тур. *çay*), μανάβης (манáвис) – «зеленщик» (от тур. *manav*), ντουλάπι (дулáпи) – «шкаф» (от тур. *dolap*).

«Великая идея» и европейское влияние на складывание греческой идентичности в XIX веке

Что касается идеологии, то лейтмотивом на всем протяжении Нового времени и Новейшей истории проходит линия «Великой идеи», то есть идеологии строительства Великой Греции [**10**]. Именно в период Туркократии эта идеологема получила очередное рождение, став национальной идеей, а впоследствии – внешнеполитическим приоритетом. Это чувство усиливалось притеснениями со стороны турок и привело к поднятию революционного духа в начале XIX века. К тому же Греция являлась на протяжении истории зоной активного влияния иностранных государств: в первую очередь Российской империи, Англии и Франции. К примеру, в Российской империи, в Одессе, в 1814 году было организовано общество «Филики Этерия», которое по своей программе и сути являлось лагерем для подготовки диверсантов и агентов влияния в решении назревающего Балканского вопроса [**1**]. Как отмечают исследователи И.Э. Васильева и М.Л. Кисилиер, важнейшей чертой греческой революции необходимо считать «ее инициирование извне». Механически и технически она «родилась не в Греции, а за ее пределами, в кругах греческих эмигрантов» [**3**]. Хоть это прямо не подтверждает, что греческое национально-освободительное движение было инспирировано извне и что внутри самой страны не было социальных предпосылок к бунту, но тем не менее демонстрирует, что третьи страны сыграли в развернувшихся событиях довольно важную роль.

Так, известен пример, когда знаменитый поэт-романтик XIX века Лорд Джордж Гордон Байрон на собственные средства нанял команду и купил бриг, чтобы присоединиться к борьбе за греческую независимость. Позже он напишет:

«О Греция, восстань!
Сиянье древней славы
Борцов зовет на брань,
На подвиг величавый.
К оружию! К победам!
Героям страх неведом.
Пускай за нами следом
Течет тиранов кровь.
С презреньем сбросьте, греки,
Турецкое ярмо,
Кровью вражеской навеки
Смойте рабское клеймо!
Пусть доблестные тени
Героев и вождей
Увидят возрожденье
Эллады прежних дней»[40].

В свете изложенного фактор дистанции способствовал восприятию Греции сквозь романтическую или даже мифическую призму, не препятствуя ее идеализации.

Таким образом, эпоха Туркократии не только определила исторический путь Греции, но и заложила фундамент для ее современной идентичности. Религиозное многообразие, националистические настроения, языковая эволюция и неоднозначное восприятие колониального прошлого – всё это элементы постколониальной рефлексии, которые связывают Грецию XXI века с тенью османского владычества, побуждая к переосмыслению истории и ее влияния на настоящее. Религиозная идентичность трансформировалась в национальную через взаимодействие с османскими структурами. Сопротивление османскому владычеству выразилось в появлении

40 Маршак С.Я. Собрание сочинений в четырех томах. – Том 2 изд. – М.: Правда, 1990. – 528 с.

«неомартиров» и укреплении идеологии «Великой идеи», которая стала мощным стимулом для роста национального самосознания. Ее влияние не угасло и сегодня: оно прослеживается в греческом национализме (рост популярности крайне правых партий в первой четверти XXI века) и внешней политике, особенно в отношениях с Турцией.

Греческая война за независимость 1821–1829 годов: кульминационный характер

Греческая революция (1821–1829 гг.) представляет собой знаковое событие в истории Греции и Европы. Это восстание было направлено против Османской империи, контролировавшей Грецию более 400 лет, и отражало стремление греческого народа к независимости, свободе и культурной автономии. В данном контексте революция вписывается в более широкий исторический нарратив антиколониальных движений, где угнетенные народы боролись против иностранного господства за свое национальное самоопределение. Восстание, начавшееся в 1821 году, стало не только военным, но и идеологическим актом сопротивления. Оно было вдохновлено просветительскими идеями и националистическими настроениями, распространявшимися в Европе в тот период.

Махмуд II предпринял ряд жестких реакционных мер в ответ на восстания греков. В частности, в Константинополе был казнен патриарх Григорий V. Кроме того, в 1822 году султан организовал массовые репрессии в городах Смирна и Хиос. То есть революция развивалась в сложных условиях, так как Османская империя обладала значительной военной мощью.

Несмотря на внутреннее единство греков и решимость, международное признание и поддержка стали ключевыми факторами успеха греческой революции. Европейские державы вмешались в конфликт, руководствуясь как гуманитарными соображениями, так и геополитическими интересами ослаблении Порты. Переломным моментом стала Наваринская битва 1827 года, в которой объединенный флот европейских держав разгромил османский

флот [**2**]. Этот успех проложил путь к Адрианопольскому мирному договору 1829 года, по которому Османская империя признает независимость Греции. Греческая революция демонстрирует успешный пример антиколониального сопротивления. Этот исторический опыт подчеркивает значимость национального самосознания и международной солидарности в борьбе за свободу, что делает греческую революцию актуальным примером для анализа в рамках постколониальных исследований и современных движений за самоопределение.

Таким образом, несмотря на «оковы» договоренностей Священного союза, государства все равно влияли на ход восстания и направляли туда командные и материальные ресурсы. Решающей точкой восьмилетнего восстания стала русско-турецкая война 1828–1829 годов и подписание Адрианопольского мира. Армия Российской империи одержала победу над турками, закрепив тем самым за Грецией статус независимого государства. Однако внешнеполитическая мнительность и непоступательность Александра I в решении греческого вопроса впоследствии сориентировали независимых греков исключительно на Францию и Англию, что сформирует в дальнейшем новую форму зависимости, откликающуюся в современной политике Греческой Республики.

Постреволюционная рефлексия о национальной идентичности и дальнейшее развитие национального нарратива

Независимость Греции, однако, сопровождалась значительными ограничениями, наложенными западными покровителями. Первым королем нового государства стал Оттон Баварский, выбранный не греками, а великими державами в рамках Лондонской конференции 1832 года. Его правление (1833–1862 гг.) символизировало переход от османского владычества к западному протекторату: Греция оказалась под политическим и экономическим влиянием Европы. Баварская администрация,

сопровождавшая Оттона, навязала стране чуждые институты, игнорируя местные традиции, что вызывало недовольство населения. Кроме того, Греция была обременена долгами перед западными кредиторами, вынуждавшими ее соглашаться на внешний контроль финансов. Этот долг, взятый для финансирования революции и первых лет независимости, стал инструментом давления, закрепляя зависимость от Запада.

Западное влияние определило траекторию развития Греции на десятилетия вперед. С одной стороны, оно способствовало модернизации: европейские модели управления, образования и права были внедрены в греческое общество, укрепляя его связь с Западом и отдаляя от османского прошлого. С другой стороны, эта модернизация происходила под диктовку внешних сил, что ограничивало суверенитет страны. Как подчеркивает в своем исследовании О.Е. Петрунина, греки «были недовольны узкими границами своего европеизировавшегося государства и искали случая это исправить. Общественная мысль молодого государства интенсивно работала в поисках обоснования экспансии за счет Османской империи» [**8**]. «Великая идея» – идеолого-стратегический проект XIX века – также подпитывалась западными идеями, но его реализация зависела от одобрения великих держав, что подчеркивало уязвимость Греции перед их интересами. В XX веке эта зависимость трансформировалась: вступление в НАТО и ЕС стало продолжением ориентации на Запад, но уже в новых геополитических условиях.

В современной Греции роль Запада в становлении независимости продолжает вызывать чувство рефлексии. Опубликован ряд работ, которые анализируют влияние Запада посредством филэллинизма и его воздействие на греческую идентичность. Из ключевых и наиболее фундаментальных, например, книга профессора кафедры сравнительной литературы и общественных наук Колумбийского университета С. Гургуриса «Нация мечты: Просвещение, колонизация и создание современной Греции»

исследует, как филэллинизм повлиял на формирование современной греческой идентичности [**15**]. Гургурис вводит концепцию «колонизации идеала», описывая, как Греция оказалась замкнутой в модели, наложенной Западом. Это форма культурной колонизации, где западные представления о Греции как колыбели цивилизации доминировали над ее национальным самосознанием. Также интересен взгляд Константины Зану (PhD, Università di Pisa и European Doctorate Парижской École Normale Supérieure). Ее книга «Транснациональный патриотизм в Средиземноморье, 1800–1850: Формирование нации» получила книжную премию Эдмунда Кили в области современных греческих исследований [**22**]. Так, К. Зану пишет, что филэллинизм создал романтизированный образ Греции как наследницы античности, что вынуждало греков соответствовать западным ожиданиям, влияя на формирование национальной идентичности.

Говоря о практическом аспекте, необходимо отметить, что экономический кризис 2010-х годов, когда страна оказалась под жестким контролем международных кредиторов (ЕС и МВФ), порождает мысли о цикличности истории и о тех ранних долгах и внешнем управлении XIX века. Это наводит на размышления о том, насколько Греция действительно обрела независимость или же просто сменила одного «хозяина» на другого. Постколониальная перспектива позволяет увидеть в этом историческом опыте не только борьбу за свободу, но и сложный процесс перехода от османской зависимости к западной, где поддержка оборачивалась новыми формами подчинения.

Таким образом, Запад сыграл двойственную роль в становлении независимой Греции. Его поддержка обеспечила победу в революции и выход из-под османского владычества, но одновременно заложила основы для новой зависимости – политической, экономической и культурной. Этот парадокс остается ключевым для понимания греческой истории и ее места в

постколониальном мире, где независимость часто оказывается условной, а тень внешнего влияния – неизбежной.

Также здесь необходимо отметить, что в XIX–XX веках оформляются черты эллино-османской дихотомии в греческом дискурсе. История Греции развивалась под влиянием глубокого противопоставления греческой (эллинской) культуры многовековому османскому владычеству. Этот процесс начался после обретения независимости и стал основой для создания национальной идентичности. Греки стремились возродить связь с античным прошлым, представляя его как золотой век великой цивилизации, в то время как османский период воспринимался как «темные века» угнетения и культурного упадка. Такое видение помогло греческим революционерам обосновать борьбу за свободу и сформировать образ Греции как наследницы древней Эллады, противостоящей «варварскому» Востоку. «Подобный вариант построения национальной идентичности очень льстил молодой греческой нации», – пишут В.В. Воротников и Д.С. Нестеров [**4**]. Мрачный образ Туркократии начал меняться лишь после падения режима «Черных полковников» в 1970-х годах. Группа ученых, преимущественно получивших образование в Париже, стала рассматривать османское прошлое как динамичную систему экономических, социальных и культурных процессов, как отмечают современные греческие исследователи [**18**].

Тем не менее в то время контраст пронизывал разные сферы греческого общества, плавно перетекая из одной в другую. Исторические нарративы изображали османское «иго» как время упадка, подчеркивая преемственность между древними эллинами и современными греками. «Революция постулировала не разрыв с прошлым, но, напротив, воссоединение с ним, и даже более того – реинкарнацию его в виде возвращения утраченного величия», – пишут И.Э. Васильева и М.Л. Кисилиер [**3**]. Литература и искусство усиливали эту идею, обращаясь к античным мотивам и воспевая величие Эллады, тогда как османская культура изображалась чуждой и

враждебной. Образование завершало эту картину: школьные программы прославляли античную историю, отодвигая османский период на второй план или оценивая его исключительно негативно. Такое воспитание укрепляло в молодом поколении чувство гордости за принадлежность к великой традиции, одновременно дистанцируя их от «восточного» прошлого.

Эллино-османская дихотомия стала не просто историческим взглядом, но и мощным инструментом формирования национального самосознания. Противопоставление османам сплачивало греков вокруг идеи возрождения былой славы, что особенно ярко проявилось в XIX веке в рамках «Великой идеи» – мечты о воссоздании Византийской империи или расширении границ за счет бывших османских территорий. Греки видели себя хранителями европейской цивилизации, что позволяло им отделиться от «восточного» влияния и укрепить связь с Западом. Этот процесс не только консолидировал нацию, но и заложил основы для националистических настроений, которые проявляются иной раз и по сей день.

Историческая память об османском периоде как времени угнетения продолжает влиять на отношения с Турцией, проявляясь в территориальных спорах, таких как конфликты в Эгейском море. В массовом сознании османское прошлое часто остается символом чуждости, питая националистические нарративы. Между тем гордость за античное наследие прочно укоренилась в обществе: она заметна в образовательных программах, туристической индустрии и государственной политике, которые подчеркивают связь с древней Элладой и дистанцирование от османских корней. Современные греки нередко воспринимают свое античное прошлое как обоснование национальной уникальности, тогда как османское влияние рассматривается как тень, от которой удалось освободиться. И, несмотря на наблюдения ученых о подвижках в середине XX века в восприятии османского следа национальной истории, в обществе всё еще сохраняется настороженность к «непатриотичным» трактовкам османского прошлого [**18**].

Дополнительный импульс этому тренду придают евроскептические настроения греков, акцентирующих свою исконную национальную принадлежность и связь с государством, тем самым активней выступая против интеграции с Европой [**11**].

Таким образом, эллино-османская дихотомия в XIX–XX веках стала ключевым фактором в конструировании обновленной греческой идентичности, помогая нации обрести единство и уверенность в своем историческом предназначении. Однако она же внесла вклад в напряженные отношения с Турцией и оставила след в культурной памяти, который ощущается и сегодня. В контексте постколониальной рефлексии эта дихотомия побуждает современных греков переосмысливать свое прошлое, находя баланс между античным и османским прошлым. Именно это напряжение между двумя полюсами истории делает Грецию особым примером того, как колониальное прошлое продолжает формировать национальную идентичность и политическую реальность в наши дни.

Заключение

Османское правление, начавшееся с падения Константинополя и продолжавшееся до Греческой революции, существенно сформировало национальное самосознание греков. Система миллета, предоставлявшая религиозным общинам ограниченную автономию, укрепила православную веру как стержень греческой идентичности, несмотря на социальные и правовые ограничения. Эти факторы сплотили греков вокруг религии, что впоследствии стало основой для национально-освободительных движений, кульминацией которых явилась революция 1821–1829 годов. Поддержка европейских держав, вдохновленных идеями Просвещения и геополитическими интересами, обеспечила успех этого восстания, заложив фундамент современной греческой государственности.

В современной Греции постколониальная рефлексия проявляется в сложной дихотомии между античным величием и османским наследием. Историческая память об османском периоде как времени угнетения контрастирует с гордостью за эллинское прошлое, что отражается в национальном нарративе, образовании и внешней политике, особенно в отношениях с Турецкой Республикой. Эта напряженность подчеркивает уникальность греческого опыта: османское прошлое воспринимается не только как тень, но и как зеркало, в котором отражаются как утраты, так и неочевидные приобретения – от языковых заимствований до административного влияния греческой элиты в прошлом, например фанариотов. Таким образом, османское владычество и последующая трансформация западного покровительства в новые формы зависимости стали неотъемлемой частью греческой идентичности, требующей переосмысления в постколониальном контексте. Также, с науковедческой точки зрения, продуктивным шагом для укрепления современных постколониальных исследований в Греции стало бы развитие ее диалога с турецкой историографией.

Список литературы

1. Арш Г.Л. Историография «Филики Этерии» // Новая и новейшая история. – 1964. – № 3. – С. 53–63.

2. Атрашкевич А.Н., Панарин С.А. Влияние турецко-греческих конфликтов XIX – начала XX в. на формирование исторической памяти в Турции и Греции // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2022. – № 1. – С. 184-195. – DOI: 10.31857/S086919080018177-1.

3. Васильева И.Э., Кисилиер М.Л. Греческая революция как культурный феномен: к проблеме формирования коллективной памяти и локальной идентичности // Индоевропейское языкознание и классическая филология – 2019. – № 23–1. – С. 135–160. – DOI 10.30842/ielcp230690152310.

4. Воротников В.В., Нестеров Д.С. Конфликт идентичности в современной Греции: пересмотр концепции эллинохристианского синтеза? // Концепт: философия, религия, культура. – 2024. – Т. 8, № 3(31). – С. 63–78. – DOI 10.24833/2541-8831-2024-3-31-63-78.

5. Гапченко А.М. Система миллетов в структуре управления Османской империи // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации: Материалы VIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Новосибирск, 04–06 декабря 2019 года / Под редакцией Н.Е. Лукьянова. Том Часть 1. – Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2019 – С. 84–85.

6. Карташян А.З. Некоторые аспекты формирования системы миллетов в Османской империи // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. – 2013. – № 4. – С. 85–93.

7. Лосев Д.В. Культурный код: определение понятия и практическая проблематика феномена: теоретический обзор // Pan Art: Теория и история культуры. – 2024. – Том 4. № 2. – С. 132–140. – DOI 10.30853/pa20240020.

8. Никитина Т.В., Петрунина О.Е. Идея нации и национальное сознание в Греции // Национальная идея в Западной Европе в новое время: очерки истории / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова – Москва : Зерцало-М, 2005. – С. 459–495.

9. Петрунина О.Е. Представления греков о судьбе Османской империи в XVIII - начале XX в. // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2009. – № 1. – С. 44–54.

10. Соколовская О.В. Сто лет борьбы Греции за расширение территории (1820-1920 гг.) // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность): Сборник статей по материалам международной научной конференции, Москва, 20–21 ноября 2018 г. / ред. К.В. Никифоров – Москва : Институт славяноведения РАН, 2019. – С. 290–309. – DOI 10.31168/2618-8570.2019.12.

11. Янакова В.Р. Особенности национальной идентичности в современной Греции // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – Т. 24, № 2. – С. 173–184.

12. Beaton R., Ricks D. The Making of Modern Greece. Nationalism, Romanticism, and the Uses of the Past (1797-1896) (Publications of the Centre for Hellenic Studies, King's College, London). – Basingstoke : Ashgate, 2009. – 284 p. – DOI 10.1017/S0075426910001102.

13. Doxiadis E. Neophotistoi and Apostates: Greece and Conversion in the Nineteenth Century // Historein. – 2021. – Vol. 20, N 1. – P. 3–24.

14. Faroqhi S. The Ottoman Empire and the World Around It. – New York : I.B. Tauris, 2006. – 305 p. – ISBN 978-1-84511-122-9.

15. Gourgouris S. Dream Nation: Enlightenment, Colonization and the Institution of Modern Greece. Twenty-Fifth Anniversary Edition – Redwood City : Stanford University Press, 2021. – 328 p. – DOI 10.1515/9781503630642.

16. Masters B., Faroqhi S. Christians in a changing world // The Cambridge History of Turkey. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – P. 272–280.

17. Roudometof V. From Rum Millet to Greek Nation: Enlightenment, Secularization, and National Identity in Ottoman Balkan Society, 1453-1821 // Journal of Modern Greek Studies – 1998. – Vol. 16, N 1. – P. 11–48.

18. Sariyannis M., Gara E., Kotzageorgis Ph. Ottoman studies in Greece: a reflective gaze // Bulletin de correspondance hellénique moderne et contemporain. – 2021. – N 5. – URL: https://doi.org/10.4000/bchmc.957 (дата обращения: 26.03.2025)

19. The 1522 Siege of Rhodes: causes, course and consequences / edited by Simon David Phillips. – New York : Routledge, 2020. – 234 p.

20. Tzedopoulos Y. Orthodox martyrdom and confessionalization in the Ottoman empire, late fifteenth–mid-seventeenth centuries // Entangled Confessionalizations? Dialogic Perspectives on the Politics of Piety and Community Building in the Ottoman Empire, 15th-18th Centuries. – Piscataway, NJ, USA : Gorgias Press, 2022. – P. 335–382.

21. Yildirim O. The Battle of Lepanto and Its Impact on Ottoman History and Historiography // Mediterraneo in Armi (secc. XV– XVIII). – Palermo: Associazione Mediterranea, 2007. – P. 533–556.

22. Zanou K. Transnational Patriotism in the Mediterranean, 1800-1850: Stammering the Nation. – Oxford : Oxford University Press, 2018. – 224 p. – DOI 10.1093/oso/9780198788706.001.0001

23. Çevik, S. From empire to nation: Management of religious pluralism in the Ottoman Empire and Turkey // Philosophy & Social Criticism. – 2024. – Vol. 50, N 4. – P. 597-607. – URL: https://doi.org/10.1177/01914537241232962 (дата обращения: 15.11.2025)

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRomanCyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).
2. **Название статьи на русском и английском языках**
3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).
4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.
5. **Основной текст статьи,** желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).
6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «…», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш **«Ctrl» + «Alt» + «-»**, а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подрисуночные подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подрисуночные подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys **«Ctrl» + «Shift» + «space»**. Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys **«Ctrl» + «Alt» + «-»**, and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2025. № 2 (32)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес редакции журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска журнала:
1. http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/
2. http://www.vestnikum.ru/

Научный редактор выпуска журнала: Сидорова Г.М. (д.п.н., профессор), Козюлин В.Б. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска журнала: Шангараев Р.Н. (д.п.н., к.э.н.), Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.), Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина А.А. (к.п.н.), Мартынова Д.О. (к.п.н.), А.Ж. Мартиросян, Захаров А.Н. (мл.редактор), Гончаров С.В. (мл.редактор), Галимов И.И. (мл.редактор).

Выпускающий и ответственный редактор выпуска журнала: Тимакова О.А. (к.п.н.)

Верстка: С.В. Гончаров

Опубликовано: